

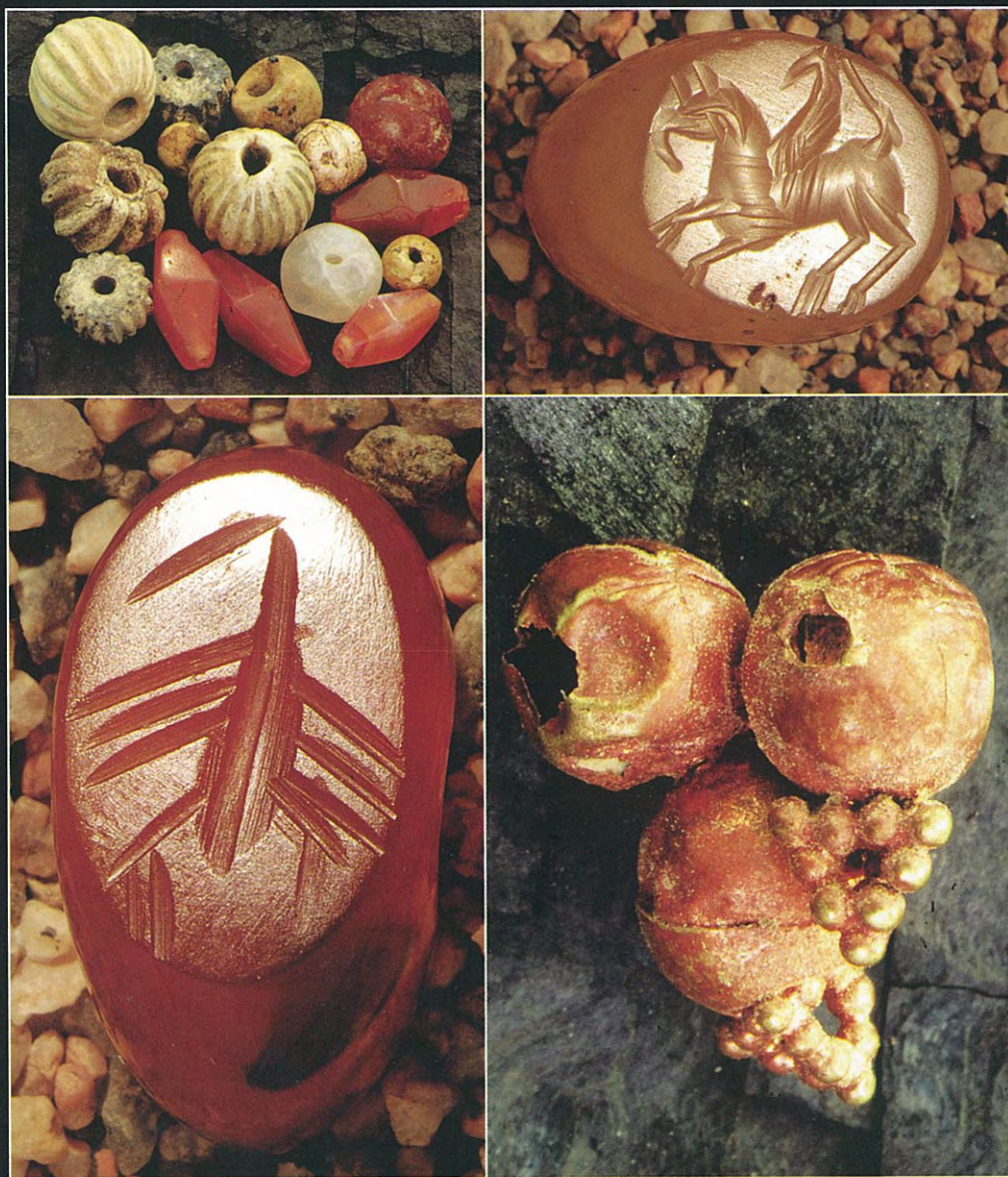
К.М. Байпаков

Е.А. Смагулов

А.А. Ержигитова

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ НЕКРОПОЛИ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

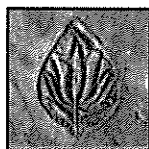

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Ә. Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

«ЕЖЕЛГІ ОТЫРАРДЫҢ ҚАЙТА ӨРКЕНДЕУІ» БАҒДАРЛАМАСЫ

К. М. БАЙПАҚОВ, Е. А. СМАҒҰЛОВ, А. А. ЕРЖІГІТОВА

**ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЕРТЕ
ОРТАҒАСЫРДАҒЫ ЗИРАТТЫҚ
ЕСКЕРТКІШТЕРІ**

Алматы, 2005

ББК63.4(2)
Б 18

И. Н. Тасмағамбетовтың жалпы редакциясымен
Ғылыми редактор: Өзбекстан Республикасы Ғылым Академиясының академигі Ю. Ф. Буряков.
Рецензенттері: тарих ғылымының докторлары Р. Х. Сулейманов, С. А. Яценко.

Кітап баспаға Ә.Х.Марғұлан атындағы археология Институтының Ғылыми кеңесінің шешімімен бекітілген

Б 18 К. М. Байпақов, Е. А. Смағұлов, А. А. Ержігітова
Оңтүстік Қазақстанның ерте ортағасырдағы зираттық ескерткіштері.
Алматы, БАҰР, 2005, 224 б., 201 сурет.
ISBN 9965-9703-7-8

Ә.Х.Марғұлан атындағы археология Институтының бір топ мамандары Оңтүстік Қазақстанның ерте ортағасырлық қорымдарында ұзақ жылдар бойғы жүргізілген зерттеулерінің нәтижелері негізінде дайындалған бұл монографияны «Көне Отырарды қалпына келтіру» бағдарламасын іске асыру аясында баспаға ұсынып отыр. Еңбекте Отырар оазисінің ежелгі қалаларының, Түркістан оазисінің Шаға және Сидак қалаларының зираттарын, Бөріжар қорымын, Талас өзені алқабындағы катакомбалық зираттар мен т.б. ескерткіштерді зерттеулердің материалдары жекелей топталып және жүйеленіп берілген.

Басылымда әрбір аймаққа тән мазараттық құрылыстардың әртүрлі формаларының пайда болуы мен қалыптасуы исламға дейінгі дәуірдегі қалалық және селолық тұрғындар қолданған жерлеу рәсімдерін қалпына келтіру мәселелері қарастырылады. Халықтардың Ұлы қоныс аударуы деп аталып жүрген құбылыстан соң қалыптасқан кезеңде осы аймақтың түпкілікті тұрғындарының этногенетикалық және этномәдени сабақтастық мәселелерінің қойылуы мен шешімінің табылуына материалдардың жүйе-жүйемен берілуі жәрдемін тигізеді.

Басылым таблицалармен, суреттермен және фотосуреттермен бай жабдықталған. Еңбек Қазақстан мәдениеті тарихының мәселелерімен айналысатын мамандар мен қызығушыларға арналған.

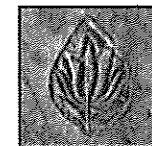
ББК 63.4(2)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ А. Х. МАРГУЛАНА

ПРОГРАММА «ВОЗРОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕГО ОТРАРА»

К. М. БАЙПАКОВ, Е. А. СМАГУЛОВ, А. А. ЕРЖИГИТОВА

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ НЕКРОПОЛИ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Алматы, 2005

Б 0504000000
00(05)-06

ISBN 9965-9703-7-8

© БАҰР баспасы, 2005
© Байпақов К. М., Смағұлов Е. А., Ержігітова А. А., 2005

ББК63.4(2)

Б 18

Под общей редакцией И. Н. Тасмагамбетова

Научный редактор: академик Академии наук Республики Узбекистан Ю. Ф. Буряков

Рецензенты: доктора исторических наук Р. Х. Сулейманов, С. А. Яценко

Книга утверждена к печати Ученым советом Института археологии имени А. Х. Маргулана

Б 18 Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А.
Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана.
Алматы, БАУР, 2005, 236 с., илл. 201
ISBN 9965-9703-7-8

Коллективом авторов Института археологии им. А. Х. Маргулана в рамках выполнения программы «Возрождение древнего Отрара» подготовлена данная монографическая публикация результатов многолетних исследований раннесредневековых некрополей Южного Казахстана. В издании систематически изложены и частично обобщены материалы исследования некрополей ранних городов Отрарского оазиса, городищ Шага и Сидак в Туркестанском оазисе, некрополя Борижары, катакомбных могильников долины р.Талас и др.

В публикации рассматриваются вопросы происхождения различных форм погребальных сооружений, характерных для данного региона, реконструируются погребальные обряды, практиковавшиеся жителями городов и поселений в доисламскую эпоху. Систематическое изложение материалов позволяет ставить и предлагать решения ряда этногенетических проблем, проблем этнокультурной преемственности коренного населения региона в эпоху, наступившую после так называемого Великого переселения народов.

Издание иллюстрировано многочисленными фотографиями, рисунками и таблицами. Рассчитано на специалистов и интересующихся вопросами истории культуры Казахстана.

ББК 63.4(2)

Б 0504000000
00(05)-06

ISBN 9965-9703-7-8

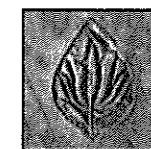
© Издательство БАУР, 2005
© Байпаков К. М. Смагулов Е. А. Ержигитова А. А., 2005

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
A. KH. MARGULAN INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

THE PROGRAM "REVIVAL OF THE ANCIENT OTRAR"

K. M. BAYPAKOV, E. A. SMAGULOV, A. A. ERZHIGITOVA

EARLY MEDIEVAL BURIAL SITES OF SOUTH KAZAKHSTAN

Almaty, 2005

General edit by I.N. Tasmagambetov

Scientific editor: academician of the Academy of Science of the Republic Uzbekistan Y.F. Burykov

Reviewers: Doctors of Historic Sciences R. H. Suleimanov and S. A. Yzenko.

The book is approved for print by the Scientific Board of A. Kh. Margulan of Archaeology

Б 18 К. М. Baipakov, E. A. Smagulov, A. A. Erzhigitova
Early Medieval Burial Sites of South Kazakhstan.
Almaty, BAUR, 2005, — 224 pages, 201 images.
ISBN 9965-9703-7-8

Present monograph publication on of the research results of many years of early medieval necropolis of South Kazakhstan has been prepared by the author collective of A. Kh. Margulan Institute of Archaeology in the frames of fulfillment of Program "Revival of Ancient Otrar".

Research materials of necropolis of Otrar oasis's early towns, the sites Shaga and Sidak in Turkestan oasis, Borzhary necropolis, catacomb burial grounds of Talas River Valley and others are given and generalized partially in the present issue.

In publication are being considered the problems of origin of burial constructions different forms characteristic for present region, are being reconstructed the burial ceremonies been in practice among the citizens of towns and settlements in preislam epoch. Systematic presentation of

Materials let to put and to offer the solution of the row of ethnic – genetic problems of ethnic-cultural succession of the native population of region in the epoch after so called Great migration of people.

Publication is illustrated by the numerous photos, pictures and tables. It is intended for the specialists and everybody interested in the problems of history of Kazakhstan culture.

ББК 63.4(2)

Б 0504000000
00(05)-06

ISBN 9965-9703-7-8

© Publishing BAUR 2005

© Baipakov K. M., Smagulov E. A., Erzhigitova A. A., 2005

Введение

Монография посвящена изучению некрополей относящихся к эпохе Кангюя (рубеж эр — VI в.) и периода раннего средневековья (VI — первая половина VIII в.). Они расположены на территории Южного Казахстана и относятся к отрарско — каратауской культуре, занимавшей ареал среднего течения Сырдарьи (Отрарский, Туркестанский и Яныкургенский оазисы), долины Арыси и Таласа, предгорья Тянь-Шаня и Каратау. В эпоху раннего средневековья¹ на средней Сырдарье находилось владение Кангу Тарбан, исторический преемник Кангюя, известное в древнетюркских рунических памятниках, в честь Бильге кагана и Кюль-тегина как «западная граница Восточнотюркского каганата»².

Изучение археологических памятников Южного Казахстана насчитывает более ста тридцати лет. Еще в позапрошлом веке востоковед П. И. Лерх опубликовал результаты обследования городища Джанкент (Янгикент), охарактеризовал городища Дженд, Сыгнак, Сауран³ и тем самым привлек внимание исследователей к древностям обширного региона. С тех пор сведения об археологии и истории региона постоянно пополнялись.

В 30–40-е годы изучением памятников каучинской культуры, памятники которой располагаются в Ташкентском оазисе и в долине Келеса, занимался Г. В. Григорьев. В Ташкентском оазисе, в долине Келеса, и на территории южного Казахстана, ему удалось открыть и исследовать поселения и могильники⁴.

В 1946 г. Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством А. Х. Маргулана провела археологические изыскания на северных склонах Каратау⁵. Среди открытых и обследованных ею памятников были и относящиеся к кругу отрарско-каратауской культуры. В это же время начались широкие археологические исследования Южного Казахстана, которые возглавил А. Н. Бернштам. Итогом их явилась серия публикаций, в которых, в частности, были затронуты вопросы исторической топографии древних и средневековых памятников, их типологии и хронологии, датировки археологического материала. В качестве направления исследования рассматривались этнические процессы. Разрабатывались вопросы локализации Кангюя, его взаимоотношения с Китаем и государствами Центральной Азии⁶. Все эти научные вопросы были объединены в «Кангюйскую проблему».

В 1946 г. Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством А. Х. Маргулана провела археологические изыскания на северных склонах Каратау⁵. Среди открытых и обследованных ею памятников были и относящиеся к кругу отрарско-каратауской культуры. В это же время начались широкие археологические исследования Южного Казахстана, которые возглавил А. Н. Бернштам. Итогом их явилась серия публикаций, в которых, в частности, были затронуты вопросы исторической топографии древних и средневековых памятников, их типологии и хронологии, датировки археологического материала. В качестве направления исследования рассматривались этнические процессы. Разрабатывались вопросы локализации Кангюя, его взаимоотношения с Китаем и государствами Центральной Азии⁶. Все эти научные вопросы были объединены в «Кангюйскую проблему».

¹ В фундаментальном обобщающем труде конец античности относится к III–IV вв. н.э., т.е. начало средневековья в регионе можно датировать IV в. (Древние государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985. С. 204; Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР, М., 1981. С. 8). Впрочем, вполне обоснованной выглядит и точка зрения, относящая начало средневековья в регионах Евразии, тесно связанных с миром кочевых культур, куда безусловно в это время входили и северо-восточные регионы Средней Азии, к началу гунно-сарматской эпохи, т.е. ко II в. до н.э. (Мартынов А. И. Вопросы истории и археологии сибирского средневековья // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э. Кемерово, 1994. С. 4–8).

² Первоначально она была названа кангюйско-каратауской. См.: Бернштам А. Н. Древний Отрар. Известия Академии наук КазССР. Сер. археол. Вып. 3. Алма-Ата, 1951. С. 81–97. Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи. Москва, 1971. С. 198–242; 225; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. С. 181–185; Байпаков К. М., Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата, 1989. С. 153; Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. Москва, 1964. С. 155–157.

³ Лерх П. И. Археологические исследования в Туркестанском крае в 1867 г. Отчет Археологической комиссии за 1867 г. Санкт-Петербург, 1869. С. XXII–XXXI.

⁴ Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янгюльском районе Узбекской ССР в 1934 году. Ташкент, 1935; Он же. Келеская степь в археологическом отношении. Известия Академии Наук КазССР. Сер. археол. №1. Алма-Ата, 1948. С. 47–78.

⁵ Маргулан А. Х. Оседлые поселения VIII–XIII вв. на северных склонах Каратау. Известия Академии Наук КазССР. Сер. археол. №1. Алма-Ата, 1948. С. 109–115; Он же. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950. Байпаков К. М., Воякин Д. А. Тенденции и перспективы развития археологии Казахстана. Известия Национальной Академии Наук (НАН РК). Сер. обществ. наук №1. Алма-Ата, 2005. С. 3–28.

⁶ Бернштам А. Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. Известия Академии Наук КазССР. Сер. археол. №2. Алма-Ата, 1949. С. 59–99;

Обобщающая работа по материалам Южно-Казахстанской археологической экспедиции (ЮКАЭ) была подготовлена Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем⁷.

Во второй половине 50-х гг. в рамках ЮКАЭ было проведено масштабное изучение поселения отрарско-каратаусской культуры Актобе-2 на северных склонах Каратау⁸. Сведения о памятниках каунчинской культуры значительно пополнили работы Чардаринской археологической экспедиции (ЧАЭ) (1959–1963 гг.), производившей раскопки поселений Актобе-2, Шаушукумтобе, городища Актобе-1 и могильников Жаман-тогай, Актобе, Шаушукумского, Торбай-Тумсык. Были изучены архитектура и строительные традиции, собран многочисленный материал, в первую очередь — керамический, установлена твердая хронология археологических комплексов. Были получены массовые материалы, характеризующие погребальный обряд, идеологию населения средней Сырдарьи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э.⁹

В конце 60-х гг. широкие исследования на юге Казахстана разворачивает Отрарская археологическая экспедиция, а с 1970 года Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии Академии Наук Казахской ССР (ЮККАЭ), возглавляемая К. А. Акишевым, а с 1993 года К. М. Байпаковым. С 1991 года она стала экспедицией Института археологии и продолжает интенсивные исследования до настоящего времени¹⁰.

⁷ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды Института истории, археологии и этнографии Академии Наук КазССР. Т. 5. Алма-Ата, 1958. С. 3–215.

⁸ Сенигова Т. Н. Поселение Актобе. Археологические исследования на северных склонах Каратау. Труды Института истории, археологии и этнографии Академии Наук КазССР. Т. 14. Алма-Ата, 1962. С. 57–81.

⁹ Максимова А. Г., Мершиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.

¹⁰ Обстоятельную историографическую сводку о публикациях Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции (ЮККАЭ) см.: Савельева Т. В., Костина Д. М. Отрар, Отрарский оазис и Южный Казахстан. Проблемные исследования Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции (1971–1985 гг.). Алма-Ата, 1986; Байпаков К. М. Историография древнего и средневекового Казахстана. (Из истории изучения археологических памятников Казахстана. Проблемы археологии и их разработки) // История исследований культуры Казахстана. Алматы, 1997. С. 5–18; Байпаков К. М., Петенева Г. Г. Институту археологии им. А. Х. Маргулана — 10 лет // Известия МОН, НАН РК. Серия обществ. наук, №1. Алматы, 2001. С. 3–31.

Кангюйская проблема активно разрабатывается в рамках работ ЮККАЭ. Велись поиски и выявление новых поселений на Сырдарье, Арыси, Бадаме, в предгорьях Таласского Алатау, на склонах Каратау. Раскопочные работы проводились на поселении Кок-Мардан, Пшук-Мардан, могильниках Мазраты Мардана, Кырккескен, Коньртобе, Борижарский.

На левом берегу Сырдарьи был обследован центральный памятник большой группы поселений Оксыс.

Широкий хронологический диапазон добытых при раскопах материалов позволил наметить схему динамики развития оседло-земледельческой культуры на юге Казахстана. Наиболее ранние памятники относятся к рубежу нашей эры — это могильники Талтакай (Мазраты Мардана), поселение Кайнар. Интенсивное заселение района шло в первые века нашей эры (первая половина I тыс. н.э.). Именно к этому времени относятся многочисленные поселения и могильники: слон городище Кок-Мардана и Пшук-Мардана, Мардан-Куика, Сидактобе, могильники Кок-Мардан и Талтакай, Коньртобе. Керамика III–V вв. встречается в подъемном материале подавляющего числа памятников долины Сырдарьи.

Наивысший расцвет оседло-земледельческой культуры относится к середине I тысячелетия н.э. В VI–VII вв. число поселений сокращается, большинство их пустеет, гибнет.

Погребальные памятники, изученные вблизи Кок-Мардана, Мардан-Куика, в Борижарском могильнике, некрополях Шага, Сидактобе, дают представление о нескольких типах погребений. Встречены захоронения в платформах, могилы в катакомбах с дромосами, подбоях и ямах. Сопровождающий инвентарь — керамика, оружие, украшения. Отмечена локализация детских захоронений в пристройках к платформам. Выделены захоронения в сосудах — хумах.

В предгорьях Каратау отмечены также захоронения в курумах (каменных склепах)¹¹.

При раскопках Борижарского могильника на Арыси, Сидактобе и некрополе Шага на южных склонах Каратау встречены наусы — паховые камеры прямоугольной формы с ложносводчатыми перекрытиями. В наусах, на суфах и полах находятся коллективные захоронения в сопровождении керамики, оружия, украшений. Наряду с традиционными формами отрарско-каратаусской культуры появляется посуда, не-

¹¹ Максимова А. Г. Курумы хребта Каратау // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973; Мершиев М. К., Нурмуханбетов Б., Нурмуханбетов М. Б. Разведки и раскопки на Каратау (1969–1972 гг.) // Вопросы археологии Казахстана, вып. 2, Алматы-Москва, 1998, С. 83–88.

сущая черты нового стиля, связанного с распространением тюрко-согдийского культурного комплекса¹².

Как отмечалось, начаты и продолжаются до сих пор раскопки могильников Коныртобе и Талтакай в Отрарском оазисе, давшие богатый материал. Предварительные исследования опубликованы. Продолжались раскопки Борижарского могильника в комплексе с городищем Жуантобе. В границах обширного курганиого Борижарского могильника выделены некрополи городища Жуантобе и Караспаитобе. В 1988–1989 гг. в рамках Археологической экспедиции Свода памятников Института истории, археологии и этнографии Академии Наук КазССР были проведены масштабные раскопки некрополя Чоон-Капка и исследованы, по мере возможностей, разрушенные погребения могильника Кара-Бура¹³. Эти памятники расположены в горной части Таласа на территории Республики Кыргызстан (в то время Киргизская ССР). Работы носили аварийный характер.

Следует отметить широкомасштабные работы археологической экспедиции Шымкентского Педагогического института, позднее Шымкентского филиала Международного Казахстанско-Турецкого университета им. Х. А. Яссауи, руководителями которой являлись Н. П. Подушкин и А. Н. Подушкин. С 80-х годов XX века экспедиция занималась изучением поселений и, в основном, могильников в долинах Аксу, Арыси и Бадама, предгорьях Каратау.

В ходе работ получен значительный материал, опубликована монография «Арысская культура Южного Казахстана (IV в. до н.э. — VI в. н.э.)». Хотя методические основания данного «исследования», на наш взгляд, дискуссионны, а выводы недостаточно обоснованы, в ней дана систематизация материала катакомбных погребений, рассмотрены вопросы типологии, хронологии и периодизации памятников, проблемы этнической атрибуции памятников, вопросы локализации Кангюя и его владений¹⁴.

¹² Байпаков К. М., Смагулов Е. А. Раскопки могильника Мардан-Куик на юге Казахстана // Известия Академии наук КазССР. Серия обществ. наук. №6. Алма-Ата, 1990. С. 16–33; Байпаков К. М., Грищенко А. Н. Раскопки городища Жуантобе // Новости археологии. Международный Казахстанско-Турецкий университет им. Х. А. Яссауи. Туркестан, 1997. С. 84–86.

¹³ Байпаков К. М., Тур М. Ф. Раскопки могильника Кара-Бура в Таласской долине. Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1992. С. 26–33; Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Тур М. Archeological excavation in the Talass valley. Information bulletin Integration association for the study of cultures of Central Asia. Issue 21. Moscow, 1998. pp. 98–111. Байпаков К. М., Воякин Д. А. Исследования комплекса Талтакай. Известия Национальной Академии Наук РК. Серия обществ. наук. №1. Алматы, 2003. С. 108–125.

¹⁴ Подушкин А. Н. Арысская культура Южного Казахстана (IV вв. до н.э. — VI в. н.э.). Туркестан, 2000.

Характеризуя исследования памятников отрарско-каратаусской культуры необходимо отметить выпуск двух обстоятельных публикаций материалов в двух томах Свода памятников истории и культуры Казахстана¹⁵.

Трудно переоценить вклад в изучении джетысарской и отрарско-каратаусской культур Хорезмской археолого-этнографической экспедицией возглавляемой С. П. Толстовым, а затем его учениками. Одним из ведущих исследователей джетысарской культуры является Л. М. Левина, которая разработала периодизацию культуры с обоснованной хронологией каждого этапа. Исследователь максимально опубликовала материалы своих раскопок, издала монографию¹⁶.

Она же на основе сравнения керамических комплексов Присырдаринского региона выделила три района с культурами джетысарской, отрарско-каратаусской и каунчинской. Керамический материал, относящийся к джетысарской культуре, с четкой стратиграфической привязкой был получен, в основном, на городище Джетысар 3 (Алтын-Асар). Раскопки «большого дома» — бугра со спиральной планировкой — позволили в свое время С. П. Толстову выделить здесь два горизонта. Нижний горизонт на основании изделий из металла, кости, стекла и камня Л. М. Левина датирует первой половиной I тысячелетия н. э. и более поздним временем.

Датировка верхнего горизонта осуществлена при помощи железных трехлопастных наконечников стрел, железных и бронзовых пряжек, колец, серег, бус и бронзовых монет — это IV–VII или начало VIII в. Керамика обоих горизонтов, судя по описанию, мало, чем различается, в основном отделкой. Она делится на три этапа. Хронологические рамки двух последних этапов — IV–VII и VIII–IX вв. На конечном этапе своего существования джетысарская культура мигрирует в низовья Сырдарьи и Амударьи.

Для уточнения хронологии каунчинской культуры Л. М. Левина широко привлекает керамику Актобе-2, Минг-Урюка, Чаштепе, Алимбайтепе, Кугаиттепе. В результате ею выделены три группы посуды, которые датируются соответственно I в. до н.э. — III или начало IV в. н.э.; конец III–V в.; VI — начало VIII в. Определены районы, где найдена керамика, аналогичная или во многом похожая на каунчинскую двух последних этапов. В частности, названы Чаткальская долина и верхнее течение Таласа.

¹⁵ Свод памятников истории культуры Казахстана, Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994; Свод памятников истории культуры Казахстана, Жамбылская область. Алматы, 2002.

¹⁶ Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. Москва, 1996.

При исследовании отрарско-каратауской культуры Л.М. Левина обосновывает датировку керамики Тик-Турмаса, Актобе, Алтынтау, Тарсатобе и других хорошо известных памятников. Вполне приемлема более поздняя дата для керамики Актобе, ранее датированной III в. до н.э. — III в. н.э. Выделены памятники с ранней керамикой в Отрарском оазисе и на левобережье Сырдарьи. Вся керамика отрарско-каратауской культуры разделена на группы, датируемые I–IV; IV–VI; VII–VIII вв. Проанализировав керамику всех трех культур, Л.М. Левина делает вывод о неизменности на протяжении почти тысячелетия основного этнического состава населения нижней и средней Сырдарьи. Ядро населения сохранялось, несмотря на взаимодействие с новыми этническими группами. В то же время, по ее мнению, появление в начале второго этапа в джетысарской культуре элементов, характерных для культур Южной Сибири, Тувы, Монголии, могло быть связано с движением гуннов, которое, в свою очередь, повлекло крупные передвижения присырдарьинских племен. Проникновение семиреченских элементов в джетысарскую культуру на третьем этапе, передвижение ее в дельты Амударьи и Сырдарьи, а затем полное исчезновение связываются с историей кангаров — печенегов и огузского племенного союза¹⁷. Благодаря усилиям Л.М. Левиной опубликованы материалы, многолетних раскопок городищ и некрополей нижней Сырдарьи, а также издана, как выше отмечалось, фундаментальная монография, посвященная историческим материальной и духовной культуре «джетысарцев», а также этногенезу населения Приаралья, культурным и этническим связям сырдарьинских племен с народами Средней Азии, Кавказа и Европы во второй половине I тыс. до н.э. — IX в. н.э.¹⁸

В целом, исследованиями памятников земледельческо-скотоводческих культур Сырдарьи, вопросами «Кангюйской проблемы» занимались в разные годы многие ученые. Среди них следует назвать А.Н. Бернштама, Ю.А. Заднепровского, Ю.Ф. Бурякова, Б.А. Литвинского, Ю.А. Зуева, Б.А. Андрианова, Г.А. Брыкину, М.И. Филанович, Р.С. Сулейманова, Л.А. Боровкову и многих других. Итоги работ были в значительной мере подведены в двух томах фундаментального издания «Археология СССР»¹⁹. Интересную, но не бесспорную,

¹⁷ Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетие н.э. Москва, 1971

¹⁸ Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья.

¹⁹ Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. Москва, 1985; Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Москва, 1992.

гипотезу сформулировал в одной из последних обобщающих работ по истории Кангюя Н.Н. Лысенко²⁰.

Следует подчеркнуть, что, начиная с 2004 года, в Казахстане осуществляется государственная программа «Культурное наследие». Археологические объекты, изучаемые по этой программе, выбирались с учетом значимости и наличия определенного задела в предыдущих изысканиях. Это по сути дела эталонные памятники, несущие важную историко-культурную нагрузку и являются знаковыми для генетической памяти народа.

Среди них и памятники, связанные с «кангюйской проблемой». Исследования по программе ведутся комплексно, вслед за раскопными работами и параллельно им следуют мероприятия, связанные с консервацией и восстановлением раскопанных объектов, их музеефикацией.

Частью программы «Культурное наследие» является программа «Возрождение древнего Отрара». В рамках ее предусмотрено изучение памятников, а также издание научных и научно-популярных трудов, альбомов, буклетов. Данная монография посвящена памятникам эпохи Кангюя — одного из первых государств на территории Казахстана. В ней, как выше отмечалось, публикуются материалы из раскопок некрополей Отрарского и Туркестанского оазисов, долины рек Арыси и Таласа.

На основе систематизированных данных и их анализа рассматривается ряд вопросов, связанных с «Кангюйской проблемой», формированием оседлой и городской культуры раннего средневековья.

В раскопках принимали участие авторы исследования археологи М.К. Туякбаев, А.И. Грищенко, Д.А. Воякин, учитель истории М.Ф. Тур, архитектор Н.Имажанов. Фотографии в книге принадлежат О.В. Белялову, Е.А. Смагулову, А.А. Ержигитовой, аналитические таблицы — авторам.

Байпаков К.М. является автором «Введения» и «Заключения», раздела 2.2. Смагуловым Е.А. написаны разделы 1.3., 1.4., 2.1., 3.4. Ержигитовой А.А. является автором разделов: 2.3., 3.1., 3.2., 3.3. Разделы 1.1. и глава 4 написаны совместно Байпаковым К.М. и Смагуловым Е.А., раздел 1.2. — Байпаковым К.М. и Ержигитовой А.А.

²⁰ Лысенко Н.Н. Асы-Аланы в Восточной Скифии. Санкт-Петербург, 2002.

Глава I. Некрополи Отрарского оазиса

Первые рекогносцировочные работы по исследованию некрополей в Отрарском оазисе показали, что большая часть некрополей ранних поселений и городов оазиса была уничтожена в ходе последующего интенсивного сельскохозяйственного освоения территорий. Но тем не менее, за годы археологических исследований в низовьях р. Арыси и, в частности, в Отрарском оазисе, зафиксирован и частично исследован целый ряд некрополей¹. Это, прежде всего некрополь городища Кок-Мардан на левобережье нижнего течения Арыси. Здесь в течении ряда полевых сезонов исследовались погребальные комплексы в искусственных пахсовых платформах². Могильник Кыр-кескен расположен на древней песчаной дюне к северу от ж/дор. станции Тимур. Здесь расчищено несколько выветренных погребений, форму могильных сооружений которых установить не удалось, но сопроводительный инвентарь позволил отнести расчищенные погребения к сер. I тыс. н.э.³. Рядом с городищем Куйруктобе в Отрарском оазисе исследовался раннемусульманский некрополь с погребениями в сырцовых ящиках на дне могильной ямы⁴. В урочище Талтакай, к северу от городища Жалпак-тобе и к западу от городища Мардан-Куик (Коньртобе), раскапывались погребальные сооружения в виде искусственных платформ, в которые впушены погребения в сырцовых ящиках и просто в могильных ямах (некрополь Мардан или Мазраты-Мардан)⁵.

Весь этот обширный и разнообразный археологический материал, в отличие от материалов раскопок

¹ Работы под руководством Б.Н. Нурмуханбетова проводились Курганным отрядом ЮККАЭ.

² Бейсебаев А., Нурмуханбетов Б. Некрополь городища Кок-мардан // Археологические исследования в Казахстане. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения — 14», Шымкент-Алматы, 2002, с. 104–110.

³ Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Кыркескен // АО, 1976. М., 1977. с. 519–520; его же: Некрополи Отрарского оазиса и катакомбы Борижарского могильника. (Отчет о работе 1971–1975 гг.). Рукопись. Архив ИА, инв. №925, ф. 11, 2, 1406. — Алма-Ата, 1975. — 97.

⁴ Нурмуханбетов Б.Н. Некоторые черты раннего ислама в средней и нижней Арыси // Известия НАН РК, сер. общ. наук, 5, 1974.

городищ⁶, к сожалению, пока не систематизирован, не обобщен и полностью не опубликован. Тем актуальней нам представляется издание результатов раскопок некрополя городища Коньртобе (прежнее название — Мардан-Куик) и Талтакай.

Рис. 1.1. Общий вид сектора Д. Раскопки некрополя Коньртобе 1988 г.

⁵ Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Мардан // КСИА, 154, 1978. — С. 99–103; Нурмуханбетов Б.Н., Бурнашева Р.З. Погребение с монетами из могильника Мардан (Отрарский оазис) // Известия АН КазССР, сер. общ. наук, 5, 1979; Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Мардан — погребальный памятник ранних земледельцев Отрарского оазиса // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. — Алма-Ата, 1976; Байпаков К.М., Воякин Д.А. Исследования комплекса Талтакай // Известия МОН РК, сер. общ. наук, 2003, №1.

⁶ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII–XV вв. Алма-Ата, 19..; Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. — Алма-Ата, 1989; Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986. С. 255; Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алма-Ата, 1998. С. 230.

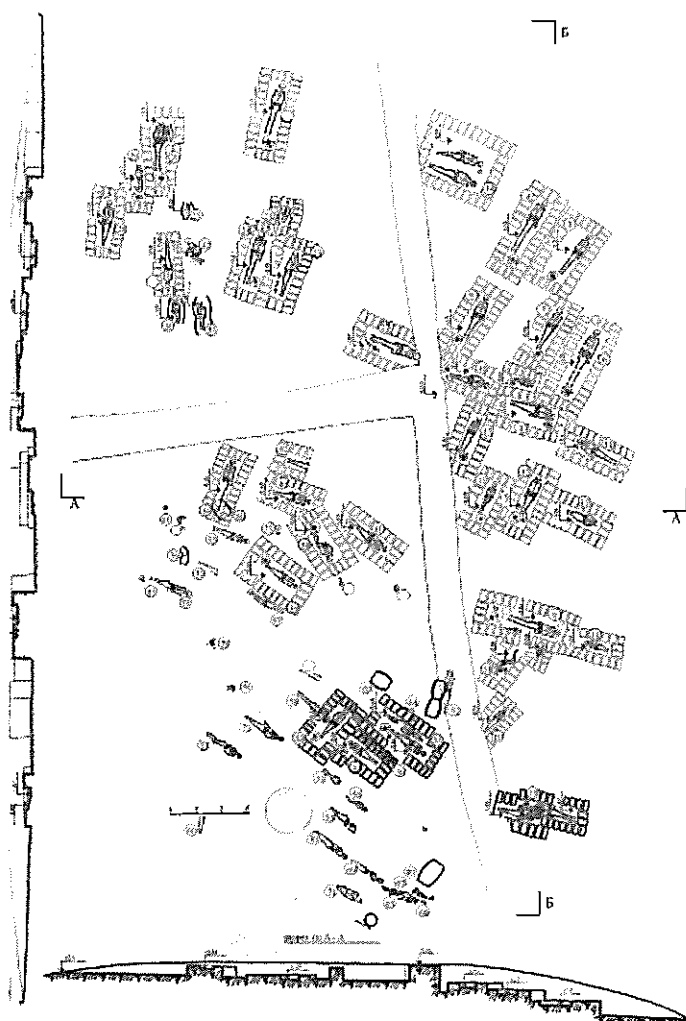

Рис. 1.2. План раскопанной части холма (платформы) в 1990 г.

Раскопки некрополя Кобыртобе были начаты нами в 1988 г., продолжены в 1990 и 2004 гг. Это обстоятельство, перерывы в раскопках, естественно, отрицательно сказалось на подаче и фиксации результатов исследования. Некрополь Талтакай исследовался в разные годы. Здесь мы сочли возможным опубликовать результаты раскопок 2004 г.

1.1. МОГИЛЬНИК ГОРОДИЩА КОНЫРТОБЕ

Могильник городища Кобыртобе расположен в 250–300 м, к западу от его западных стен⁷. Представляет собой обширное пространство, на уровне современной дневной поверхности которого прослеживаются невысокие (0,1–0,5 м.) возвышения и западины. В южной части этого участка расположен

массивный холм высотой до 2,5 м под четырехугольной в плане формы площадью примерно 35 на 25 м с сильно закругленными углами и оплывшими склонами. Оплывы склонов более пологие с южной, юго-западной, и западной сторон. Вершина уплощена. Поверхность была покрыта растрескавшейся такырной коркой. Холм образован плотной аморфной пахсовой массой (лёсс) желтоватого цвета, в которой при тщательной зачистке местами прослеживаются сероватые пятна сырцовых кирпичей⁸. Предварительная информация о результатах работ на некрополе Кобыртобе I в 1988 г. и в 1990 г. опубликована⁹.

При раскопках холм был разделен с севера на юг и с запада на восток бровками шириной в 1 м на четыре сектора. Первоначально вскрывались восточные сектора «В» и «С». Раскопки велись сплошным вскрытием слоями 10–15 см с тщательной последующей зачисткой. При этом в отдельных местах выявлялась регулярная кладка сырцового кирпича или же обнаруживались венчики кувшинов, которые являлись индикаторами наличия в данном месте погребений. За нулевую отметку (R0) взята отметка в месте пересечения бровок С-Ю и З-В, т.е. высшая точка холма (рис. 1.2; фото 1, 2, 3).

Погребальное сооружение интерпретировалось нами как наземная постройка в виде платформы из пахсы, прямоугольных очертаний в плане, высотой около 2–4 м. В пахсовый монолит сверху «впускались» могильные ямы, на дне которых обычно устраивался склеп из сырцового кирпича. Эти постройки внутри могильной ямы, вероятно, были подобны «склепам», или «цистам» с разнотипным устройством перекрытия, получившим широкое рас-

⁷ Городище известно в науке под названиями Марданкуок (Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР, Т. 5, археология, Алма-Ата, 1958) и Марданкуик (Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994. С. 131–132). Встречается и вовсе искаженное название — Куяк-Мардан. В настоящее время это название вышло из употребления местным населением. Вероятно, это произошло из-за того, что давно забыт смысл прежнего названия, в основе которого лежат иранские корни. Общепринятым среди местных жителей теперь названием городища является «Кобыртобе».

⁸ К югу от этого холма расположен аналогичный холм, но меньших масштабов. В дальнейшем мы будем условно называть их «некрополь Кобыртобе I» и «некрополь Кобыртобе II».

⁹ Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Новые данные по археологии Отрарского оазиса // Известия АН КазССР, серия общ.-наук, Т. 6, 1990. С. 20–27; Смагулов Е.А. Амulette наборы из погребений некрополя городища Кобыртобе в Отрарском оазисе // История материальной культуры Узбекистана, вып. 32, 2001. С. 90–100.

пространение в мусульманских среднеазиатских некрополях¹⁰. Фиксация сырцовых кладок из-за идентичности структуры и цвета кирпичей и пахсы тела платформы составляла главную трудность при расчистке погребений (фото 4, 5). Не всегда удавалось достаточно надежно фиксировать сырцовые выкладки, но чаще все же таковые фиксировались, обычно по разности цвета глиняной массы. Помимо этого основного типа погребальных сооружений в отдельных случаях можно было предположить могильные ямы с подбоем. В отдельных случаях на дне ямы помещался крупный керамический сосуд (хум, хумча), уложенный на бок с погребением внутри (фото 6). Зачастую следов сырцовых кладок проследить не удавалось. Поскольку уровень залегания скелетов относительно нулевого репера колеблется от 0,25 до 1,7 м, то можно так же предположить, что платформа наращивалась подсыпкой грунта или заливкой пахсы.

В результате работ 1988 и 1990 гг. на некрополе Кобыртобе I было расчищено 90 погребений (рис. 1.2), и на Кобыртобе II — 8. В 2004 г. расчистка в секторах «В» и «С» Кобыртобе I выявила еще 30 погребений (рис. 1.36)¹¹. Был получен массовый материал из погребений (керамические сосуды, изделия из железа, бронзы, украшения, бусы, серьги, оружие и пр. (фото. 7–12) и наблюдения по погребальному обряду жителей городища Кобыртобе. Ниже предлагается полное описание результатов раскопок погребального сооружения Кобыртобе I.

Погребение 1. Детское. Разрушено при снятии верхнего слоя (20–25 см), представляющего собой такырную корку на поверхности бугра. Положение костяка не зафиксировано, поскольку детские косточки полностью истлели. Возраст 1–2 года. При нем обнаружена керамическая кружка с отбитой ручкой, фрагмент бронзовой серьги со спиральной подвеской и раковина *Caucis* с отверстием.

Погребение 2. Детское. Труположение на спине, руки на груди, головой ориентировано на ЮВ.

¹⁰ См. например: Бижанов Е., Мамбетуллаев М. Раскопки некрополя Ток-калы в 1968 г. // Антропология и культура Кердера. Ташкент, 1972. С. 43–62; Нурмуханбетов Б.Н. Некоторые черты раннего ислама в средней и нижней Арыси // Известия НАН РК, сер. общ. наук, вып. 5, 1974. При раскопках наиболее хронологически близкого некрополя Ток-калы, благодаря особо благоприятным почвенным условиям, удалось зафиксировать несколько типов таких склепов, а по стратиграфии и редким вещам датировать их VIII–XI вв., и связать с уже принявшим ислам населением города.

¹¹ Смагулов Е.А. Продолженное исследование на некрополе Кобыртобе I // Известия НАН РК, сер. общ. наук, в. 1, 2005. С. 72–88.

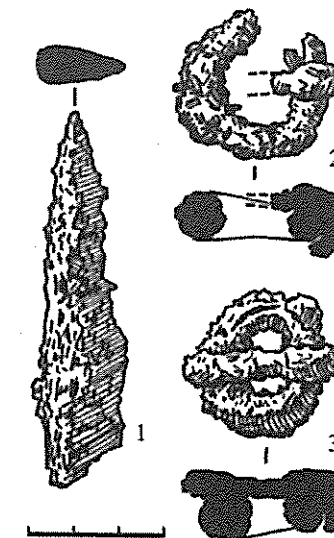

Рис. 1.3. Находки в погребении 4.

На глубине 15 см от уровня современной дневной поверхности. У изголовья обнаружена керамическая кружка грубого теста, ручной лепки. А также фрагмент бронзовой инкрустированной подвески. Сохранилось два полых глазка в виде напаянных круглых ячеек из узкой (3 мм) медной полоски.

Погребение 3. Взрослая женщина. Ориентировано головой на ЮВВ. Скелет вытянут на спине, руки вдоль тела, кисти на бедрах. Слева от головы у плеча — керамический кувшин с носиком-сливом. Других находок нет. На дне могильной камеры хорошо прослеживается (толщиной в 1–1,5 см) прослойка черного тлена от органической подстилки, на которую была уложена погребенная.

Погребение 4. Взрослый мужчина. Костяк ориентирован головой на СВ. Вытянут на спине, руки вдоль тела, кисти рядом с тазом. Череп раздавлен в результате оплыва склона бугра. Под скелетом черный тлен от подстилки. В ногах кувшин с носиком — сливом. На левой стороне тазовых костей две круглые железные пряжки (диаметр — 3 см). Под поясицей — железный нож (рис. 1.3). Длина лезвия — 7,5 см, черенок — 2 см (частично утрачен). С правой стороны, у колена, лежат кости передней ноги барана с лопаткой.

Погребение 5. Взрослый мужчина. Ориентирован головой на восток. Под скелетом черный тлен подстилки. В ногах кувшин с носиком. Донная часть отсутствует. На поясе железный нож. Длина лезвия 15 см, черенка 6 см. Лезвие сильно сточено, первоначальная ширина 2,3 см. На правой тазовой кости железная пряжка (диаметр — 3,5 см) с приемником. Ширина пластины приемника 1,5 см, длина 4 см (рис. 1.4).

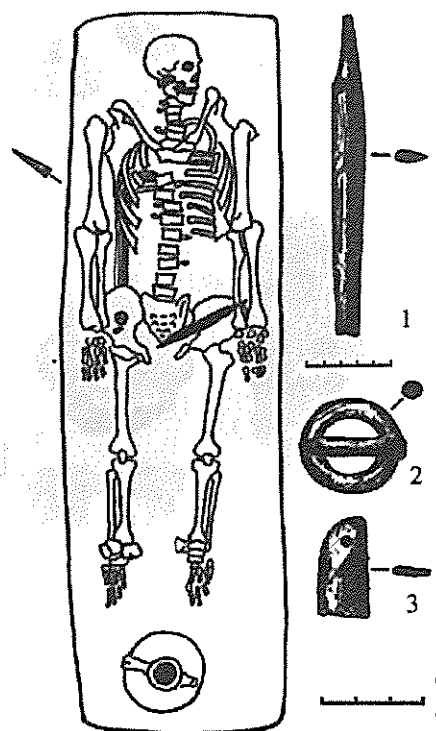

Рис. 1.4. Погребение 5. План и находки.

Погребение 6. Скелет вытянут на спине, руки вдоль тела, ориентирован черепом на СЗ; уложен на органическую подстилку, от которой сохранилась тонкая прослойка черного тлена. Верхняя часть скелета и череп в результате оплыва склона холма разрушены. В ногах поставлен крупный кувшин с

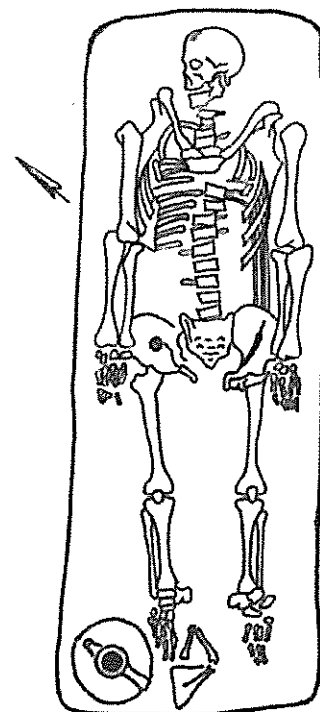

Рис. 1.5. Погребение 6. План и находки.

носиком, рядом кости передней конечности овцы с лопаткой. С правой стороны таза — круглая железная пряжка, слева — железный нож. Пряжка диаметром 3,5 см, язычок выгнут. Нож с длиной лезвия 12,5 см, черенок — 3,5 см. Лезвие сточено, первоначальная ширина — 2,5 см (рис. 1.5).

Погребение 7. Взрослый мужчина. Ориентирован головой на СВ. Оплыв склона бугра вызвал разрушение черепа, и весь скелет искусственно вытянут. Голова и грудь оказались ниже тазовых костей и ног. Под скелетом прослойка черного тлена. В ногах стоял крупный кувшин с носиком и прочерченным под ручкой знаком. Рядом кости передней конечности овцы и ребра. На левой тазовой кости небольшой ножик (длина лезвия 10 см, черенка — 4 см, ширина 1,5 см). У правой стороны таза круглая железная пряжка (диаметр — 3,5 см), поперек пояса лежал сильно разрушившийся кинжал. Длина лезвия 22 см, черенка 6 см, ширина лезвия 4 см (рис. 1.6).

Погребение 8. Взрослый мужчина, ориентирован головой на СВ. Вытянут на спине, руки на полу могильной ямы. Покойник был уложен на слой (3–4 см) углей. Они были еще раскалены, когда их высыпали на дно могильной ямы. Древесные угли также густо покрывают скелет. В ногах стоял крупный кувшин с носиком, рядом — передняя нога овцы. Баранья лопатка была положена также в изголовье. Вдоль левого бока, под рукой, железный кинжал (меч?) длиной 53 см без перекрестия и навершия. (рис. 1.7).

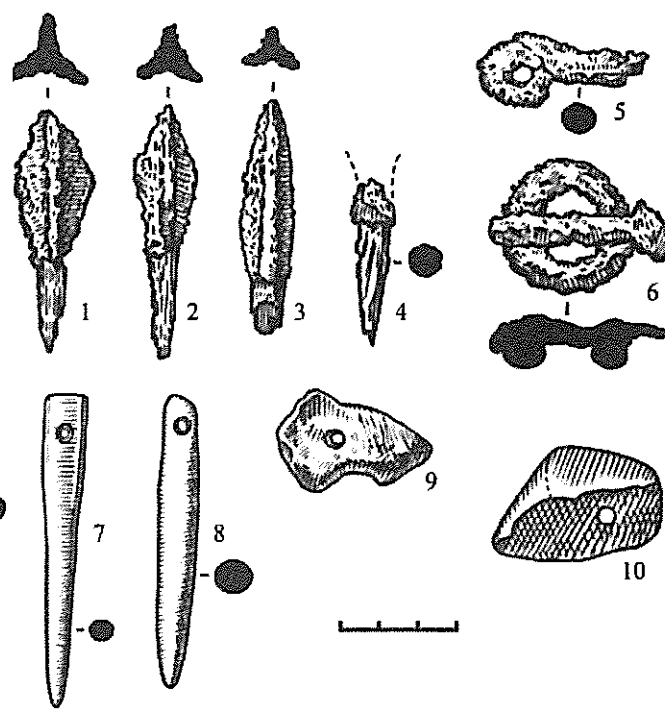

Рис. 1.6. Находки из погребения 7.

В области груди найдены: бронзовый проволочный крючок, круглая бронзовая бляшка с отверстием и янтарная пронизка у пояса. На поясе *in situ* обнаружены две бронзовые пряжки направленные «навстречу», и зигзаговидные бронзовые поясные накладки (фото 1.13). Пряжка от верхнего пояса имеет подвижный овальный щиток, на который напаяны гнезда для инкрустации (не сохранилась). Пряжка второго пояса снабжена пластинчатым приемником (рис. 1.8 — 1.4). Бронзовые штампованные накладки плотно покрывали лишь часть пояса у пряжек (20–25 см). Высота накладок — 32 мм. Они крепились к ремню двумя заклепками, припаянными к центрам верхнего и нижнего полушария. Под бронзовыми накладками зафиксирована матерчатая прокладка, покрывавшая, видимо, кожу ремня — основы.

Погребение 9. Женщина преклонного возраста, скелет ориентирован головой на ЮВ. Вытянут на спине, кисти рук на бедрах. На глубине 0,5 м от современной дневной поверхности. В ногах, в 50 см от ступней, установлен кувшин с носиком, на его устье кружка с кольцевой ручкой. Справа и слева от ступней лежат два крупных фрагмента боковин хума. Между кувшином и ступнями ног кости передней ноги барана с лопаткой (рис. 1.9).

Два фрагмента боковин хума положены также справа и слева от головы. Под раздавленным черепом ребра овцы. На груди две мелкие бусины и фрагмент бронзовой подвески. У пояса крупная граненная хру-

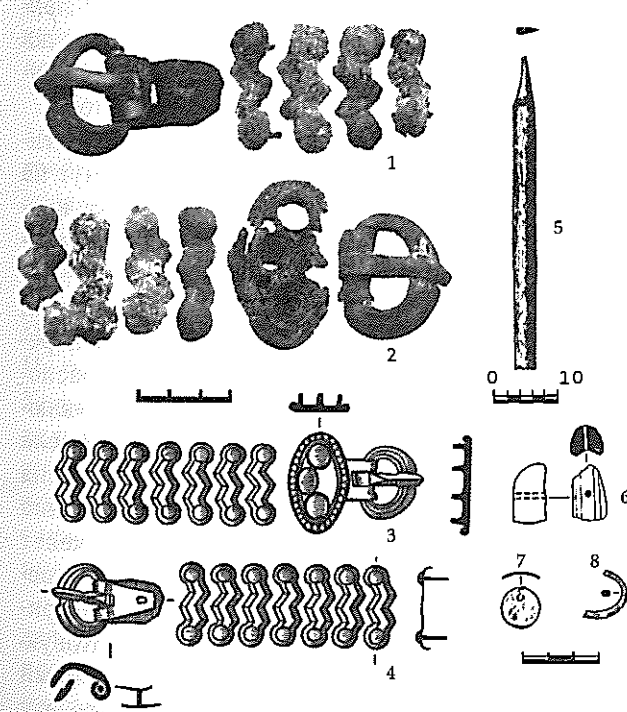

Рис. 1.8. Пояса погребения 8. Фото и прорисовка.

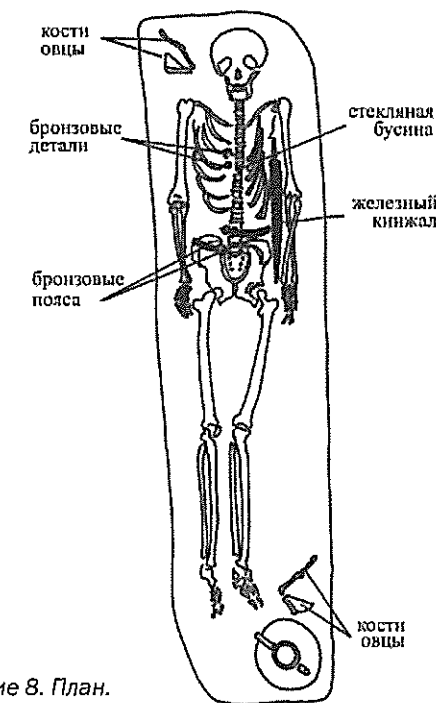

Рис. 1.7. Погребение 8. План.

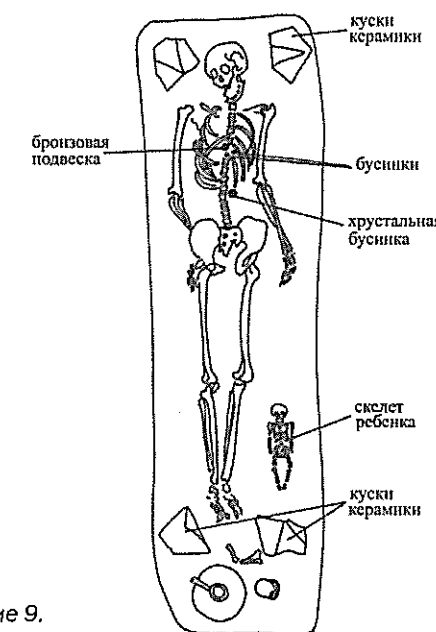

Рис. 1.9. Погребение 9.

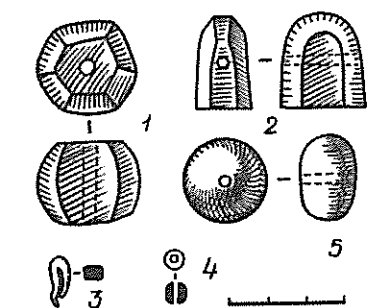

Рис. 1.10. Находки из погребения 9.

стальная бусина, круглая хрустальная и пронизка из белого полупрозрачного халцедона (рис. 1.10). Слева у ног лежит скелет ребенка, положенный на пол могильной камеры.

В данном погребении хорошо прослеживаются стенки погребальной камеры, выложенные в один ряд из крупного серого сырцового кирпича (40x20x9 см) (фото 1.4).

Погребение 10. Подросток. Ориентирован головой на СВ. На глубине 0,3 м от современной дневной поверхности лежит на спине, но колени согнуты и были направлены вверх. Руки согнуты в локтях, кисти на груди и животе. Находок нет. Если в других погребениях хорошо прослеживается сырцовая кладка камеры, то в данном погребении этого нет. Нет и обычного черного тлена подстилки.

Погребение 11. Ребенок 5–7 лет. Скелет ориентирован головой на ССЗ; кости сильно истлели, череп раздавлен. Слева от головы обнаружена раздавленная кружечка из черного рыхлого теста. Других находок нет. Следов сырцовой кладки вокруг скелета не прослеживается.

Погребение 12. Взрослый мужчина. Скелет ориентирован головой на СВ. Руки вдоль тела, кисти на полу. Под скелетом четко фиксируется прослойка черного тлена. Череп раздавлен. В заполнении над скелетом сырцовые кирпичи. В ногах справа крупный кувшин с трубчатым носиком-сливом. Дно кувшина расположено ниже уровня пола камеры. Рядом кости передней ноги барана с лопаткой. Чуть ниже тазовых костей, справа — круглая железная пряжка. Небольшой железный нож (длина 14 см) над тазом, с левой стороны. Железные вещи сильно корродированы, разрушились при изъятии из погребения.

Погребение 13 и 13а. На ЮВ склоне холма, на глубине 20–25 см от современной дневной поверхности. Это два одновременных погребения. Причем более позднее (13а) частично перекрывало раннее погребение 13, лежащее, к тому же, ниже на 15 см.

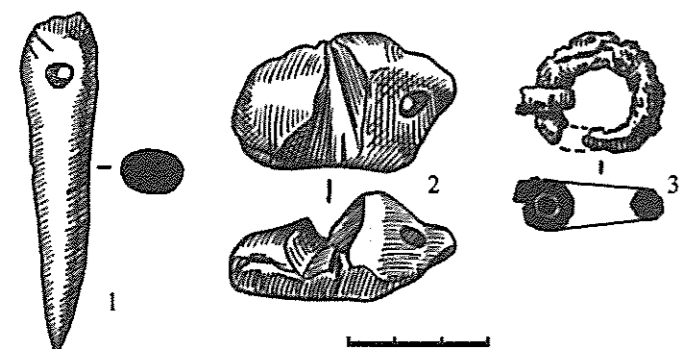

Рис. 1.11. Находки из погребения 13.

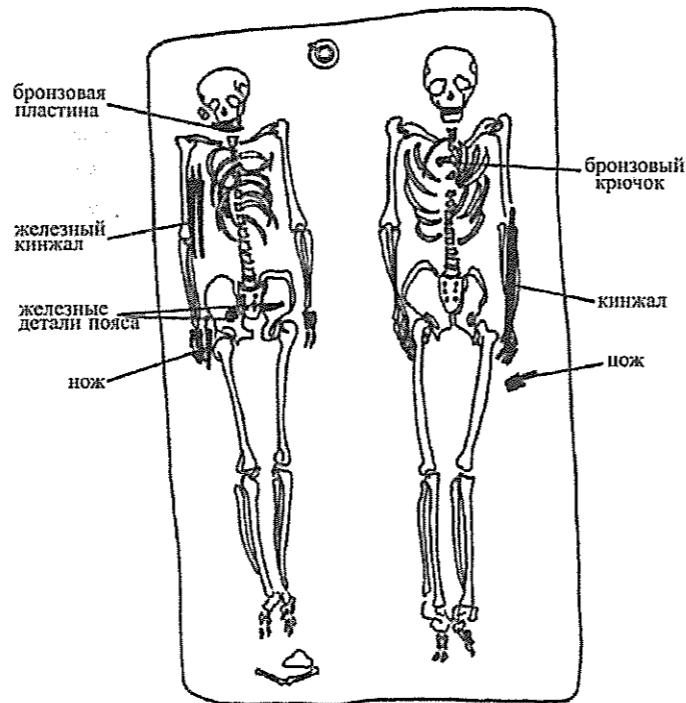

Рис. 1.12. Погребение 14. План.

Погребение 13 ориентировано на ССЗ. Вытянуто на спине, руки вдоль тела. Погребенный был уложен на слой горячих углей. На поясе круглая железная пряжка (диаметр — 2,5 см), слева — железный нож (длина — 12 см). У головы стояли кувшин и кружка. Во рту погребенного обнаружен косметический прибор — «сурьматаш»: каменная заостренная палочка длиной 8 см, с отверстием в утолщенном конце и кусок графита с отверстием (рис. 1.11 — 1, 2; фото 8).

Погребение 13а ориентировано головой в противоположную сторону — на ЮЮВ. Скелет вытянут на спине, руки вдоль тела. На поясе обнаружена круглая железная пряжка (рис. 1.11 — 3). Других находок в этом погребении нет.

Скелет в погребении 13а как бы заваливается, сползает в погребение 13. Его тазовые кости перекрывали устье кувшина погребения 13. Взаиморасположение этих двух скелетов дает основание заключить, что погребальная камера погребения 13 имела перекрытие и первоначально не была заполнена грунтом. После того как было совершено погребение 13а, перекрытие погребения 13 провалилось и скелет из погребения 13а частично «сполз» в камеру погребения 13. Возможно, при этом косметический прибор, положенный в погребение 13а, попал в ротовую полость черепа погребения 13. Так как подобный случай обнаружения косметического прибора во рту погребенного является необычным как для данного

могильника, так и для других известных погребений с косметическими приборами.

Погребение 14 — 1, 2. Это два одновременных погребения, расположенных на северо-восточном склоне холма, совершенных в одну могильную яму, обложенную сырцовым кирпичом. Костяки лежат на прослойке черного тлена. Ориентированы головой на ЮЮВ. Оба несколько изогнуты в пояснице на левый бок (рис. 1.12, 1.13).

При погребенном 14–1 на левом предплечье лежит железный кинжал без перекрестья и навершия (длина кинжала 42 см, ширина лезвия 4 см, длина черенка рукояти 7 см). На корродированном лезвии кинжала следы древесного тлена. Под кинжалом обнаружена маленькая бронзовая пряжка (диаметр — 2 см) с пластинчатой обоймой-приемником. Возможно от портупей кинжала. У левой кисти на полу лежит железный нож с согнутым пополам лезвием и костяной рукоятью (истлела). На груди найден фрагмент крючка из бронзовой проволоки и медная пластинка непонятного назначения (фрагмент) (рис. 1.14).

У погребенного 14–2 между правым предплечьем и телом лежит длинный нож (32 см), рядом железные ножны (?) (совершенно разрушились при изъятии из грунта). Еще один железный нож лежал между правой кистью и бедром, его длина 21 см. На правой стороне тазовых костей обнаружена круглая железная пряжка. На нижней челюсти, плотно прижатая к кости от скулы до скулы тонкая и узкая (ширина 0,9 см) медная пластина. Под левым виском черепа обнаружена серебряная серьга с расширенной гладкой нижней частью (рис. 1.42 — 4).

Погребение 14 частично перекрывало погребение 14а. Т. е. оно более позднее по отношению к погребению 14. Сохранность плохая, поскольку из-за эрозии скелет оказался почти на уровне современной дневной поверхности, на склоне. Верхняя часть скелета (голова, грудь) сдвинулись вниз по склону и выветрились. Зафиксированы лишь кости ног и таза. Погребенный 14а был ориентирован головой на ССВ. На поясе найдена крупная комбинированная пряжка. Кольцо рамки (диаметр — 6 см) пряжки выточено из цельного куса зеленоватого нефрита. Язычок и щиток — из бронзы. К щитку снизу тремя заклепками крепился ремень (рис. 1.15; 33 — 1). В районе пояса также обнаружено множество круглых уплощенных янтарных бус (фото 1.14).

Погребение 15. Женщина преклонных лет. Скелет ориентирован головой на СВ. Руки вытянуты вдоль тела, кисти на полу, рядом с тазом. В ногах широкогорлый кувшин желтого теста, без носика. У левого плеча косметический прибор. Каменная при-

Рис. 1.14. Некоторые находки из погребения 14.

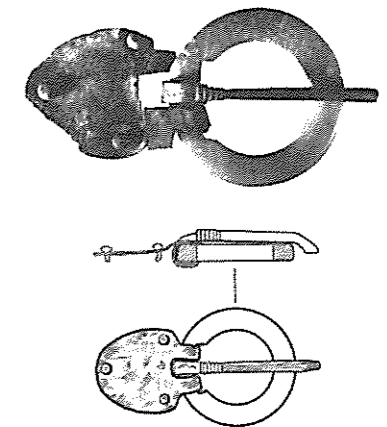

Рис. 1.15. Пряжка из погребения 14а с круглой рамкой из нефрита.

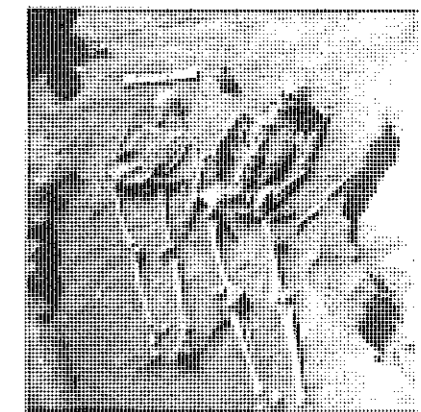

Рис. 1.13. Фото погребения 14.

остренная четырехгранная уплощенная палочка длиной 8 см с отверстием в утолщенной части и кусочек графита с отверстием (фото 8). Рядом кости передней ноги овцы с лопаткой. На поясе обнаружена хрустальная шестигранная бусина, одна шаровидная керамическая и одна подвеска керамическая в виде широкогорлого кувшинчика (рис. 1.47 — 4, 5, 6).

Погребение 16. Находится на глубине 20–25 см от уровня современной дневной поверхности. Скелет зрелой женщины ориентирован головой на ЮВ. В ногах широкогорлый кувшин и кости передней конечности барана. На шее и верхней части груди мелкие белые коралловые бусины и одна хрустальная призматическая. На уровне пояса кучкой две хрустальные граненые, четыре крупных бусины из пасты, одна крупная круглая из красного сердолика, четыре мелких сердоликовых, две уплощенные из черного гагата, три раковины *Saigi*, просверленный клык среднего по размерам хищника, бронзовое колечко из пластины (диаметр—0,8 см) и бронзовая плоская полукруглая пластина с двумя отверстиями. На безымянном пальце левой руки железное кольцо. Слева от черепа фрагмент бронзовой серьги со спиральной подвеской (рис. 1.42—2).

Погребение 17. Примыкает торцовой стенкой камеры к погребению 12. Хорошо прослеживается кладка стен камеры и черный тлен подстилки. Костяк ориентирован головой на ЮВ. Покойник лежит на спине, руки вытянуты вдоль тела. Однако череп и плечевой пояс искусственно вывернуты вправо. Никаких вещей при погребенном не обнаружено. Лишь на полу камеры, слева от скелета, лежит фрагмент боковины керамического сосуда.

Погребение 18. Скелет ориентирован головой на ЮЗ. Сырцовый кладки вокруг не прослеживается, нет и тлена подстилки. Череп на правой стороне, как бы запрокинут назад. Левая рука согнута в локте, кисть на животе. Правая также согнута, кисть у плеча, локоть слегка отставлен. Ноги согнуты в коленях, лежат на правом боку. На черепе, в районе уха, обнаружена серьга в виде бронзового колечка. В области груди четыре бусины. Две круглые из розового сердолика, две цилиндрические белые, коралловые.

Погребение 19. Хорошо прослеживаются серые кирпичи кладки склепа. В заполнении внутренней камеры обломки и целые экземпляры таких же кирпичей. Скелет лежит на прослойке черного тлена, на спине, руки вытянуты вдоль тела. В ногах раздавленный кувшин. Других находок нет.

Погребение 20. На северном склоне холма, на глубине 25 см от уровня современной дневной поверхности. Ориентировано головой на ССВ. Вытя-

нутое труположение на спине. Верхняя часть скелета сползла по склону и частично выветрилась. В ногах кувшин с носиком и кости передней ноги овцы. Кисть левой руки лежит на раздавленном, лежащем на боку крупном кувшине. В нем погребение младенца. Других находок нет.

Погребение 21. Детское погребение в небольшой хумче (высотой 75 см), лежащей на боку. Устье ее перекрыто дном от такого же крупного сосуда. Внутри истлевшие кости детского скелета. Причем череп лежал у горловины сосуда, а остальные кости как бы сдвинуты к донной части. Никаких находок нет. На плечике хумчи, под венчиком четыре оттиска в виде колечек, расположенных по углам квадрата (фото 1.6).

Погребение 22. На глубине 40 см от уровня дневной поверхности расчищен только один череп. Под нижней челюстью найдены две ребристые бусины из синего стекла. Под левой стороной черепа бронзовая сережка в виде небольшого (диаметр—1,3 см) несомкнутого колечка. Каких-либо признаков погребальной конструкции не зафиксировано.

Погребение 23. Погребение мужчины. Скелет ориентирован головой на ССЗ. Череп на левом виске. Руки вытянуты вдоль тела. Хорошо прослеживается прослойка черного тлена. В ногах обнаружены кости передней ноги овцы с лопаткой. Под левой рукой выше кисти круглая железная пряжка с приемником (диаметр—4 см), под левой кистью крупный одиозвильный нож с длиной лезвия 21,5 см, шириной 3,5 см, длиной черенка 5,5 см. На него был положен маленький ножичек (длина лезвия 9,5 см, черенка—3,5 см). Посередине тазовых костей расчищена еще одна круглая железная пряжка (диаметр—3,5 см), но без приемника и, вероятно, железный наконечник ремня. У левого локтя три железных трехперых наконечника стрел. Наконечники с головкой ромбической формы, высота пера до 1 см, длина головки 4–4,5 см. На черешках (длиной до 2,5 см) древесный тлен. Общая длина наконечников 6–7 см. Слева у пояса обнаружен фрагмент ножа с изогнутой спинкой (рис. 1.16).

Погребение 24. Расположено рядом, параллельно и на одном уровне с погребением 23. Явно женское. Под скелетом прослеживается прослойка черного тлена. Скелет лежит вытянуто на спине. Кисть левой руки на бедре, правой—на устье небольшой кружечки. На среднем пальце правой руки железное кольцо (диаметр—2 см). У ступни правой ноги косметический прибор—каменная круглая палочка длиной 8 см с отверстием в толстом конце и рядом пирамидальной формы кусочек графита (фото 1.8). Крупные круглые стеклянные бусины (93 шт.) в рай-

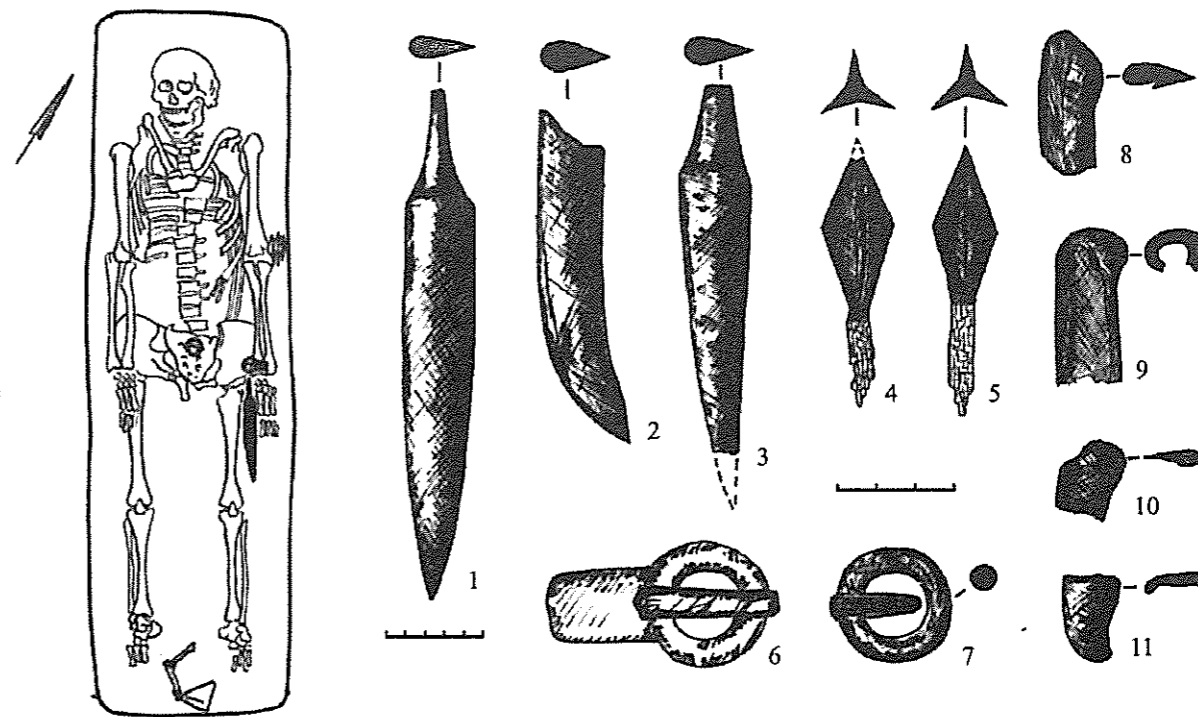

Рис.1.16. Погребение 23. План и находки.

оне пояса и тут же цилиндрические мелкие коралловые. В районе левого уха бронзовая сережка в виде простого колечка диаметром 1 см с заостренными концами. Справа от скелета лежит раздавленный крупный кувшин. В нем детское погребение. Кости сохранились очень плохо. При детском костяке обнаружены несколько стеклянных и пастовых бусин и подвеска из раковины *Saigi* (погребение 25).

Погребения 21, 23, 24 расположены рядом и на одном уровне. Между ними хорошо прослеживаются сырцовые стенки. Возможно это погребения близких родственников.

Погребение 26. Зафиксировано при снятии первого штыка с поверхности холма. Ориентировано головой на запад. Кости скелета плохой сохранности. Находок нет.

Погребение 27. На глубине 1,2 м от уровня современной дневной поверхности. Хорошо прослеживаются сероватые сырцовые кирпичи стен склепа. Кладка фиксируется на высоту 0,65 м. В заполнении камеры обломки сырцовых кирпичей. Скелет ориентирован головой на ЮЮВ, лежит на прослойке черного тлена. Вытянут на спине, руки вдоль тела. В ногах лопатка и кости передней ноги барана. У левой голени раздавленный красноангобирванный кувшин. У правой ступни найден железный крючок, у правого колена круглая железная пряжка (диаметр—2 см). На костях таза еще один крупный же-

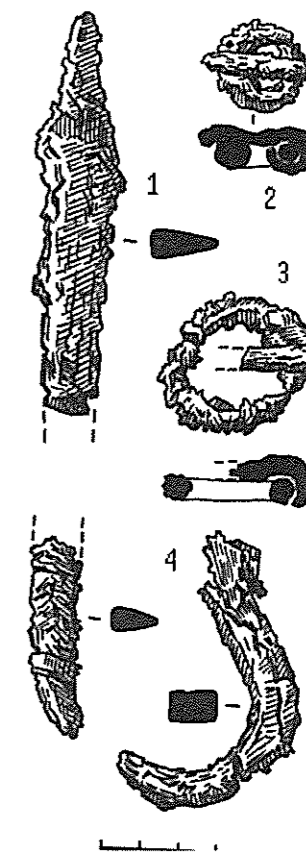

Рис. 1.17. Находки из погребения 27.

лезный предмет в виде крюка. Под левым локтем железный однолезвийный нож общей длиной 17 см и круглая железная пряжка (диаметр—3,5 см). У левого плеча две параллельные железные пластины, соединенные гвоздиком. Видимо концевая накладка на ремень (рис. 1.17). Под левой стороной черепа обнаружен фрагмент бронзовой серьги со спиральной конусовидной подвеской (рис. 1.42—3).

Погребение 28. Скелет ориентирован головой на ССВ. Вытянут на спине, руки вдоль тела. У правой руки кость задней ноги барана. На поясе бронзовая пряжка с небольшим неподвижным щитком и железным язычком (рис. 1.39—10). Рядом железная пластинка овально-приостренной формы, шириной 2 см, с чуть выпуклой центральной частью (накладка на ремень?). Других находок нет.

Погребение 29. Зафиксировано на глубине 0,4 м от уровня современной дневной поверхности. Следов сырца в стенах могильной ямы не прослеживается. Скелет ориентирован головой на север, лежит на спине, руки вытянуты вдоль тела, левая кисть на полу, правая—на тазовых костях. Череп имеет явно выраженные признаки кольцевой деформации (фото 1.14). На шее обнаружен фрагмент бронзовой цепочки

(фото 1.7). В области живота на скелете лежал фрагмент стенки керамического сосуда. В ногах расчищен керамический кувшин с носиком, на его венчике установлена кружка. Других находок нет.

Погребение 30. В хум (высота 1,1 м, диаметр венчика 0,6 м), лежащий на боку, на зольную прослойку положен подросток. Скелет ориентирован головой на ССВ. Череп оказался на венчике хума и на него был одет горшковидный сосуд, орнаментированный по плечу круглыми вдавлениями (рис. 1.46—13). Вещей при погребенном нет.

Рядом, на том же уровне, **погребение 31** (рис. 1.18). Погребенный взрослый мужчина уложен на подстилку из фрагментов стенок хума. Сверху был прикрыт двумя хумами, у которых по вертикали предварительно был срезан один бок тулова. Причем края срезанного тулова находятся ниже уровня вымостки, на которую уложен покойник. Скелет ориентирован головой на СВ и уложен на спину, руки вдоль тела. Ступни ног перекрещены. С левой стороны черепа, в районе уха, бронзовое колечко диаметром 1,8 см. На поясе железный нож. Длина лезвия—13,5 см, черека—4,5 см. Круглая железная пряжка с пластинчатым приемником (дм—3,6

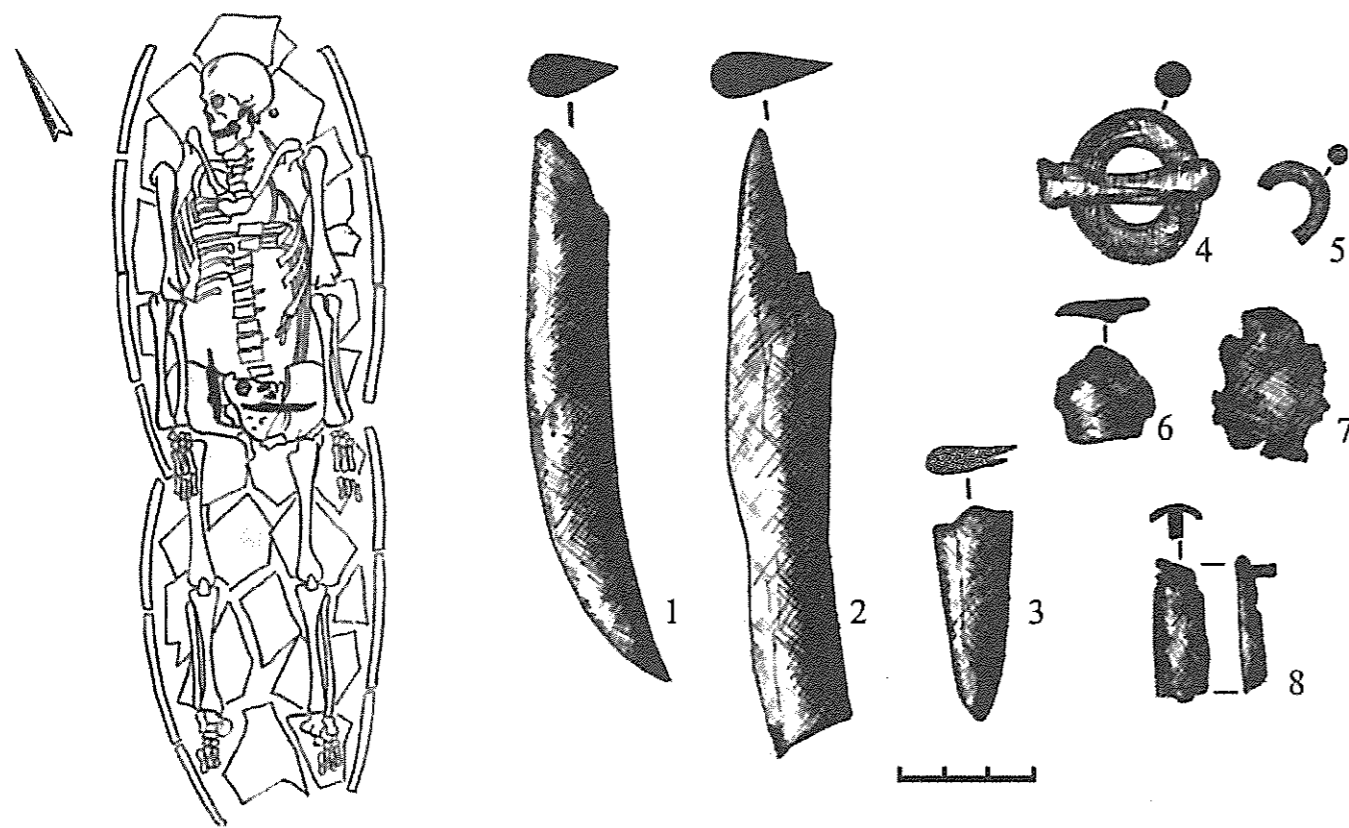

Рис. 1.18. Погребение 31. План и находки.

см). Под тазовыми костями еще один нож с изогнутой спинкой.

Погребение 32. Северо-восточнее от погребений в хумах, на одном уровне с ними, расчищен скорченный скелет, ориентированный головой на север. На правом боку. Ноги согнуты, поджаты к животу. Руки согнуты, кисти у груди. Находок нет.

Погребение 33. На глубине 20 см от современной дневной поверхности. Скелет вытянут на спине, руки вдоль тела, головой ориентирован на СВВ. Прослеживается прослойка черного тлена. Скелет лежит наклонно, ноги ниже головы на 25–30 см (просел грунт под погребением?). На поясе найдена железная пряжка, круглая (диаметр—3 см) с пластинчатым приемником. В ногах справа поставлен кувшин из красной глины с носиком. Хорошо прослеживаются сырцовые кирпичи кладки стен склепа. В заполнении камеры также присутствуют целые и в обломках сырцовые кирпичи желтого цвета.

Погребение 34. Скелет ориентирован головой на ССЗ. Вытянут на спине, руки вдоль тела. Череп раздавлен, под нижней челюстью расчищена овальная (около 4 см наибольшей ширины) и тонкая бронзовая (медная?) пластина длиной 9 см. На верхней поверхности заметен простой орнамент, образованный рядами полусферических выпуклин (фото 15). На поясе обнаружена железная круглая (диаметр—3,8 см) пряжка и с левой стороны небольшой (длиной 15 см) железный нож. Других находок нет. Погребение находилось на глубине 15–20 см от уровня дневной поверхности. Прослеживается кирпичная кладка стен склепа.

Погребение 35. Расположено на глубине 10–12 см от уровня современной дневной поверхности. Скелет ориентирован головой на ЮЮВ. Справа у ног, погребение ребенка 1–2 лет, выше, рядом с грудной клеткой, еще одно погребение ребенка в кувшине. Сосуд раздавлен. Кости детских скелетов очень плохой сохранности. В ногах взрослого погребения два керамических сосуда: кружка и кувшин с носиком. Других находок нет. Все три погребения на одном уровне, внутри хорошо прослеживаются сырцовые стенки склепа.

Погребение 36. На глубине 10–12 см. Ориентировано на ССВ. Вытянуто на спине, руки вдоль тела, кисти на лобке. Череп раздавлен, кости плохой сохранности. На поясе найдена круглая железная пряжка диаметром 3,5 см без приемника. Других находок нет.

Погребение 37. Погребение грудного ребенка почти на уровне дневной поверхности. Разрушено. Находок нет.

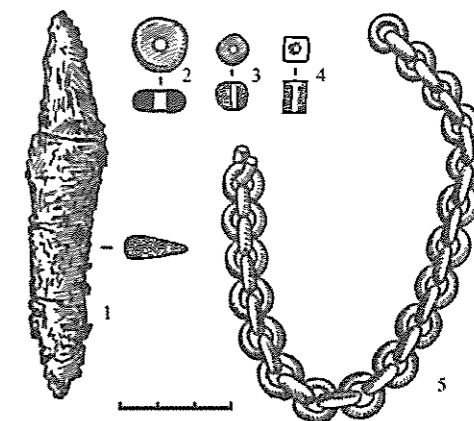

Рис. 1.19. Находки из погребения 38.

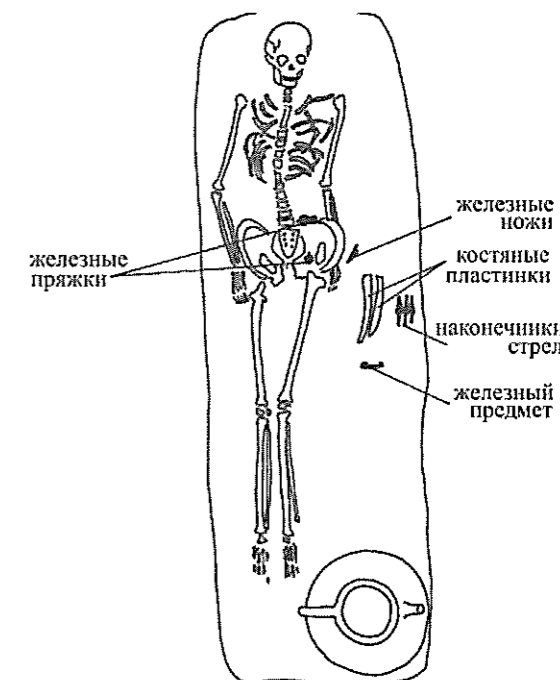

Рис. 1.20. Погребение 39.

Погребение 38. На глубине 5–10 см. Кости очень плохой сохранности. Череп раздавлен. Скелет ориентирован головой на ЮЮЗ, лежит на левом боку. Ноги подогнуты. Следы сырцовой кладки не прослеживаются. Под левым плечом найден железный нож. Лезвие длиной 7,5 см, черенок 3 см. Три мелких бусины под левым предплечьем—призматическая четырехгранная стеклянная, круглая сердоликовая, круглая уплощенная янтарная. Слева в ногах раздавленный кувшин. У черепа, в районе темени, три фрагмента бронзовой цепочки из крупных (диаметром 8–9 мм) колец (рис. 1.19).

Погребение 39. Погребение взрослого мужчины почти на уровне дневной поверхности. Разрушено. Вытянут на спине, руки вдоль тела, кисти на тазо-

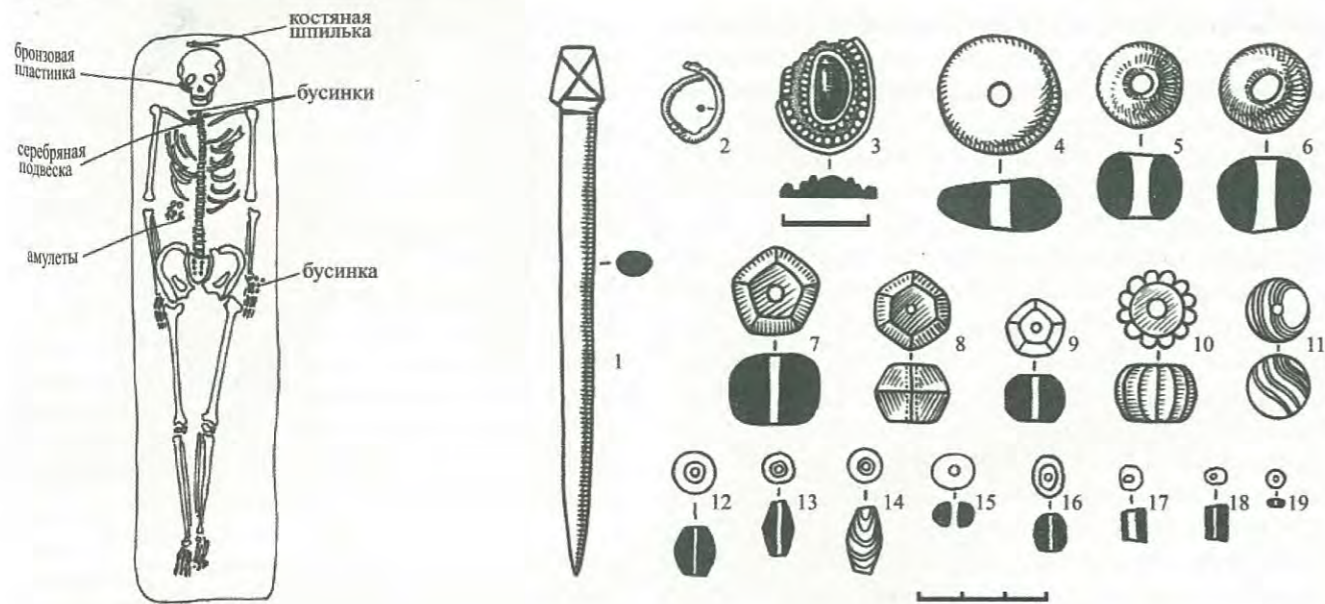

Рис.1.21. Погребение 40.

вых костях. В ногах поставлен крупный кувшин с носиком. На поясе, в верхней части тазовых костей, крупная круглая железная пряжка с пластинчатым приемником (диаметр — 3,5 см, длина верхней пластины приемника 4,5 см). Пряжка пластиной направлена налево. Другая круглая железная пряжка (диаметр — 3 см) без приемника лежала чуть ниже слева на тазовых костях. Слева от таза небольшой нож (длина лезвия 11 см, ширина 1,5 см). Чуть ниже и левее две совершенно истлевшие костяные пластины шириной 3-4 см, длиной 18-20 см. За ними пучок из трех железных наконечников стрел. Наконечники трехперые, общая длина — 8 см, длина черешка — 3 см, высота пера — 5 см (фото 1.9). Рядом с костяны-

ми пластинками железный предмет в виде круглого стержня с петлевидно загнутыми концами (длина 10 см). Вероятно, в данном случае это детали колчана, в котором помещался лук с центральными костяными накладками и тремя стрелами.

Погребение 40. Вытянуто на спине, руки вдоль тела, кисти над бедрами (рис. 1.21). Ориентировано головой на ЮВ. Хорошо фиксируется прослойка черного тлена. На указательном пальце правой руки тонкий бронзовый перстень с маленьким щитком. У запястья левой руки шесть сердоликовых биконической формы бусины. У правого локтя, в области живота — кучка бусин и два бронзовых амулета; две бусины хрустальные, граненные, две — круглые

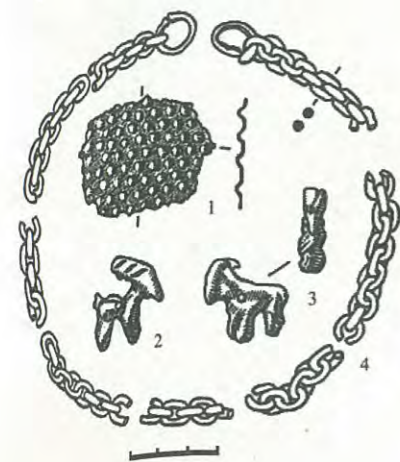

Рис.1.23. Украшения из бронзы из погребения 42 и 44.

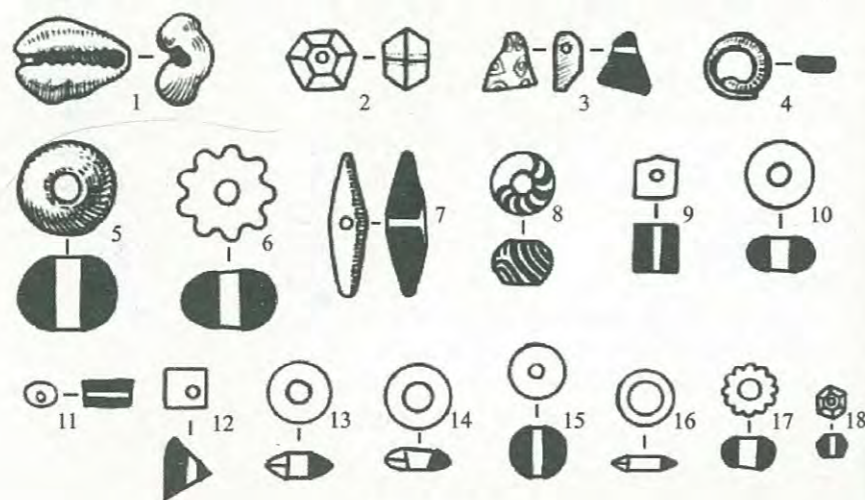

Рис. 1.24. Находки украшений из погребения 42.

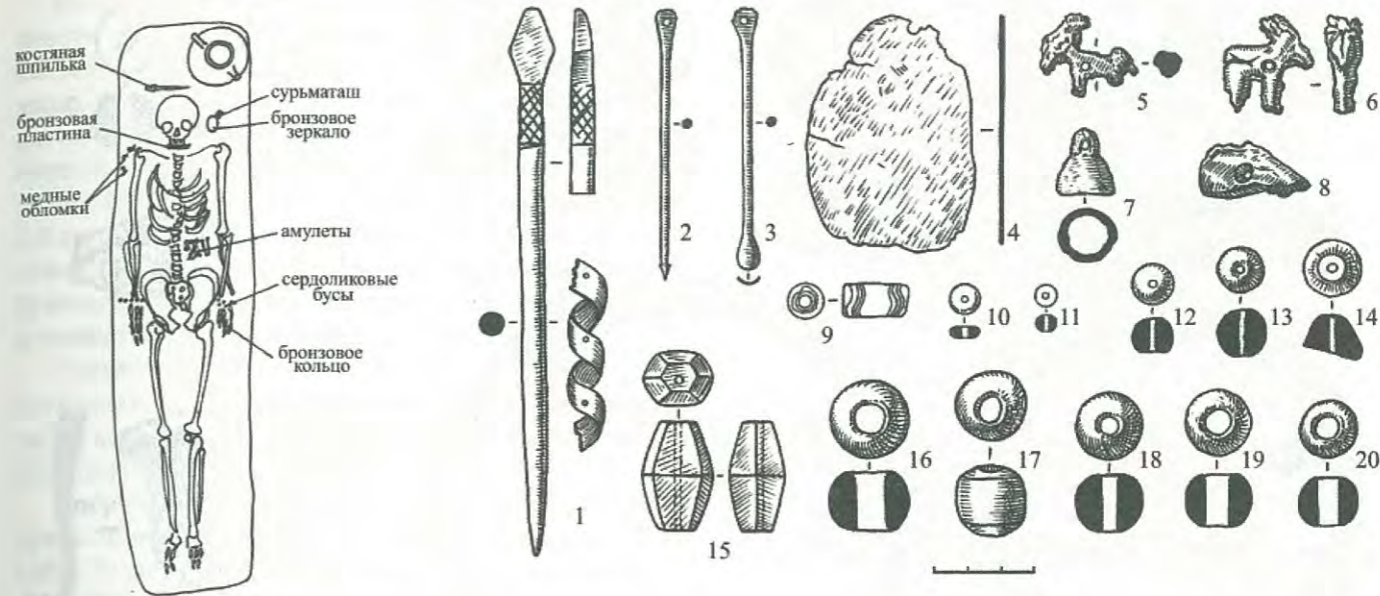

Рис. 1.25. Погребение 43. План.

сердоликовые, четыре из стеклянной пасты, одна — крупная круглая уплощенная из янтаря (рис. 1.22). Два бронзовых амулета в виде стоящих козликов. У них отверстия на тулове над передними ногами. В отверстиях сохранились фрагменты шерстяного шнура, на который, видимо, и были нанизаны бусины вместе с амулетами.

Над центром черепа, острием к лицу найдена крупная (длина 12 см) костяная шпилька с трапециевидной уплощенной головкой, на обеих сторонах которой прорезан крест (рис. 1.22 — 1). На шее, под нижней челюстью, найдены рядом две бусины из розового коралла и овальный серебряный кулон с красной гранатовой вставкой в центре и двумя рядами зерни вокруг. Под черепом обнаружено простое колечко из бронзовой проволоки и рядом две маленькие черные бусинки. На правой стороне черепа зафиксирована длинная (10 см) узкая тонкая бронзовая пластина. При расчистке она разрушилась.

На свободном от погребений пространстве между погребениями 40 и 36 на глубине 25 на 40 см от уровня современной дневной поверхности зафиксированы многочисленные отдельные фрагменты керамики, кости от человеческого (или нескольких?) скелета. Возможно, это остатки разрушенного погребения (погребение 41).

Погребение 42. Погребение девочки-подростка. Вытянуто на спине, руки вдоль тела, кисти рук над тазовыми костями Ориентировано головой на ЮЮВ. Слева от черепа керамическая кружка. В области живота, справа от позвоночника, обнаружены два

бронзовых амулета в виде фигурок козликов и рядом ребристая стеклянная бусина. На груди бронзовая цепочка с колечками на концах и ожерелье из стеклянных, пастовых, сердоликовых бус, раковин Saigi (2 шт.) (рис. 1.23 — 2, 3, 4; рис. 1.24). Уплощенные стеклянные бусины и раковина Saigi обнаружены у запястья левой руки.

Погребение 43. Женское. Скелет лежит вытянуто на спине, руки вдоль тела. Ориентирован на ЮЮВ (рис. 1.25). Хорошо прослеживается прослойка черного тлена под скелетом и вокруг сырцовый кирпич кладки стен. Череп раздавлен. Над теменной частью костяная круглая в сечении шпилька длиной 17,3 см с ромбической уплощенной головкой. Под ней поясok прорезного орнамента в виде ромбической сетки (рис. 1.26 — 1). На нижней челюсти бронзовая тонкая узкая (шириной 1,5-2 см, длиной 8 см) пластина. Вдоль правого предплечья спирально скрученная бронзовая полоска, как бы обвивавшая круглое древко длиной 40 см. Слева от черепа бронзовое зеркало овальной формы (8x5 см) с отверстием у края и рядом кусочек графита (рис. 1.26 — 4). Чуть выше, слева, красноангобирванный керамический кувшин с носиком. На животе кучкой лежали бусы: одна граненая хрустальная; пять круглых крупных (диаметр — 2 см) пастовых; еще одна пастовая цилиндрическая (длина 2 см, диаметр 0,9 см); две круглые сердоликовые; здесь же две бронзовые фигурки козликов; бронзовый колокольчик (диаметр основания 1,5 см); бронзовая капашка в виде миниатюрной ложечки, другой конец

Рис. 1.26. Находки из погребения 43.

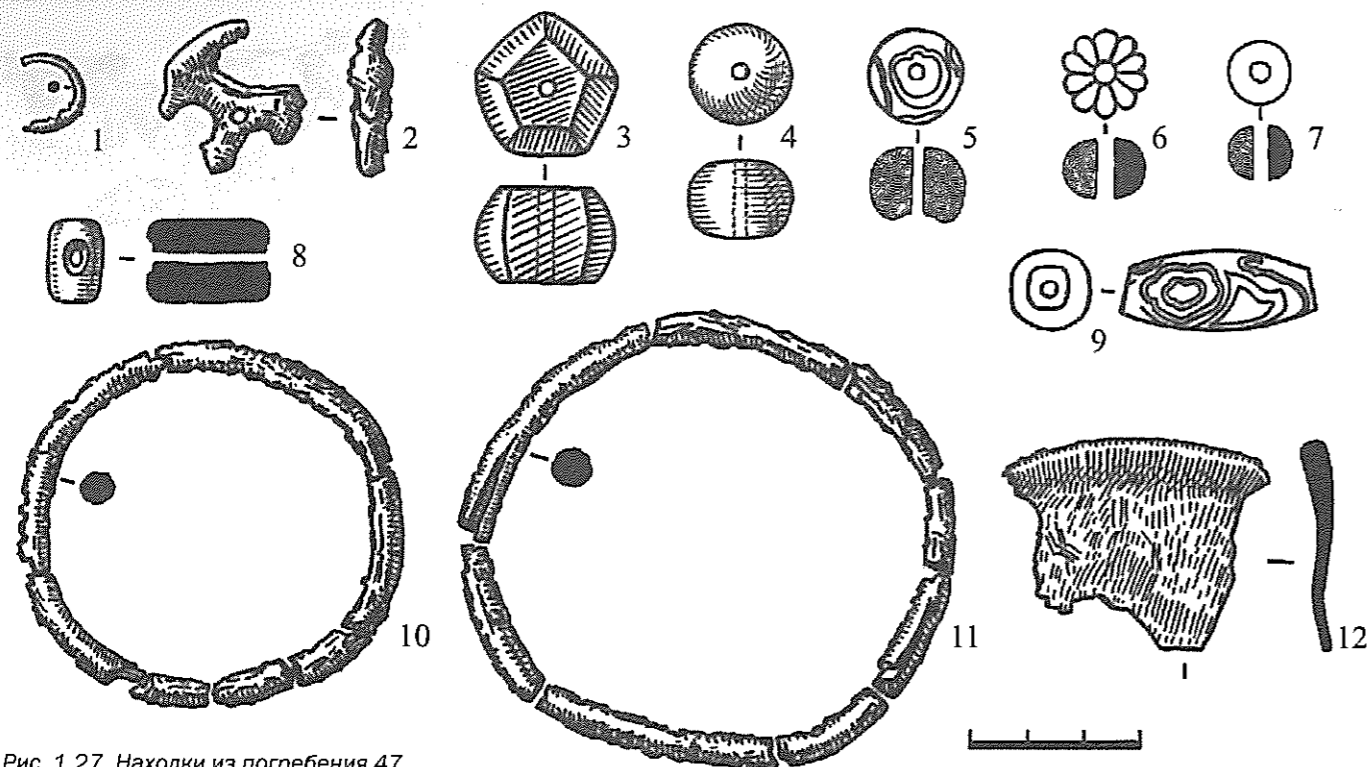

Рис. 1.27. Находки из погребения 47.

стержня расплющен и в нем отверстие; такой же длины проколка с заостренным треугольным концом (рис. 1.26 — 2, 3). Все эти вещи, очевидно, входили в одно ожерелье (связку). Сохранились фрагменты шерстяного шнура, на котором были нанизаны бронзовые вещи и бусины. У запястий обеих рук множество граненных мелких бусин из красного сердолика. На указательном пальце левой руки простое бронзовое кольцо.

Погребение 44. Ориентировано головой на ЮЮВ. Вытянуто на спине, руки вдоль тела, кисть левой руки на тазовых костях, правой — на бедре, голени ног перекрещены. В ногах слева установлен кувшин с носиком. Под черепом обнаружена баранья лопатка и бронзовое проволочное колечко. На нижней челюсти овально-вытянутая бронзовая пластина шириной 4 см. Ее верхняя поверхность сплошь покрыта выдавленными круглыми выпуклинами (рис. 1.23 — 1). На поясе обнаружена круглая железная пряжка (диаметром 3,8 см) с пластинчатым приемником.

Погребение 45. Ориентировано головой на ЮЮВ. Скелет вытянут на спине, руки вдоль тела, левая кисть на полу, правая — на бедре. У левой руки выше кисти железный нож, воткнутый в дно могильной камеры. Выше, у локтя, железная пряжка с под четырехугольной рамкой (3,5 x 5 см) без приемника. Кирпичи стен склепа не прослеживаются. Ко-

стяк лежит наклонно на левый бок из-за просевшего дна могильной ямы. Отсутствуют кости ног.

Погребение 46. На южном склоне бугра, на глубине 15–20 см от современной дневной поверхности. Скелет вытянут на спине, руки вдоль тела. Левая кисть на бедре. Череп раздавлен. У правого плеча небольшой кувшинчик. С правой стороны пояса железная пряжка с подчетыреугольной рамкой (3,5 x 4,5 см) без приемника (рис. 1.40 — 5). Кирпичи стен склепа не прослеживаются. Костяк лежит наклонно на левый бок из-за просевшего дна могильной ямы. Отсутствуют кости ног, которые были разрушены, так же как и в погр. 45, вследствие оплыва и эрозии склона холма.

Погребение 47. На южном склоне бугра, на глубине 5–10 см от уровня дневной поверхности. Вытянуто на спине, руки вдоль тела. Ориентировано на север. Под хорошо сохранившимся черепом бронзовое колечко диаметром 1,5 см. На левой руке ниже локтя два бронзовых браслета диаметром 7–8 см, рядом бронзовая фигурка козлика; амулеты из резца крупного грызуна и пястных косточек хищника средних размеров; две большие граненные хрустальные бусины; одна стеклянная ребристая; одна керамическая призматическая; рядом обломок бронзового зеркала с утолщенным краем. На запястье левой руки две крупные сердоликовые бусины (рис. 1.27).

Погребение 48. Рядом с погребением 47, в 60 см южнее. Между ними, в изголовье развал кувшина из светлого теста. Скелет вытянут на спине, руки вдоль тела на полу. Ориентировано головой также на север. В области живота бронзовый шар, наполненный черной глинистой твердой массой. Под черепом бронзовая серьга в виде колечка диаметром 1,8 см с заостренными концами (рис. 1.42 — 10). Под левой щекой у верхней челюсти фрагменты тонкой бронзовой пластинки с расширенной средней частью и узкими (шириной 0,5 см) концами.

Погребения 47 и 48 совершены, видимо, в одну могильную яму. Стенки склепа не прослеживаются, т. к. костяки залегают на глубине 10–15 см от уровня дневной поверхности.

Погребение 49. Погребение совершено в вытянутом положении лежа на спине, головой на ССЗ (30°). Раздавленный череп лежит на правом виске.

В области височной кости с правой стороны обнаружено бронзовое калачиковидной формы несомкнутое кольцо с заостренными концами (фото 1.7). Диаметр кольца 1,5 см, толщина в сечении 0,3 см. На костях таза фрагменты железного ножа. Длина скелета 1,50 м.

Погребение 50. Скелет лежит в вытянутом положении на спине. Голова на левом виске, ориентирована на ЮЮЗ с отклонением на 30°. Руки вытянуты вдоль туловища. Левая рука вывернута в плечо вовнутрь, фаланги пальцев на бедре. Ступни ног соединены вместе. Скелет раздавлен. При расчистке по всему корпусу костяка и под ним прослеживался тонкий слой черного тлена. Длина костяка 1,74 м. В ногах, в положении на боку, обнаружен сосуд — крупная банка. Сосуд ручной лепки, с неровной внешней поверхностью коричневого цвета. Венчик невысокий, почти прямой, с неровным краем, шейка плавно переходит в тулово. Ручка уплощена, шириной 2,5 см, толщиной в сечении 1 см. Тесто в изломе серое, хорошо отмучено, плотное, мелкопористое. Высота сосуда 18 см, высота шейки 3 см, диаметр горловины 9 см, дна — 8,5 см, диаметр тулова — 14 см.

Погребение 51. Верхняя часть скелета не сохранилась. В ходе расчистки были выявлены фрагменты костей черепа и ребер. Положение костей таза и ног позволило определить ориентировку погребенного — головой на ЮЮВ с отклонением 30°. Ступни ног соединены вместе. Фаланги пальцев рук на костях таза. Длина сохранившейся части скелета 1,08 м. С левой стороны, у большой берцовой кости железный нож длиной 18,55 см с обломанными концами. Рядом с ним железное кольцо, внешний диаметр которого 1,5

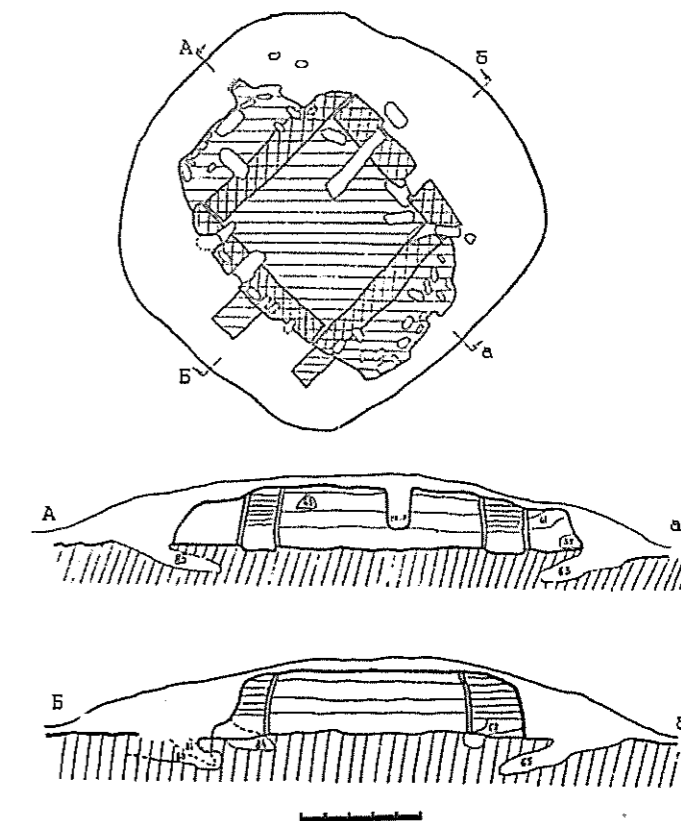

Рис. 1.28. План и разрезы погребальной платформы IV некрополя Кок-Мардан (по Бейсебаеву А., Нурмуханбетову М., 2002. с. 107.)

см, изготовлено из куса толстой проволоки, в сечении 1 см, уплощено, один конец заходит за другой. В верхней части скелета найдено бронзовое кольцо вытянутой каплевидной формы, несомкнутое, погнутое, толщиной в сечении 0,4 см.

На костях таза круглые железные пряжки с подвижными язычками. Одна пряжка найдена с левой стороны, частично разрушена, диаметр 2,3 см, язычок в сечении 0,4 см; другая — диаметром 3 см, круглая в сечении, диаметр 0,4 см, была найдена справа между костью таза и лучевой костью руки. Язычок пряжки отогнут кверху, его длина 2,7 см, ширина 0,9 см. В ногах раздавленный сосуд — кувшин с носиком (рис. 1.28).

Погребение 52. Двойное. 52.1 — погребенный лежит в вытянутом положении на спине, головой на ССВ с отклонением 30°. Череп на левом виске. Левая рука вдоль туловища, ноги вытянуты, ступни разведены. Погребальный инвентарь отсутствует. Это погребение было нарушено более поздним захоронением в двух хумах (рис. 1.29).

52.2 — на горловину большого хума высотой 0,9 м, диаметром 0,35 м одет второй хум высотой 0,8

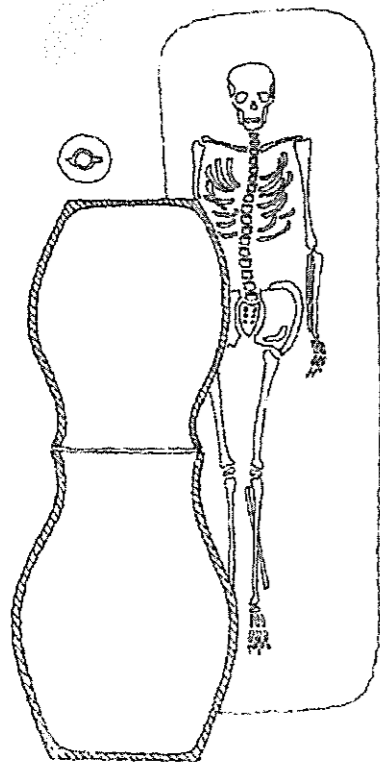

Рис. 1.29. Погребение 52.

м, венчик которого срезан так, чтобы его горловина плотно вошла в горловину первого хума. Тесто сосудов в изломе розового цвета, с большой примесью извести, внешняя и внутренняя поверхность коричневого цвета. Хумы ориентированы на ССВ 30°. В ходе их расчистки скелета обнаружено не было. Найдены только ребро и две фаланги пальцев рук. С восточной стороны, у дна хума, поставлен кувшин с ручкой и носиком-сливом. Внешняя и внутренняя поверхности коричневого цвета и красноватым оттенком, на внешней поверхности пятна темного ангоба. Ручка, венчик и шейка частично разрушены. Венчик невысокий, слегка отогнут наружу, высотой 2 см, шейка высотой 8,5 см плавно переходит в тулово, высота сосуда 31 см, диаметр горловины 9 см, диаметр тулова 17,5 см, диаметр дна 13 см. Ручка сосуда уплощена, шириной 2,5 см, по центру ручки неглубокий желобок. Носик имеет воронкообразную форму, с отогнутыми краями, диаметром 3 см.

Погребение 53. Погребенный лежит на спине, с вытянутыми ногами, фаланги пальцев ног соединены вместе. Левая рука вытянута вдоль туловища, кисть руки и предплечье вывернуты наружу. Правой руки нет. Местоположение костей верхней части скелета нарушено в области позвоночника. Ориентировка

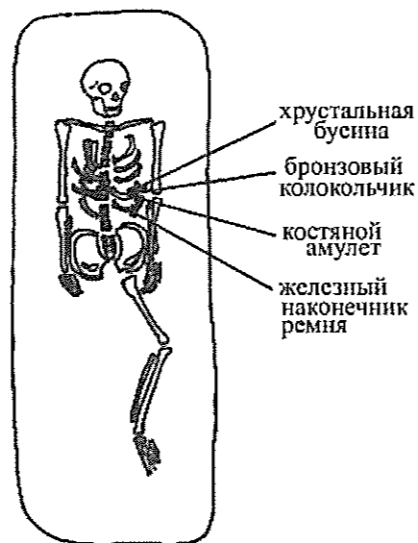

Рис. 1.30. Погребение 56.

погребенного ЮЮЗ с отклонением 30° (рис. 1.30). Длина сохранившейся части скелета 1,32 м. Погребальный инвентарь представлен железным ножом, располагавшимся с левой стороны на костях таза и под фалангами пальцев левой руки. Нож однолезвийный, в сечении толщиной 4 см, изогнут, длина сохранившейся части 10,5 см. Также найдено две пряжки. Одна подквадратной формы с подвижным язычком, частично разрушена, изготовлена из уплощенного металлического стержня. Толщина в сечении 0,5 см, длина пряжки 3,5 см, ширина 2 см. Пластина обернута вокруг кольца, между собой зажимая ремень ее стороны крепились заклепкой. Толщина пластины в сечении 0,4 см, длина 4,5 см, ширина 2 см.

В ногах погребенного раздавленный сосуд ручной лепки высотой 23 см, высота тулова 18 см, диаметр горла 7,7 см, диаметр дна 9,5 см, диаметр тулова 18 см. Верхняя часть сосуда, венчик и частично шейка утрачены. Ручка уплощена, ширина ее 2,5 см, толщина 1,5 см. Внешняя и внутренняя поверхности коричневого цвета с красным оттенком и обмазкой серого цвета на внешней поверхности.

Погребение 54. Погребение совершено в вытянутом положении, на спине. От скелета сохранились лишь кости ног, по положению которых можно определить ориентировку погребенного как ССЗ с отклонением 30°. Кости ног в области щиколотки соединены вместе. Длина сохранившейся части скелета 0,76 м. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение 55. Погребенный лежит на спине в вытянутом положении. Руки вдоль туловища, фаланги пальцев на костях таза. Череп повернут в левую

сторону, раздавлен. Ноги вытянуты, соединены вместе в области голени, кости ступней отсутствуют. Общая сохранность скелета плохая. Ориентировка погребенного определена как ЮЮВ, длина скелета 1,50 м. Под костяком слой черного тлена. У головы маленькая кружка. Внешняя и внутренняя поверхности коричневого цвета с красноватым оттенком. На внешней поверхности пятна темного ангоба. Венчик высотой 0,4 см, слегка отогнут наружу, плавно переходит в шейку высотой 1 см. Высота сосуда 7,4 см, диаметр горла 5 см, диаметр тулова 7 см, диаметр дна 5 см. Ручка в сечении круглая, к тулову прикреплена косо. Тесто сосуда в изломе коричневого цвета с красноватым оттенком, плотное, хорошо отмучено. Другого погребального инвентаря нет.

Погребение 56. Погребение детское. Ребенок лежал в вытянутом положении на спине, череп раздавлен, лежит на левом виске, руки вдоль туловища. Правая нога отсутствует, левая согнута под углом 90°. Общая длина костяка 0,83 м, ориентировка ЮЮЗ. (рис. 1.30). Между правой рукой в области локтя и позвоночником находились: бронзовый колокольчик с хрустальной бусиной, костяной амулет и сильно коррозированный железный наконечник ремня. Все три предмета были связаны вместе ниткой, остатки которой сохранились на колокольчике, под ним также обнаружен фрагмент ткани. Бронзовый колокольчик диаметром 3 см, толщина стенок 0,1–0,3 см, высота 2,6 см. Хрустальная бусина служила язычком в колокольчике. Крепилась ниткой через небольшое отверстие рядом с ушком. Ее поверхность сильно разрушена. Первоначально бусина имела бипирамидальную форму с 6 гранями. В последствии одна из половин была спилена (отколота?) по вертикали, но срез не прямой, а под углом 30°. Костяной предмет, по-видимому, амулет, длиной 5,5 см, у заостренного конца имеет отверстие диаметром 0,2–0,5 см. Другой конец амулета обломан. Поверхность железного наконечника ремня сильно коррозирована, длина 7 см. Наконечник состоял из двух половинок, крепившихся между собой заклепками. Полностью сохранилась лишь одна половина, от другой имеется лишь фрагмент.

Погребение 57. Погребенный лежит на спине в вытянутом положении, руки вдоль туловища. Череп раздавлен на правом виске, ориентирован в направлении ССЗ. Общая длина костяка 1,80 м. Ноги вытянуты параллельно друг другу. Под костяком слой черного тлена. У головы в северо-восточной части раздавленный сосуд-кувшин.

Погребение 58. Совершено в вытянутом положении на спине, головой на ЮЮВ. Лицевая часть черепа раздавлена. Руки вытянуты вдоль туловища,

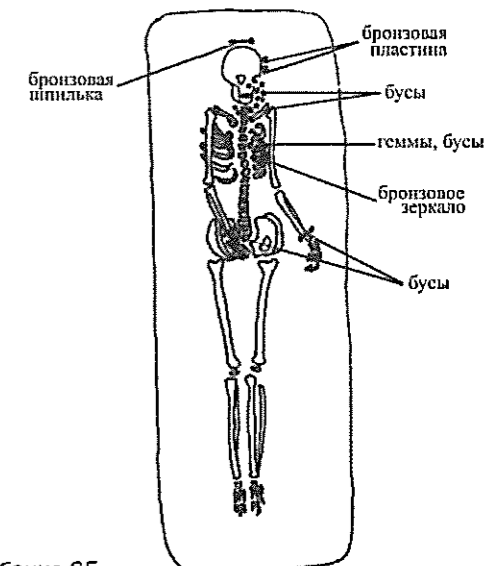

Рис. 1.31. Погребение 65.

кисть правой руки на костях таза. Ноги расположены параллельно друг другу. Общая длина костяка 1,75 м. Под погребением тонкий слой тлена черного цвета. На поясе бронзовая пряжка с пластиной. Диаметр кольца 3,7 см, в сечении круглая, толщиной от 0,6 до 0,9 см. Язычок подвижный, длиной 4 см, в сечении уплощен, толщиной 0,3 см. Пластина немного погнута, шириной 2,7 см, длиной 2,5 см. К кольцу крепились двумя параллельными дужками шириной по 0,6 см, расположенными на расстоянии 0,8 см друг от друга. Дужки огибали кольцо и с обратной стороны крепились к пластине заклепками. Между пластиной и дужками был воткнут маленький однолезвийный ножичек длиной 8 см, с шириной лезвия в 1 см, толщиной в сечении 0,5 см. Поверхность его сильно коррозирована. На костях таза с левой стороны лежал железный однолезвийный нож длиной 12 см, шириной лезвия 1,7 см, толщиной в сечении 0,6 см. Под костями таза обнаружена янтарная бусина с сильно разрушенной поверхностью круглой формы, диаметр 1,2 см, высота 0,6 см, диаметр отверстия 0,6 см. Под фалангами пальцев левой руки находился другой однолезвийный железный нож длиной 17,5 см, толщиной в сечении 0,6 см. Рядом на уровне локтя с правой стороны был найден железный предмет в форме «бантика». Его длина 6 см, высота петель 2–2,5 см, толщина в сечении 0,6–0,9 см. В ногах погребенного раздавленный сосуд-кувшин.

Погребение 59. Кости погребенного разрознены. Голова ориентирована на ССЗ. Череп хорошей сохранности. Вместе с костями вперемежку встречались фрагменты керамики.

Погребение 60. Сохранилась часть скелета с нарушенным анатомическим порядком: малые и боль-

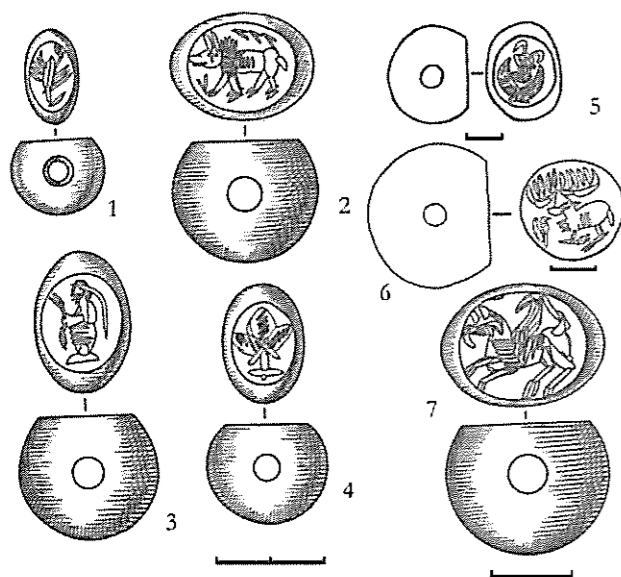

Рис. 1.32. Геммы из п.65; 5–7—геммы из соседних памятников Оттарского оазиса

шие берцовые кости, одна лучевая кость, позвонок. Инвентарь отсутствует.

Погребение 61. От костяка сохранились череп, и кости верхней части туловища: ребра, ключица. Кости перемешаны, нижняя челюсть в стороне. Череп сильно деформирован, с пробитым отверстием во лбу треугольной формы, ориентирован на запад с небольшим отклонением к югу. Под ним с восточной стороны между височной костью и костью нижней челюсти найдена раздавленная бронзовая пластинка, отдельные фрагменты погнуты, толщина в сечении 0,2 см; среди костей—розовая коралловая бусина высотой 1,7 см, диаметр 0,7 см, немного искривлена. За черепом на расстоянии 20 см на СЗ стоял сосуд—кувшин с носиком и ручкой. На горловине в качестве крышки находилась придонная часть другого сосуда, на внешней и внутренней поверхности темные коричневые пятна. Тесто в изломе серое с коричневатым оттенком, пористое, хорошо отмучено, с примесью дресвы. Диаметр дна 6 см. У кувшина часть венчика и шейки утрачена. Венчик высокий—2 см, с плоским ровным краем, сильно отогнут наружу, диаметр горла 11,5 см. Шейка прямая, слегка расширяется к тулову высотой 20 см, диаметр дна 13 см. Внешняя поверхность ровная, гладкая, лощеная, со следами коричневого с красноватым оттенком ангоба. Тесто в изломе серое, плотное, хорошо отмученное, пористое. В 60 см на юг от костей находился большой сосуд без дна, положенный на бок.

Погребение 62. Погребение детское, совершено в вытянутом положении на спине головой на ССЗ.

Скелет плохой сохранности. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые. Верхняя часть скелета сохранилась плохо, уходит в бровку раскопа. Длина сохранившейся части скелета 0,45 м. С западной стороны у черепа—маленькая кружечка высотой 5 см, диаметр горла 5 см, дна—4 см. Сосуд как и вся керамика некрополя, ручной лепки с неровным дном. Венчик прямой, частично разрушен. Придонная часть отделена от тулова пальцевыми вдавлениями. Ручка утрачена, по-видимому, была уплощена, судя по обломку, ее ширина 1,3 см, толщина 0,5 см. Тесто черепка в изломе темное, с большим количеством дресвы, рыхлое, хорошо отслаивается.

Погребение 63. Погребение совершено в хуме. Хум сильно разрушен: высота 0,90 м, диаметр 0,56 м. Сделан из теста коричневого цвета с розовато-фиолетовым оттенком. Тесто хорошо отмучено, плотное, отслаивается. Внешняя поверхность коричневого цвета с красноватым оттенком, покрыта светло-розовым ангобом. Хум ориентирован на ЮЮЗ. С южной стороны у дна находился небольшой сосуд, поставленный слегка наклонно. В хуме детское погребение с нарушенным анатомическим порядком. Полностью сохранилась левая половина скелета. Кости раздавлены. Инвентарь отсутствует.

Погребение 64. Погребение совершено в хуме. Хум толстостенный, внешняя и внутренняя поверхности коричневого цвета с красноватым оттенком. Внешняя поверхность ангобирована. Тесто в изломе коричневое с красноватым оттенком, пористое, хорошо отмученное, плотное. Высота хума 0,80 м, ширина 0,50 м, диаметр дна 0,25 м. Ориентирован хум горловиной на ЮЮВ. В сосуде погребение взрослого человека. Анатомический порядок скелета полностью нарушен. Кости черепа находились в северной части хума, кости ног и фрагменты костей таза—у горловины, перекрывая ее и перекрещиваясь между собой. Инвентарь представлен железной пряжкой полукруглой формы с подвижным язычком, высота прямой стороны 2,8 см, в сечении круглая толщиной 0,5 см. Язычок в сечении круглый, длиной 3 см, толщиной 0,8 см. Обнаружена пряжка у горловины хума.

Погребение 65. Женское захоронение, обнаружено на краю юго-западной стороны раскопа. Погребенная лежала в вытянутом положении на спине. Череп плохой сохранности, сильно деформирован, располагается на левом виске. В результате разрушения внутренней конструкции могильника верхняя часть скелета оказалась сползшей с горизонтальной поверхности и повернутой на левое плечо. Ноги вытянуты параллельно друг другу. Фаланги пальцев правой руки на костях таза, левая рука вытянута

вдоль туловища, немного отведена в сторону. Длина скелета 1,50 м, ориентирован на ЮЮВ. Погребальный инвентарь представлен набором бус. В области грудной клетки было расчищен амулетный комплекс, включавший четыре геммы с различными изображениями (рис. 1.32—1, 2, 3, 4; фото 18).

В этот же комплекс входили две халцедоновые бусины. Первая по форме близка к дисковидной, диаметр 2,9 см, высота 2 см, диаметр отверстия 0,5 см. Две бронзовые бусины круглой формы. Одна из них диаметром 2,75 см и высотой 2,6 см, диаметр отверстия 0,4 см, другая—диаметром 3,1 см, высотой 2,4 см, диаметр отверстия 0,5 см. Между этими двумя бусинами находилась маленькая сердоликовая гемма с изображением скорпиона диаметром так же в виде ложного перстня. С другой стороны одной из бронзовых бусин располагалась круглая сердоликовая бусина диаметром 1,5 см, высотой 1,2 см, диаметр отверстия 1 см; янтарная бусина диаметром 2,2 см, высотой от 1,5 до 2,3 см; бусина цилиндрической формы из коралла белого цвета с розовато-желтым оттенком, диаметр 1,8 см, высота от 1,9 до 2,3 см, диаметр отверстия 1 см. Комплекс был дополнен набором коралловых бус розоватого цвета, 77 экземпляров. Размер бусин различный: высота от 0,2 до 2 см, диаметр от 0,3 до 0,7 см. Условно бусы можно разделить на следующие группы: мелкие высотой от 0,2 до 0,7 см, диаметром от 0,3 до 2 см, диаметром от 0,3 до 0,7 см—13 штук. Бисер из стекловидной массы зеленого и синего цвета. Всего 138 штук. Синий более мелкий, диаметром от 0,3 до 0,5 см, высотой от 0,2 до 0,4 см. Зеленый крупнее, диаметром от 0,5 до 0,7 см, высотой от 0,2 до 0,4 см, 45 бусин со средним диаметром 0,3–0,5 см, из стекловидной массы белого цвета с желтоватым оттенком, их первоначальный цвет не ясен. Бусин округлой формы темного цвета с фиолетовым (чернильным оттенком), одна хрустальная круглая бусина с сильно коррозированной поверхностью. Две сердоликовые бусины диаметром 1,5 и 0,8 см, три бусины зеленого цвета из стекловидной массы, одна квадратная, две круглые, две бусины цилиндрической формы, одна бусина из стекловидной массы синего цвета. В области грудной клетки было обнаружено бронзовое зеркало в сильно разрушенном состоянии диаметром 7 см, толщиной в сечении 0,4–0,5 см с радиальным орнаментом и ручкой-петелькой. В погребении зеркало найдено в вертикальном положении—на ребре. Здесь же находился бронзовый кулон округлой в плане формы диаметром 2 см со сквозным отверстием посередине 1 мм диаметром и бортиком с закраиной шириной 1 мм, высотой 1 мм. В центре кулона ячейка для

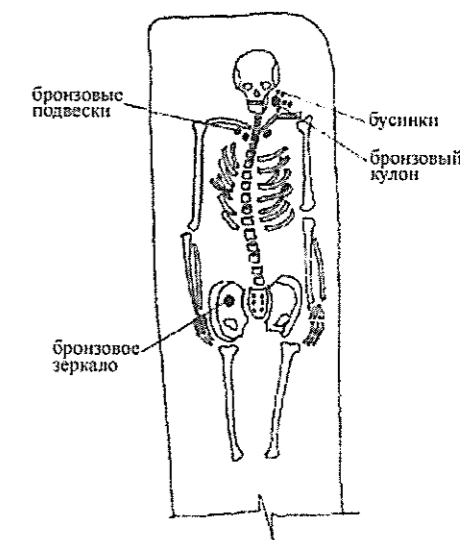

Рис. 1.33. Погребение 71.

вставки также округлой в плане формы, диаметром 1 см, высота бортика ячейки 1–2 мм. Под бортиком-закрайкой два отверстия диаметром 1–2 мм, расположенные рядом, по видимому, для нитки или тесьмы. Вставка кулона потеряна. У лобной кости черепа расчищены фрагменты бронзовой булавы-шпильки с навершием в виде шарика (фото 1.7). Длина сохранившейся части стержня 7,5 см, диаметр в сечении от 0,3 до 0,5 см, шарик раздавлен. Между костями черепа находились фрагменты бронзовой пластины толщиной 0,1 см. На запястьях обнаружены янтарные бусы дисковидной формы с сильно коррозированной поверхностью, коричневого цвета с желтым оттенком. 8 целых и от 5 бус фрагменты (фото 1w5). Диаметр бусин от 1,4 см до 2 см, высота до 1,4 см. Следует отметить, что верхняя и нижняя плоскости срезались не прямо, а наклонно, таким образом, боковая поверхность имела наименьшую и наибольшую высоты.

Под костяком, особенно под черепом, слой черного тлена.

Погребение 66. Располагалась под погребением 65. Совершено в вытянутом положении на спине. Череп с искусственной деформацией, плохой сохранности, слегка повернут в левую сторону. Левая часть скелета, за исключением локтевой кости, отсутствует. Верхняя половина туловища лежит наклонно, нижняя на боку, кости ног вытянуты параллельно друг другу, кости таза не сохранились. Общая длина скелета 1,30 м, ориентировка—ЮЮЗ. С левой стороны на расстоянии 30 см от костяка на уровне берцовых костей обнаружен сосуд—кувшин с ручкой и сльвом, лежит на боку, высота сосуда 29 см, диаметр горловины 9,6 см, диаметр тулова 19 см, диаметр

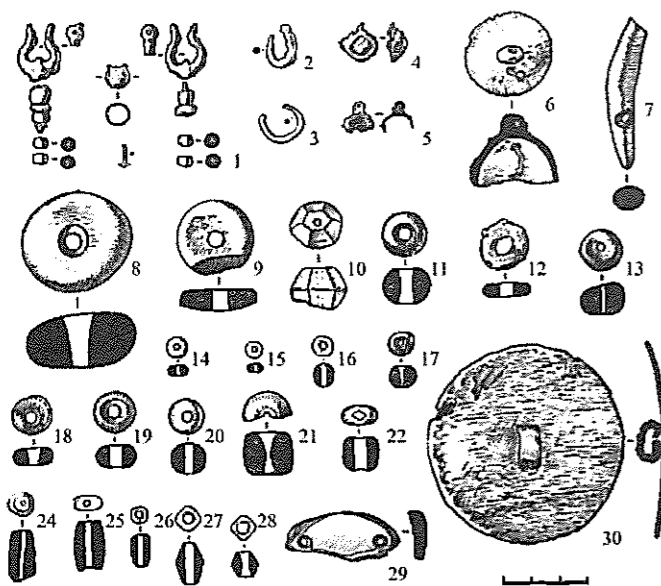

Рис. 1.34. Находки из погребения 71.

дна — 14,5 см. Венчик высотой 8 см, плавно переходит в тулово. Ручка уплощена, неровная, ребра сглажены, ширина 3 см, толщина 1,3 см. Внешняя и внутренняя поверхность шероховатая, неровная. Тесто плотное, пористое, хорошо отмучено.

Погребение 67. Погребение расположено рядом с погребением 66, частично его перекрывая. Совершено в вытянутом положении на спине, левая половина скелета отсутствует, фаланги пальцев руки на костях таза, нога согнута в колене под углом 90°, в бедре 40–45°. Ступни ног соединены вместе, обращены в правую сторону. Уровень расположения костей грудной клетки погребения 67 совпадает с уровнем костей рук и частично правой ноги погребения 66. Кости ног погребения 66, напротив, ниже костей черепа погребения 66. Общая длина костяка 1,15 м, ориентировка — ССЗ. Находок нет.

Погребение 68. Сохранились кости ног, находящиеся в вытянутом положении параллельно друг другу, ступни ног лежат рядом. Судя по сохранившимся частям, скелет был ориентирован на ЮЮВ. Длина сохранившейся части скелета — 0,80 м. Инвентаря нет.

Погребение 69. Погребение на спине в вытянутом положении. Верхняя часть скелета отсутствует, сохранившаяся часть позвоночника искривлена вправо. Кости рук перекрещиваются на костях таза. Ноги вытянуты, в области голени соединены вместе. Ступни ног отсутствуют. Костяк раздавлен, ориентирован ЮЮВ. Длина сохранившейся части скелета 0,93 м. Инвентаря нет.

Погребение 70. Скелет лежит на спине в вытянутом положении, головой на ЮЮВ. От черепа сохранились фрагменты. Руки, судя по останкам, были вытянуты вдоль туловища. Ступни ног соединены вместе, ноги располагались параллельно друг другу. Длина сохранившейся части скелета 1,79 м. Инвентарь отсутствует.

Погребение 71. Погребенная лежит на спине в вытянутом положении. Голова на правом виске, ориентирована на ЮЮВ. Руки вытянуты вдоль туловища, слегка разведены в стороны. Грудная клетка развернута вправо. В области поясницы анатомический порядок позвонков нарушен. Ноги вытянуты параллельно друг другу, сохранились только бедренные кости (рис. 1.33). Длина скелета 1,15 м. Инвентарь представлен бронзовым зеркалом круглой формы диаметром 7 см, толщиной 0,1–0,2 см, с немного изогнутой поверхностью. На оборотной стороне в центре находится ручка, изготовленная из бронзовой пластинки шириной 0,6 см, длиной 1,3 см, толщиной в сечении 0,1–0,2 см. Пластина была согнута в кольцо, сплющена, концы не сомкнуты (рис. 1.34 — 30). В погребении зеркало найдено на костях таза с правой стороны в горизонтальном положении, ручкой к скелету. Под костями таза обнаружен бронзовый шаровидный колокольчик — подвеска с утраченной нижней частью (рис. 1.34 — 6). Дужка высотой 0,5 см, шириной 0,5 см, толщиной 0,3 см, плавно переходит в шарообразное тулово, диаметр которого, вероятно, был равен 1,2 см. В тулове находился шарик-звонок диаметром 0,6 см. Общая высота предмета 1,8 см, поверхность сильно коррозирована. На шее и под затылочной частью черепа находились сердоликовые бусы (18 шт.) шаровидной формы, диаметром 0,7 см, высотой 0,7–0,9 см. Бронзовые серьги-подвески (2 шт.) подковообразной формы с поперечным диаметром 1,5 см, круглые в сечении. Концы высотой 0,8 см сплющены и слегка отогнуты. На каждом из концов по середине маленькое отверстие, в которое продевалась нитка, с помощью которой к серьге подвязывался бисер (рис. 1.34 — 1). В погребении найден бисер фиолетового цвета (50 шт.) диаметром 0,7 см, высотой 0,4 см. Четыре бусины из розового коралла: три мелкие (в среднем высота не более 0,2 см, диаметр 0,5 см) и одна плоская (высота 1,7 см, толщина в сечении 0,6 см), бусина синего цвета высотой 1,3 см из стекловидной массы, по форме близка к цилиндрической; 4 бусины зеленого цвета из стекловидной массы, две круглые диаметром 0,8 см и две квадратные: одна со сторонами 0,9 см, другая 0,6 см; одна хрустальная бусина в сильно разрушен-

ном состоянии и еще одна бусина из стекловидной массы биконической формы.

Погребение 72. Скелет лежит на спине в вытянутом положении. Голова слегка наклонена в левую сторону. Плечи приподняты, руки вытянуты вдоль туловища, немного согнуты в локтях. Фаланги пальцев правой руки у бедра, левой — на костях таза. Ноги расположены параллельно друг другу. Череп деформирован, ориентирован на ЮЮЗ. На нем слой тлена черного цвета толщиной 0,5 см. Длина скелета 1,50 см. Находок нет.

Погребение 73. Погребенный лежит на спине в вытянутом положении. Череп на левом виске, деформирован, ориентирован на ЮЮВ. Позвоночник изогнут в правую сторону, между 7–8 позвонками его порядок нарушен. Положение левого плеча выше правого, руки вытянуты вдоль туловища, фаланги пальцев правой руки на костях таза. Ноги в вытянутом положении. Инвентарь представлен бронзовой заколкой-шпилькой с навершием в виде шарика. Заколочка обнаружена сверху лобной части черепа. Стержень заколки обломан, в сечении круглый, диаметр 0,6 см. Длина сохранившейся части стержня 7,3 см (фото 1.7). Шарик состоит из двух половинок-полусфер диаметром 1,7 см. Каждая полусфера одевалась на тонкий стержень и плотно подгонялась к другой половине (рис. 1.35 — 1). Концы стержня, выходящие за верхнюю полусферу, загибались в разные стороны, тем самым закрепляя шарик. У обнаруженной булавки верхняя полусфера смещена. Вокруг стержня под шариком сохранились остатки нитки. На черепе, по костяку и под ним — тонкий слой черного тлена.

Погребение 74. Анатомический порядок костяка полностью нарушен, кости раздавлены. Сохранились фрагменты костей черепа, лучевая и локтевые кости рук, ребра, два позвонка, лопатка. Ориентировку погребенного установить не удалось. В 30 см на северо-восток лежала на боку маленькая кружка. Внешняя и внутренняя поверхности коричневого цвета со следами красного ангоба на внешней поверхности. Других находок нет.

Погребение 75. На поверхности могильника зачищено два черепа. Оба лежали на затылочных костях. Один из черепов разрушен полностью, у другого сильно повреждена лицевая часть. При расчистке у одного из черепов был найден фрагмент ручки сосуда, у другого — кубок (кружка без ручки), лежавший на боку горлышком на запад. Внешняя и внутренняя поверхности коричневого цвета. Внешняя поверхность покрыта красным ангобом с темными пятнами. Сосуд ручной лепки, края венчика и стенки неровные, дно уплощено. На одной из боковых стенок

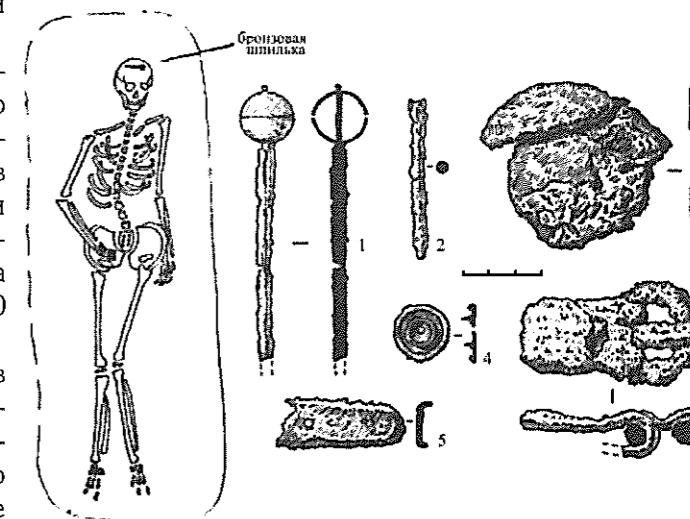

Рис. 1.35. Погребение 73. План и находки.

отверстие подквадратной формы. Венчик невысокий, слегка отогнут наружу, край венчика волнообразный высотой 1 см; высота шейки 2,5 см, шейка переходит в маленькие плечики, диаметр тулова 9,1 см, диаметр горла 8,2 см, диаметр дна 4,5 см, высота сосуда 11 см. Тесто в изломе коричневого цвета с красноватым оттенком, плотное, хорошо отмучено, пористое, с примесью мелкого песка.

Погребение 76. Совершено в лежащем на боку хуме высотой 0,70 м, диаметр дна 0,40 м, диаметр горловины 0,25 м, ширина 0,50 м. Сверху на горловину хума была одета придонная часть другого сосуда с диаметром дна 0,42 м. Ориентирован хум на ЮЮВ. Оба сосуда из плотного теста, хорошо отмученного, пористого, с примесью дресвы. Внешняя поверхность коричневая с красноватым оттенком, покрыта ангобом светло-зеленого цвета. В хуме детское захоронение с нарушенным анатомическим порядком костей. Сохранность скелета плохая, фрагменты черепа находились у левой стенки, ближе ко дну. Кости таза в центре, кости ног выходили за пределы горловины сосуда. В заполнении при расчистке были встречены фрагменты тонкой бронзовой пластины. С правой стороны хума находились обломки тонкостенного сосуда. Внешняя и внутренняя поверхности сосуда коричневого цвета, тесто в изломе серое, пористое, плотное, с примесью дресвы.

Погребение 77. От скелета сохранились кости ног, вытянутые параллельно друг другу, ступни между собой соединены. На костях и под ними слой черного тлена. Длина сохранившейся части скелета 0,80 м. Судя по имеющимся частям, погребенный был ориентирован на ССЗ. Находок нет.

Погребение 78. На месте погребения находились разрозненные кости человека вперемежку с большими фрагментами керамики. От скелета сохранились преимущественно кости верхней части: ребра, кости рук, а также тазовые кости. Инвентаря нет.

Погребение 79. Совершено в вытянутом положении на спине, ориентировано ЮЮВ. Череп на левом виске, руки вытянуты вдоль туловища, грудная клетка придавлена, ноги в вытянутом положении, ступни соединены вместе, обращены в левую сторону. Длина скелета 1,73 м, под ним слой черного тлена. У большой берцовой кости, ближе к ступне, с левой стороны в положении на боку находился сосуд с носиком. Другой погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение 80. Совершено в уложенном набок хуме высотой 1,10 м, шириной 0,75 м, диаметр горловины 0,50 м. Сосуд раздавлен, поверхность коричневого цвета с красноватым оттенком, на внешней поверхности светло-зеленый ангоб. Тесто в изломе коричневое с красноватым оттенком, пористое, хорошо отмучено, с большой примесью песка, плотное. Хум ориентирован ЗЗЮ, в нем у дна фрагмент бедренной кости, ключица, фрагменты костей рук. В горловине — крестец. Инвентарь отсутствует.

Погребение 81. Детское захоронение с нарушенным анатомическим порядком скелета. На костях черепа и под ними, а также на шейных позвонках мелкие стеклянные бусы — бисер синего цвета, 20 шт. Диаметр — от 0,1 до 0,5 см. Бисер изготовлен путем отсекания от стеклянной трубочки, круглой в сечении. Высота бисера — от 0,1 до 0,3 см. Слева от костей черепа находились более крупные бусы из стекловидной массы желтого цвета (5 шт.) имели форму уплощенного цилиндра высотой от 0,7 до 1,3 см, толщина в сечении от 0,5 до 0,7 см; 4 бусин имели боченковидную форму, диаметр от 0,7 до 1,3 см, высота от 0,7 до 0,9 см. Здесь же найдены сердоликовые бусы, 17 шт, бипирамидальной формы, высотой от 0,7 до 1,4 см, толщина в сечении от 0,3 до 0,7 см, и плоская подвеска из перламутра толщиной 0,5 см, длиной 4 см, и плоская подвеска из перламутра толщиной 0,5 см, длиной 4 см, с двумя сквозными круглыми отверстиями диаметром 0,2 см и диаметром 1,3 см, шириной от 0,1 до 0,3 см. Под черепом находились ребра, позвонки, фрагмент лучевой кости. Сверху на костях стоял маленький сосуд. Внешняя и внутренняя поверхности его коричневого цвета с серым оттенком и темными пятнами. Сосуд ручной лепки. Венчик прямой, высотой 1 см, с неровными краями. Длина горла 4 см, диаметр тулова 4,8 см, диаметр дна 3,4 см, высота 6,3 см. Тесто в из-

ломе серое, хорошо отмученное, плотное пористое, с добавлением дресвы и шамота.

Погребение 82. Совершено в скорченном положении лежа на правом боку, голова повернута в правую сторону. Руки согнуты в локтях, фаланги пальцев под нижней челюстью. Правая рука в области локтя как бы обхватывает левую. Ноги согнуты, колени почти на уровне таза. Положение левой ноги выше правой, за счет чего правая нога выдвинута немного вперед. Ступни ног друг с другом не соприкасаются, повернуты в правую сторону, в области щиколоток согнуты. Ориентировка погребения определена как ЮЮВ. Длина скелета 1,45 м. По костяку и под ним слой черного тлена.

Погребение 83. Совершено в вытянутом положении на спине, ориентировано ВВЮ. Часть скелета осталась за бровкой раскопа. Левая рука вытянута вдоль туловища. Длина расчищенной части скелета 0,75 м. В погребении найдены фрагменты железного ножа.

Погребение 84. Анатомический порядок костяка нарушен. Кости таза и кости ног лежали вперемешку. Верхняя часть скелета отсутствует. Одна из костей таза пробита, в плане это треугольное отверстие 3x3 см. Инвентаря нет.

Погребение 85. Погребение большей частью осталось за бровкой раскопа. Скелет лежит на животе. Левая половина скелета — ребра, рука — за бровкой раскопа. Правая рука вытянута вдоль туловища, согнута в локте, фаланги пальцев под костями таза. Череп ориентирован на ССВ, стоит почти вертикально. Ноги вытянуты, но отведены немного в сторону. Длина выявленной части скелета 1 м. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение 86. Анатомический порядок костяка нарушен. В не потревоженном состоянии кости одной из ног, ориентированные на ССЗ. В 30 см от них в направлении ССВ вперемешку располагались фрагменты костей черепа, фаланги пальцев, ребра, берцовая кость, ключица, 3 позвонка. Таким образом, кости ног и другие кости находились под углом 90° по отношению друг к другу.

Погребение 87. Захоронение детское, в кувшине. Сосуд располагался под углом 45° к поверхности, горловиной на ССВ. Часть горловины утрачена. Кувшин лежал ручкой вверх, ширина ее 2,5 см, толщина 0,6 см. Внешняя и внутренняя поверхности коричневого цвета с красноватым оттенком. На внешней поверхности темные пятна, высота сосуда 37 см. В кувшине ближе к горловине обнаружено 2 позвонка ребенка. Других находок нет.

Погребение 88. Погребение в кувшине. Сосуд лежал на боку горловиной на ЮЮЗ. Внешняя и вну-

тренняя поверхности коричневого цвета. Внешняя поверхность покрыта красным ангобом, на котором прослеживаются пятна серого ангоба и темные пятна копоти. Поверхность лощеная. Высота сосуда 37 см, диаметр горла 11 см, тулова — 24 см, дна — 15, 5 см. Венчик высотой 1,3 см отогнут наружу, края неровные. Шейка высотой 8 см расширяется к тулову. Носик имеет воронкообразную форму, частично утрачен. Высота 4 см, диаметр 3 см. Ручка уплощена, ее ширина 2 см, толщина 0,7 см. Тесто в изломе коричневое, пористое, хорошо отмучено. В кувшине найдены позвонки и часть фаланги пальца. Рядом с кувшином у дна лежит нижняя челюсть человека. В сторону на ЮЮЗ от кувшина обломки хума с внешней поверхностью коричневого цвета. Инвентарь отсутствует.

В направлении на ЮЮЗ на расстоянии 0,5 м от погребения 88 обнаружены два сосуда: кувшин с узким горлом и широким туловом стоял вертикально, горловиной вверх у дна другого сосуда, лежащего на боку горловиной на ЮЮВ. Верхняя часть хумки утрачена. Внешняя и внутренняя поверхности коричневого цвета, тесто в изломе рыхлое, легко отслаивается, с примесью шамота; на внешней поверхности темные пятна.

Погребение 89. Расчищено два сосуда один в другом. Оба ориентированы горловинами на ССВ. Найдены в положении лежа на боку, в сильно раздавленном виде. Внешний сосуд представлял собой высокий горшок. Внешняя и внутренняя поверхности коричневого цвета. В этом сосуде с такой же ориентировкой лежит сосуд без дна. По его тулову нанесен орнамент из вдавленных палочкой и зигзагообразной линии. В кувшине детское погребение головой на ССВ. Руки вдоль туловища. Кости плохой сохранности.

Погребение 90. Скелет лежит на спине в вытянутом положении головой на ССЗ. Длина костяка 1,60 м. Череп на левом виске, лицевая часть сильно повреждена, руки вытянуты вдоль туловища. Левая рука слегка согнута в локте, фаланги пальцев на костях таза. Ноги прямые, ступни соединены вместе. Под костяком тонкий слой черного тлена. У челюсти фрагмент керамического сосуда.

В сезоне 2004 г. работы на некрополе Коныр-тобе I были продолжены на восточных секторах «В» и «С», в которых в прошлом мы углубились на небольшую глубину (рис. 1.36). Здесь было расчищено еще 30 погребений.

Погребение 91¹² расположено в секторе С. Скелет лежит на глубине 25–30 см от дневной поверхности на спине, руки вдоль туловища, кисти на полу,

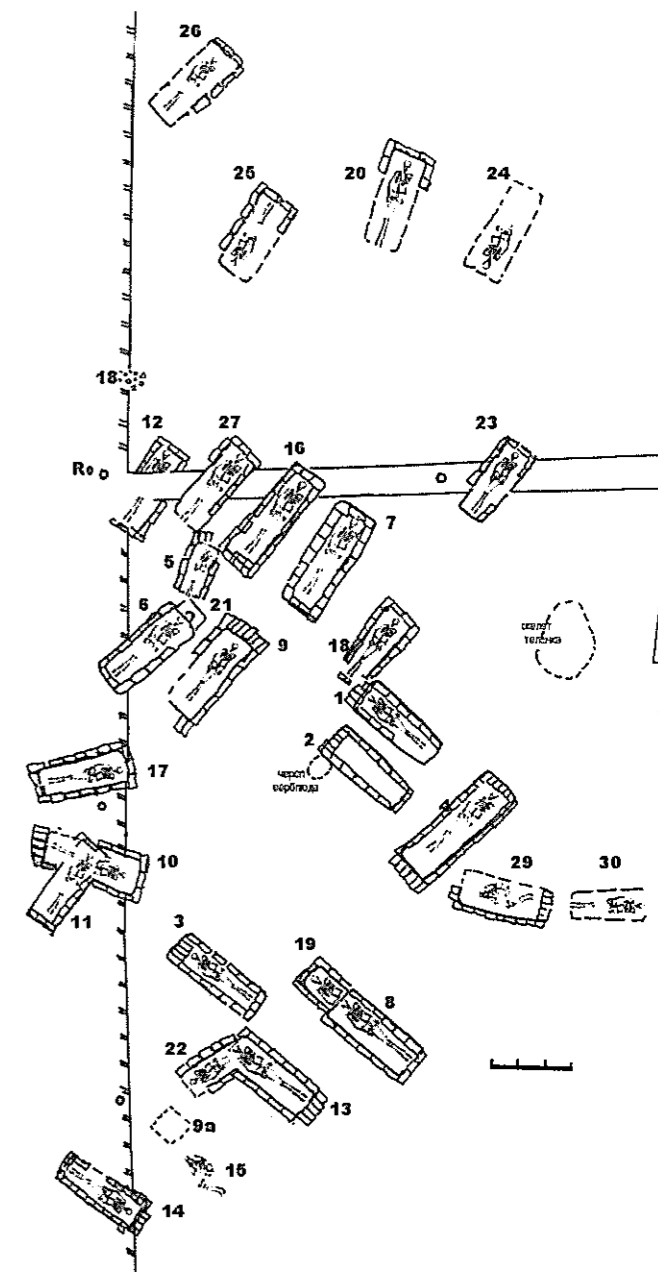

Рис. 1.36. План погребений, вскрытых в 2004 г.

ноги перекрещены. Головой ориентирован на СЗ (30°), длина скелета 1,50 м. На правой тазовой кости круглая железная пряжка (диаметр — 3 см) (фото 1.21–33, 34). Поперек левой части таза, на поясе, лезный нож длиной 17 см. У правого бедра кости передней ноги овцы. Глубина дна погребальной камеры относительно R0 — 1,33 м.

Скелет лежит в сырцовом ящике, справа от него в 1,20 м. также в сырцовом ящике из серого кирпича (30x50x10см) погребение 92.

Погребение 92 оказалось разрушенным, кости перемешаны, находок нет. При горизонтальной за-

¹² №1 полевого отчета за 2004 г.

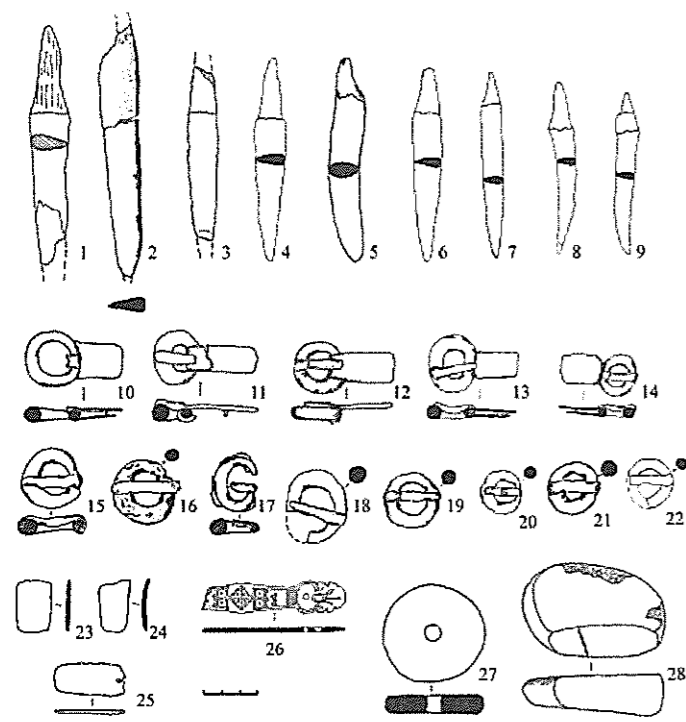

Рис. 1.37. Находки из погребений №91—120.

чистке хорошо просматриваются кирпичи всех четырех стенок склепа.

Погребение 93 в 4,50 м к западу от погребений 91 и 92, на глубине 20 см от уровня дневной поверхности. Ориентировано на СЗ, ноги перекрещены. Находок нет. Череп хорошей сохранности. Кисти рук на тазовых костях. Длина скелета 1,50 м. Глубина относительно R0—0,9 м.

Погребение 94 к ЮВ от погребений 91 и 92, ориентировано головой на СВ (60°). Верхняя часть скелета плохой сохранности. Лучшей сохранности кости таза и ног. Ноги перекрещены, кисти рук на полу могильной ямы. Глубина относительно R0—1,55 м.

На поясе железная круглая пряжка (диаметр—3 см), чуть ниже железный нож длиной 13 см. Выше на поясе еще одна железная пряжка (диаметр—3 см) и две железные наременные пластины (рис. 1.37; фото 1.21—5, 6, 7).

В ногах раздавленный красноангобирванный кувшин с носиком-сливом. Кувшин с раздутым туловом, из плотного теста, обжиг полный. Покрит розовато-красным ангобом. Ручка от плечика к середине горловины (утрачена). Высота кувшина 26,5 см, диаметр венчика—11,0 см, диаметр дна—14,8 см, диаметр тулова—22,0 см (рис. 1.49—1; фото 1.20—1).

Погребение 95 детское (ребенок 5—6 лет), в 2,30 м от репера на ЮВ. Ориентировано головой на

СВ (30°), лежит вытянуто на спине, руки вдоль туловища чуть раздвинуты в локтях, кости ног параллельны, череп плохой сохранности. Длина скелета 85 см (фото 1.22). Слева от черепа маленькая кружечка из рыхлого черного теста. Высота кружечки 9,0 см; диаметр тулова—7,5 см. На поверхности следы копати. Тесто рыхлое с большой примесью шамота.

У правой ступни красноангобирванная кружечка с кольцевой ручкой (фото 1.20—2). Из плотного коричневого теста, обжиг полный, ровный, ручной лепки, покрыта красно-коричневым ангобом. Высота кружечки—12,5 см, диаметр венчика—8,7 см; диаметр дна—7,0 см; диаметр тулова—11,8 см. В области шеи мелкий бисер.

Глубина относительно R0—0,74 м.

Погребение 96 расположено в 2 м к ЮЗ от погребения 95, ориентировано головой на СВ. Скелет вытянут на спине, кости ног в голених перекрещены, руки вытянуты вдоль туловища, кисти на полу могильной ямы. Глубина относительно R0—0,93 м.

В области пояса найден железный нож длиной 9,5 см и круглая железная пряжка диаметром 3,0 см. В ногах справа рифленый кувшин, у левой голени кости задней ноги барана. В области таза справа найдена крупная каменная бусина и плоский овальный каменный амулет с отверстием (фото 1.21—8—11).

Кувшин стройный, вытянутых пропорций, ручной лепки. Был покрыт черно-коричневой обмазкой, ручка от середины горловины к плечу, уплощенная с желобком с внешней стороны. Высокая горловина (9 см) имеет три рельефных ребра и оттянутый слив напротив ручки, по тулову спиральная прочерченная линия. Высота кувшина—33,5 см; диаметр венчика—13,5 см; диаметр дна—11,8 см; диаметр тулова—17,4 см (фото 1.20—8).

Погребение 97 расположено в 2,1 м к востоку от детского погребения 95. Положение скелета стандартное, вытянутое на спине, руки вытянуты вдоль туловища, кисти на дне могильной ямы, ступни ног плотно сведены.

У ступней красноангобирванная кружечка и бараньи ребра. Кружечка из плотного светло-коричневого теста, обжиг полный неровный, снаружи покрыта красно-коричневым ангобом. Место перехода горловины к плечу выделено ребром. Ручка кольцевидная с выступом-шишечкой в верхней части. Высота кружечки 10,1 см; диаметр венчика—8,1 см; диаметр дна—5,5 см; диаметр тулова—10,0 см (фото 1.20—3). На поясе расчищены две круглые железные пряжки (фото 1.21—18—22).

Глубина залегания скелета относительно R0—1,12 м.

Погребение 98 расположено в южной части сектора С. Скелет залегал на глубине 30 см от уровня

современной дневной поверхности. Ориентирован головой на СЗ, лицом обращен на юг. Череп с явными признаками деформации, раздавлен. Кости сильно истлели. Ступни ног плотно сведены, но не перекрещены. Длина скелета 1,35 м.

Слева от черепа желтоангобиранный кувшин; такой же, но меньших размеров, был поставлен между бедрами (фото 1.20—7, 9). Справа от черепа круглая железная пряжка.

Большой кувшин небрежной лепки, толстостенный, ручка верхним концом крепится к середине горловины, а нижним к плечу. Тесто плотное, обжиг полный и ровный. Высота—20,3 см; диаметр венчика—9,0 см; диаметр дна—8,6 см; диаметр тулова—13,6 см.

Меньший кувшинчик покрыт светло-коричневым ангобом, толстостенный, небрежной лепки. Ручка верхним концом крепится к середине горловины, а нижним к плечу. Высота—14,3 см; диаметр венчика—9,6 см; диаметр дна—7,3 см; диаметр тулова—11,6 см. Глубина относительно R0—1,48 м.

Погребение 99 расположено рядом с погребениями 95 и 96, ориентировано головой также на СВ. Кисти рук на дне могильной ямы, ступни перекрещены. Вплотную к ступням поставлен большой красноангобиранный кувшин с носиком-сливом, и вплотную к нему положена задняя нога барана. Между левым локтем и ребрами расчищен амулетный набор, состоящий из двух каменных амулетов с отверстиями, крупной керамической розовой бусины и трех бронзовых козличков. Под ручкой кувшина тамга—перечеркнутый овал (фото 1.23; 20—6; рис. 1.49—6).

Кувшин из плотного хорошо промешанного теста, обжиг ровный, полный. Ручка соединяет середину горловины и плечу. Напротив трубчатый носик-слив высотой 3,8 см и диаметром 2,7 см. Высота горловины 7,8 см; высота кувшина—30,5 см; диаметр венчика—10,6 см; диаметр дна—11,4 см; диаметр тулова—20,8 см.

Бронзовые козлики размером 30x30 мм с раздвоенными рогами (фото 1.19—1). Глубина залегания скелета относительно R0—1,26 м.

Погребение 99а детское, расположено в середине южной части сектора С. Почти на современной дневной поверхности. Череп и кости верхней части скелета не сохранились.

В ногах обнаружена кружечка с кольцевой ручкой. Кружечка из плотного коричневого теста, обжиг ровный, полный. Поверхность покрыта красно-коричневой ангобной обмазкой. Ручка прикреплена к середине тулова. Высота сосуда—12,6 см; диаметр венчика—7,8 см; диаметр дна—7,0 см; диаметр тулова—10,7 см.

Погребение 100 оказалось под бровкой С-Ю на глубине 1,46 м от репера. Скелет ориентирован головой на ЮВВ. Положение обычное, лишь левая рука на тазовых костях. Длина скелета 1,50 м.

Рядом с черепом небольшой кувшин с носиком-сливом, из плотного светло-коричневого теста, обжиг полный, ровный. Ручка уплощенная с выступом-шишечкой в верхней части. Верхним концом крепится к середине горловины, нижним—к плечу. От нижних краев ручки по плечу отходят два налипших «усика». На противоположной стороне трубчатый носик-слив длиной 4,0 см, диаметром 3,2 см. По месту соединения горловины и плечика ногтевидные наколы и прочерченные тупым инструментом линии. Высота—12,0 см; диаметр венчика—8,8 см; диаметр дна—9,0 см; диаметр тулова—14,2 см (фото 1.20—4).

Погребение 101 расположено над погребением 100 частично перекрывая его на высоте 90 см. Ориентировано головой на СВ. Положение скелета традиционное, кости ног параллельны, ступни не сведены. Кисти рук на дне могильной ямы. Череп на правом виске. В области таза расчищена круглая железная пряжка, две железные наременные пластинки и железный нож длиной 11 см (длина сточенного лезвия 8 см) (фото 1.21—23—26). Сосуд отсутствует. Глубина относительно R0—0,57 м.

Погребение 102 обнаружено в самом углу сектора В, ориентировано головой на СВ. Положение скелета обычное. У правого локтя обнаружен амулетный набор из трех бусин—маленькая круглая сердоликовая, граненная хрустальная и граненная крупная пастовая, и две косточки с отверстиями для подвешивания и с кусочком сурьмы (фото 1.24).

Кувшин с носиком-сливом. Тесто плотное. Поверхность покрыта коричневым ангобом. Ручка верхним концом крепится к середине горловины, а нижним к плечу, в верхней части ручки имеется выступ. Носик-слив расположен на противоположной стороне ручки. Высота кувшина—32,0 см; диаметр венчика—11,0 см; диаметр дна—16,0 см; диаметр тулова—23,0 см. Глубина относительно R0—1,22 м.

Погребение 103 в секторе С, рядом с погребениями 93 и 98. Скелет ориентирован также головой на СЗ, лицом обращен на юг. Руки вдоль туловища, кисти рук на полу, прижаты к тазу. Кости ног не перекрещены, но близко сдвинуты.

Сосуда нет. В области шеи несколько пастовых бисеринок. Глубина относительно R0—1,34 м.

Погребение 104 детское (девочка лет 9—10), ориентировано черепом на ЮВ (45°). Положение тради-

ционное: руки на полу, ноги вытянуты, плотно прижаты. Глубина относительно R0 — 1,26 м.

В ногах кувшин, на венчик которого поставлена кружка. На груди и в области шеи расчищена россыпь стеклянного бисера синего и голубого цвета.

Обжиг кувшина неполный, покрыт темно-коричневым ангобом. Ручка прикреплена к середине горловины и к плечу. Высотой 10,0 см; диаметр венчика — 9,5 см; диаметр дна — 8,2 см; диаметр тулова — 13,2 см. Кружечка из плотного коричневого теста, обжиг полный, ровный. Поверхность покрыта ангобной обмазкой темно-коричневого цвета. Ручка прикреплена к тулову, имеет пяточку — упор. Пропорции приземистые. Высота — 6,2 см; диаметр венчика — 7,6 см; диаметр дна — 6,0 см; диаметр тулова — 8,2 см.

Погребение 105. Положение скелета скорченное, на правом боку. Ноги сильно согнуты в коленях, руки поджаты на животе.

Признаков сырцового ящика нет, погребение совершено, вероятно, в простую яму. При этом разрушено более раннее погребение, кости которого лежат рядом и перемешаны. Глубина относительно R0 — 1,53 м.

Погребение 106. Скелет крупного мужчины, длина костяка — 1,70 м. Голова и грудь в бровке З-В. Ориентирован также на ССВ. Череп на правой щеке, руки на тазовых костях, ноги перекрещены. Кисти рук на локте, под ними железный кинжал длиной 28–30 см, длина лезвия 22,0 см, черенок — 6,0 см. Ниже железный нож длиной 14,0 см (фото 1.25).

На краю правой тазовой кости железная пряжка с пластинкой диаметром 4,0 см, рядом круглая железная пряжка диаметром 2,8 см.

В ногах, справа, большой кувшин с носиком-сливом, рядом на полу лопатка и ребра барана. Кувшин и нижний край могильной ямы под конструкциями погребения 105. Лежит на 30–40 см ниже соседних погребений, на одном уровне с погребением 102. Глубина относительно R0 — 1,3 м.

Погребение 107 в бровке СЮ. Ориентировано головой на ЮЮВ. На тазовых костях круглая железная пряжка и два ножичка. Череп на левом виске. Лежит почти на уровне современной дневной поверхности. Кости ног ниже колен были сняты раньше в секторе Д. Глубина относительно R0 — 0,49 м.

Керамики нет. Ножи лежат поперек нижней части таза, вплотную друг к другу, рукоятями направо. Длина — 14,0 и 11,0 см. Пряжка диаметром 33 мм. (фото 1.21 — 36–38)

Погребение 108 детское, рядом и ниже погребения 91. Скелет ориентирован головой на СВ. Руки на

тазовых костях, ноги плотно прижаты. В области тазовых костей найден фрагмент костяной орнаментированной пластинки, вероятно, ручка костяной ложки (фото 1.21–35). Череп раздавлен. Ноги частично перекрыты конструкцией погребения 91. Глубина относительно R0 — 1,81 м.

Погребение 109 ориентировано головой на СЗ, скелет лежит вытянуто на спине. Руки вдоль туловища, слегка раздвинуты. Ноги не перекрещены. Находок нет. Глубина относительно R0 — 1,72 м.

Погребение 110. Костяк ориентирован головой на ССВ. Череп лежит на левом боку. Кисти правой руки на тазовых костях, левой — вдоль туловища. Фаланги правой ноги лежат поверх левой. Находок нет.

Погребение 111 детское, костяк длиной 1,15 м, ориентирован головой на СВ. Руки вдоль туловища. Ноги раздвинуты и перекрещены в стопах. Это погребение залегало на глубине 0,70 м от уровня дна могильной ямы погребения 6 и полностью перекрывалось вышележащим и так же ориентированным погребением.

Под нижней челюстью на ребрах круглая железная пряжка. У правого локтя железный ножик. В ногах кувшин, почти аналогичный кувшину из погребения 96. Возле кувшина ребра барана.

Кувшин стройный, вытянутых пропорций, ручной лепки. Был покрыт красно-коричневой обмазкой, ручка от середины горловины к плечу, уплощенная с желобком с внешней стороны. Высокая горловина (9 см) имеет три рельефных ребра. Высота кувшина — 27,0 см; диаметр венчика — 9,5 см; диаметр дна — 9,5 см; диаметр тулова — 17,5 см. На стенке трещина, вдоль которой пять пар сквозных отверстий, свидетельствующих о ремонте сосуда (фото 1.20–10).

Погребение 112. Анатомический порядок скелета нарушен, ориентирован головой на ЮЗ. Череп лежит на левом боку. Правая рука направлена вверх, согнута в локте, кисти рук перед лицом. Левая рука расположена вертикально и согнута в локте. Ноги приподняты на 45°. Сопроводительный инвентарь отсутствует.

Погребение 113 под бровкой ЗВ. Скелет ориентирован на СЗ. Череп лежит на правом виске. Правая рука вдоль туловища, левая — под тазом. Ноги лежат на правом боку, согнуты в коленях. Череп раздавлен. Инвентаря нет.

Погребение 114 (в секторе С). Ориентировано головой на ЮЗ. Руки вдоль туловища. Череп лежит на правом виске. Инвентарь отсутствует.

Погребение 115 (в секторе В). Ориентировка ЮЗ. Длина скелета — 138 см. Руки вдоль туловища. Ноги согнуты в коленях, лежат выше таза под углом 35°. Инвентарь отсутствует.

Погребение 116. Ориентировка СЗ. Длина скелета — 120 см. Руки вдоль туловища. Находок нет.

Погребение 117. Под бровкой ЗВ. Скелет головой на СЗ. Костяк лежит на левом боку. Левая рука находится под ребрами, правая — впереди туловища. Ноги согнуты в коленях. Инвентарь отсутствует.

Погребение 118. Под бровкой СЮ. Кости перемешаны, лежат на разном уровне (от 60 до 120 см от уровня дневной поверхности). Среди костей найдены бусы: агатовые, сердоликовые, пастовые, бронзовые колокольчик и колечко, подвеска из белого галечника.

Погребение 119. Костяк лежит на левом боку и ориентирован головой на СЗ. Правая рука под ребрами, левая спереди. Ноги согнуты в коленях. Инвентарь отсутствует.

Погребение 120. Скелет лежит головой на восток. Руки вдоль туловища. Череп на правом боку. Инвентарь отсутствует.

В ходе вскрытия участков между погребениями на разной глубине платформы были обнаружены отдельные сосуды, бусинки, амулеты. Они не связаны с конкретными скелетами (погребениями) и, вероятно, являются своеобразными подношениями, или же это остатки разрушенных более ранних погребений. Так в секторе С на глубине 170 см найден кувшин, кружка и оселок из гальки зеленого цвета (фото 1.23 — 13, 16).

Кувшин небрежной лепки высотой — 16,0 см; диаметр венчика — 8,6 см; диаметр дна — 9,0 см; диаметр тулова — 14,4 см. Сосуд изготовлен из плотного теста с примесью шамота и песка. Поверхность покрыта светло-коричневым ангобом.

Кувшинчик из рыхлого теста, обжиг неполный, поверхность покрыта светло-коричневым ангобом, местами закопчена. Высота — 9,0 см; диаметр венчика — около 6,0 см; диаметр дна — 6,5 см; диаметр тулова — 9,5 см.

Помимо этих «случайных» находок нужно отметить находку черепа верблюда около погребения 92 и захоронение скелета теленка (?; кости сильно истлели) в восточной части сектора С.

Некрополь Коныр-тобе II

Могильник *Коныр-тобе II* представляет собой оплывший холм высотой 1 м, диаметром 40–45 м, расположенный в 40 м на ЮЗ от холма Коныр-тобе I.

Погребение 1. Расчищено почти на дневной поверхности. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги в области голени соединены вместе. Череп разрушен. Фаланги пальцев рук и ног не сохранились. Длина скелета 1,20 м, ориентирован головой

на восток. Погребальный инвентарь представлен керамическим пряслицем. В погребении пряслице было найдено расколотым на две половинки, имеет боченковидную форму высотой 2 см, диаметр по тулову 2,6 см, по середине округлое в плане отверстие диаметром 0,7 см. Диаметр одного конца — 2,2 см, его грани заглажены, диаметр другого конца — 2,3 см, его поверхность была вдавлена большим пальцем. Грань между боковой плоскостью и верхней поверхностью срезали, за счет чего она стала ровной и плоской, шириной 0,3 см. Предмет ручной лепки. Внешняя и внутренняя поверхности коричневого цвета. Тесто в изломе плотное, хорошо отмучено, пористое, коричневое. На костях таза обнаружена круглая железная пряжка с пластиной. Керамический сосуд высотой 11,5 см, диаметр горла 7 см, диаметр тулова 9,3 см, диаметр дна — 5,5 см. Венчик невысокий, слегка отогнут наружу, частично разрушен. У сосуда была ручка толщиной 1,2 см. Тесто в изломе серое, пористое, с примесью шамота и дресвы. Внешняя и внутренняя поверхности сосуда коричневого цвета с красноватым оттенком и большими пятнами темного цвета.

Погребение 2. Детское погребение в кувшине. Сосуд лежал на боку, горловиной на ССВ. Придонная часть отсутствует. Общая высота 40 см, диаметр тулова 28 см. Венчик широкий (2 см) с желобком и неровными вдавлениями по краю, отогнут наружу, диаметр горла 12,5 см, диаметр шейки от 9,8 см, в верхней части до 15 см, в нижней — 10 см. Диаметр обломанной придонной части 21 см. Ручка сосуда плоская, края прямые, ширина 2,5 см, толщина 1 см. Носик воронкообразный, на сливе сплюснен, край неровный, высота 4 см, диаметр 4 см. Внешняя и внутренняя поверхности сосуда коричневого цвета. На внешней поверхности следы красного и темного ангоба. Тесто в изломе коричневое, пористое, хорошо отмучено. Кости скелета в кувшине перемешаны, главным образом ребра и кости ног. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение 3. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на ЮЮВ. Руки вытянуты вдоль туловища. Правая рука слегка согнута в локте, фаланги пальцев на костях таза. Ноги перекрещиваются в области щиколотки. Череп плохой сохранности, немного повернут в левую сторону. По ходу зачистки под погребением были обнаружены кости другого скелета, грудная клетка которого располагалась под коленями верхнего скелета, судя по ее положению, нижнее погребение было ориентировано на север. На костях таза с левой стороны найдена круглая железная пряжка с пластиной. Пла-

стина квадратная 2x2 см, конец утрачен, толщина в сечении 0,2 см, огибает кольцо пряжки. Плоскости пластины между собой крепятся заклепкой. Кольцо пряжки уплощено, в сечении 0,4 см, диаметр кольца 2,5 см, ширина 0,6—0,7 см. Язычок длиной 2 см, разрушен коррозией. В 80 см вправо от костяка на боку лежала маленькая кружка с ручкой. Сосуд тонкостенный, высотой 8 см, диаметр горла 6,3 см, диаметр тулова 7,3 см, диаметр дна 5,5 см. Венчик высотой 1 см, сильно отогнут наружу, шейка невысокая, плавно переходит в тулово. Ручка уплощена, шириной 0,6 см. Внешняя и внутренняя поверхности сосуда коричневого с красноватым оттенком цвета и пятнами темного ангоба на внешней поверхности. Тесто в изломе плотное, пористое, хорошо отмучено. По ходу зачистки погребения в грунте встречались кусочки пережженного угля.

Погребение 4. Положение погребенного обычное — лежа в вытянутом положении на спине. В сохранности осталась лишь незначительная часть скелета: кости рук, ног и фрагменты костей таза. На их основе ориентировка погребенного определена ССЗ. Череп хорошей сохранности, «стоит» вертикально. Руки вытянуты вдоль туловища, уровень расположения левой руки на 2–3 см выше уровня расположения остальной части скелета. Позвоночник в области поясницы вывернут в правую сторону. Ноги вытянуты параллельно друг другу, в области ступней соединены вместе. Длина скелета 1,55 см. Под черепом и костяком слой черного тлена. На левом плече стоит в вертикальном положении кружка с утраченной ручкой. Венчик почти прямой, высотой 1,5 см, плавно переходит в шейку высотой 2 см, диаметром 8,5–9,1 см, диаметр тулова 13,5 см, диаметр горла — 9 см, диаметр дна 10,5 см, высота сосуда 20,5 см. Внешняя и внутренняя поверхности коричневого цвета. На внешней поверхности по венчику и шейке остатки светло-зеленого ангоба, а также полосы и пятна, прочерченные крест на крест темным ангобом. Другой погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение 6. Погребенный лежит на спине, ориентирован на восток. Череп нет. Скелет плохой сохранности. Правая рука согнута в локте, фаланги пальцев на костях таза. Левая рука согнута в локте, фаланги пальцев на локте правой руки. Ноги разведены в стороны, согнуты в коленях и поставлены на ступни. Берцовые кости, по-видимому, перекрещивались. Длина сохранившейся части скелета 1,54 м. Инвентаря нет.

Погребение 7. Детское погребение в кувшине. Сосуд лежал на боку, горловиной на север, ручкой вверх, без дна, высота сосуда 42 см.

Анатомический порядок костяка разрушен. Череп ориентирован на юг, под ним ребра и кость руки. Слева от черепа газовая кость. Кости ног в горловине. Инвентарь отсутствует.

Погребение 8. Анатомический порядок костяка нарушен. Кости черепа отсутствуют. В сохранности кости ног, рук и ребра. Инвентаря нет.

На поверхности могильника Конар-тобе II в ходе раскопок были встречены предметы, не относящиеся к погребениям. Главным образом они находились ближе к краю раскопа. Скорее всего, были смыты водой с поверхности. К этим предметам относятся:

1) Две каменные бусины белого цвета. Одна дисковидной формы диаметром 3,1 см, высотой 1,9 см, диаметр отверстия 1 см. Другая также дисковидная, но более плоская высотой 0,6–0,8 см, диаметром 2,6 см, диаметр отверстия 0,6 см. Один из ее краев срезан под углом 45°, длина среза 1,6 см, ширина 0,7 см.

2) Железная пряжка с подвижным язычком лировидной формы, прут круглый в сечении, толщиной 0,6–0,8 см, диаметр 2,8x2,5 см, язычок немного сплюснен, шириной 0,5 см, толщиной 0,2 см, длиной 2,9 см.

3) Железная круглая пряжка с прямоугольной пластиной. Длина пластины 4 см, ширина 2,6 см, толщина 0,5 см. Стороны пластины крепились друг с другом заклепкой. Диаметр кольца 3,5 см, толщина в сечении 0,7–0,9 см. Язычок уплощен, длиной 1,7 см.

4) Железная круглая пряжка с подвижным язычком, диаметром 3 см, немного уплощена, толщина в сечении 0,5–0,8 см. Длина языка 3,2 см, толщина в сечении 0,5 см.

Таким образом, в ходе исследования двух отдельно стоящих холмов к западу от городища Куюк-Мардан (Конар-тобе) вскрыто около 130 погребений в искусственных платформах. Устройство могил в искусственных платформах ранее было зафиксировано при исследовании некрополя городища Кок-мадан в нижнем левобережье р. Арысь¹³. Работы здесь были начаты в 1977 г. и продолжались в течении ряда сезонов. В результате исследования объектов I–IV и VI было установлено, что погребения в виде катакомбы (тип II) устраивались в «открыто стоящих» сырцовых платформах высотой до 1,5 м подпрямоугольной в плане формы, со слегка наклонными бортами. Край платформ (борта) были укреплены стенами из ленточной пахсы. Внутренняя часть забутована комковатой глиной. Погребенные уложены в одежде, вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Сопровождались ке-

¹³ Нурмуханбетов Б.Н. Раскопки некрополя Кок-Мардан//АО 1977 года. М., 1978. С. 517; Его же: Исследования могильника Кок-Мардан//АО 1979 года. М., 1988.

рамическими сосудами и прочими атрибутами, среди которых есть четко датируемые вещи (рис. 55–58). В целом, «кокмарданский погребальный комплекс» датирован III–V вв. А сам могильник интерпретируется как некрополь расположенного рядом городища¹⁴.

Обращают на себя внимание случаи, когда положение костей скелета в могиле отличается от традиционного. Кости ног могут быть согнуты в коленях, кисти рук лежать на полу могильной ямы рядом с тазом, или на тазовых костях, на животе, на груди. В редких случаях фиксируется, что анатомический порядок полностью нарушен, кости скелета перемешаны. В последнем случае можно видеть следствие разрушения могилы при устройстве более позднего погребения, в случае утраты маркировки раннего погребения. В остальных случаях вариативность в положении костей скелета может объясняться вариативностью погребальных норм. Так же как и случаи погребений в керамических сосудах.

1.2. НЕКРОПОЛЬ ТАЛТАКАЙ

Погребения в искусственных пахсовых платформах исследуются с недавнего времени на некрополе Талтакай. Исследование этого обширного могильника было начато еще в 70-х годах тем же Курганым отрядом ЮККАЭ. В предварительных публикациях он получил название Мардан (Мазраты Мардан¹⁵). Расположен по берегам одной из древних протоков Арыси. В двух километрах на юго-запад находится городище Жалпактобе I; в 3,5 км на северо-восток — городище Конар-тобе. На равнине между этими городищами наблюдаются скопления плоских невысоких холмов, которые теперь достаточно уверенно можно интерпретировать как остатки погребальных платформ. Жалпактобе, так же как и городище Конар-тобе, имеет слои первой половины — середины I тыс. н.э.¹⁶, так что вполне возможно, что погребения в

¹⁴ Нурмуханбетов Б.Н., Кажак Д.А. Новый тип погребального сооружения в Южном Казахстане (I тыс. н.э.)// Известия МН-АН РК, 1, 1997. С. 29–34; Бейсебаев А., Нурмуханбетов М. Некрополь городища Кок-мардан (Погребальный обряд)//Археологические исследования в Казахстане. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения—14», Шымкент—Алматы. 2002. С. 104–110.

¹⁵ Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Мардан//КСИА., 154, М., 1978. С. 99–103; Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Мардан—погребальный памятник ранних земледельцев Отрарского оазиса//Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 130.

¹⁶ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории поселений и городов Южного Казахстана//Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958. С. 88.

урочище Талтакай являются частью некрополя этого городища, или же продолжением некрополя города, бывшего на месте городища Конар-тобе.

В первых публикациях материалов этого некрополя погребальные сооружения интерпретированы как отдельно стоящие наземные склепы, но ряд обстоятельств дают основание считать, что и здесь исследователи имели дело с одночными труположениями в сырцовом ящике (склепе), устроенном в могильной яме, опущенной в пахсовую платформу. В описании погребального сооружения один из авторов раскопок отмечает, что «к сожалению, ни в одной из исследованных могильных конструкций не были выявлены внешние очертания». И далее: «Вследствие того, что эти склепы последовательно пристраивались друг к другу, швы пахсовых стенок со временем оплыли»¹⁷. Хотя, казалось бы, «швы пахсовых стенок» (т.е. наружные поверхности стен) должны лучше сохраняться (меньше «оплывать») именно в местах их «пристройки», т.е. прилегания друг к другу.

Идентичность обряда погребения и комплекса находок из «могильника Мардан» и некрополя Конар-тобе I может говорить об их синхронности¹⁸ и однотипности по характеру погребального обряда и погребального сооружения.

Этот вывод подтверждается также результатами новых раскопок этого могильника. Исследования на могильнике Мардан (Мазраты Мардан, Талтакай) были возобновлены в 2000 г. и продолжены в последующие годы¹⁹. Ниже приводится описание результатов раскопок, произведенных в 2004 г. В этом сезоне раскопки проводились на невысоком холме (до 0,9 м), овальном в плане, размерами по основанию 19x23 м. Сразу же при зачистке поверхности холма стали появляться россыпи истлевших косточек, венчики кувшинов. Местами удавалось фиксировать

¹⁷ Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Мардан... С. 100.

¹⁸ Датировка комплекса находок I в.—II в. н.э. только по монетам типа «у-шу», представляется нам слишком ограниченной. Во всяком случае, этим периодом нельзя ограничивать функционирование подобных некрополей в данном регионе. Монеты этого типа встречаются и в более поздних комплексах, вплоть до VII–VIII вв. Новые исследования на этом могильнике позволяют авторам поднять его верхний хронологический рубеж до V в. н.э. (Байпаков К.М., Воякин Д.А. Исследование комплекса Талтакай//Известия МОН. НАН РК, сер. общ. наук, 1, 2003. с. 109).

¹⁹ Байпаков К.М., Воякин Д.А. и др. Работы Южно-Казахстанской археологической экспедиции//Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения—15». Алматы, 2004. С. 169–193; Байпаков К.М., Воякин Д.А. Исследование комплекса Талтакай. С. 108–125.

сырцовые кладки стенок склепов. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство погребений в этой платформе детские.

Погребение 1 детское, скелет ориентирован головой на восток, лежал в вытянутом положении на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками. Ноги раздвинуты в коленях и соединены стопами. Череп слегка приподнят, под нижней челюстью найдены 3 бусины: 2 из сердолика, одна каменная. С правой стороны черепа стоял керамический кувшин.

Кувшин керамический со сливом. Высота — 15,5 см, максимальный диаметр тулова — 13,0 см, диаметр дна — 8,0 см. Венчик отсутствует, сохранился лишь слив. Обжиг неполный с черной прослойкой в середине. Поверхность покрыта красно-коричневым ангобом (фото 1.29 — 2).

Погребение 2 детское, расположено в 0,5 м от погребения 1. Длина костяка 110 см, скелет лежал в вытянутом положении на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой ориентирован на восток. Череп слегка имеет наклон на правый бок. С правой стороны от черепа кружка-кувшин и маленькая кружка.

Кружка изготовлена из теста с большой примесью песка, шамота. Поверхность покрыта ангобом коричневого цвета. Венчик слегка отогнут наружу, имеет подтреугольное сечение. Горловина невысокая. Ручка соединяет венчик с верхней частью тулова. Высота — 9,0 см, максимальный диаметр — 7,8 см, диаметр дна — 5,4 см, диаметр венчика — 6,0 см (фото 1.29 — 1).

Погребение 3 детское, расположено на склоне холма. Ориентировка северная. Кости очень плохой сохранности. Справа от черепа стояла кружка.

Кружка изготовлена из теста с небольшой примесью песка. Венчик слегка отогнут наружу, имеет простой закругленный край. Горловина выделена слабо. Ручка овальная в сечении, соединяет венчик и верхнюю часть тулова (фото 1.29 — 4).

Погребение 4 расположено в 75 см от погребения 1. От погребения сохранились лишь кости нижних конечностей, справа от которых стоял сохранившийся наполовину кувшин. Рядом с кувшином лежала лопатка барана. Сосуд изготовлен из плотного теста, поверхность покрыта светло-коричневым ангобом.

Судя по расположению нижних конечностей, скелет был ориентирован головой на СЗ.

Погребение 5 совершено в камере длиной 110 см и шириной 30 см, сохранились лишь кости нижних конечностей скелета. Судя по их расположению, скелет был ориентирован головой на ЮЗ. Здесь же были расчищены несколько реберных, позвоночных костей, фаланги пальцев рук. Череп отсутствовал.

В левом углу камеры у ног стоял кувшин. Кувшин изготовлен из плотного теста с примесью песка, обжиг неполный с черной прослойкой в середине. Поверхность покрыта ангобом красно-коричневого цвета. Венчик отогнут наружу, имеет простой закругленный край. Горловина высокая (6,0 см), оформлена рифлением. Верхняя часть тулова оформлена двумя зигзагообразными прочерченными линиями. Ручка соединяет верхнюю часть горловины с верхней частью тулова, уплощенная в сечении, с изгибом по центру (фото 1.29 — 3).

Погребение 6 мужское, скелет лежит в вытянутом положении, руки вдоль туловища. Ориентирован на ЮВ. На тазовых костях найдены железный нож и железная пряжка с язычком.

Погребение 7. Детское захоронение в сосуде, кости истлевшие. Сосуд лежал на боку, разбит, диаметр дна около 28 см. Изготовлен из плотного теста, поверхность была покрыта светло-коричневым ангобом. Других находок нет.

Погребение 8 мужское. Скелет в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища. Ориентировка юго-восточная. Длина скелета — 175 см. Ниже тазовых костей лежал альчик в железной оправе.

Захоронение совершено в камере длиной 2,0 м, шириной 0,45 м. Под погребенным зафиксирована подстилка из песка.

Погребение 9. Скелет лежит в вытянутом положении, руки вдоль туловища, череп слегка повернут влево. Длина скелета 2,0 м. Ноги скрещены в коленях. На тазобедренных костях лежал железный ножик плохой сохранности. В 35 см от черепа стоял керамический горшочек.

Горшок (фото 1.29 — 8) из рыхлого теста, с заметной примесью шамота. Венчик слегка отогнут наружу, имеет подтреугольную в сечении форму. Горловина невысокая. Ручка петлевидной формы, соединяет венчик с верхней частью тулова. Поверхность покрыта светло-коричневым ангобом, закопчена. Высота — 12,3 см, максимальный диаметр — 10,5 см, диаметр дна — 6,5 см, диаметр венчика — 8,4 см.

Погребение 9 расположено рядом с погребением 8, кости раскиданы, череп и длинные кости конечностей отсутствуют. Рядом с погребением найден горшочек.

Горшочек изготовлен из рыхлого теста с примесью шамота и песка. Поверхность закопчена. Венчик подтреугольный в сечении. Поверхность шероховатая. Высота горшка — 10,5 см, диаметр тулова — 9,3 см, диаметр венчика — 7,5 см, диаметр дна — 6,5 см (фото 1.29 — 6).

Погребение 10. Скелет лежит на спине, ориентирован на север, руки вдоль туловища, ноги скрещены в стопах. На тазовых костях (справа) железный нож. В области бедренных костей бронзовая пряжка. Череп слегка наклонен вправо, на нижней челюсти бронзовая пластинка и кусочки ткани. У ног справа стоял керамический разбитый кувшин с носиком-сливом.

Кувшин с носиком-сливом неполного обжига с черной прослойкой в середине. Поверхность покрыта светло-коричневым ангобом. Ручка соединяет середину горловины с верхней частью тулова. Высота кувшина — около 27,0 см, диаметр тулова — 22,0 см, диаметр венчика — около 7,4 см, диаметр дна — 13,0 см.

Погребение 11. Кости скелета плохой сохранности. В изголовье стоял керамический кувшин с носиком-сливом. В области тазобедренных костей найдены бусы.

Кувшин с носиком-сливом изготовлен из плотного теста с примесью песка. Поверхность покрыта светло-коричневым ангобом. Ручка соединяет середину горловины с верхней частью тулова, в сечении подпрямоугольная, под ручкой имеется налп в виде «усиков». Высота кувшина — около 27,0 см, диаметр тулова — 21,5 см, диаметр венчика — 11 см, диаметр дна — 12,0 см, высота носика — 4,0 см, диаметр носика — 3,0 см (фото 1.29 — 7).

Погребение 12. Кости плохой сохранности, раскиданы. Среди костей стояла кружка. Кружка изготовлена из плотного теста с примесью песка. Поверхность покрыта коричневым ангобом. Венчик слегка отогнут наружу, имеет подтреугольное сечение. Шейка выделена слабо. Ручка соединяет венчик с верхней частью тулова. Высота кружки — 9,0 см, максимальный диаметр тулова — 7,8 см, диаметр дна — 5,5 см, диаметр венчика — 7,0 см (фото 1.29 — 9).

Погребение 13 детское. Череп установлен вертикально, лицевой частью ориентирован на ЮВ. У затылка лежит кисть правой руки, рядом керамическое пряслице и альчик. Под нижней челюстью найдена круглая подвеска из тонкой золотой пластины.

Керамическое пряслице из плотного теста, коричневого цвета, конусовидной формы. Верхний диаметр — 2,5 см, нижний — 3,4 см, высота — 2,2 см, диаметр отверстия в верхней части — 0,8 см, в нижней — 1,0 см.

Погребение 14, 15. Черепа плохой сохранности, детские. Ориентировку определить невозможно. У черепа погребения 14 лежало пряслице из белого камня.

Погребение 16 детское, сохранился лишь череп, который стоял вертикально и разрозненные кости

ребер и локтевая кость. Слева от черепа стояли два сосуда: кувшин и маленькая кружка.

Кувшин изготовлен из плотного теста, обжиг неполный с черной прослойкой в середине. Венчик в сечении имеет подтреугольную форму. Горловина низкая. Поверхность покрыта светло-коричневым ангобом, заметны следы затирки на поверхности. Высота — 17,5 см, максимальный диаметр тулова — 15,6 см, диаметр дна — 10,6 см, диаметр венчика — 7,6 см (фото 1.29 — 10).

Кружка изготовлена из хорошо отмученного теста. Поверхность покрыта светло-серым ангобом. Стенки прямые, ручка петлевидная, соединяет венчик с дном. Высота — 3,8 см, диаметр венчика — 5,1 см, диаметр дна — 4,0 см (фото 1.29 — 11).

Погребение 17 детское. Кости сложены в кучу рядом с кружкой.

Погребение 18 плохой сохранности, детское. Находок нет.

Погребение 19 плохой сохранности. Скелет, видимо, был ориентирован на СВ. Сохранились только кости конечностей. Справа от черепа стояла кружка-кувшиничик.

Кружка из теста хорошей отмучки, без заметных примесей. Поверхность покрыта коричневым ангобом. Ручка петлевидная, соединяет верхнюю и среднюю части. Имеет зооморфную форму (фото 1.29 — 12).

1.3. НАХОДКИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ КОНЫРТОБЕ I

Комплекс вещевых находок из более 130 погребений некрополя городища Кониртобе (Марданкуюк) многочисленен и разнообразен. Вкупе с находками из некрополей Талтакай (Мардан) и городища Кокмардана данный комплекс заслуживает детального исследования и историко-культурного истолкования. Здесь мы кратко остановимся лишь на некоторых категориях находок, анализ которых обосновывает предлагаемую датировку комплекса и характеризующих специфику погребального обряда в его археологической фиксируемой части.

«Амулетные наборы». Специфическим атрибутом исключительно женских погребений некрополя Кониртобе I являются так называемые «амулетные наборы». Состав их может быть самый разнообразный, при несомненном наличии традиционных элементов, но местонахождение в погребении свидетельствует о том, что нитка, на которую были нанизаны амулеты, не была надета на умершую, а положена в свернутом виде (в мешочке?) сверху на соответ-

ственным образом экипированную погребенную. Возможно, эту связку амулетов положили в последний момент вместе с установкой в могиле сосудов и других атрибутов. Обычно эти «наборы» фиксируются на костях скелетов в области груди, живота, ближе к поясу. В отдельных случаях кучки этих предметов отмечены на груди (погребение 65) и рядом с погребением, у локтя левой руки (погр. 47 и др). В остальных случаях (погр. 9, 15, 16, 40, 42, 43, 56) месторасположение наборов стабильно. Необходимо отметить также, что женские погребения, в которых обнаружены «амулетные наборы», отличаются разнообразием другого специфически женского инвентаря — сурматаши, зеркала, бусы и пр. Исключение составляет лишь детское погребение 56.

Рассмотрим состав некоторых амулетных наборов.

Погребение 9 — на костях позвоночника в области пояса расчищены лежащие рядом крупная хрустальная граненая бусина (высота 21 см; диаметр — 2,45 см), хрустальная круглая бусина (высота 1,4 см, дм — 2,1 см) и пронизка из халцедона граненая с плоским основанием (высота — 2,3 см; ширина — 2,2 см).

Погребение 13 — справа от позвоночника в области живота расчищена кучка бусин. Граненая хрустальная уплощенно-ромбическая (высота 3,0 см, толщ. 1,5 см, диаметр 2,1 см), пять круглых глазчатых (диаметр 2,2 см, в 2,1 см), пастовая цилиндрическая (длина 1,9 см, диаметр 11,0 см), две круглые (высота 1,9 и 1,0 см; диаметр 1,6 и 1,2 см) сердоликовые. Две бронзовые копоушки и проколка (длина 8 см). Сохранились фрагменты шерстяной нити, на которую были нанизаны все предметы.

Погребение 15 — примерно на том же уровне обнаружена шестигранная хрустальная бусина (высота 1,3 см, диаметр — 1,6 см), шаровидная керамическая бусина (высота 2,0 см, диаметр — 2,1 см) и керамическая подвеска в виде кувшинчика (высота — 2 см, диаметр тулова — 1,3 см).

Погребение 16 — на костях позвоночника, в области пояса обнаружены две хрустальные граненные уплощенно-биконические бусины (ширина 1,7 и 1,4 см, длина 2,5 см), три крупные глазчатые бусины (диаметр 1,2—1,5 см), одна крупная из красного сердолика (высота 1,5—1,15 см), четыре сердоликовые, но более мелкие (диаметр 0,65—0,8 см), две уплощенные круглые из черного гагата (диаметр 1,5 см), три раковины *Saigi*, просверленный клык хищника, бронзовая круглая пластинка с двумя отверстиями.

Погребение 40 — на ребрах ближе к правому локтю расчищены лежавшие кучкой, иногда друг на

друга одна хрустальная пятигранная (высота — 1,55 см, диаметр 2,1 см), одна шестигранная (высота 1,25 см, диаметр 1,85 см), две круглые сердоликовые, три глазчатых круглых (высота 1,5—1,7 см, диаметр 1,9—2 см), одна пастовая ребристая (высота 1,25 см, диаметр 1,75 см), уплощенно-круглая из янтаря (высота 1,2 см, диаметр 2,9 см), два бронзовых козлика (размерами 2,7—2,5 см). В отверстиях бронзовых фигурок сохранились фрагменты шерстяной нитки.

Погребение 42 — справа от позвоночника две бронзовые фигурки козлячков и стеклянная ребристая бусина (высота 1,1 см, диаметр 1,5 см).

Погребение 47 — между ребрами и локтем левой руки найдена бронзовая фигурка козлика, две хрустальные граненые бусины (диаметр 2,4 см; высота 1,6 см) одна хрустальная круглая (диаметр 1,7 см, высота 1,3 см), одна ребристая из стеклопасты (диаметр 1,5 см, высота 1,0 см), одна керамическая уплощенно-призматическая (высота 2,1 см), фрагмент бронзового зеркала с утолщенным краем, обломанный резец крупного грызуна и двух пястных косточек хищника (?).

Погребение 56 — погребение детское. В области живота, на уровне локтя расчищены: бронзовый колокольчик (диаметр 3 см, высота 2,4 см), язычком у него служила половинка шестигранной хрустальной бусины, клык хищного крупного зверя (сохранившаяся длина 6 см) и железный предмет непонятного назначения (наконечник ремня?). Все три предмета были нанизаны на шерстяную нитку.

Погребение 55 — в области груди расчищены лежавшие кучкой: две крупные халцедоновые круглые уплощенные бусины (диаметр 1,6 на 2,3 см; 2 на 2,9 см); две бронзовые круглые бусины (диаметр 1,4 см), круглая янтарная (диаметр 2,3 на 2,0 см); три халцедоновые геммы и гемма из красного сердолика, а также крупная голубая ребристая фаянсовая бусина (диаметр 2,7 на 2,9 см). Эти предметы лежали кучкой среди россыпи ожерелья из мелких коралловых бусин и разноцветного стеклянного бисера.

В погребении 99 между левым локтем и ребрами расчищен амулетный набор, состоящий из двух каменных амулетов с отверстиями, крупной розовой керамической бусины и трех бронзовых козлячков. Бронзовые козлики размером 30х30 мм с раздвоенными рожками (фото 1.24).

В погребении 102 у правого локтя обнаружен амулетный набор из трех бусин — маленькая круглая сердоликовая, граненая хрустальная и граненая крупная пастовая и двух косточек с отверстиями для подвешивания и кусочком сурьмы (фото 1.25).

Другой амулетный набор с тремя бронзовыми козликами был расчищен вне погребения (вероятно, оно было разрушено). Набор включал раковину *Saigi*, бронзовую проколку, бронзовую подвеску, крупную глазчатую бусину.

Таким образом, мы можем констатировать, что в погребальной обрядовой практике «коныртобинцев» был обычай помещать в женские погребения «амулетные наборы». Вероятно, они при жизни принадлежали самим погребенным, и нахождение разнообразного, «богатого» набора амулетов в погребении маркировало повышенный социальный статус этих женщин.

Помимо различных бус в эти наборы входят разнообразные предметы, функция оберегов которых не вызывает сомнения. Бронзовые колокольчики, подобные найденным в погребениях 56, 43, известны в погребениях западной Ферганы и в широком круге памятников конца I тыс. до н. э. — VII в. н. э.

Бронзовые литые фигурки козлячков (погребения 40, 42, 47, 99) как амулеты-обереги, вероятно, специфическое явление оттарского региона (фото 1.26, 28, 30; рис. 1.53). Они не фиксируются среди находок в сотнях известных погребений Таласской долины, Ферганы, Джетыассарской культуры²⁰. Нам известна единственная аналогичная фигурка из Боржарского науса (фото 3.14). А из окрестностей и самого городища Коныр-Тобе уже известно около двух десятков бронзовых литых фигурок тау-теке. Ранее аналогичные амулеты были найдены Б. Нурмуханбетовым при расчистке погребений могильника Мардан (Талтакай)²¹. Массовость подобных находок из одного локального района, более того, связанных с одним населенным пунктом при учете еще его слабой изученности, дает основание предположить, что это животное было тотемом — покровителем племени, осевшего где-то в первой половине н. э. (?) в ни-

²⁰ «Реалистично выполненная литая миниатюрная бронзовая фигурка горного козла (или архара)» упоминается среди находок из куркатских склепов, но очень интересный комплекс этих материалов пока полностью не издан, и мы лишены возможности сравнить фигурку куркатского козлика с коныртобинскими. Отметим, кстати, что среди находок из склепов некрополя городища Ширин («куркатские склепы») очень близки по конструкции бронзовые шпильки с шаровидными навершиями и многие другие категории находок, включая характерную кольцевую деформацию черепов погребенных. Предварительная широкая датировка комплекса находок «куркатских склепов» в рамках III—VII вв. позже была сужена до IV—V вв. (Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К. Раскопки Куркатских склепов // КСИА, 154, М., 1978. С. 89—94; Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985. С. 151).

²¹ Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Мардан // КСИА, 154, 1978. С. 99—103.

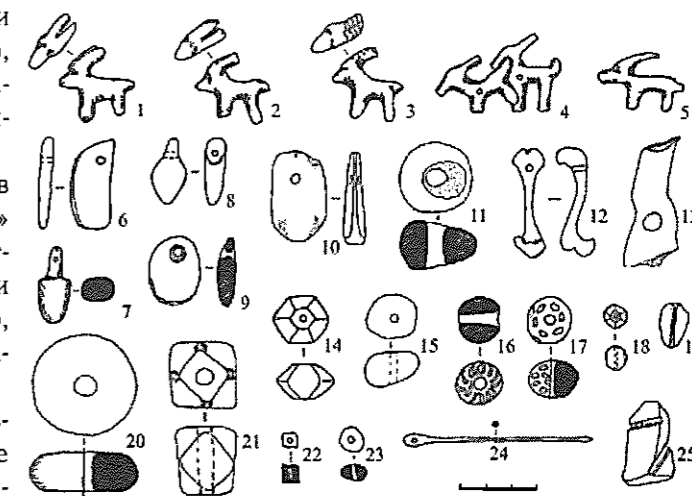

Рис. 1.38. Амулеты из погребений, вскрытых в 2004 г.

зовьях реки Арысь и основавшем здесь город, руины которого известны нам как городище Коныр-Тобе.

На возможную связь бронзовых зооморфных амулетов с родовой принадлежностью у алан Кавказа указывала В.Б.Ковалевская²². Если эти соображения имеют под собой основания, то они могут быть учтены при исследовании генезиса огузского союза племен эпохи средневековья. Как известно районы нижней и средней Сыр-Дарьи являются территорией формирования огузского племенного союза, о чем свидетельствует, кроме прочего, целый пласт в топонимике региона. По данным ряда араб- и тюркоязычных письменных источников, рассмотренных в свое время С.П.Толстовым, в область городов огузов входили оазисы Средней Сырдарьи к югу от гор Каратау²³. Вполне естественно предположить, что при формировании огузского этно-политического объединения на Сыр-Дарье в него вошло, среди других, и местное племя, центром которого было поселение на месте городища Коныр-Тобе. Возможно, что это племя носило название — теке. Формирование огузского племенного союза, по мнению большинства исследователей, на северо-востоке Средней Азии происходило за счет консолидации двух основных этнокультурных пластов: с одной стороны, потомки древних местных кангюйских племен, которые, в свою очередь, ведут происхождение от сако-массагетских, сармато-аланских племен и, с другой стороны, при массивном участии тюркских племен, захвативших гегемонию на берегах Сыр-Дарьи и Арала в эпоху Тюркского каганата. Участие местного компонента (асского) в

²² Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С. 163.

²³ Толстов С.П. Города гузов (историко-этнографические этюды) // СЭ, т. 3, 1947. С. 55—56.

этногенезе огуз на Сыр-Дарье признают многие исследователи. В этой связи, нам представляется весьма интересными данные туркменских народных исторических преданий, связанные с известным племенем «теке». Как известно, туркмены очень заботились о чистоте крови, и в преданиях всегда отмечалось, если какой-то род, колено и пр. неполноценного происхождения. У туркмен жены-персианки носят особое название «кырнак»²⁴, что-то вроде «наложницы», но брак с ними законен и дети равноправные туркмены, но с некоторым ограничением в общественном положении. Они именовались «куль», в отличие от чистых туркмен «иг» (в то время как жены из тюркских племен никак не ограничивались, их дети «иги»).

По преданию Сююн-хан, сын Салыр-казана, имел трех жен — двух туркменок «иг», и одну «кырнак», т. е. персианку. Ее имя Кара-гоз, и была она дочерью иранского шаха. Она родила сына по имени Теке, родоначальника племени теке. Т. е. этот род «не чистые» туркмены, т. к. является потомством матери «кырнак»²⁵. Этот легендарный сюжет, по нашему мнению, фиксирует в своеобразной форме, свойственной для этого рода источников, процесс ассимиляции древних местных социумов в тюркскую этно-политическую структуру. Возможно, эта легенда объясняла включение (инкорпорацию) местного племени, расселявшегося в Отрарском оазисе, в родоплеменную структуру пришлых огузов. Следует обратить внимание на древние иранские корни («мать персианка») теке, которые были тюркизованы огузами в период совместного проживания. Механизм сложения огузского этноса достаточно подробно был рассмотрен и описан еще С. П. Толстовым, который пришел к выводам, что присырдарьинские огузы были прямыми потомками древнейшего местного населения, но в их сложении как нового этноса бесспорно участвовал сильный пришлый с востока элемент, появившийся здесь в середине I тыс. н.э.; по ХКТ это были оседлые (или, полуоседлые) скотоводы²⁶.

Круг верований, имеющих древние корни, связанных с горным козлом у припамирских народов и имеющиеся изобразительные мотивы, были рассмотрены

²⁴ Возможно, отсюда и топоним «Карнак», известный в Туркестанском районе ЮКО. Другие этимологизации см.: Рысбергенова К.К. Древние топонимы по маршруту «Великого Шёлкового Пути»//Шёлковый Путь и Казахстан. Алматы, 1999. С. 143–144.

²⁵ Иомудский Караш-хан оглы Н.Н. Из народных преданий туркмен. О родословной туркмен-иомудов.//Бартольд В.В. Ташкент, 1927, с. 319. Весьма показательным фактом является то, что названия «теке», «кырнак» (=карнак?), «карачук» (подразделения иомудов) хорошо известные топонимы в современном Туркестанском районе ЮКО.

в свое время Б. А. Литвинским²⁷. Из приведенных им материалов интересно отметить, что в поверьях народов Средней Азии козел выступает в связи с женским божеством-покровителем. А весь комплекс этих верований происходит от древнего культа плодородия, в котором горный козел играл важную роль.

Необходимо отметить также, что пластическое решение фигурок козчиков-амулетов удивительным образом напоминает форму козлов, украшающих венчик «Тюячинского котла». Эта находка, сделанная при прокладке Большого Ферганского канала, привлекла внимание многих исследователей²⁸. В литературе утвердилось мнение, что датируется он VIII–VII вв. до н.э. Впрочем, возможно, что сходство в данном случае чисто формальное, как и с декоративными ручкамн сарматских котлов. Из других изображений козлов, дающих иную иконографию образа, необходимо упомянуть бронзовую подвеску из могильника Лангари Ходжиен в Таджикистане²⁹. Вообще же амулеты в виде литых бронзовых фигурок животных широко известны среди сарматских памятников Подонья среднесарматского времени (I–II вв. н.э.). Интересно отметить, что в одном случае фигурка «собачки» обнаружена в комплексе с бронзовым колокольчиком и единичными бусинами, положенными кучкой (на одной нитке) на правое плечо. Амулеты в виде литых фигурок широко распространены среди аланских древностей Северного Кавказа. Если видеть в таких амулетах знаки родоплеменной принадлежности, то, как отмечают исследователи, у алан можно предполагать наличие родов оленя, горного барана, коня, орла³⁰. В более близком регионе литые бронзовые подвески в виде животных (верблюды, петух, кабан) известны на памятниках Хорезма кушанского времени (I–III вв., Аяз-Кала)³¹. В Фергане известны литые подвески в виде человеческой фигурки³².

²⁶ Толстов С.П. Города гузов//СЭ, Т. 3, 1947. С. 70–71.

²⁷ Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. С. 144–147.

²⁸ См. например: Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». С. 50.

²⁹ Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985. С. 152.

³⁰ Ковалевская В.Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1979. С. 118.

³¹ Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1962. С. 156.

³² Баруздин, Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйлакана. Фрунзе, 1962. С. 54; Иванов Г.П. Кувайский могильник VII–VIII вв. в Ферганской области//СА, Т. 3, 1991. С. 262–266.

В погребении 43 в состав «амулетного набора» входили бронзовые «капаушка» и «зубочистка». Они представляют собой бронзовые (медные?) стерженьки, один конец которых расплюснут, и в нем пробиты отверстия. Другой конец, в одном случае, сделан в виде миниатюрной ложечки, а в другом — заострен. Длина этих изделий — 8 см.

Подобные «предметы личной гигиены» широко известны в памятниках первой половины I тыс. н.э. Целая серия их была получена из могильников Северного Таджикистана. Б. А. Литвинский в своей фундаментальной публикации западноферганских могильников привел исчерпывающие материалы, характеризующие ареал и время бытования этих специфических атрибутов бытовой культуры³³. Укажем лишь на ближайшие аналогии нашим находкам в Кенкольском могильнике и погребениях джетыясарской культуры³⁴.

В погребении 48 в области живота, слева, отдельной кучкой лежали три бусины и большой бронзовый шар. Две бусины сердоликовые (круглая и пирамидальная) и одна керамическая. Бронзовый шар полый (диаметр 3,7–3,8 см), заполнен затвердевшей черной массой. Местонахождение, состав комплекса дают основания предполагать, что это также своеобразный амулетный набор (погребения 47, 48 были совершены, вероятно, в одну могильную яму).

Крупные глазчатые ребристые и шаровидные фаянсовые бусины встречены исключительно в составе амулетных наборов (фото 2.16, 2.18). Интересно отметить, что в «варварских» погребениях северо-восточного Причерноморья такие же бусины отмечены преимущественно в детских погребениях, где они выполняли, по мнению исследователей, роль своеобразных оберегов³⁵. «Шумящими» оберегами являлись и бронзовые колокольчики, отмеченные в некоторых погребениях. Подобные им широко представлены в позднеантичных могильниках Подонья, Предкавказья, Прикубанья и Приазовья³⁶.

Наблюдения за размещением находок в катакомбах Подкумского могильника (I–III вв. н. э.) также приво-

³³ Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978. С. 136.

³⁴ Кожембердыев И. Катакомбные памятники Таласской долины//Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963; Левина Л.М. Джетыясарские склепы//Низовья Сырдарьи в древности, Вып. 2, М., 1993. С. 58.

³⁵ Деопик В.Б. Классификация бус Северного Кавказа IV–V вв.//СА, 1959, 3. С. 54; Руссов Н.Д. Бусы из могильника Молога I//Памятники римского и средневекового времени в северо-западном Причерноморье. Киев, 1982. С. 117.

³⁶ Косяненко В.М. К вопросу о роли бронзовых колокольчиков в погребальном обряде//XVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Майкоп, 1992. С. 62–64.

дят к выводу, что крупные глазчатые бусы и небольшие нитки из янтарных, халцедоновых, гишировых и фаянсовых бусин служили амулетами. В момент погребения они клались рядом или на погребаемую³⁷.

Наборы женских украшений, положенных рядом с погребенной в специальной берестяной коробочке, являются специфическим атрибутом многих мужских погребений Приуральской Бахмутинской культуры. Это так называемые «жертвенные комплексы» (II–IV вв. н.э.)³⁸. Очевидно, что в данном случае формальная аналогия в погребальном обряде порождена различными обычаями в ритуальной практике. В Бирском могильнике «жертвенные комплексы при мужских погребениях и составляют их женские украшения», а в Коньртобинском «амулетные наборы» встречаются исключительно в женских погребениях. Не формальной, но генетической аналогией, очевидно, является устойчивая традиция, присутствующая в сармато-аланских погребениях. С. А. Яценко, обратив внимание на эту традицию, характеризовал ее как присущую погребениям знатных женщин, женам вождей мелких родоплеменных групп, попавших в восточноевропейские степи с ранней волной алано-аской миграции³⁹.

Геммы.

Археологические исследования некрополей середины I тыс. н.э. в северо-восточных регионах Средней Азии, тяготеющих к бассейну р. Сыр-Дарья, выявили в последние годы ряд погребений с ранее не встречавшимися здесь *in situ*, резными камнями, относящимися к кругу сасанидских гемм, выполненных в виде «ложного перстня». Целая серия таких находок сделана при раскопках погребальных памятников Джетыясарской культуры в низовьях Сыр-Дарьи⁴⁰.

Как случайные находки подобные геммы отмечены и в районах средней Сырдарьи⁴¹. Возможно, что

³⁷ Абрамова Н.П. Подкумский могильник. М., 1987. С. 162.

³⁸ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1972. С. 16.

³⁹ Яценко С.А. Наборы амулетов среди атрибутов одной из групп знатных сармато-аланок европейских степей сер. II вв. н.э.//Вещь в контексте культуры. Материалы научной конференции. СПб, 1994. С. 85–86.

⁴⁰ Левина Л.М., Никитин А.Б. Иранские резные камни из восточного Приаралья//Культуры Востока: проблемы и памятники. Краткие тезисы докладов. СПб, 1992. С. 68; они же: Об одной группе иранских резных камней из восточного Приаралья//ВДИ, 4, 1991. С. 52–65.

⁴¹ Пугаченкова Г.А. Резные камни античной поры в Музее истории Узбекистана//Научные труды ТашГУ, нов. серия, вып. 200, «Археология Средней Азии», Ташкент, 1990. С. 63–85; Ахунбабаева Н. Каменные украшения из Фархад-строва//Культура Среднего Востока: изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990. С. 28–35.

отсюда некоторые экземпляры попали в коллекции Кастальского В.Н., Петровского Н.Ф., Веселовского Н.Н., позже вошедшие в собрание иранской глиптики Эрмитажа⁴².

В Отрарском оазисе также известны несколько «случайных» находок сасанидских гемм⁴³. Ниже приводится их описание (рис. 1.32 — 5–7):

1. С изображением «конегрифона». Обнаружена в слое VII–VIII вв. на городище Куйрук-тобе. Размеры: высота 19,5 мм, ширина 24,5 мм, толщина 17,5 мм. Плоскость изображения 17,5х15 мм. Отверстие: 6,5 мм. Гемма изготовлена из сердолика желтовато-коричневого оттенка: опубликована⁴⁴. Хранится в Институте археологии им. Маргулана А.Х. (г. Алматы).

2. С изображением распахнутых крыльев и головы барана между ними. Случайная находка в окрестностях городища Мардан-куик (Коньртобе). Размеры: 21х27х23,5мм; 20х18,5мм; 5 мм. Изготовлена из полупрозрачного халцедона желтоватого оттенка. Хранится в Институте археологии им. Маргулана А.Х.

3. С изображением оленя. Обнаружена случайно при разрушении погребения в ходе земляных работ в окрестностях городища Пшакчитобе. Размеры: 27х32х23 мм; 23х20 мм; 5 мм. Изготовлена из полупрозрачного халцедона желтоватого оттенка⁴⁵. Хранится в Отрарском музее (с. Шаульдер).

4. С изображением скорпиона. Случайная находка в Отрарском оазисе. Размеры: 26х31х20,5 мм; 21,5х16 мм; 5 мм. Изготовлена из нефрита молочного цвета. Хранится в кабинете археологии Шымкентского пединститута (г. Шымкент). Опубликовано⁴⁶.

Продолженные нами в 1990 г. раскопки могильника у городища Коньртобе (Марданкуик)⁴⁷ вскрыли, среди прочих, погребение женщины (погр. 65) в котором были обнаружены сразу четыре геммы (рис. 1.32 — 1–4). Приведем более детальное описание это-

⁴² Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л., 1968. С. 5.

⁴³ Предварительная информация о находках см.: Смагулов Е.А. Геммы из Отрарского оазиса // Маргулаиовские чтения (тезисы). Петропавловск, 1992. С. 105–107.

⁴⁴ Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986. С. 52.

⁴⁵ Обстоятельства находки со слов очевидцев и сопровождавший её материал свидетельствуют о том, что гемма происходит из разрушенного погребения.

⁴⁶ Подушкин А.Н. Арысская культура... Откуда происходит эта гемма? Об этом в «фундаментальной» работе А.Н. Подушкина нет ни слова.

⁴⁷ Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Новые данные по археологии Отрарского оазиса // Известия АН КазССР, сер. обществ. наук, 1990, вып. 6. С. 20–27.

го погребения и найденного в нем сопроводительного инвентаря. Отметим, что конструкция погребального сооружения не зафиксирована, т.к. скелет залегал на склоне холма, в который превратилась пахсовая платформа служившая некрополем, на глубине 25–30 см от уровня современной дневной поверхности. Погребенная лежала на спине в вытянутом положении. Под скелетом, особенно под черепом, слой черного тлена. Череп плохой сохранности, лежал на левом виске, раздавлен, с признаками сильной деформации. Верхняя часть скелета вследствие оплыва склона холма оказалась сползшей с горизонтальной поверхности и повернутой на левое плечо. Ноги вытянуты параллельно друг другу. Кисть правой руки на костях таза, левая рука была вытянута вдоль туловища, немного отведена в сторону. Длина скелета 1,6 м, ориентирован головой на юг. Погребальный инвентарь представлен набором бус. Геммы входили в «амулетный комплекс», положенный на грудь покойницы.

1. С изображением «волка» (или гиены?). Размеры 22х26,5х20 мм; 20х18 мм; 5 мм. Гемма изготовлена из халцедона молочного цвета (рис. 1.32 — 2; фото 1.25).

2. С изображением «мага». Размеры: 22х26х18 мм; 18х15,5 мм; 4 мм. Из халцедона молочного цвета (рис. 1.32 — 3; фото 1.25).

3. С изображением «дерева». Размеры: 18х22х15 мм; 14х12,5 мм; 4 мм. Полупрозрачный халцедон голубоватого цвета (рис. 1.32 — 4; фото 1.25).

4. С изображением скорпиона. Размеры: 13,5х17,5х9,5 мм; 12,5х8 мм; 4 мм. Из красного сердолика (карнеол) (рис. 1.32 — 1; фото 1.25).

В амулетный набор входили также две крупные халцедоновые бусины. Одна из них дисковидной формы диаметром 29 мм, высотой 20 мм, диаметр отверстия 5 мм. А также две круглых бронзовых бусины. Одна из них диаметром 27,5мм, высотой 26 мм диаметр отверстия 4 мм, другая — 31 мм, 24 мм, 5 мм. Между этими бронзовыми бусинами находилась сердоликовая гемма с изображением скорпиона. До нее располагалась круглая сердоликовая бусина диаметром 15 мм, высотой 12 мм, отверстие 1 мм. За ней янтарная бусина диаметром 22 мм, высотой 15–23 мм, бусина цилиндрической формы из коралла белого цвета с розоватым оттенком (18 мм, 19–23 мм, 10 мм). Эти предметы лежали рядом, кучкой.

Вокруг шен и на груди покойной было ожерелье из мелких коралловых бус розового цвета, 77 штук. Размер бусин различен: высотой от 2 до 20 мм, диаметром от 3 до 7 мм. Условно бусины можно разделить на следующие группы: мелкие высотой 2–7 мм,

диаметром 3–6 мм (21 экз.); средние высотой 8–12 мм диаметром 3–7 мм (43 экз.); крупные, высотой 13–20 мм, диаметром 3–7 мм (13 экз.). В ожерелье входили также бусины из стекла зеленого и синего цвета. Всего их 138 штук. Синие более мелкие диаметром 3–5 мм, высотой 2–4 мм. Зеленые бусины крупнее, диаметром 5–7 мм, высотой 2–4 мм. А также в ожерелье входили 45 круглых бусин среднего диаметра 3–5 мм из стекловидной массы белого цвета с желтоватым оттенком (их первоначальный цвет неясен); 6 бусин биконической, 5 бусин круглой формы темного цвета с фиолетовым оттенком; одна хрустальная круглая бусина с сильно коррозированной поверхностью; две сердоликовые бусины диаметром 15 и 8 мм; три бусины зеленого цвета из стекловидной массы; одна кубическая, две круглые, две цилиндрической формы бусины из стекловидной массы зеленого цвета. В области грудной клетки было обнаружено бронзовое зеркало в сильно разрушенном состоянии диаметром 7 см, толщиной в сечении 4 мм. С радиальным орнаментом и ручкой-петелькой в центре. Здесь же находился бронзовый круглый кулон диаметром 20 мм со сквозным отверстием в центре (1 мм диаметром) и бортиком закраиной шириной 1 мм, высотой 1 мм. В центре кулона ячейка для вставки округлой в плане формы диаметром 10 мм, высота бортика ячейки 1–2 мм. Под бортиком-закраиной два рядом расположенных отверстия диаметром 1–2 мм, видимо для шнура или нити. Вставка в кулоне отсутствовала. У лобной кости черепа расчищены фрагменты бронзовой булавы-шпильки с навершием в виде полого шарика (раздавлен), составленного из двух полусфер. Длина сохранившейся части круглого стержня шпильки 7,5 см, диаметр в сечении 3–4 мм. Между костями черепа находились мелкие фрагменты медной пластинки толщиной 1 мм, форма не восстанавливается. На запястьях обнаружены янтарные бусы дисковидной формы с сильно коррозированной поверхностью, коричневого цвета с желтым оттенком: 8 целых и фрагменты пяти бусин. Диаметр их 14–20 мм, высота 14 мм. Следует отметить, что поверхности бусин, в которых сделаны отверстия, срезаны наклонно.

Данное погребение, пожалуй, наиболее богатое из всех погребений даниого некрополя и, как видим, набор бус очень разнообразен и достаточно традиционен для погребений первой половины — середины I тыс. н.э. Средней Азии, Поволжья, Северного Кавказа. Более узкая датировка может основываться на датировке зеркала и гемм. Бронзовое зеркало относится к редкому для Средней Азии типу. Известен один аналогичный экземпляр из Ферганского могиль-

ника Урюкзор. Н. Г. Горбунова в связи с этим зеркалом предположила, что подобные зеркала попадали в Среднюю Азию из восточно-европейских степей, где они «с IV–V века надолго становятся господствующей формой зеркал на широкой территории»⁴⁸.

Основные вопросы, связанные с изучением гемм, происходящих из могильников Джетыясарской культуры, рассмотрены в публикациях Левиной Л.М. и Никитина А.Б.⁴⁹ Основная группа этих гемм ими вполне убедительно была датирована IV–V вв. Аналогичные геммы, происходящие из Ташкентского региона, в частности, с изображением оленя, Г.А. Пугаченкова датирует V–VI вв.⁵⁰ Такая датировка не противоречит ранее предложенной нами датировке и могильника Коньртобе в целом⁵¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что находки в Отрарском оазисе и из могильников Джетыясарской культуры, по форме, материалу, стилю и репертуару изображений очень близки друг другу, и относятся к сасанидским геммам в виде «ложного перстня»⁵². Создается впечатление, что они вышли из рук одних и тех же мастеров, работавших в одном стиле⁵³. Если это были не хорезмийские, согдийские или кангюйские мастера, а изготовлены они в традиционных Иранских центрах глиптики, то появление их в IV–V вв. в столь отдаленных регионах можно связывать не только с функционированием оживленных торговых связей⁵⁴. Это время примечатель-

⁴⁸ Горбунова Н.Г. Бронзовые зеркала Кургайско-Карабулакской культуры Ферганы // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990. С. 47; она же: Раскопки курганов в Ферганской области // УСА, 3, Л., 1975. С. 29–32.

⁴⁹ Левина Л.М., Никитин А.Б. Об одной группе... С. 26–27.

⁵⁰ Пугаченкова Г.А. Материалы по восточной глиптике // Труды САГУ, в.СХІ, Ташкент, 1957. С. 140; Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн.2. М., 1991, 448.

⁵¹ Байпаков К., Смагулов Е.А. Новые данные... С. 26–27.

⁵² О геммах из Средней Азии, Восточного Туркестана, Северного Кавказа отмечалось, что это заурядная массовая продукция иранских мастерских расходилась по обширной территории (Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л., 1968. С. 29). Однако имеет место и другая точка зрения, выводящая подобные изделия из мастерских Средней Азии или Северного Хорасана (Пугаченкова Г.А. Резные камни... с. 78; она же: Предметы иностранного импорта на среднеазиатских трассах Великого Шелкового Пути // На среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути. Ташкент, 1990. С. 30).

⁵³ Выражаю благодарность Л.М. Левиной, любезно ознакомившей нас с коллекцией гемм из Джетыясар.

⁵⁴ Такая трактовка стала популярной в последнее время в связи со всеобщим увлечением «проблемами» Великого Шелкового пути.

но, кроме прочего, активными военными действиями сасанидских правителей на северо-восточных границах. В этих войнах сасаниды, как известно, не всегда одерживали победы, и отряды кидаритов, хионитов и эфталитов неоднократно грабили и облагали данью Иран. Возможно, что рассматриваемые геммы, как и обилие других украшений, явно юго-западного происхождения (фаянсовые, пастовые, глазчатые, стеклянные бусы, бусы из янтаря, коралла, лазурита, карнеола; находки монет кушано-сасанидских правителей и пр.), обычно встречаемые в погребениях III–VI вв. н.э. в северо-восточных регионах Средней Азии попали сюда в результате этих войн, а не только благодаря стараниям вездесущих купцов. Вполне возможно, что представители городов и поселений Средней Сыр-Дарьи были участниками этих «хионитско-эфталитских» воинских отрядов и могли привезти эти геммы из иранских ремесленных центров в качестве военной добычи.

В связи с находками гемм в присырдарьинских регионах остается невыясненным, среди прочих, вопрос об их использовании. Необходимо отметить, что в кангуйских поселениях в это время уже достаточно широко использовались печати, служившие символами власти и собственности⁵⁵. Потребность в портативных индивидуализированных и долговечных штампах заставляла их самих изготавливать разнообразные печати из различных материалов (глина, камень, кость, медь). На медных печатях обычны изображения животных (оленья, козла), на прочих — «абстрактные символы». Использовались ли сасанидские геммы по назначению наряду с местными? Этот вопрос надо оставить пока открытым. Хотя уникальная находка глиняных булл в храмовом комплексе городища Канка говорит в пользу прямого использования импортированных гемм⁵⁶. Другая уникальная находка глиняных булл с оттисками гемм происходит из парадного зала (мехмонханы) одного из частных домов, сгоревших в пожаре 722 г. в Пеиджикенте. В архиве местного аристократа, по мнению специалистов, хранились, в основном, его личные документы и письма его основного контрагента, а также отмечено по одной булле с оттисками гемм еще шести видов⁵⁷.

Некоторую ясность в вопрос об использовании гемм в раннесредневековом Согде вносят материалы уникального архива документов с горы Муг. Здесь

мы имеем редкую возможность сопоставить имена «авторов» документов и оттисков гемм на глиняных буллах при них. Обращает на себя внимание, что, например, на договоре между Деваштичем и Махйаном об аренде мельницы имеется булла с оттиском портретной геммы, на которой в надписи указано имя, которое не могло принадлежать ни одной из сторон договора, а часть надписи у геммы вообще сколота⁵⁸. По этим документам (А-2, А-3) известна и личная печать самого Деваштича, царя Пянджикента — на ней изображен бык зебу и нет никаких надписей. Причем эта печать имела, видимо, довольно высокий статус, поскольку ею скреплены документы, как бы мы сейчас сказали, международной переписки. Впрочем, автор издания документов полагает, что у Деваштича было несколько таких печатей (?)⁵⁹. Из этих и других наблюдений можно сделать предположение, что в раннем средневековье использование «сасанидских» гемм как печатей даже на таком высоком социальном уровне было довольно случайным. Т.е. принадлежность печати с тем или иным изображением тому или иному лицу определялась случайными факторами и потом уже закреплялась в обычном праве некоей социальной конвенцией.

Это обстоятельство зафиксировано в джетыясарских могильниках, при внеоссуарных погребениях в мервском некрополе⁶⁰, а также в описанном погребении 65 могильника Коныртобе⁶¹.

Согласие с нашей предварительной датировкой и интерпретацией гемм, следовательно, и всего комплекса могильника, высказала Л.М. Левина. В джетыясарских погребениях геммы встречались преимущественно при женских захоронениях и входили, так же, как и в п. 65 Коныртобе, в состав амулетных наборов. Она же предположила, что «геммы служили знаком привилегированного положения их владельца (владелицы), но неизвестно, в какой степени использовали их по прямому назначению в качестве личных печатей»⁶².

⁵⁸ Лившиц В.А. Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. В. 2. Юридические документы и письма. М., 1962. С. 54.

⁵⁹ Лившиц В.А. Согдийские документы с горы Муг, с. 55.

⁶⁰ Ершов С.А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе Байрам-Али (1954–1956 гг.)//Труды ИИАЭ АН Турк.ССР, Т. 5, Ашхабад, 1959. С. 178.

⁶¹ Смагулов Е.А. Находки сасанидских гемм в Отрарском оазисе//Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алма-Ата, 1993.

⁶² Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья..., С. 241-242.

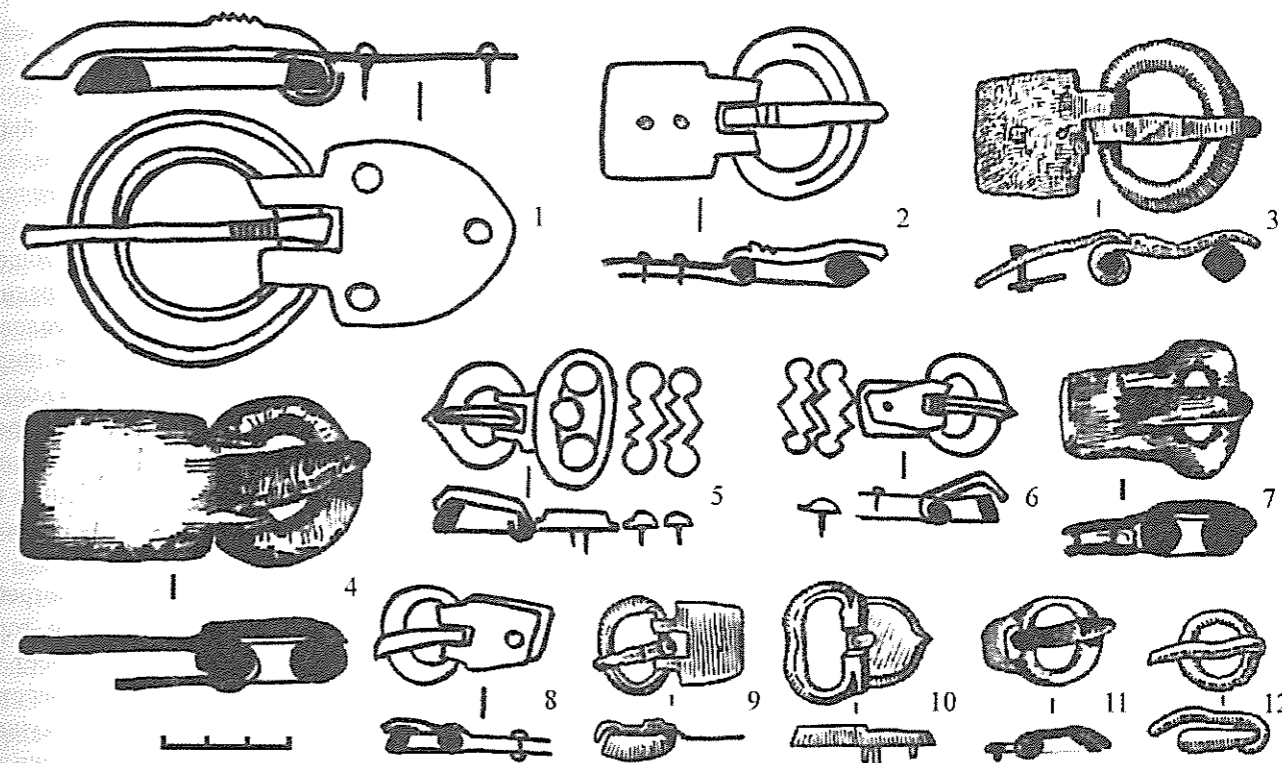

Рис. 1.39. Бронзовые серьжки из погребений:

Вероятно, однозначного ответа на этот и другие вопросы изучения сасанидских импортов в позднекангуйской культуре еще, не может быть предложено, т. к. материалы пока только накапливаются. Многие проблемы социально-экономической, этнической, политической истории Кангюя, особенно его поздних периодов, все еще остаются малоисследованными⁶³.

Серьги.

Почти в двадцати погребениях возле черепов обнаружены бронзовые, в двух случаях серебряные серьги. Обычно они находятся по одной штуке, лишь в погребении 71 найдена пара сложносоставных серег (рис. 1.42 — 1; 1.34 — 1). Наиболее распространены (12 экз) простые «калачевидной» формы (рис. 1.42 — 7–16). Они представляют собой колечко, согнутое из медной проволоки с заостренными концами. Диаметр колечка от 2,2 до 1,3 см. В погребении 14 — 2 найдена серебряная серьга такого же типа, но ее средняя часть расплющена (рис. 1.42 — 4). Еще одну разновидность серег представляет экземпляр из

погребения 22 такого же типа, колечко согнуто из двух свитых тонких проволочек (диаметр 1,3 см).

В четырех экземплярах (погребение 1, 16, 27, 28) представлен другой тип серег. Один конец бронзовой проволочки согнут в виде колечка, он продевался в мочку уха, а другой конец завит в плотную конусовидную спираль (рис. 1.42 — 2, 3). Общая высота их была 3–4 см. Диаметр нижнего конца спирали 0,7–0,8 см. Подобные «спирально-конусовидные серьги» имеют очень широкий ареал и хронологические рамки бытования⁶⁴. Интересно отметить, что полной аналогией этому типу серег являются спиральные серьги (бронзовые и золотые пьяноборской культуры Прикамья II в. до н.э. — I в. н.э. Эта культура, как известно, связана с угорскими приуральскими племенами⁶⁵.

Вне погребения обнаружена конусовидная нижняя часть бронзовой серьги. Верхнее кольцо утрачено. Высота конуса 2 см, диаметр конуса в нижней части 1,5 см. Серьга с конусовидной золотой полый

⁶³ Литвинский Б.А. Джуиский могильник и некоторые аспекты кангуйской проблемы//СА, 1967, 2. С. 29–37; Горбунова Н. Г. Сарматы и скотоводы Средней Азии (состояние проблемы соотношения культур)//Археологические культуры Евразии и проблемы их интерпретации. Краткие тезисы докладов. СПб., 1991. С. 18–21.

⁶⁴ См.: Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989, табл. 25, 106; Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992, табл. 2.

⁶⁵ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1962. С. 53, табл. 35, 1–3.

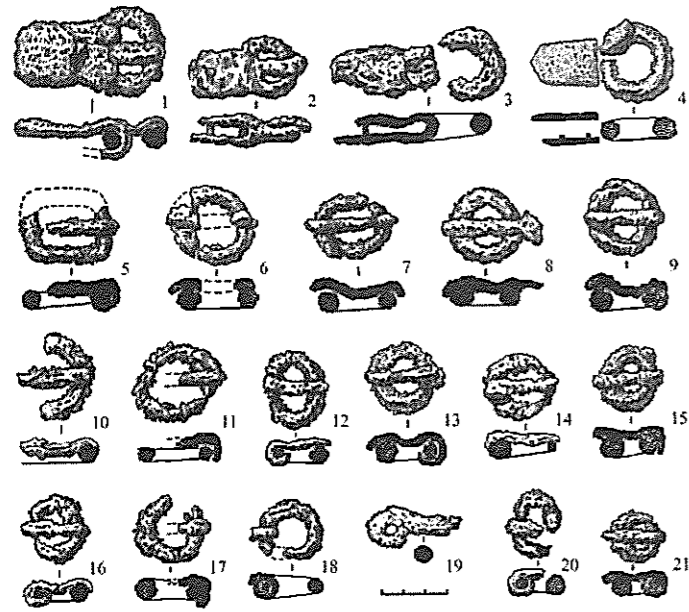

Рис. 1.40. Железные пряжки из погребений могильника Коныртобе I. Раскопки 1988, 1990 гг.

подвеской обнаружена в погребении кургана 7 могильника Берккара (I—III вв.)⁶⁶.

Следует отметить, что подобный тип серег с конусовидной подвеской имеет древний генезис, и они были распространены в обширном ареале скифо-сакских культур. Также они характерны для Тасмолинской культуры Центрального Казахстана⁶⁷, известны на Алтае, в Западной Сибири в памятниках VII—VI вв. до н.э.⁶⁸. Среди савроматских украшений они выделяются в самостоятельный «конусовидный тип».

Уникальна для среднесырдарьинского региона пара бронзовых серег из погребения 71. Подковообразная литая основа её имеет расплюснутые концы с отверстиями, в которые продевалась нитка (сохранились её фрагменты; возможно, первоначально здесь была бронзовая же дужка). Вниз от утолщенной нижней части отходит тонкий бронзовый стержень, на который был нанизан мелкий разноцветный бисер (по 4 шт.) В самом низу, по видимому, крепился маленький (диам. 0,7) бронзовый шарик. Стержень, на котором крепилась вся нижняя часть, разрушился и поэтому последовательность крепления деталей не совсем ясна.

⁶⁶Археологические исследования на северных склонах Каратау//Труды ИИАЭ АН КазССР, Т.14, Алма-Ата, С.11, рис. 5—7.

⁶⁷Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на р. Нуре//В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 44—45.

⁶⁸Грач А. Древние кочевники в Центральной Азии., С. 248, рис. 110; Завитухина М.П. Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае//АСГЭ, в. 8, Л. — М., 1966. С. 71, рис. 3.

Шпильки.

В четырех женских погребениях могильника обнаружены костяные и бронзовые шпильки (заколки), служившие для скрепления волос прически и закрепления головного убора. Во всех случаях они найдены над сводом черепа. Костяные шпильки встречены в погребении 40 и 43 (рис. 1.41 — 1, 2). Шпилька из погребения 40 имеет длину 12 см, округло-уплощенный заостренный стержень с диаметром в средней части 0,8 на 0,4 см. Плоская трапецевидная головка наверху с косым крестом, прочерченным на широких гранях. Шпилька из погребения 43 несколько больших размеров: длина 17 см круглый заостренный стержень диаметром 0,6 см. Навершие в виде плоской ромбовидной головки (2,5х1,4 см), под головкой поясик шириной 2 см с узором в виде косой сетки.

Наиболее близкая аналогия шпильке из погребения 40 Коныртобе происходит из слоя I—III вв. городища Шаштепе (Ташкентский оазис). Она имеет такую же плоскую ромбовидную головку, а отверстие в головке шаштепинской шпильки, чего нет в кушанских костяных шпильках, сближает ее с костяными шпильками I в. до н.э. — V в. н.э. таштыкской эпохи Минусинской котловины⁶⁹.

Бронзовые (медные) шпильки обнаружены в богатых женских погребениях 65, 73. Как и костяные, они расчищены в непосредственной близости от верхней части черепа. Из-за сильной коррозии они сохранились в разрушенном состоянии (фото 1.7; 1.18). От шпильки из погребения 65 сохранился стержень 7,5 см, диаметром в сечении 0,3 см и навершие в виде шарика из двух полусфер, надетых на стержень. Аналогичная по конструкции и размерам шпилька из погребения 73. Сохранившаяся длина стержня 10,3 см. Шарик-навершие состоит из двух половинок (диаметр 1,8 см), он одевался на раздвоенный конец шпильки. Концы проходили через верхнюю полусферу и загибались в разные стороны, тем самым закреплялся шарик (рис. 1.41 — 3, 4).

Костяные, железные, бронзовые шпильки (булавки) становятся характерным атрибутом женских причесок в Средней Азии в кушанскую эпоху. Известны целые серии костяных шпилек из материалов раскопок соответствующих памятников. Выделяется количеством и разнообразием коллекция костяных шпилек городища Зар-Тепе в Бактрии. Наличие сводной работы по кушанским шпилькам Средней Азии

⁶⁹Филанович М.И. Две находки из Шаштепа в Ташкенте., 1986. С. 31—40. Кызласов И.Л. Булавки древних хакасов... С. 94—95.

избавляет от необходимости приводить все пункты находок подобных изделий⁷⁰.

Долгое время они, обнаруживаемые в слоях поселений, вне погребальных комплексов, интерпретировались как стили — инструменты для письма⁷¹. Находки в могильнике Коныртобе костяных шпилек, буквально прилегающими к черепу погребенных, окончательно проясняет вопрос об их функциональном назначении. Это были головные шпильки (булавки), служившие для украшения прически или прикрепления головных уборов. Эта этнографическая деталь была характерна для многих культур Евразии с древнейших времен⁷². На росписях Афрасиаба (втор. половина VII в.), наиболее близких по времени к захоронениям Коныртобе, в прическах женщин восточно-туркестанского посольства показано как употреблялись и выглядели подобные шпильки⁷³. Они изготавливались из различных материалов, но бронзовые не очень характерны для кушанской культуры Средней Азии. Известные находки бронзовых шпилек, аналогичных нашим, тяготеют к сырдарьинскому региону. Известны они в комплексе находок из могильника Кок-мардан на левом берегу р. Арысь (рис. 1.56). Отметим целую серию их из Куркатских склепов⁷⁴. Зато бронзовые шпильки с разнообразными навершиями широко распространены в Минусинской котловине таштыкской эпохи⁷⁵. Есть среди них и с шаровидной головкой. Бронзовые и железные шпильки характерны для Семиречья сако-усуньского времени⁷⁶. Широко применялись скифами европейскими⁷⁷.

⁷⁰Завьялов В. Костяные предметы туалета из памятников Средней Азии кушанского и посткушанского времени//КСИА, в. 209, с. 31; Литвинский А.Б., Седов А.В. Тепан-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983. С. 54—55.

⁷¹Филанович М.И. Две находки из Шаштепа в Ташкенте//ИМКУ, в. 20, Ташкент, 1986. С. 31—40.

⁷²См. напр.: Петренко В. Г. К вопросу об употреблении булавок Скифии в VI—IV вв. до н.э.//КСИА, 142, М., 1975. С. 53—57. Кызласов И.Л. Булавки древних хакасов//Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977. С. 87.

⁷³Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, рис. 21, табл. XXXIX, Целая коллекция синхронных бронзовых шпилек получена при раскопках Пейджикента (Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. С. 128, рис. 86—5, 6, 7, 8). Реконструкцию сложных головных уборов с использованием множества шпилек знатных «пазарыкских женьшинов» см.: Яценко С.

⁷⁴Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К. Раскопки Куркатских склепов//КСИА, 154, М., 1978. С. 93, рис. 4. Сводку по другим регионам см.: Литвинский А.Б., Седов А.В. Тепан-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. С. 54—55.

⁷⁵Кызласов И.Л. Булавки древних хакасов... С. 93—95.

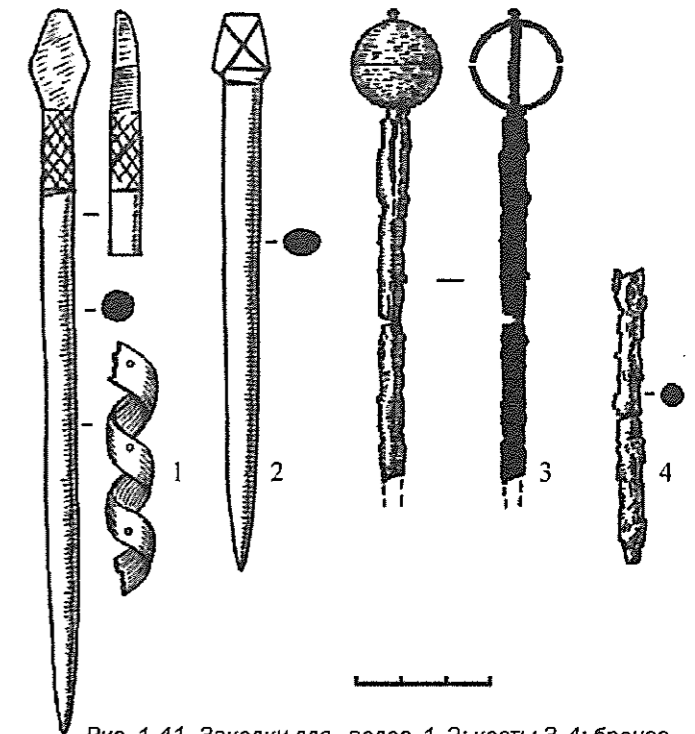

Рис. 1.41. Заколки для волос. 1-2: кость; 3-4: бронза.

Пряжки

В расчищенных погребениях могильника Коныртобе обнаружено в общей сложности около 30 пряжек. Они делятся на две основные группы по материалу, из которого сделаны: бронзовые и железные.

Бронзовые пряжки были малочисленны, представлены семью экземплярами (погребения 8, 28, 14, 14а и др.). В основном это обычные поясные наременные пряжки и местонахождение их в могиле чаще всего в области пояса погребенного, на левой или правой тазовой кости. Лишь маленькие бронзовые пряжечки, как явствует из их размеров и положения в погребении, служили другим целям. Одна из них обнаружена под крупным ножом-кинжалом и могла соединять ремни его портупеи. Другая обнаружена на ступнях ног и могла служить для крепления обуви. У некоторых костяков расчищено по две пряжки, что говорит о наличии двух поясов (для верхней и нижней одежды; для одежды и портупеи). По две пряжки обнаружено в погребениях 4, 8, 23, 27, 39, 51, 53. Двойной комплект пряжек жестко коррелируются с находками ножей, кинжалов, т.е. могут служить надежным индикатором половой принадлежности погребенного.

⁷⁶АКК. Алма-Ата, 1960, табл. VIII; Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, табл. I, II, XI.

⁷⁷Петренко В.Г. К вопросу об употреблении булавок скифами в VI—IV вв. до н.э. //КСИА, 142, М., 1975. С. 53—57.

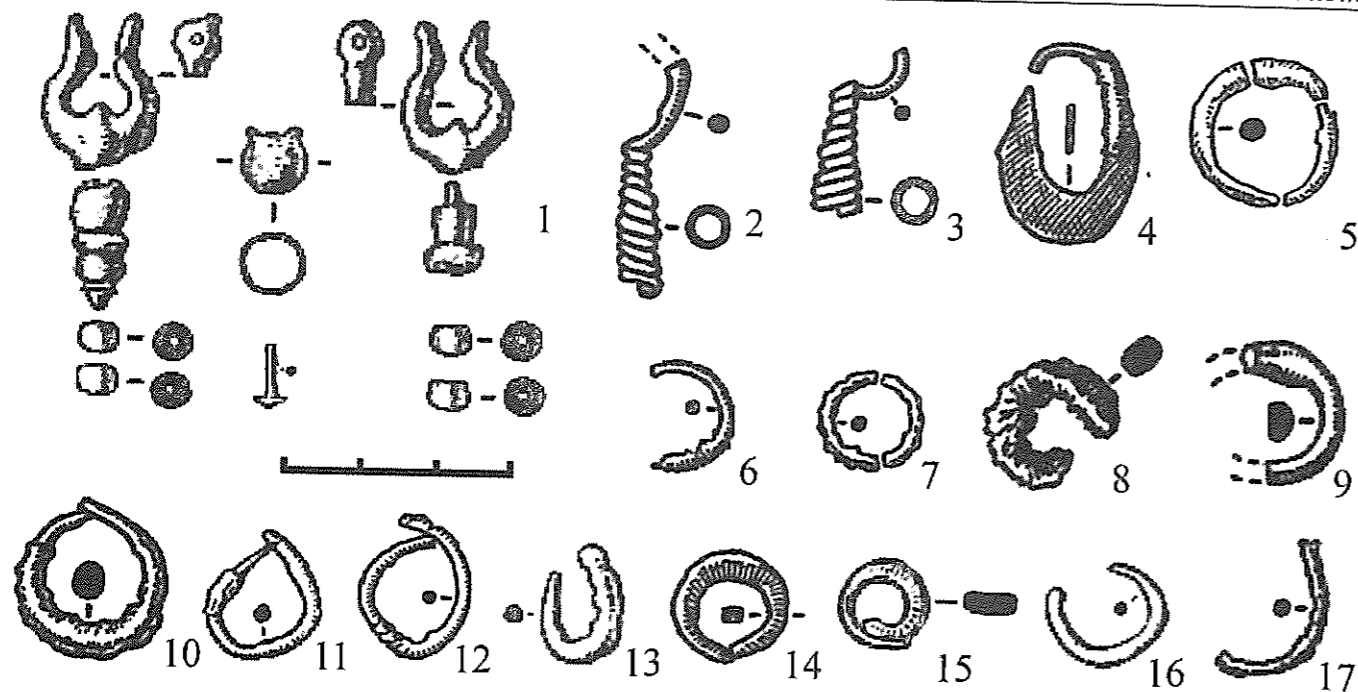

Рис. 1.42. Серьги из погребений.

Бронзовые поясные пряжки (рис. 1.39) все имеют подвижные щитки-приемники, к которым с помощью заклепок крепилась кожаная основа пояса. В одном случае (рис. 1.39—10) щиток овально заостренной формы, неподвижен, отлит вместе с рамкой. Эта бронзовая пряжка имела железный подвижный язычок. Приемники остальных пряжек двух видов: двухсторонние и односторонние. У первого вида щиток сделан из согнутой пополам пластины, так что она обхватывала ремень с обеих сторон — наружной и внутренней (рис. 1.39—2, 4, 6, 7, 8). У других пряжек (рис. 1.39—1, 5, 9) щиток односторонний, ремень крепился к нему с помощью 2—3 бронзовых заклепок.

Пряжка из погребения 14а уникальна. Состоит из бронзового одностороннего щитка с тремя заклепками, имеющими на лицевой стороне выпуклые шляпки, массивного бронзового язычка и круглой рамки, выточенной из нефрита. Диаметр рамки 6,2 см (рис. 1.39—1; 1.15). Подобные комбинированные пряжки достаточно редки среди находок эпохи ВПН. Нам известна одна комбинированная пряжка из аланских катакомб Северного Кавказа. Круглая рамка её выточена из гагата, а щиток и язычок серебряные⁷⁸.

Пряжки (рис. 1.39—5, 6) обнаружены в одном погребении 8. Они расчищены на левой и правой сторо-

не тазовых костей и направлены в противоположные стороны (фото. 1.17). Выше располагавшаяся пряжка (рис. 1.8—2, 3) имеет односторонний щиток и округлую рамку. На щиток напаяны три круглых гнезда для инкрустации цветными стеклянными вставками. Высота щитка 3,5 см. За щитком плотно друг к другу крепились с помощью двух заклепок «зигзаговидные» бронзовые накладки. Такие же накладки имел второй пояс, но пряжка его снабжена двухсторонним приемником. Под бронзовыми накладками зафиксирована истлевшая материя. Видимо, ею была обтянута кожаная основа пояса. Наборные пояса, украшенные серебряными и бронзовыми вертикальными пластинами, неоднократно находились в памятниках синхронных могильнику Коныр-тобе. Типологически наиболее близок серебряный пояс из погребения на поселении Кызыл-Кайнар-тобе, джетыассарские пояса и серебряный пояс из склепа 4 некрополя городища Сидак⁷⁹. В круг подобных поясов входят также синхронные наборные пояса из Восточного и Центрального Казах-

⁷⁹ Мерциев М.С. Поселение Кызыл-кайнар-тобе I—IV вв. и захоронение на нем воина // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 89, рис. 7—5; Левина Л.М. Джетыассарские склепы // Низовья Сыр-Дарьи в древности. вып. II, Джетыассарская культура. Ч. 1., склепы, М., 1993. С. 155, рис. 36; Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья..., рис. 133; Смагулов Е.А. и др. Отчет по итогам археологических исследований городища Сидак в 2004 г. Рукопись, Алматы, 2005, Архив ИА.

⁷⁸ Гмыря Л.Б. Паласа-сыртский могильник (по материалам 1981—1983 гг.) // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985. С. 152.

стана⁸⁰. Датировка всех этих находок по комплексу сопровождающих вещей не выходит за рамки III—V вв. н.э. Среди наборных поясов Евразии «казахстанские» пояса отличаются определенным своеобразием⁸¹. Объяснить это, может быть, можно сославшись на своеобразные наборные пояса тасмолинской культуры Центрального Казахстана эпохи ранних кочевников, которые уже в VIII—IV вв. до н.э. отличались рядом особенностей от синхронных поясов Евразии⁸².

Бронзовая пряжка погребения №8 имеет бронзовые перегородки на щитке для инкрустации пастой или цветными стеклами. Ближайшая аналогия в могильнике Чаш-Тепе на Устьурте. Здесь под одной из насыпей была найдена серебряная пряжка, на овальном щитке которой были напаяны золотые перегородки со вставками из синего стекла. Датировка эта пряжка по аналогии с находками в Керченских склепах IV—начала V вв.⁸³ Во всех известных достаточно надежно датированных комплексах степной Евразии, аналогичные коньртобинским пряжкам, датируются теми же хронологическими рамками — IV—V вв.⁸⁴

Серия железных пряжек количественно более представительна (рис. 1.40). Все они обнаружены на тазовых костях скелетов или рядом, т. е. служили поясными пряжками. Сомнение вызывает лишь самая маленькая из железных пряжек (обнаружена в погребении 27 ниже правого колена погребенного; рис. 1.40—21) Железные пряжки по конструкции относятся к двум типам: с пластинчатым двухсторонним приемником (рис. 1.40—1, 2, 3, 4) и без него. Второй тип пряжек по форме рамки распадается на два варианта: а) с круглой рамкой; б) с рамкой подчетыреугольной формы. В среднем диаметр круглых рамок 3—4 см. Пластинчатые обоймы-приемники удлиненной формы имеют следы 1—3 заклепок, которыми крепился ремень между пластинами.

⁸⁰ Арсланова Ф.Х. Курганы с усами Восточного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С. 1123, табл. 1—14; Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР, 1959, Т. 7. С. 197, рис. 25.

⁸¹ Добжанский В.И. Наборные пояса кочевников Азин. Новосибирск, 1990. С. 24—30.

⁸² Маргулан А.Х. и др. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

⁸³ Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А. Курганы на возвышенности Чаш-тепе // Труды ХАЭЭ, Т. XI, М., 1979. С. 157, рис. 7.

⁸⁴ См. напр: Ковалевская В.Б. Башкирия и евразийские степи IV—IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 106, рис. 8; Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 143.

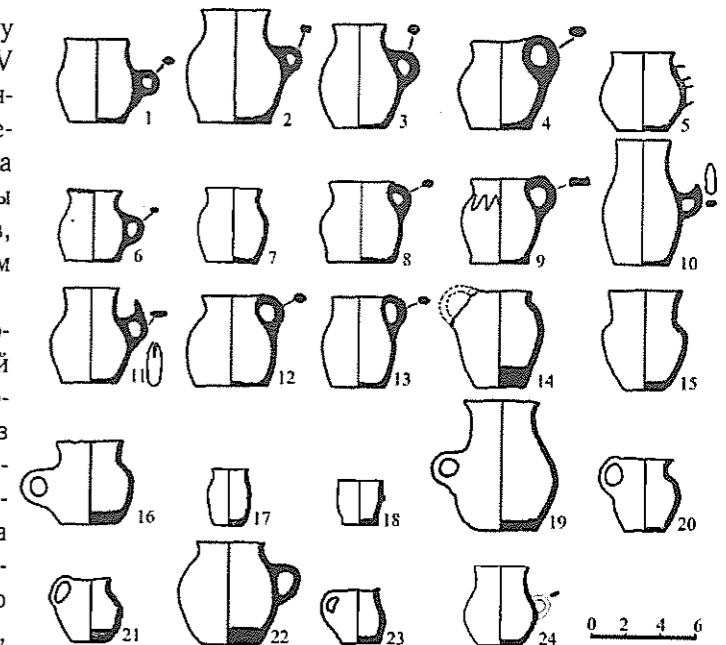

Рис. 1.43. Кружки из погребений, расчищенных в 1988 г.

Подобная категория находок широко распространена в памятниках I тыс. н.э. по всему Евразийскому поясу степей и представляет собой рядовой массовый материал.

Бусы.

Бусы наиболее массовый материал, полученный при расчистке погребений могильника Коныр-Тобе. Они встречены в большинстве погребений. Наиболее репрезентативные комплексы — в богатых женских погребениях. Они образовывали ожерелья вокруг шеи погребенных, бусинами и бисером обшивались обшлага рукавов и ворот одежды, а также они входили в состав «амулетных комплексов».

По наиболее массовым типам бус и их встречаемости можно предварительно заключить, что датировка этих комплексов укладывается в рамки III—V вв. н.э. Так, для позднесарматских погребений на нижнем Дону сочетание граненых сердоликовых и крупных янтарных неправильно-округлых и уплощенных форм наиболее характерно для III—IV вв.⁸⁵

Массовость этого вида украшений в памятниках разных периодов и регионов с самого начала их исследования поставила задачу унифицированной классификации и описания. В настоящее время получил широкое признание опыт Е.М. Алексеевой по классификации бус античной поры Северного Причерно-

⁸⁵ Мошкова М.Г. Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на нижнем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 71—73.

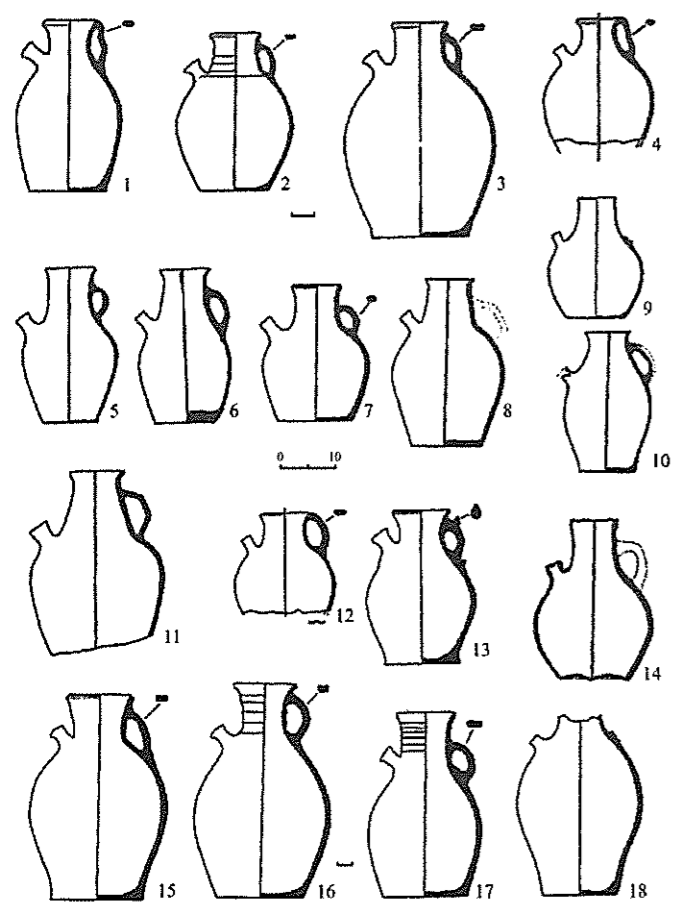

Рис. 1.44. Кувшины из погребений, расчищенных в 1988 г

морья. Принципы, заложенные в основе классификационной процедуры, примененной Алексеевой Е.М., представляются наиболее универсальными, логичными и перспективными для дальнейшей статистической обработки⁸⁶. В целом сходные принципы группировки и описания выработал Б.А. Литвинский при работе с бусами из могильников Северного Таджикистана⁸⁷. Им же даны сведения о наиболее значимых разработках и комплексах бус из памятников Средней Азии. После выхода в свет работы Литвинского Б.А. принципиально новых исследований в этой области в Средней Азии не появилось, поэтому отсылаем к приведенной им историографии. Добавим лишь, что опубликованы бусы из находок в Кой-Крылган-кале, и Топрак-кале⁸⁸.

⁸⁶ Алексеева Е.М. Классификация античных бус // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

⁸⁷ Литвинский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973. С. 93 и сл.

⁸⁸ Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. — IV в. н.э. // Труды ХАЭЭ, т. V, М., 1967. С. 151–154; Городище Топрак-кала (раскопки 1965–1975 гг.) // Труды ХАЭЭ, т. XII, М., 1981. С. 111–114.

Используемая нами классификационная схема состоит из нескольких таксономических уровней: класс, группа, тип, вариант⁸⁹. При этом актуализируются признаки: материал (для первых двух уровней), форма, пропорции, цвет и прозрачность. Классы выделяются по признаку материала, из которого изготовлены бусы. Всего пять классов: 1 — каменные; 2 — смолистые вещества; 3 — стеклянные; 4 — металлические; 5 — другие материалы. Классы по более частным признакам материала распадаются на группы. «Каменные» — по виду минерала, из которого изготовлены бусы. «Стеклянные» на собственно «стеклянные» и из «стеклопасты», «глазчатые», «фаянсовые». Класс металлических представлен двумя бронзовыми бусинами, которые описываются нами как относящиеся к одному классу, одной группе и одному типу.

Описание бус

I класс: каменные. В коллекции бус некрополя Кой-тобе представлены бусы, изготовленные из различных минералов: сердолика, хрусталя, халцедона и пр.

I.1. Сердолик. Сердоликовые бусы наиболее многочисленны (около 50 шт.) среди каменных бус и наиболее разнообразны по форме. Они присутствуют в целом ряде погребений (16, 18, 38, 40, 42, 43, 47, 81, 65 и др.) как в амулетных комплексах, так и в составе ожерелий, наручных браслетов.

I.1.1 тип — шаровидные. Наиболее распространенная форма. Размеры могут быть разнообразные: диаметр 0,5–1,5 см; высота: 0,3–1,0 см.

В погребении 16 пять бусины входили в амулетный комплекс. Из них одна диаметр — 1,4; четыре мелкие — диаметр 0,5–0,6 см. Две сердоликовые круглые (дм 1,0–1,2 см) в составе амулетного набора погр. 40. Пара шаровидных бусин (диаметр 1,0–1,2 см) в ожерелье со стеклянными бусинами погр. 43. Три крупные (диаметр 1,5, сос) шаровидные бусины входили в состав амулетного набора погребения 65.

I.1.2 тип — «веретеновидные» (тип формы 5 по Алексеевой Е.М.⁹⁰) Встречены в двух погребениях (40 и 47) По размерам можно подразделить на два варианта.

I.1.2.1 — крупные веретеновидные. Одна такая бусина входила в амулетный комплекс погр. 47. Ее диаметр — 1,4 см, высота — 2,9 см. Сердолик розовый с белыми естественными разводами.

⁸⁹ Данная классификация бусинного материала является предварительной, и не претендует на окончательность и полноту. Она служит целям первоначальной систематизации массового материала, который заслуживает специального изучения.

⁹⁰ Алексеева Е.М. Классификация..., с. 61.

I.1.2.2 — мелкие веретеновидные. Шесть бусин этой разновидности найдены у запястья левой руки скелета погр. 70. Их размеры стандартны: диаметр 0,5 см, высота 1,5 см.

I.1.3. бипирамидальные шестнадцатигранные. Всего два экземпляра из погребений 42 и 43 также дают два варианта — крупные и мелкие.

I.1.3.1. — более крупный экземпляр найден в погребении 42. Диаметр — 1,2 см, высота — 0,7 см.

I.1.3.2 — миниатюрная граненая бусина. Дм — 0,4 см, высота — 0,3 см.

Сердоликовых бус с такой огранкой нет среди северо-причерноморских находок. Но такая форма известна среди среднеазиатских находок⁹¹.

I.1.4 — бипирамидальные. Входили в ожерелье погр. 81.

I.2. Хрустальные бусины. Всего обнаружено 12 экземпляров. (погр. 15, 16, 40, 9, 47). В погребениях найдено по 1–2 экземпляру, и они связаны обычно с т. н. «амулетными комплексами».

I.2.1 тип — шестиугольная бипирамидальная. Представлены два варианта. Вариант А: высота — 10 мм, диаметр — 16 мм. Четко выражена поперечная грань. Вариант В: высота — 22 мм; диаметр — 16 мм, поперечная грань не прослеживается.

I.1.2 тип. — пятиугольная бипирамидальная сплюснутая, поперечная грань не выражена. Высота — 15 мм, диаметр — 23 мм. Обнаружено два экземпляра в погребении 47.

I.2.3 тип — шестиугольная дипирамидальная уплощенная. Встречены 3 экз. в погребениях 16 и 43. Высота — 2,5 — 3,5; диаметр (ширина) — 12 — 20 мм. Соответствует форме 20, двенадцатигранная классификации Алексеевой Е.М.⁹²

I.2.4 тип — призматическая восьмигранная. Единственный экземпляр в погребении 16. Высота — 17 мм, диаметр — 9 мм.

I.2.5 тип — круглая, уплощенная. Единственный экземпляр в погребении 9. Диаметр — 2 см.

I.3. Халцедоновые бусы. Две бусины из серовато-молочного халцедона встречены лишь в амулетном наборе погребения 65. По форме они слегка уплощены. Отличаются лишь размерами. Их можно описать как один тип.

I.3.1 тип — более крупная бусина имеет: диаметр — 2,9 см, высоту 2 см, поменьше: диаметр — 2,3 см, высоту — 1,6 см. Отверстия 0,5 и 0,4 см дм, соответственно.

II. Смолистые вещества в материале бус представлены янтарем и гагатом.

⁹¹ Литвинский Б.А. Украшения..., с. 104, таб. 15, 24.

⁹² Алексеева Е.М. Классификация..., с. 62.

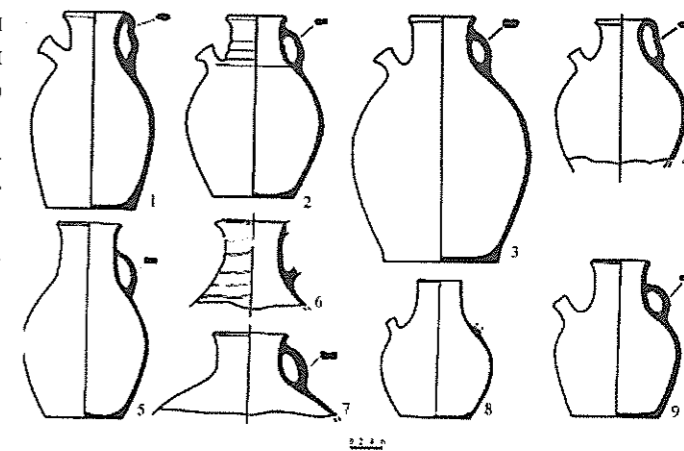

Рис. 1.45. Кувшины из погребений расчищенных в 1988 г.

II.1. Янтарные. Янтарные бусы встречены в ряде погребений могильника (14а, 38, 58, 65, 40, 65). Если в погребениях 40, 65 крупные янтарные бусины входили в состав амулетных комплексов, то в остальных они образовывали ожерелья вокруг шеи или запястий. По форме их можно отнести к трем типам.

II.1.1 тип — дисковидные. Диаметр 1,3–1,8 см, толщина — 0,5–0,8 см. Боковые грани не всегда параллельны, бусина обычно имеет разную высоту (толщину). Бусины этого типа обычны в ожерельях.

II.1.2 тип — крупные дисковидные с выпуклыми боками. Одна такая бусина (диаметр — 2,9 см, высота — 1,4 см) входила в амулетный набор погребения 40.

II.1.3 тип — цилиндрическая неправильной формы. Крупная янтарная бусина цилиндрической формы с неровными боковинами входила в амулетный набор погребения 65.

Как известно, определить место происхождения янтаря даже специализированными методами пока невозможно.

II.2. В погр. 16 встречены бусины из черного блестящего минерала. По форме это диски округлой формы с продольным отверстием (диаметр — 1,4–1,6 см, толщина 0,4–0,5 см). По внешним признакам материал, из которого изготовлены бусы, подобен гагату — смолистой разновидности ископаемого угля. Изделия из этого материала были распространены в античную эпоху на Кавказе, в Северном Причерноморье.

Но, как показывают выборочные аналитические исследования, в древних и средневековых памятниках Средней Азии распространен натуральный янтарь «сукцинит» преимущественно из прибалтийских месторождений. Исследователи отмечают, что в первые века до н.э. и до V в. н.э. особую активность проявлял сырдарьинский путь поступления янтаря, через который этот минерал достигал границы Китая. Кар-

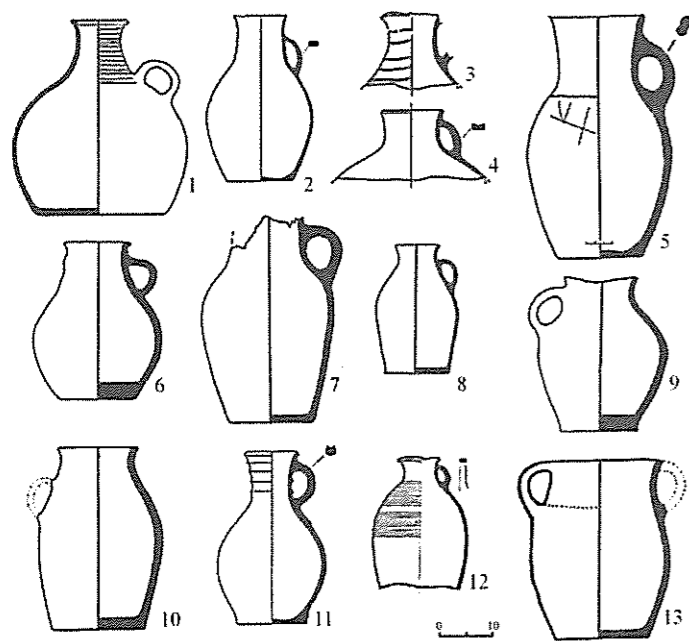

Рис. 1.46. Кувшины из погребений, расчищенных в 1988 г

тографирование археологических местонахождений янтарных изделий по Сырдарье показывает их концентрацию в Джетыясарском урочище и Фергане. Многочисленные находки янтарных украшений в Отрарском оазисе, пока не учтенные в обобщающих сводках, очевидно, маркируют важный промежуточный пункт на сырдарьинском направлении евразийского движения янтаря. Это же направление по северному, или Сырдарьинскому ответвлению Великого Шелкового пути распространения импортов, но с Востока на Запад, маркируется многими другими находками, например, китайскими бронзовыми зеркалами⁹³.

III. Стекло и стекловидные массы.

С глубокой древности стекло стало очень популярным, в силу ряда своих качеств, материалом для изготовления бус и других украшений. Ближневосточные центры стеклоделия представляли на рынок разнообразные стеклянные украшения. Частично он оседал у евразийских степных племен. Кангюйцы не были исключением, о чем свидетельствует, в частности, материалы могильника Коныр-тобе.

⁹³ Савкевич С.С., Шахс И.А. К вопросу о возможности использования МК-спектров янтаря для определения его происхождения в археологических объектах //СА, 1970, 1, с. 267;

Бубнова М.А., Половникова И.А. Янтарь в Средней Азии // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М. 2001. С. 124–135.

Заднепровский Ю.А. Трансазиатский степной путь — ветвь Шелкового пути по археологическим данным // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Тезисы докладов. Донецк, 1992. С. 79–82.

Стеклянные бусы здесь представлены собственно из стекла разных цветов, глазчатыми, из стекломассы и фаянсовыми. При этом крупные глазчатые, фаянсовые обычно присутствуют в амулетных наборах, а более мелкие разноцветные стеклянные наряду с другими бусинами (чаще коралл) образуют ожерелья и украшают одежду.

III.1. Стеклянные разноцветные. По форме относятся к нескольким типам.

III.1.1. Наиболее многочисленные шаровидные уплощенные бусины различных размеров: от мелкого (диаметр—0,2 см) бисера до более крупных — диаметром 0,5 см. Преобладающие цвета — синий, зеленый, фиолетовый. В погребении 65 в ожерелье погребенной женщины входило около 200 шт. подобных бусин. В погребении 21 более 50 шт. фиолетовых бисерин (диаметр—0,7 см, высота—0,4 см). В погребении 42 обнаружены круглые, сильно уплощенные бусины с большим отверстием синего и желтого цвета. Их можно рассматривать как вариант данного типа.

III.1.2 — кубической формы (длина стороны—0,8 см). В погребении 65 зеленого цвета, две мелкие в погребении 71.

III.1.3 — в погребении 65 найдено 6 бусин биконической формы фиолетового цвета. (высота 1,5–1,4 см, дм 0,8 см). Аналогичная бусина из погребения 71.

III.1.4 — цилиндрической формы. (высота—0,8–1,2 см). В погребении 65 две такие бусины коричневого цвета, в погребении 43 одна бусина такой формы, но более крупных размеров.

III.1.5. — цилиндрическая ребристая форма. Два экземпляра синего цвета найдены в погребении 22 (диаметр—1,5 см; высота—1 см).

III.1.6. — шаровидно — уплощенные ребристые. Найдены в погребении 40 и 42 (диаметр—1,6, 2 см), высота—1,3—1,1 см).

III.1.6 — шаровидная с полосчатым рисунком. В погребении 42 найдена бусина из стеклянной массы зеленого цвета, по которой спиральные полосы желтого цвета (диаметр—1,0 см).

III.1.7. — бипирамидальная с поперечным отверстием. В погребении 42 один экземпляр высотой 2,4 см; диаметр 0,6 см.

Все формы стеклянных бус нашей коллекции представлены в комплексах погребений средней Азии первой половины 1 тыс. н.э.⁹⁴

III.2. Глазчатые бусы сравнительно редки в погребениях могильника Коныр-тобе. Они встречаются исключительно как компоненты амулетных наборов.

⁹⁴ Литвинский Б.А. Украшения..., табл. 11.

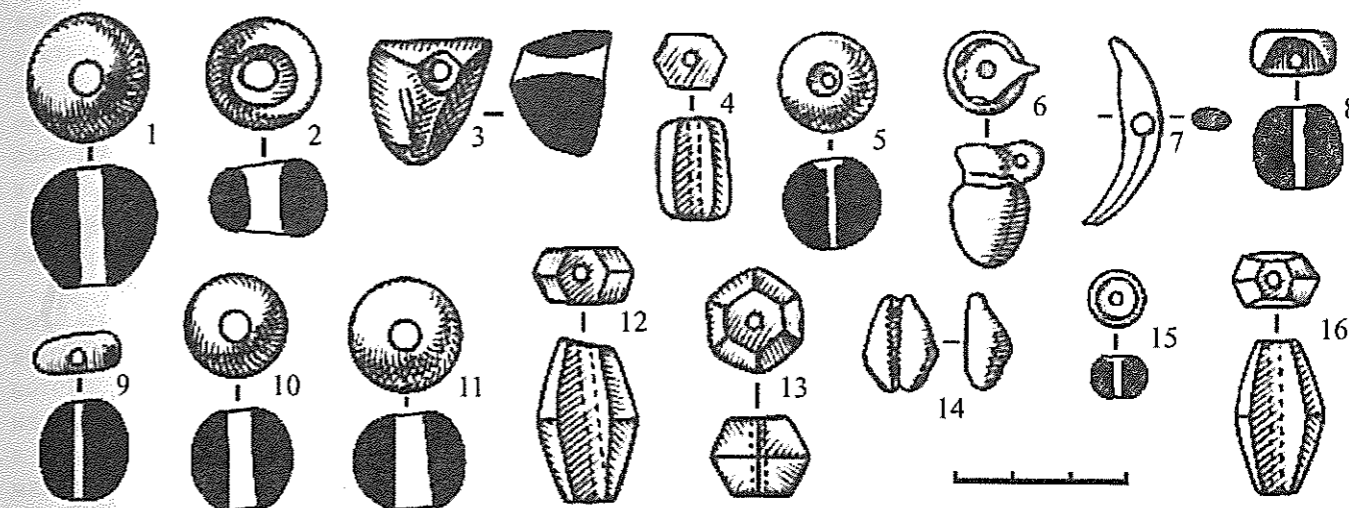

Рис. 1.47. Бусы из разных погребений.

IV. Металлические. Из металлических бус в нашей коллекции представлены всего две однотипные круглые бронзовые бусины из погр. 65. Они входили в «амулетный набор». Это бронзовые шаровидные бусины диаметром—3 см и высотой—2,3 и 2,6 см.

V. Прочие материалы.

В этом классе, как и в классификации Алексеевой Е.М.⁹⁵, объединены бусы, подвески из глины, коралла, раковин, известняка.

V.1. Глина. Изделия из глины довольно редки среди этой категории находок в могильнике Коныр-тобе. Нами отмечено всего три экземпляра. Они относятся по форме к разным типам.

V.1.1 — кувшинчик-подвеска. Обнаружен в комплексе погр. 15. Высота—2 см, диаметр тулова—1,3 см. Ручка, соединяющая плечико и венчик образует отверстие. Противоположный ручке край венчика оттянут, образуя слив. По границе горловины и плечика проведены две кольцевые полосы. Дно не уплощенное.

V. 1.2.— в этом же погребении рядом с подвеской-кувшинчиком обнаружена шаровидная керамическая бусина, диаметр—2 см.

V. 1.3 тип. В погр. 47 в амулетном комплексе обнаружена бусина (пронизка) из хорошо отмоленной плотной керамической массы темно-серого цвета в изломе. Имеет уплощеннопризматическую форму. Высота—2,1 см, грани 0,8 и 1,3 см.

V.2. Коралл. Коралловые бусы—одни из самых распространенных в могильнике. Они встречаются в погребениях. 9, 18, 40, 42, 71, 24 и др. Т. е практически во всех женских более или менее репрезентативных погребениях. В некоторых они явно составляли

ожерелья, самостоятельно или вперемежку со стеклянными, насчитывающие по несколько десятков бусин (в погр. 65, 77). Имеют белый иногда с розоватым оттенком цвет. По форме они все однотипны, различаются лишь размерами. Представляют собой миниатюрные цилиндрики разной длины и толщины (высотой от 0,2 до 2,0 см, диаметром от 0,3 до 0,7 см).

V.3.1. Раковины сауги обычное явление в ожерельях, амулетных наборах погребений могильника Коныр-тобе. Они отмечены в погр. 1, 16, 42 и др.

V.4.1. В погребении 16 в амулетном комплексе встречена одна шаровидная бусина из розоватого мраморовидного известняка. Диаметр—1,8 см, высотой—1,4 см.

Косметические приборы.

Представляют собой традиционные для Средней Азии наборы, состоящие из каменного округлого в сечении стерженька с отверстием в утолщенном конце. Длина его обычно 7–9 см. А также кусочек графита пирамидальной формы, со следами сработанности в виде небольших лунок. Такие приборы являются обычными находками в античных и средневековых памятниках Средней Азии⁹⁶. Происхождение и их основной ареал распространения связываются с Ферганой, где они известны с IV в. до н.э., а точнее с открытым еще в древности единственным месторождением графита на северных склонах Туркестанского хребта в Исфаринском районе⁹⁷. Отсюда, из древней

⁹⁶ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978. С. 127–133.

⁹⁷ Горбунова Н.Г. Древний ферганский косметический прибор // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 178–183.

⁹⁵ Алексеева Е.М. Классификация..., с. 59.

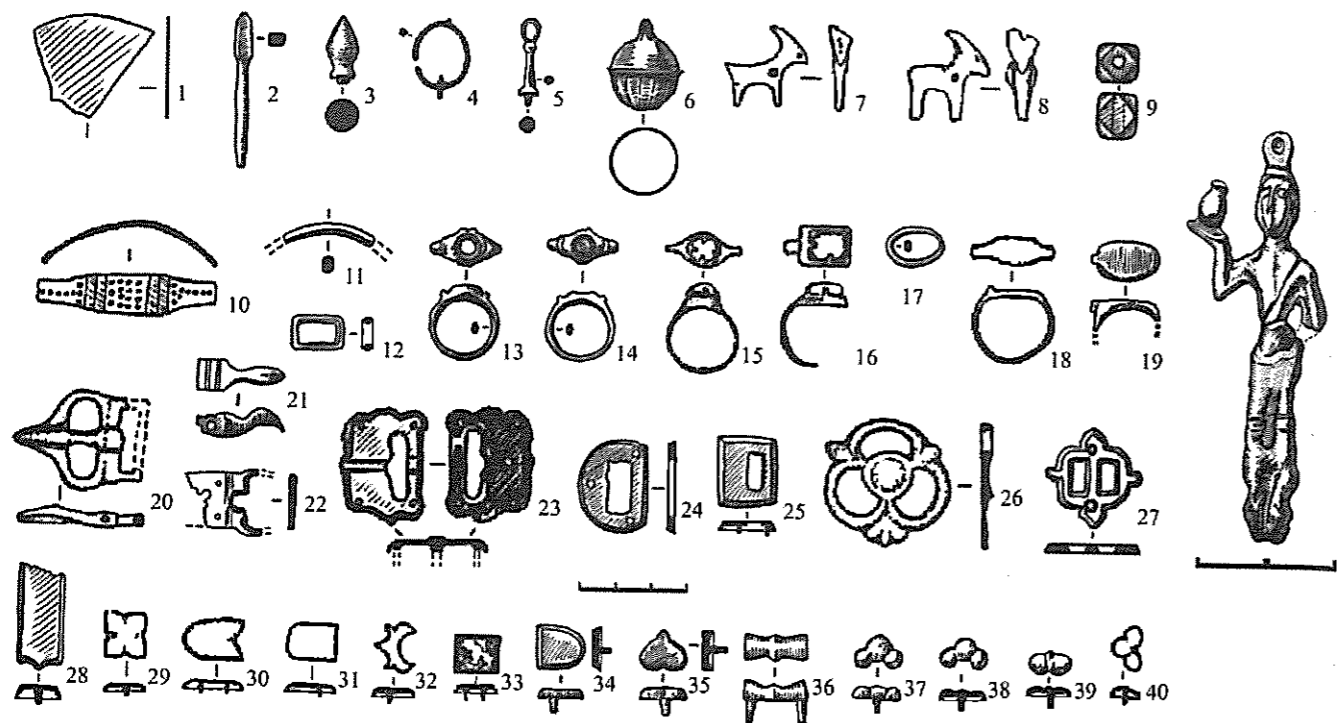

Рис. 1.48. Подъемный материал с городища Коныртобе.

Давани, эти графитовые косметические приборы распространялись по всей Центральной Азии. находки в могильнике Коныртобе относятся к I типу классификации Н.Г. Горбуновой. В трех погребениях могильника (13, 15, 24) обнаружены косметические приборы-палочки сурматаш и кусочки графита (фото. 11). В двух случаях (погребения 15 и 24) это явно женские погребения, они сопровождаются специфически женскими украшениями. Положение этих атрибутов в погребении относительно скелета неустойчивое. В погребении 15 они обнаружены у правого плеча покойницы, в погребении 24 — у ступни правой ноги. В погребении 13 косметический прибор обнаружен между челюстями черепа. Это уникальный случай нахождения косметического прибора в погребении, поэтому считаем, что попал он туда случайно. Об этом свидетельствует соотношение погребения 13 и 13а. Как выше отмечалось, погребение 13а частично перекрывает погребение 13, оно более позднее. Скелет его как бы сползает на погребение 13, тазовые кости его перекрывают кувшин, стоявший в ногах погр. 13. Данная уникальная стратиграфическая ситуация могла возникнуть в том случае, если камера погребения 13 первоначально была полая. После положения покойника в сырцовый ящик, установки кувшина и других атрибутов верх перекрывался такими же сырцовыми кирпичами. В таком положении погребальная камера оставалась до некоторого вре-

мени. Потом перекрытие обрушивалось, и она заполнялась грунтом. Это объясняет тот факт, что в подавляющем большинстве случаев черепа скелетов оказались раздавленными.

Ножи, кинжалы.

Почти в тридцати из расчищенных погребений обнаружены железные ножи. Всю серию находок можно условно разделить на три группы: ножи, кинжалы, «бритвы». Наиболее многочисленна группа простых бытовых ножей малых и средних размеров. Они преимущественно мужским погребениям, но встречаются и в явно женских. (фото 1.9—12; рис. 1.50, 54). Длина лезвия простых ножей от 9 до 16 см. Длина черенка от 1/4 до 1/3 длины лезвия. Ножи обычно находились в области пояса погребенного, как правило, на тазовых костях. В этом случае обычно здесь же железная или бронзовая поясная пряжка. Из этого следует, что нож был подвешен к поясу в кожаном чехле. В редких случаях нож имел другое положение в погребении. В погребении 23 и 107 маленький нож лежал на ноге значительно больших размеров (длина лезвия 20 см) под левой кистью погребенного, у бедра (рис. 1.54—4). Нож в погребении 32 найден под левым плечом покойника.

Как отдельную группу ножей можно рассматривать экземпляры более крупных размеров. Длина лезвия 20—25 см, ширина 3—4 см. По форме они по-

добны ножам первой группы, но отличаются массивностью и длиной, а также тем, что удлиненный черенок расположен по центру полотна лезвия. Вероятно, их можно рассматривать как промежуточную форму, близкую к однолезвийным кинжалам, обнаруженным в погребении 8 и 14. Вероятно, и они функционально были универсальны. Т.е. служили как боевое, так и бытовое орудие.

Кинжал из погребения 8 имел длину лезвия 42 см, длина черенка 8 см. В погребении лежал у левого бока. Рядом обнаружена яитарная пронизь, которая могла быть навершием рукояти. Кинжал из погребения 14—1 обнаружен плотно прижатым к левому предплечью костяка. Под ним найдена маленькая бронзовая пряжка с щитком-приемником. Длина лезвия кинжала 34 см, длина черенка — 7 см.

Своеобразную форму имеют ножи из погребения 23, 27, 31 и др. Лезвие их вогнуто, спинка выгнута. Длина сохранившихся частей лезвия 11—12 см. Назначение ножей с вогнутым лезвием могло быть самым разнообразным. Они могли использоваться как садовые ножи, для заготовки сена, для срезания шерсти с овец. Ножи подобной формы были широко распространены не только в Средней Азии, но и на Северном Кавказе, в античном Причерноморье и т.д.

Обычно ножи находятся в погребении по одному, но отмечены случаи, когда при одном погребенном было 2—3 ножа. Причем они относятся к разным группам. Так, в двойном погребении 14 при каждом из костяков были по большому ножу и у пояса по ножу средних размеров.

В погребении 7 под левой тазовой костью найден маленький ножик (длина лезвия 10 см), а на поясе поперек туловища крупный нож общей длины 28 см, ширина лезвия 4 см.

В погребении 23 под левой кистью скелета, у бедра, расчищены крупный нож (длина лезвия 22 см, черенок — 6 см), и нем маленький ножик общей длиной 13 см, а на левой тазовой кости, обнаружен вогнутый нож. (рис. 1.54 — 3, 4, 5)

Пара ножей средних размеров (общей длины 12,5 и 17,5 см) найдены в погр 58. Меньший из них обнаружен на поясе, лежал поперек туловища, и другой — под кистью левой руки.

На всех крупных ножах и кинжалах при расчистке фиксировался древесный тлен от иожен. В некоторых случаях отмечен белый тлен, очевидно, от костяных обкладок рукояти. Выделенные нами группы соответствуют основным типам ножей, выделенных Б. А. Литвинским для западной Ферганы синхронного периода⁹⁸.

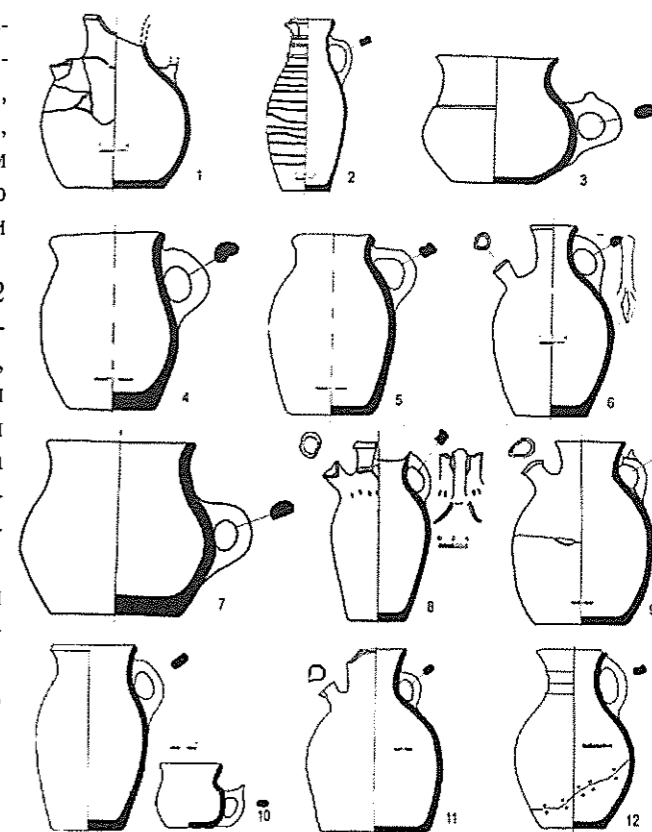

Рис. 1.49. Керамика из погребений: №1—п. 94; №2—п. 96; №3—п. 97; №4, 5—п. 98; №6—п. 99; №7—п. 95; №8—п. 100; №9—102; №10—п. 104; №11—п. 106; №12—п. 111.

Наконечники стрел.

В трех погребениях (23, 39, 62) обнаружены по три железных трехперых наконечника стрел. В погребении 23 наконечники лежали у левого локтя, остриями в сторону головы. На черешках сохранился древесный тлен от древков стрел. Общая длина наконечников 6,2—7 см. Головки ромбической формы, длина — 4—4,5 см. Высота пера — 0,9—1,0 см.

Несколько иную форму имеют головки стрел из погребения 39. Они подтреугольных очертаний, лопасти слабо выражены, имеют прямо срезанное основание. Общая длина наконечников 7,5—7,8 см боевой части — 4,5—4,7 см. Они близки типу 2\25 классификации Брыкиной-Горбуновой ферганских наконечников стрел. Наконечники же из погребения 23 относятся к типу V\56 той же классификации⁹⁹. Или же

⁹⁸ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь... С. 10—24, табл. 1—3.

⁹⁹ Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г. Железные наконечники стрел из Ферганы // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 30.

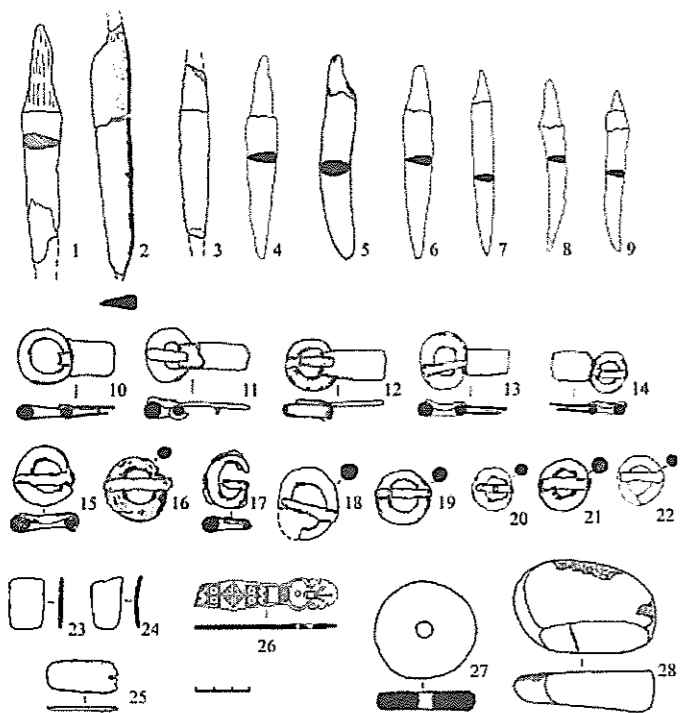

Рис. 1.50. Находки из погр.

они могут быть отнесены соответственно к типам 2, 3 классификации кенкольских наконечников стрел¹⁰⁰.

В погребении 39 наконечники лежали чуть в стороне от левого бедра погребенного, остриями «вверх». Рядом расчищены следы совершенно истлевших двух тонких костяных пластин. Примерные их размеры: ширина 3–4 см, длина 18–20 см. Из-за плохой сохранности невозможно определить их назначение. Они могли быть как срединными накладками на лук, так и украшением горловины берестяного или кожаного колчана. Последнее более вероятно, т. к. рядом с пластинами расчищен железный стержень (длиной 10 см) с петлеобразно загнутыми концами (рис. 1.20), который мог служить для подвешивания колчана к поясу. Отметим, что в хорошо сохранившемся погребении замка Ак-тобе под берестяным колчаном также был обнаружен «какой-то небольшой железный стерженек»¹⁰¹. Наконечникам стрел из этого погребения на Ак-тобе, а также наконечникам погребения воина на Кзыл-Кайнар-тобе (2.22, 23), и из находок у оз. Боровое, однотипны стрелы с ромбовидной головкой из коньртобинского погребения 23. Это дополнительно обосновывает датировку верхнего рубежа могильника — IV–V вв. Такая

¹⁰⁰ Кожембердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 81.

¹⁰¹ Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. С. 75.

датировка вполне укладывается в существующую хронологическую схему эволюции наконечников стрел Центральной части Евразии гунно-сарматского времени¹⁰². Для курганов Бухарского оазиса, по мнению О.В.Обельченко, такого типа наконечники имеют более узкую датировку — последняя четверть IV в. — начало V в. н.э.¹⁰³

На территории, связанной с собственно сарматскими племенами, этот тип наконечников, по мнению Засецкой И.П., распространяется также в это время и не имеет здесь более ранних прототипов. Распространение их связывается с гуннской экспансией, т. к. в регионе формирования гуннской культуры они известны в различных вариантах с I в до н.э.¹⁰⁴

В Юго-Восточной Европе этот тип распространяется наряду с другими типами среднеазиатских стрел (лавролистные, трехгранные), что, очевидно, свидетельствует о пути проникновения этих наконечников в западную часть Евразийских степей.

Бронзовые пластины-нагубники зафиксированы на лицевых костях черепов девяти погребенных (погр. 14—2, 34, 40, 43, 44, 45, 48, 61, 76). Из-за чрезвычайно плохой сохранности не удалось изъять из грунта ни одной целой пластины. Они сделаны из очень тонкой (менее 1 мм) листовой бронзы и имели чаще форму овальной формы полосок с отверстиями по краям или концам. Отмечены пластинки как на явно мужских (погребения 14—2, 34, 44 и др.), так и на явно женских (40, 43) черепах. В двух случаях удалось зафиксировать, что пластины имели овальную форму (фото 1.24; рис. 1.52). Поверхность одной полностью покрыта выпуклинами, выдавленными с обратной стороны (рис. 1.52).

Форма и местоположение данных бронзовых пластин, несомненно, свидетельствуют о том, что они служили нагубниками и, вероятно, были пришиты к лицевым покрывалам, которыми закрывалось лицо покойника. Т.к. всегда пластины фиксировались в области челюстей черепа, на костях которых они оставляли характерный зеленый цвет окислов меди. Ни разу не отмечено присутствие двух пластин, нагубников и наглазников, на одном черепе. Эти металлические «нагубники» в коньртобинских погребениях, вероятно, являются индикаторами наличия

¹⁰² Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА, 1955, 12, с. 70 и сл.

¹⁰³ Обельченко О.В. Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974. С. 207; Он же: Культура античного Согда. М., 1992. С. 163.

¹⁰⁴ Засецкая И.П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV–V вв. н.э.) // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 70–84.

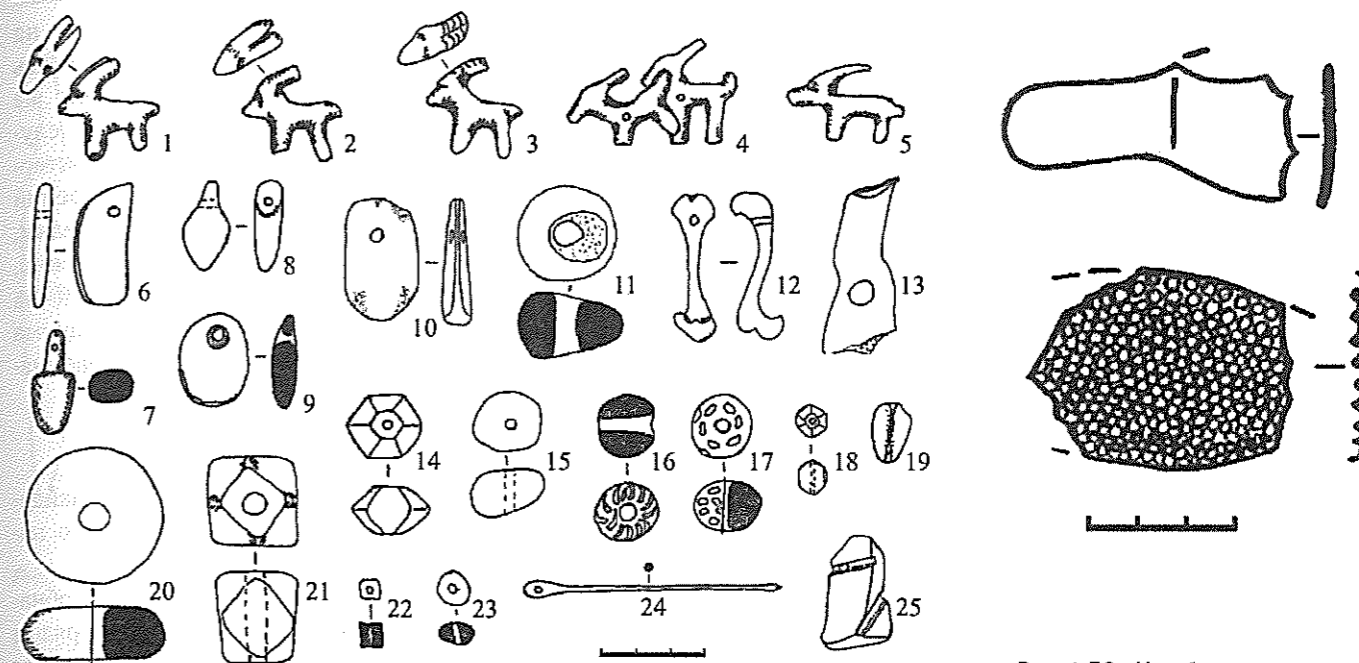

Рис. 1.51. Находки амулетов из погребений вскрытых в 2004г..

в погребальной практике обычая закрывать лицо покойника специальным покрывалом, на которое и нашивались эти пластинки. Лицевые покрывала (шелковые платки, шарфы) отмечены в синхронных и хронологически близких погребениях могильников Кенкол, Карабулак, Астана. По Литвинскому Б.А. этот обычай связан с оградительной магией и со стремлением «ослепить» покойника (его душу), чтобы он не нашел пути назад¹⁰⁵.

Традиция закрывать лицо покойного металлическими масками или лицевым покрывалом с нашитыми на него нагубниками и наглазниками имеет глубокие исторические корни. Эти детали погребального инвентаря (чаще из золота) неоднократно отмечались в скифо-сакских погребениях обширного евразийского региона. Как известно, лицевые пластины — нагубники и наглазники — характерный атрибут позднескифских погребений в Крыму и позднеэллинистических некрополей в Северном Причерноморье, где этот обычай связывается некоторыми авторами с традицией сармато-алан, нового для Причерноморья этнического компонента¹⁰⁶. Известны они в аланских погребениях в Западном Приуралье и на Среднем Поволжье¹⁰⁷. Этот обычай венграми был перенесен в Прикарпатье¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Литвинский Б.А. Курганы и курумы... С. 106.

¹⁰⁶ Погребова Н.Н. Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя скифского // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957; Пяташева Н.В. Ювелирные украшения Херсонеса. Конец IV в. до н.э.—IV в. н.э. М. 1956. С. 39–40.

Рис. 1.52. Нагубные пластины из погребений.

Территориально и хронологически близкие находки золотых лицевых посмертных масок, золотых и матерчатых наротников и наглазников известны на Тянь-Шане и Алтае¹⁰⁹. Широкое распространение бронзовых, серебряных наглазников и лицевых покрывал в катакомбных погребениях могильника Астана (Турфанский оазис Восточного Туркестана) в VI–VII вв. Лубо-Лесниченко Е.И. связывает с влиянием носителей подбойно-катакомбных культур Средней Азии¹¹⁰.

Золотые погребальные маски, золотые наглазники, шелковые лицевые покрывала (платки) в погреб-

¹⁰⁷ Ишериков П.В. Аланский могильник близ г. Стерлитамака // КСИИМК, в. 47, 1952. С. 82; Казаков Е.П. О назначении погребальных лицевых покрывал Танкеевского могильника // Ученые записки ПГУ, 191, Пермь, 1968. С. 239; Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 145; Герман Е.Ф. Погребальные лицевые покрытия Прикамья // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 2000. С. 141–147.

¹⁰⁸ Иштван Фёдор. К вопросу о погребальном обряде древних венгров // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 168–175.

¹⁰⁹ История Киргизской ССР, Т. 1. Фрунзе, 1968. С. 88; Абетеков А.К. Ранние кочевники Тянь-Шаня и их культурные связи с кушанской империей // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975. С. 308; Памятники истории и культуры Киргизии. Каталог выставки. Л., 1983, 102, 141, 95.

¹¹⁰ Лубо-Лесниченко Е.И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984. С. 115.

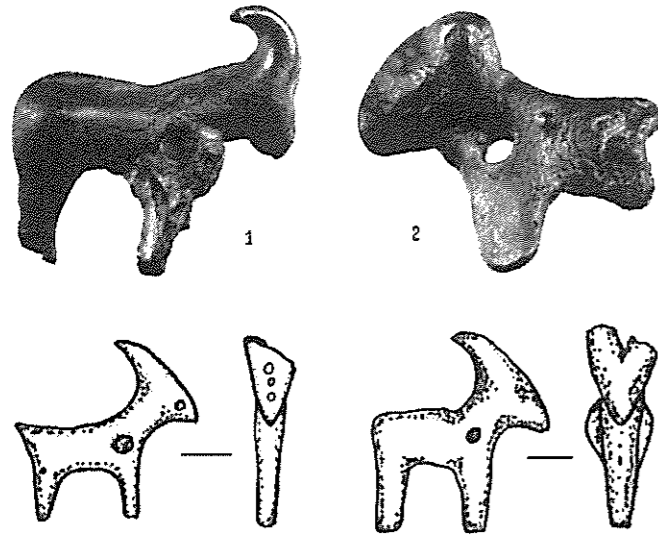

Рис. 1.53. Бронзовые амулеты-козлики.

бениях Ферганы, по мнению исследователей, «указывают на восточные связи ферганцев»¹¹¹.

Интересная деталь погребального обряда зафиксирована при расчистке погребений знаменитого «златообильного» тиллятепинского кушанского некрополя в Северном Афганистане. Здесь на лицевой части черепа в пяти случаях (п. 2–6) найдены тонкие узкие золотые пластины¹¹². Автором они названы «подчелюстными лентами» (*Jugulage-фр.*¹¹³) которые «от виска до виска» обхватывали челюсть. Этой детали не отмечено лишь в погребении №1, но здесь под нижней челюстью найдена «пятилепестковая золотая брошь»¹¹⁴. «Подчелюстные ленты» представляют собой узкие и длинные (32–36 см) полоски тонкого гладкого золотого листа с расширенной (до 3–5 см) средней частью. По краям они имеют ряд маленьких отверстий, которые, вероятно, служили для пришивания этих пластин на матерчатую основу. Можно высказать предположение, что этн «ленты» являлись на самом деле «наротниками», нашитыми на лицевое покрывало, которое закрывало лицо покойника. Во всяком случае, такое предположение может быть справедливым для погребения №4, где найдены сразу две «ленты» разной длины. Роль такого «наротника» в погребении №1, возможно, выполняла «пятиле-

¹¹¹Брыкина Г.А. Погребальные сооружения и обряды Ферганы // Древние цивилизации Евразии. История и Культура. М., 2001. С. 110.

¹¹²Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989. С. 56, 68, 86, 111, 116.

¹¹³L'or de la Baktriane. Fouilles de la necropole de Tiilliatepe en Afghanistan septentrional. Leningrad.

¹¹⁴Сарианиди В.А. Храм и некрополь Тиллятепе. С. 56.

пестковая золотая брошь», которая была найдена на том месте (под челюстью) где обычно располагались «подчелюстные ленты». Излишняя длина лент из Тиллятепе (до 36 см), не может, на наш взгляд, служить основанием полностью отрицать такую интерпретацию. Инвентарь этих уникальных погребений демонстрирует «излишества» по многим показателям, как материнским, так и семантическим. Возможно, смысл этих пластин, традиционно нашиваемых на погребальные лицевые покрывала, у данного социума был утрачен, а потеря семантики привела к деформации (излишней длине) формы «нагубников».

Зеркала.

Довольно редкая категория находок. Всего найдено 3 экз. и один фрагмент в составе амулетного набора погребения 43.

В погребении 43 бронзовое овальное зеркало обнаружено на дне могильной ямы, слева от черепа, рядом кусочек графита. Размеры зеркала 7,8 см на 5,2 см. На более узкой стороне, у края — отверстие диаметром 0,3 см, в которое, видимо, продевалась петля для подвешивания. Обе поверхности гладкие (рис. 1.43 — 4).

Фрагмент бронзового тонкого зеркала с утолщенным краем входил в амулетный набор погребения 47. Бронзовое зеркало из погр. 65 обнаружено в области грудной клетки. Сильно разрушено коррозией. Диаметр 7 см, толщина — 0,2–0,3 см. На обратной стороне радиальный орнамент и маленькая петелька, в которой окислами законсервировался кусочек шнурка. Зеркало насквозь окислено, при этом выявляется слоистая структура материала. При изъятии почти полностью разрушилось.

В погребении 71 зеркало обнаружено на костях таза, справа, ручкой к скелету. Диаметр 7 см, толщина 0,1–0,2 см. Слегка выгнуто. Обратная сторона гладкая. В центре петельчатая припаянная ручка, изготовленная отдельно из узкой (ширина — 0,6 см) пластины (длиной 1,3 см) согнутой в кольцо.

Из всех описанных находок наиболее интересно зеркало из погребения 65. Зеркала с маленькой ручкой-петелькой и радиальным орнаментом очень редки среди среднеазиатских зеркал, но распространены и типичны для позднесарматских древностей Поволжья, Северного Кавказа, Подонья, где они доживают до X в. Находка подобного зеркала в Кургане 2 Урюкзорского могильника в Фергане позволила Горбуновой Н.Г. уточнить датировку кургана, и объяснить появление подобных зеркал в Средней Азии связями с позднесарматским миром, где в III–V вв. подобный тип зеркал становится очень распространенным. Видимо где-то в IV–V вв. это зеркало попало на берега

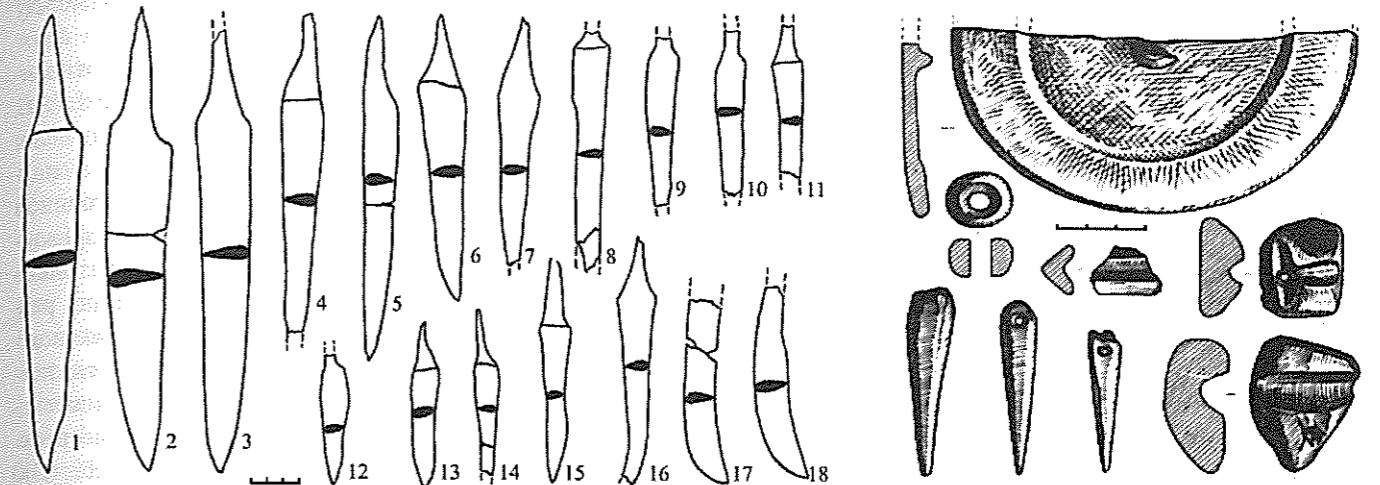

Рис. 1.54. Кинжалы и ножи из разных погребений.

Сыр-Дарьи, что вполне согласуется с датировкой санидских гемм из этого же погребения.

Зеркало из погребения 43 можно отнести к древнейшему среднеазиатскому типу зеркал, по классификации Литвинского Б.А. Этот тип (тип.1, отд. 2) объединяет плоские дисковидные зеркала без ручки. Среди них есть и экземпляры с отверстием у края. (Боркобазский м-к, к. 2; Мугхона у с. Чадак.)

Браслеты.

Металлические браслеты не были популярны у поселения Коныр-тобе. Лишь в погр. 47 у женщин, погребенной с богатым набором всевозможных украшений, на костях левой рук, чуть ниже локтя обнаружены два бронзовых браслета. Браслеты изготовлены из гладкого трута толщиной 0,6 см. Концы соединены. Какие-либо декоративные элементы отсутствуют.

Видимо своеобразными заменителями металлических браслетов были низки различных бусин, найденных у запястья, как правило, левой руки в некоторых погребениях.

Цепочки.

В погребении 42 на костях грудной клетки погребенной девочки обнаружена массивная бронзовая цепочка. Цепочка не была одета на шею, а положена на грудь в свернутом виде. На концах имеются сомкнутые колечки (фото 1.7; рис. 1.19; 1.23).

Фрагменты массивных бронзовых цепочек обнаружены еще в двух погребениях. В погребении 38 три разрозненных фрагмента цепочки (диаметр колец — 8–9 мм.) найдены у верхней части черепа. В погребении 28 небольшой фрагмент обнаружен в верхней части груди, у шеи.

Рис. 1.55. Находки из погребений в платформах некрополя Кокмардан.

1.4. К РЕКОНСТРУКЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО СООРУЖЕНИЯ И ОБРЯДА

Как выше было отмечено, описанные погребальные сооружения в первоначальном виде представляются нам как наземная постройка в виде платформы из пахсы, вероятно, прямоугольных очертаний в плане, высотой около 2–4 м. Длина сторон платформы в каждом случае была различной. Платформа некрополя Коныртобе I была около 20–25 м, углами она ориентирована по сторонам света. В пахсовый монолит сверху «впускались» могильные ямы, на дне которых обычно устраивался склеп из сырцового кирпича. В отдельных случаях на дне ямы помещался крупный керамический сосуд (хум, хумча) с погребением внутри. Из-за сильной эрозии поверхности платформ (многие погребения залегают близко к уровню современной дневной поверхности), установить достоверно наличие сырцовых ящиков во многих погребениях было невозможно. Вероятно, что у части погребений стенки отсутствовали, а кирпичи перекрытий опирались на «плечики». Т.к. длинные оси могильных ям ориентировались по направлению сторон платформы, то соответственно погребенные оказывались ориентированными головами в СВ, СЗ, ЮВ и ЮЗ секторы. Однако обусловленность ориентации могильных ям направлением сторон платформы не объясняет, естественно столь разнообразную, вплоть до противоположной, ориентацию погребенных. А ригоризм из трактовки этого явления надо, видимо, исключить хронологический и этнокультурный факторы.

В наземной платформе некрополя Кокмардан устраивались погребения в небольших катакомбах и подбоях. Помимо основного типа погребальных сооружений некрополя Коныртобе I, II, Талтакай — сырцового

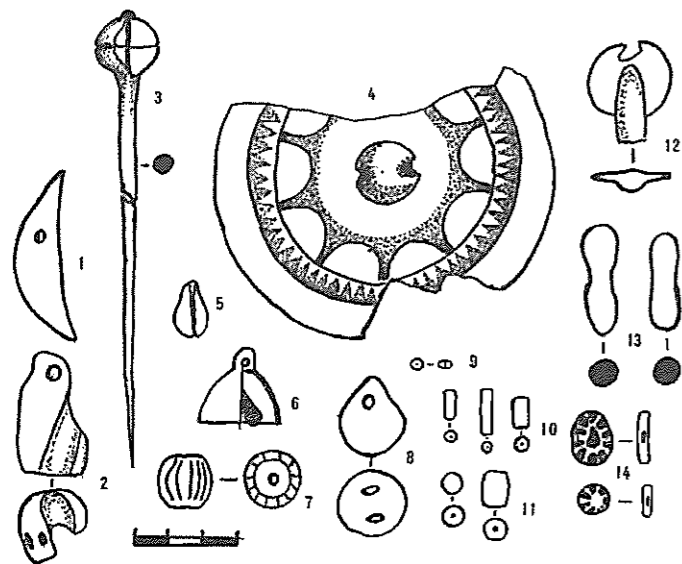

Рис. 1.56. Находки из погребений в платформах некрополя Кокмардан.

склепа на дне могильной ямы, в отдельных случаях можно было подозревать могильные ямы с подбоем. А также простые могильные ямы, в которые помещались скорченные погребения и погребения в керамических сосудах. Сырцовые склепы (цисты) становятся распространенным видом погребального сооружения на дне могильной ямы в мусульманских погребениях с VIII в. Раннемусульманские погребения исследовались в Центральной Азии достаточно широко и по характеру устройства стен и перекрытия выявлено несколько типов подобных подземных склепов¹¹⁵. Достаточно надежная фиксация наличия в большинстве случаев сырцовой конструкции в погребениях Коныртобе свидетельствует о том, что этот тип устройства мусульманских погребений не был привнесён на берега Сыр-Дарьи, а просто был приспособлен и широко распространён как наиболее приемлемый в условиях новой идеологии традиционный тип погребальных сооружений. Таковым вполне мог оказаться тип камеры-склепа на дне могильной ямы, который достаточно отчетливо, но пока не так детально, фиксируется в суфе-платформе Коныртобе I. В низовьях Амударьи в свое время Ягодин В.Н. не нашел прототипов мусульманским индивидуальным склепам («камера-склеп»), упомянув лишь джетыасарские склепы. Но различия склепов Джетыасар, которые имитировали реальное жилище, и мусульманских склепов в могильной яме

¹¹⁵ См. напр.: Ягодин В.Н., Ходжаев Т. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970. С. 29–30. (тип. А. II. 1–3; тип. А. III. 1–3)

столь очевидны, что невозможно проводить между ними генетическую связь.

Поскольку уровень залегания скелетов относительно нулевого репера колеблется от 0,25 до 1,7 м., то можно предполагать, что платформа периодически наращивалась подсыпкой грунта или заливкой пахвой. Если считать глубину могильной ямы постоянной величиной и опускались они с более-менее горизонтальной поверхности платформы, то, видимо, только так можно объяснить расположение скелетов на разных глубинах от условного репера¹¹⁶. К тому же в отдельных случаях достаточно четко фиксируется, когда под более поздним погребением обнаруживалось не потревоженное ранее, более глубокое, погребение (погребения 98 и 109; 96 и 111; 103 и 112; 100 и 101 некрополя Коныртобе I). Причем эти случаи нельзя объяснить как одновременные погребения в одну могильную яму. Погребения 98 и 109, и 96 и 111 одинаково ориентированы, но как бы сдвинуты относительно друг друга по длинной оси. А погребения 103 и 112, и 100 и 101 вообще взаимно перпендикулярны. Такое допустимо только в том случае, когда по прошествии достаточно большого времени наземные признаки ранних погребений исчезли, а вырытые с более высокого уровня, вследствие искусственного поднятия уровня платформы, новые могильные ямы не достигали, и не разрушали более ранних погребений. Т.е. можно говорить об относительной микрохронологии погребений в платформе Коныртобе I. После прекращения использования платформы для погребений естественные эрозийные процессы за многие века превратили её в оплывший курганообразный холм¹¹⁷.

Наиболее массовым видом положения погребенного в могильную яму (в склеп или катакомбу) является положение «вытянутое на спине, руки вдоль туловища, ноги сведены». Наблюдаются вариации в положении кистей рук (на дне могилы, у таза; одна, или обе кисти на тазовых костях), в повороте черепа и т.д. Обычно кости ног в области ступней сведены вместе, что может свидетельствовать об обычае связывания ног перед погребением. Связывания конечностей покойника с целью лишить его возможности

¹¹⁶ Можно допустить, что в данном социуме традиционным было устраивать могильные ямы для детей и взрослых разной глубины, но наблюдается разница в уровнях почти в 1,5 м. между погребениями взрослых.

¹¹⁷ При этом, как показывают наблюдения в южно казахстанском регионе, за более чем тысячелетний период эрозии с поверхности холма мог «исчезнуть» слой глины более чем в 1 м толщиной (Смагулов Е.А., Туякбаев М. Ясы—Туркестан—Шавгар: археологические данные к исторической идентификации // Известия МН АН РК, сер. общ. наук, 1997. 1. С. 37–38).

посещать мир живых — универсальная оградительная мера и ее следы присутствуют в погребальных обычаях многих различных по происхождению народов. В свое время Б.А. Литвинский привел и рассмотрел многообразный материал по обычаю связывать ноги покойников у самых разных отдаленных во времени и пространстве народов мира¹¹⁸.

Погребаемый помещался в могилу в своей одежде, со всеми присущими одежде атрибутами, с обычным набором украшений. При этом лицо, вероятно, закрывалось специальным платком, на который, очевидно, нашивались в отдельных случаях медные (бронзовые?) нагубные пластины. Остатки таких пластин встречены в нескольких погребениях, вскрытых в 1989 и 1990 гг. некрополя Коныртобе I и в 2004 г. на некрополе Талтакай.

На тело в некоторых случаях клалась связка амулетов. Возможно, они были в специальных матерчатых мешочках и сопровождали преимущественно женские погребения¹¹⁹. Тело заворачивалось в циновку (или кошму?), от которой обычно прослеживается тонкий слой серо-черного тлена на полу склепа.

В изголовье (или в ногах) устанавливался керамический сосуд (в редких случаях два, обычно — кувшин и кружка), рядом с сосудом клалась нога (задняя или передняя с лопаткой) или бок (ребра) овцы. В некоторых погребениях на дне могильной ямы зафиксированы древесные угольки. В отдельных случаях углями посыпался погребаемый труп.

Сырцовый ящик (циста), видимо, перекрывался сырцовыми кирпичами. Характер перекрытия установить не удастся, поскольку во всех случаях оно оказывается обрушившимся, но можно полагать, что, как и в более позднее время, это был т. н. «ложный свод», или свод, образованный поставленными наклонно на ребро кирпичами.

Так в общих чертах, на основе прежних и новых данных, реконструируется археологически фиксируемая часть погребального обряда и погребальных сооружений. В целом детали, в отдельности и во взаимосвязи, этого погребального комплекса известны и характерны для широкого круга памятников, обычно связываемых с сарматами, усунями, кушанами, кангуйцами. Необычным является, пожалуй, лишь то, что эти погребения устраиваются в специально созданной глиняной (пахсовой) платформе.

Интересной особенностью погребального обряда жителями городища Коныр-Тобе, отражающей

¹¹⁸ Литвинский Б.А. Курганы и курумы..., с. 104 и сл.
¹¹⁹ Описание ранее выявленных «амулетных наборов» опубликовано: Смагулов Е.А. Амулетные наборы из погребений некрополя городища Коныртобе в Отрарском оазисе // История материальной культуры Узбекистана, вып. 32, 2001. С. 90–100.

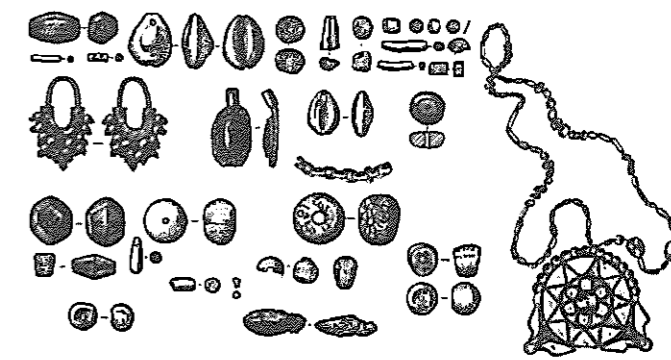

Рис. 1.57. Украшения и амулеты из некрополя Кокмардан.

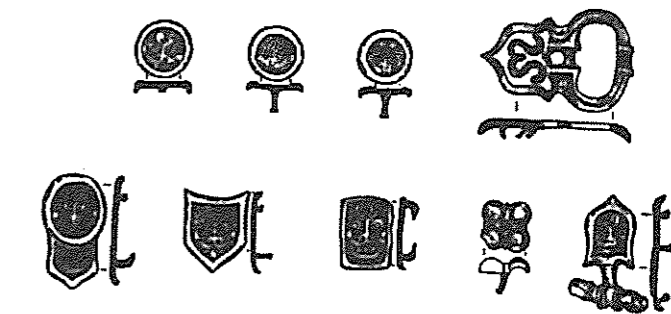

Рис. 1.58. Наборный бронзовый пояс из некрополя Кокмардан.

специфику иррациональных представлений пока непонятного генезиса, являются погребения в керамических сосудах. На основном объекте некрополя Коныртобе I зафиксировано около пятнадцати случаев таких погребений. В подавляющем числе случаев это детские погребения в крупных кувшинах и хумчах. Это погребения 21, 24, 30, 31, 35, 52, 63, 64, 80, 87, 89. Но присутствуют случаи подобного погребения и вполне взрослых людей (погр. 31, 52, 64.).

Детские погребения в сосудах могут находиться, как внутри погребальной камеры рядом со взрослыми (погр. 20, 24, 35), так и отдельно, но в непосредственной близости от погребения взрослого (погребения 21, 23, 24). В погребении 20 скелет молодой женщины ориентирован головой на ССВ. Кости левой руки, вытянутой вдоль тела лежат на раздавленном крупном кувшине. В его обломках найдены полуистлевшие косточки младенца. В ногах женского скелета установлен большой кувшин с носиком, рядом кости передней ноги барана с лопаткой. В погребении 35 при женском скелете обнаружено два детских погребения. Первый — младенец 1,5–2 лет, положен на дно могильной ямы в ногах справа. Ориентирован головой на ЮЮВ. На уровне грудной клеткн основного скелета, также рядом справа, но ориентирован голо-

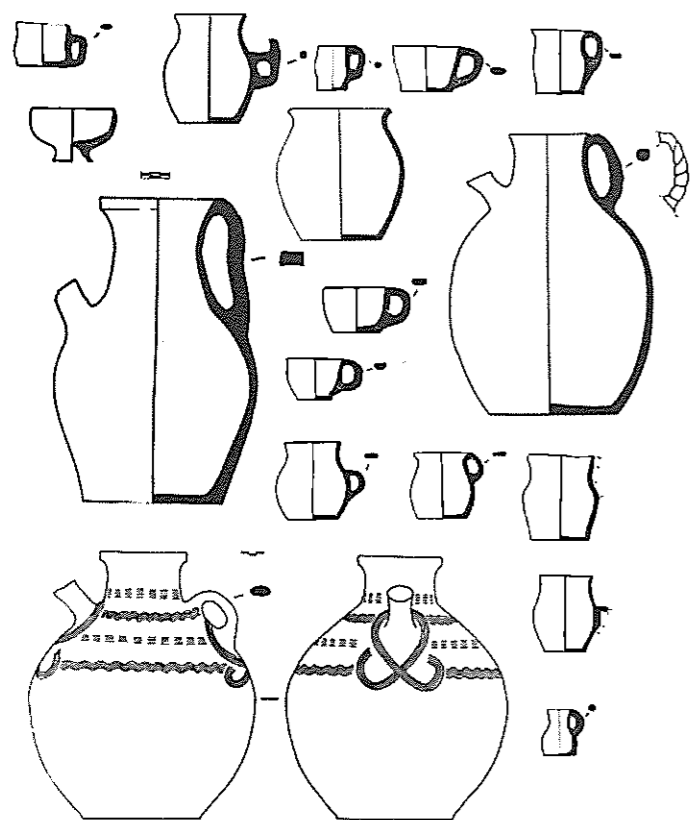

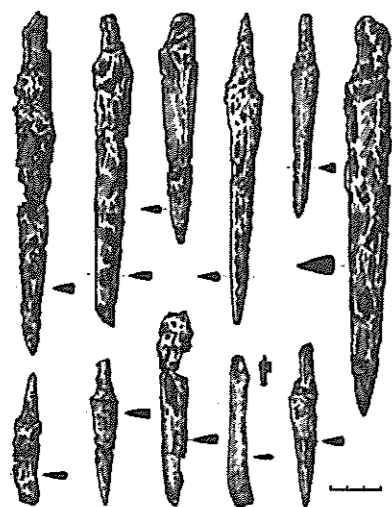
Рис. 1.59. Керамика некрополя Кокмардан.

вой на С33, скелет более взрослого ребенка 4-5 лет в развале крупного кувшина. В ногах женщины установлен кувшин с носиком и кружка. Объединяет эти два погребения, хотя они расположены в совершенно разных концах холма то, что при костях взрослого нет никаких находок, обычных для других погребений (бусы, серьги, пряжки, ножи и пр.). В обоих случаях достаточно хорошо фиксируются сырцовые кирпичи кладки стенок склепа в могильной яме.

Погребения 21, 23, 24 и 25 расположены рядом на одном уровне. Их можно объединить в одну семейную группу. Погребение 23 явно мужское. Ножинжал под левой рукой, круглая железная пряжка пояса, железные наконечники стрел. Погребение 24 — женское (бусы, сурьматаш). Рядом с женским скелетом справа, в крупном кувшине полуистлевший скелет маленького ребенка (погребение 25). Среди детских скелетов мелкие стеклянные бусины и раковины каури. Эти скелеты ориентированы головами на север, с небольшим отклонением на запад, лежат параллельно друг другу. У них в головах, выше и между скелетами взрослых, отдельное детское погребение в небольшом хуме (высота 0,75 см). Его устье закрыто дном другого керамического сосуда. Взаимное расположение этих погребений позволяет считать, что они совершены последовательно (погребение 21, 23, 24, погр. 24 и 25 детские), но могильные ямы намеренно расположены рядом, фактически «впритык» друг к другу. Явно, что все три сырцовых ящика имели общие стенки. Во всех остальных случаях погребения в керамических сосудах не связаны с погребениями в сырцовых ящиках.

Так как ни в одном случае характер погребальной ямы проследить не удалось, полагаем, что погребения в крупных сосудах помещались в простые грунтовые ямы. В некоторых случаях ямы с погребениями в хумках частично разрушали, перекрывали погребения в сырцовых ящиках, т. е. их можно отнести к более позднему времени. Скорее всего, к заключительному этапу существования могильника. В сосудах погребены преимущественно дети подросткового возраста, сопровождавший их инвентарь беден и невыразителен. Лишь в погребениях 31, 52, 64 погребены достаточно взрослые люди. Причем, т. к. они не помещались в втянутом положении в один хум, использовались два крупных сосуда. При этом срезалась горловина одного из хумов, и он плотно одевался на другой. В погребении 30 подросток также не поместился полностью в хум, голова его оказалась за линией венчика и на нее был надет двуручный горшковидный сосуд. В погребении 31

Рис. 1.60. Ножи из погребений некрополя Кокмардан.

покойник, взрослый мужчина, был предварительно уложен на дно ямы, вымощенной крупными обломками стенок хумов, а сверху накрыт двумя хумами, у которых предварительно по всей высоте срезана часть тулова и венчики. У погребенного обнаружена железная круглая пряжка на поясе, два ножа, бронзовая серьга у левого виска. Т. е. традиционный скромный набор сопроводительного инвентаря, как и во множестве других погребений могильника. В некоторых случаях рядом с хумами у дна или венчика поставлены керамические кружки или кувшины. Во всех случаях сосуды, в которых совершены погребения, оказались раздавленными тяжестью насыпанного поверх грунта. В большинстве погребений в сосудах скелеты оказались неполными (погр. 80, 76, 63, 64, 52). В отдельных случаях сохранились только некоторые отдельные кости.

В остальных тринадцати случаях погребения в сосудах явно детские, что дает основание о заключении, что существовала устойчивая традиция погребения детей в керамических сосудах. Так как из 120 погребений, зафиксированных на могильнике Коньр-тобе I, двадцать можно отнести к безусловно детским, то процент детских погребений довольно значительный. Интересно отметить такую особенность: в детских погребениях 52, 80, 87, 88 в сосудах обнаружены не полные скелеты погребенных, а лишь отдельные косточки. Создается такое впечатление, что скелеты из этих погребений были изъяты. Обычай погребения детей в керамических сосудах имеет широкие географические рамки распространения в среде жителей поселений и городов маргинальных зон позднеантичного времени. Они зафиксированы у хуннов под полами жилищ и на общем кладбище (Иволгинский могильник) в Южном Забайкалье¹²⁰. В скифских городах Северного Причерноморья античной поры (Каменское городище) так же бытовал обычай погребения детей в амфорах¹²¹.

Результаты исследования некрополей Кокмардан, Мардан (Талтакай), Коньр-тобе I и 2 показывают, что здесь мы имеем действительно необычный тип погребальных сооружений — «погребальные платформы». Эти своеобразные погребальные сооружения в археологии Средней Азии практически не известны¹²². Так что, Б. Нурмуханбетов был вполне прав, назвав тип погребальных сооружений могильника Кокмардан — «новым типом»¹²³, но не только

¹²⁰ Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну Забайкалья. Л., 1985. С. 34.

¹²¹ Богданова Н.А. Могильник первых веков н.э. у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. С. 42.

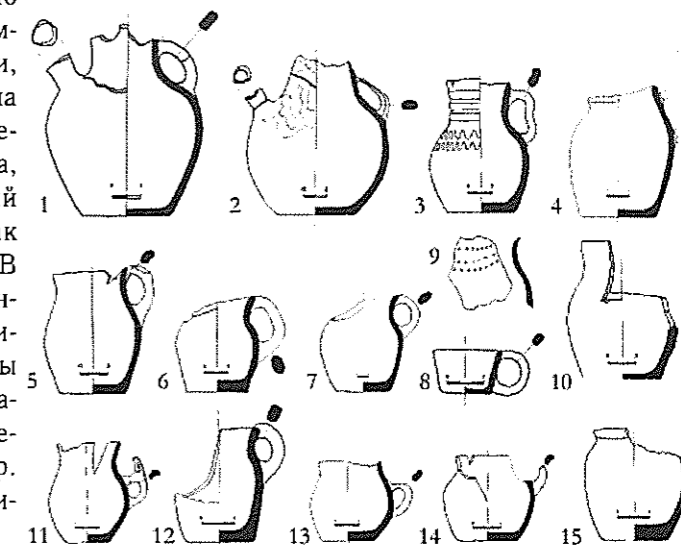

Рис. 1.61. Керамика из погребений могильника Талтакай 2005 г.

для Южного Казахстана, а, как нам представляется, для всего региона Центральной Азии.

Наиболее исследованным из некрополей ранних городищ низовий р. Арысь является некрополь Кокмардана. Материалы его, судя по предварительным разрозненным публикациям, демонстрируют разные формы погребальных сооружений. Отмечены здесь склепы из сырцового кирпича на дне могильной ямы, подбой и катакомбы, которые устраивались в искусственных пахсовых платформах. В некото-

¹²² Погребальные сооружения этого типа не отмечаются в обзорах древних среднеазиатских погребений (Ртвеладзе Э.В. Погребальные сооружения и обряд в Северном Тохаристане // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989. С. 53–72; Средняя Азия в раннем средневековье. Археология. М., 1999; Мейтарчиян М. Погребальные обряды зороастрийцев. М. — СПб., 2001; Смагулов Е.А. К реконструкции погребального обряда Южного Казахстана раннесредневековой эпохи // Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения—15». Алматы, 2004. С. 40–55). Вряд ли за таковые можно признать погребения в керамических сосудах предварительно очищенных костей в древних курганных насыпях (Обельченко О.В. Захоронение костей в хумах и оссуариях в восточной части бухарского оазиса // ИМКУ, в. 1, Ташкент, 1959. С. 94–108).

¹²³ Нурмуханбетов Б.Н., Кажак Д.А. Новый тип погребального сооружения в Южном Казахстане (I тыс. н. э.) // Известия МН АН РК, 1, 1997. С. 29–34;

¹²⁴ Бейсебаев А., Нурмуханбетов М. Некрополь городища Кокмардан (Погребальный обряд) // Археологические исследования в Казахстане. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения—14», Шымкент—Алматы, 2002. С. 104–105.

рых случая удалось проследить и конструкцию этих платформ (рис. 1.28)¹²⁴. Сейчас эти конструкции являются курганообразными: возвышение диаметром 26–24 м, высотой 1,5 м. Холмы овальной в плане формы, склоны пологие. Исследовано несколько оплывших платформ. Приведем описание одного из таких сооружений. В центральной части такого «кургана», как удалось установить, находилась искусственная платформа. Она имела форму, близкую к квадрату, ориентированного углами по сторонам света. Постройка состояла из однородной комковой пахсы. Поверхности платформы со слабыми уклонами по краям. Стенки почти отвесные. Размеры сторон 8,6х8,8 м. Сохранившаяся высота в центре 1,5 м, по краям 1,3–1,4 м. Платформа возводилась заранее. Очевидно, при устройстве в ней первого умершего она была уже достаточно сухой. Так как подстилающим платформе слой был материковый песок, процесс высыхания был недолгим.

В платформе было обнаружено 18 погребений: 13 взрослых и 5 детских. Общим для них является устройство умерших вдоль прямых длинных стенок погребальной камеры, вытянутая на спине поза и ориентировка головой к краю платформы.

Конструкция погребений взрослых людей однородна, все они являются погребениями в виде катакомбы. Они вырывались в толще затвердевшей массы пахсы. Расположены по периметру четырехугольной площади платформы. Каждое такое сооружение состоит из входного проема и погребальной камеры. Прорублены они поперек вертикальных стен платформы. Ширина входного проема 0,5–0,6 м. Длина от 0,6 м до 1,2 м. Высота сводчатого потолка 0,5–0,6 м. Погребальная камера является продолжением входного проема. Пол ее несколько ниже или на общем уровне с полом входа. Сводчатый потолок камеры вначале выше входного с постепенным понижением к концу. Одна из длинных стенок камеры почти прямая, тогда как другая имеет изгиб, резко расширяющийся у изголовья, примыкающего к входу в камеру¹²⁵.

Вероятно, можно рассматривать некрополи низовьев Арысы в одном ряду с ферганскими городскими некрополями «типа Мунчактепе». Для них характерны «одиночные погребения в грунтовых ямах и подбоях» (Мунчактепе I) и катакомбы («склепы» Мунчактепе II), устроенные в естественных лессовых холмах¹²⁶. Они синхронны нижнеарысским (V–VII вв.), и аналогичны, если отвлечься от частности, по погребальному обряду и по набору находок.

¹²⁵ Бейсебаев А., Нурмуханбетов М. Некрополь городища Кокмардан (Погребальный обряд)... с. 105.

Генезис этой традиции (ямные, подбойные, катакомбные погребения в искусственной платформе) на почве Средней Азии пока предположительно можно связать с одной из переселенческих волн миграции племен «сарматского круга» в конце I тыс. до н.э. — пер. вв. н.э. Именно для сармат прохоровского времени характерна традиция использования ранних курганов для устройства на них своих родовых некрополей¹²⁷. Новые археологические данные свидетельствуют о существенной роли ассо-усунских, сарматских, юэжзийских и хунно-гуннских племен в бурных этнополитических и культурно-исторических процессах и событиях, охвативших Центральную Азию в этот период, и о непосредственном участии в них жителей присырдарьинских оазисов¹²⁸. С одной из миграционных волн, вероятно, связан генезис оседлой культуры на средней Сырдарье и, в частности, в Южном Казахстане. Хронологическая и этнокультурная детализация этого процесса дело будущего. Пока же отметим, что сравнительные исследования показывают, что близость погребальных традиций и вещевых комплексов в регионах Южного Приуралья и Нижней и Средней Сырдарьи начинает наиболее отчетливо проявляться в среднесарматский период¹²⁹.

Историко-культурное значение результатов исследования этого круга погребальных памятников в

¹²⁶ Матбабаев Б.Х. Одиночные погребения могильника Мунчактепе (К вопросу изучения погребальных сооружений Северной Ферганы втор. пол. — сер. I тыс. н.э.) // ИМКУ, 127, Самарканд, 1997, с. 61–76; Аларбаев А.А., Матбабаев Б.Х. Раннесредневековый городской некрополь ферганцев // ИМКУ, 29, Самарканд, 1998, с. 77–95.

¹²⁷ Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА, 60. Памятники Нижнего Поволжья. Т. 1, м., 1959, с. 490; Корякова Л.Н. Могильник саргатской культуры у с. Коряковка // СА, 2, 1979, с. 201; Абрамова М.П. Большой Буйнакский курган // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977, с. 54; Каферов Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. В.2. Нальчик, 1985, с. 135–166.

¹²⁸ Алимов К.А., Богомолов Г.И. К вопросу об этнокультурных связях кочевников Бухары и Чача // ИМКУ, вып. 31. Самарканд, 2000, с. 164–177; Сулейманов Р.Х. Из истории культуры Бухарского оазиса в древности и средневековье // Культура древнебухарского оазиса III–VI вв. Ташкент, 1983; его же: Древний Нахшеб. Самарканд-Ташкент, 2000, с. 302–303; Филанович М.И. К вопросу о путях движения ранних иомадов (Чач и Согд на пути кочевников в Бактрию) // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций: Материалы междунар. конф. СПб., 1999; Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989; Смагулов Е.А. Павленко Ю. Гунны на пути в Европу // Вопросы археологии Казахстана, вып. 2. М.—Алматы, 1998, с. 142–151.

низовьях р. Арысь, кроме прочего, заключается и в том, что они дают новые материалы для среднеазиатских межрегиональных исследований. Например, известно, что традиция погребений в искусственной платформе сохранилась в традиционной культуре потомков обитателей древних согдийских городских центров. Эта традиция погребений в суфы этнографически зафиксирована у жителей городов бассейна р. Зеравшан, потомков древнего оседлого населения региона¹³⁰. При этом специалистами отмечено, что она свойственна преимущественно для «знатных фамилий светской и духовной аристократии» и не является повсеместной и широко распространенной. Широко известен некрополь шейбанидов в Самарканде, устроенный в специальной платформе — суфе¹³¹. Первоначально она была сооружена в центре медресе Шейбанихана для погребения Махмуд-султана в 1504 г. и представляла собой глинобитную платформу прямоугольного плана. Позже, по одним сведениям, сам Мухаммед Шейбанихан распорядился эту суфу обложить плитами с соответствующими надписями, по другим — это произошло еще позже при Михр-султан-хонум. Местное население называет ее также «дахмой». В ней потом был захоронен сам Мухаммед Шейбанихан и еще десятки

представителей этой династии¹³². В настоящее время «суфа шейбанидов» представляет собой возвышение из земли, облицованное каменными полированными плитами и брусками из серого камня. (фото 1). По углам возвышения сделаны каменные колонки. На этом возвышении лежат ряды надгробных камней. Всего 33 камня. На фоне множатся свидетельств массового переселения в первые века до н.э. — первые века н.э. населения с берегов р. Сыр-Дарьи на территорию Согда можно сформулировать гипотезу о генетической преемственности традиции позднесредневековых «погребений в суфах», в ранних «погребальных платформах» типа Кокмардан-Коныртобе и в сарматских т.н. «курганах-кладбищах».

Ну а форма погребального сооружения в виде прямоугольной могильной ямы с сырцовым склепом разных модификаций на дне ямы стала распространенной в раннемусульманское и последующее время по всей территории Средней Азии. У всех современных народов Средней Азии присутствуют две получившие широкое распространение в мусульманское время, формы погребальных сооружений — «могильная яма с подбоем» и «могильная яма с заплечиками»¹³³. Последнюю форму можно рассматривать как вариант склепа на дне могильной ямы.

¹²⁹ Баталов С.Г., Усманова Э.Р. Памятники II в. до н.э. — I в. н.э. в Урало-Казахстанских степях // Приуралье в древности и средневековье. М., 1998, с. 154.

¹³⁰ Поляков С.П., Черемных А.И. Погребальные сооружения населения долины Зеравшана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975, с. 274.

¹³¹ Schaibanidisch Grabinschriften herausgegeben von V. Badjanov... — Wiesbaden: Reicher, 1997, P. 125.

¹³² Мукминова Р.Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме». Т., 1966, с. 19–21.

¹³³ Литвинский Б.А. Курганы и курумы..., с. 70–72.

Глава II. Раскопки катакомбных могильников в долинах рек Талас и Арысь

Исследование катакомбных некрополей Средней Азии с момента их открытия проводится в контексте проблем этнокультурогенеза населения региона в позднеантичное время. Установлено, что катакомбы распространяются в различных среднеазиатских регионах в эпоху так называемого «штурма Греко-Бактрии». Этот важный период в истории всей Центральной Азии нашел отражение в ряде разноязычных письменных источников. Данные же археологических исследований свидетельствуют, что курганные некрополи с катакомбными погребениями новое явление в культуре региона III–II вв. до н.э., погребения содержат комплексы вещей, свидетельствующие о приходе, военизированном и кочевом характере оставивших их этносов; сами погребальные сооружения имеют несколько формальных разновидностей; комплексы артефактов и специфичные детали погребального обряда заставляют искать их аналогии среди широкого моря кочевых и полукочевых сако-сарматских, алано-усуньских, тохаро-юэджийских и пр. племен. Археологический аспект общеисторической проблемы заключается в выявлении, исследовании и интерпретации памятников так называемых «подбойно-катакомбных культур».

Гипотеза об этнической идентификации различных типов погребальных сооружений II в. до н.э. — V в. н.э. Семиречья и Средней Азии была сформулирована Ю. А. Заднепровским¹.

Проблему происхождения подбойных и катакомбных погребальных конструкций в Средней Азии эпохи ВПН всесторонне рассмотрел в свое время Б. А. Литвинский, обобщив весь накопленный к началу 70-х годов прошлого века археологический и этнографический материал. В отношении генезиса подбойных погребальных конструкций он констатировал, что «в разных областях Средней Азии со II–I вв. до н.э. все более широко распространяются подбойные могилы. При этом обнаруживается удивительный параллелизм с сарматским миром — еще

одно проявление общности основной линии развития среднеазиатских кочевников и сарматов. Контакт с сарматскими племенами, просачивание отдельных групп сарматов мог ускорить этот процесс, но в целом он шел спонтанно»². В отношении катакомбных погребальных сооружений, со свойственной Б. А. Литвинскому осторожностью в выводах и стремлением объять всё многообразие фактов, его мнение, как нам представляется, было сформулировано менее определенно. Он согласился с гипотезой К. Ф. Смирнова, увидевшего генетический прообраз савроматских катакомб в конструкции «дромосной ямы»³, но допускал существование «какой-то линии» развития от традиций среднеазиатских культур эпохи поздней бронзы, и в то же время, усматривал «прообраз» катакомбы в наземных и подземных усыпальницах саков⁴.

Почти через два десятка лет этот же круг сложных проблем стал предметом подробного рассмотрения О. В. Обельченко, который настаивает на несомненной привнесенности данного вида погребальных сооружений в среднюю Азию из Поволжья и Приуралья, т. е. регионов формирования сарматской культуры⁵. В датировке II–I вв. до н.э. появления катакомбных и подбойных могильников во всех регионах Средней Азии (Северной Бактрии, в частности) он усомнился и настаивал на хронологическом приоритете катакомб Западного Согда (Шахривайронский, Кызылтепинский, Лявандакский, Куюмазарский) с однотипным обрядом и аналогичным погребальным комплексом⁶.

Таким образом, в этой области исследований имеются несомненные достижения, преодолены некоторые естественные заблуждения, изданы материалы по основным регионам их распространения. Но, хотя

² Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972. С. 69.

³ Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 84.

⁴ Литвинский Б. А. Курганы и курумы..., с. 70.

⁵ Обельченко О. В. Культура античного Согда. М., 1992. С. 133 и сл.

⁶ Обельченко О. В. Культура античного Согда..., с. 141.

некоторые исследователи, оценивая общую ситуацию в этой области археологии, логично считают, что этап накопления первичных данных уже миновал, и пора переходить к этапу анализа и обобщения материала⁷, что, кстати, и происходит в последнее время⁸, все же по-прежнему остается актуальной задача сводных публикаций материалов по памятникам, микрорегионам и регионам.

В данном разделе, не претендуя на какие-либо обобщения, предлагается публикация материалов из катакомбных погребений, исследованных нами в разные годы в долине р. Талас и Арысь.

Работы на могильниках Чоон-Капка I и Карабура, которые входят в круг погребальных памятников, объединенных понятием «Кенкольская археологическая культура»⁹, имели эпизодический характер и были вызваны аварийным состоянием памятников. Борижарский курганный могильник имеет два этапа исследования в прошлом, на современном этапе продолжение исследований связано с выполнением Государственной программы «Культурное наследие». Поскольку материалы раскопок прошлых лет представлены в нескольких отдельных, порой труднодоступных публикациях и архивных отчетах, мы сочли возможным объединить их с результатами раскопок последних лет и дать сводное описание.

⁷ Заднепровский Ю. А. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н.э. — VI в. н.э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1978. С. 159–167.

⁸ Горбунова Н. Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тыс. до н.э. — пер. пол. I тыс. н.э.) // СА, 3, 1991. С. 27; они же: Сарматы и скотоводы Средней Азии (состояние проблемы соотношения культур) // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции. Тез. докладов. СПб, 1991. С. 18–21; они же: О вооружении среднеазиатских скотоводов // РА, 4, 2000. С. 40–50; Буряков Ю. Ф. Бассейн Среднего Яксарта в древности и раннем средневековье // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Ташкент, 1987. С. 32–37; Берлизов Н. Е. К предыстории сложения Аланского союза V–XIII вв. // XVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Майкоп, 1992. С. 86–87; Берлизов Н. И., Каминский В. Н. Аланы, Кангюй и Давань // ПАВ, вып. 7, СПб, 1993. С. 94–111; Заднепровский Ю. А. К проблеме этнической принадлежности катакомбных памятников Средней Азии // ПАВ, в. 8, СПб, 1994. С. 114–117.

⁹ Кожомбердыева Э. И. История изучения кенкольской культуры // Древности Евразии. М., 1997. С. 12–17; её же: Классификация погребальных сооружений кенкольской культуры // Древности Евразии. М., 1997. С. 44–48; её же: Географическое расположение катакомбно-подбойных могильников Киргизии и учет их особенностей // Древности Евразии. М., 1997. С. 19–38.

2.1. МОГИЛЬНИК ЧООН КАПКА I

Ущелье, через которое р. Талас преодолевает Киргизский хребет и вырывается на степные просторы Казахстана, имеет название среди местного населения «Чоон-Капка» — «Большие ворота». Оно делит течение реки на две части — горную и степную. Нижней, степной своей частью р. Талас орошала земледельческие угодья нескольких средневековых городов и поселений, крупнейшим из которых был древний город Тараз, и далее терялась в песках. В горной зоне течения реки также известно несколько средневековых городов, а на склонах поймы р. Талас и его притоков еще с XIX века исследуются катакомбные могильники. Вопросы их происхождения и этнической принадлежности многие годы волнуют исследователей разных поколений¹⁰.

У ЮЗ входа в ущелье Чоон-Капка нам довелось обследовать катакомбные могильники Чоон-Капка I и Карабура.

Последний расположен в пойме р. Карабура, левого притока р. Талас, на склоне уплощенной вершины одного из прилавков Чаткальского хребта. Могильник частично разрушен при возведении насыпной плотины на р. Карабура.

Могильник Чоон-Капка расположен на восточном склоне скального массива, находящегося напротив входа в ущелье. С северо-восточной стороны его подножие омывает р. Талас, а с СЗ приток Таласа — р. Карабура (рис. 2.1).

¹⁰ Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940; Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции. Материалы и исследования по археологии СССР. М. — Л., 1950, №14; Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК, 65, 1956.

¹¹ Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940; Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК, 65, 1956; Кожомбердыев И. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1961. С. 33–78; его же: Культура ранних кочевников западного Тянь-Шаня (по материалам курганных могильников VI в. до н.э. — VII в. н.э. долины Кетмень-Тюбе). Л., 1986; Кожомбердыев И. К., Худяков Ю. Г. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987; Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК, 65, 1956; Заднепровский Ю. А. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н.э. — V в. н.э. // СНВ, в. 10, М., 1971. С. 27–34; его же: Проблемы Кенкола // Маргулановские чтения. Сб. тез., Алма-Ата, 1983.

¹² Кожомбердыева Э. И. Классификация погребальных сооружений кенкольской культуры. С. 44–45; её же: Географическое расположение катакомбно-подбойных могильников. С. 19–21.

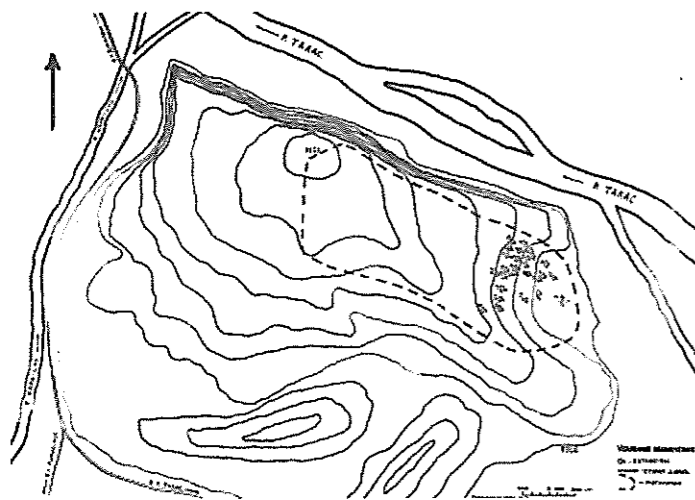

Рис. 2.1. План могильника Чоон-Капка 1.

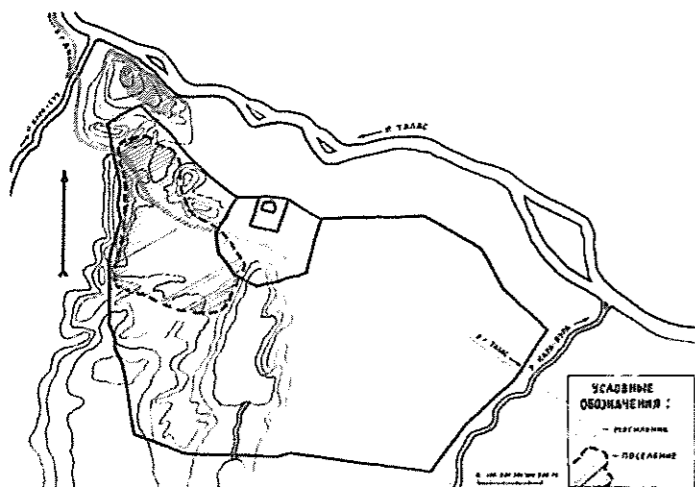

Рис. 2.2. План-схема городища Садыр-курган с ранним поселением и могильником Чоон-Капка 1.

Склон скального массива, где расположен могильник (фото. 2.1), покрыт 2–4 метровым слоем лесса, в котором и устроены катакомбы. С этого места открывается прекрасная панорама на долину р. Талас. Чуть выше по течению и ниже к пойме на одной из террас расположено известное средневековое городище Садыр-Курган, отождествляемое с центром средневекового округа Шельджи¹¹.

Во второй половине 70-х годов в ущелье Чоон-Капка была возведена мощная плотина и вся узкая пойма р. Талас заполнилась водой водохранилища. Под водой оказались археологические памятники

¹¹ Кожемяко П.И. Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1863. С. 145–224.

этой части долины. В частности, городище Садыр-Курган (рис. 2.2)¹².

Ежегодное систематическое заполнение и сброс воды для орошения низовьев Таласа, сопровождаемое регулярным значительным колебанием уровня воды, оказывает эрозирующее воздействие на горные склоны, что привело к частичному разрушению могильника и облегчило его обнаружение (фото 2.1)¹³.

Примерно одна треть лессового склона регулярно оказывается под водой, и прибойной волной размываются камеры и дромосы погребальных сооружений. При этом на поверхность выступают верхние части каменных плит, которыми были заложены входы из дромоса в погребальную камеру (фото 2.2). Часть катакомб, расположенная в самой нижней части склона, очевидно, была размыва до основания и исчезла бесследно. Топография этого восточного склона позволяет заключить, что большая часть могильника, расположенная выше по склону, все же не пострадала от водной эрозии. На не разрушаемых участках могильника раскопки не проводились.

В результате раскопок в течение трех кратких сезонов 1988–1990 гг. на размывом участке могильника было расчищено 46 катакомб.

Общая площадь склона, которая могла быть использована под могильник, составляет около 4000 м², самая нижняя часть склона, около одной четверти площади, подвергается интенсивной водной эрозии. Здесь и были выявлены катакомбные погребения.

Все расчищенные погребальные постройки однотипны. Они относятся к катакомбам «кенкольского типа»¹⁴. Катакомбы состоят из двух основных кон-

¹² Бернштам А.Н. Городище Садыр-курган // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1863. С. 115–123.

¹³ Могильник был обнаружен школьным учителем и краеведом М.Ф.Тур. Предварительная информация опубликована: Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Тур М.Ф. Archaeological excavation in the Talass valley // Information bulletin Integration association for the study of cultures of Central Asia. Issue 21. Moscow, 1998. P. 98–111; Смагулов Е.А. Катакомбный могильник Чоон-Капка 1 в долине р. Талас // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 34, Самарканд, 2004. С. 93–109.

¹⁴ Характеристику памятников «кенкольской культуры» см.: Кожомбердыев И.К. Культура ранних кочевников западного Тянь-Шаня (по материалам курганных могильников VI в. до н.э.—VII в. н.э. долины Кетмень-Тюбе). Л., 1986; Кожомбердыев Э.И. История изучения кенкольской культуры // Древности Евразии. М., 1997. С. 12–17; её же: Классификация погребальных сооружений кенкольской культуры // Древности Евразии. М., 1997. С. 44–48; её же: Географическое расположение катакомбно-подбойных могильников Киргизии и учет их особенностей // Древности Евразии. М., 1997. С. 19–38.

структивных частей: длинного дромоса и, вероятно, сводчатой погребальной камеры. Исключение составляет лишь погребение №17, которое можно предположительно интерпретировать как подбойное. Плохая сохранность конструкций, в данном случае, не дает возможности для однозначной реконструкции типа погребального сооружения.

Ни в одном случае не зафиксирован дромос в полном виде. По полученным данным можно заключить, что дромосы были довольно длинными. В отдельных случаях сохранившиеся отрезки имеют длину в 5–8 м. Полы дромоса горизонтальны, ширина в нижней части 0,5–0,9 м с расширением в сторону погребальной камеры. Стенки имели небольшой наклон с расширением вверх. После того, как дромос врезался в лессовый склон на глубину до 3-х и более метров, в нижней части торцевой стенки делался вход в виде узкого лаза и далее вырубалась собственно погребальная камера.

Погребальная камера расположена длинной осью перпендикулярно оси дромоса. Обычно имеет в плане очертания несколько вытянутого овала или прямоугольника с закругленными углами. Перекрытие было, очевидно, «сводчатой» формы, о чем можно судить по наклону стенок камеры, в тех случаях, когда они сохранились на достаточную высоту. Размеры погребальной камеры варьируют в зависимости от количества погребенных. Входы в камеру также имеют различные параметры, но близкие к величинам: высота — 0,8–0,9 м, ширина — 0,5–0,65 м.

После совершения погребения вход закладывался со стороны дромоса большими плоскими каменными плитами. Дромос, видимо, засыпался ранее вынутым грунтом. На полах дромосов ни разу не отмечено следов древесного тлена от перекрытия.

Ориентировка погребального сооружения была обусловлена топографическими особенностями, т.е. ориентировкой естественного склона, в котором устраивались погребения¹⁵. Так как склон обращен понижением к востоку, то естественно, дромосы катакомб ориентированы также. Т.е. они рылись в виде узкой траншеи по направлению с востока на запад. Погребальная камера ориентирована своей длинной осью перпендикулярно направлению дромоса, т.е. с севера на юг. Так же ориентированы и погребенные, преимущественно головой на юг. В одном случае (катакомба №10) два скелета лежали головами в

¹⁵ Эта особенность является общим признаком для всех могильников кенкольской культуры в горной и предгорной части распространения (Кожомбердыев Э.И. Об ориентировке погребальных сооружений кенкольской культуры // Вестник МГУ, сер. 8, История, 1, 1995).

противоположные стороны. На север ориентированы скелеты в катакомбах №18, 23, 29.

Дромос подходил к середине восточной стороны погребальной камеры. Как исключение можно рассматривать случаи, когда вход в погребальную камеру устраивался в южном участке восточной стенки камеры (катакомба №5), при этом южная сторона камеры являлась как бы продолжением южной стенки дромоса.

В остальных случаях конструкция катакомбы была достаточно стандартной. Варьируют лишь размеры камеры, дромоса и входа — лаза, соединявшего их. Уровни пола дромоса и погребальной камеры обычно совпадают. Но зачастую пол камеры на 20–30 см ниже пола дромоса и при входе образовывалась небольшая ступенька.

Топографические условия (расположение катакомб на склоне) не позволяют проследить наличие надмогильных сооружений. Однако на вершине склона, где поверхность несколько уплощается, заметны кольцевые выкладки из рваного камня. Возможно, такие кольцевые выкладки и небольшие курганные насыпи отмечали когда-то и катакомбы расположенные ниже по склону.

Захоронения в катакомбах под земляными насыпями, насыпями из земли и щебня, земли и камней составляют крупные, насчитывающие до нескольких сотен курганов, могильники, расположенные в Таласской долине. Впервые их исследование провел в 1898 г. Гейкель на могильниках Карбус, Коен-Токой, Джоон-Тобе, Чикка, Кенкол, давшие интересные материалы¹⁶. В 1956 г. в долине р. Талас И. Кожомбердыев зафиксировано и исследовано еще несколько могильников — Таш-Тюбе, Таш-Башат, Чеш-Тюбе, Кылы-Сай, Кулан-Сай¹⁷.

У всех катакомбных погребений отмечено типовое устройство насыпи и могильного сооружения в виде катакомбы и дромоса, расположенного перпендикулярно, или, в редких случаях, под углом к длинной оси катакомбы. Прослеженная длина дромоса достигала от 2-х до 8 м., вход в катакомбу закрывался каменными плитами, деревянными плахами, сырцовыми кирпичами. Таким образом, по устройству катакомб могильники Чоон-Капка 1 и Карабура 1 входят в пере-

¹⁶ Heikel H. Altertumer aus dem Tale des in Turkestan. Helsinki, 1918.

¹⁷ Кожомбердыев И. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1961; Кожомбердыев Э.И. Классификация погребальных сооружений кенкольской культуры... С. 44–45; её же: Географическое расположение катакомбно-подбойных могильников... С. 19–21.

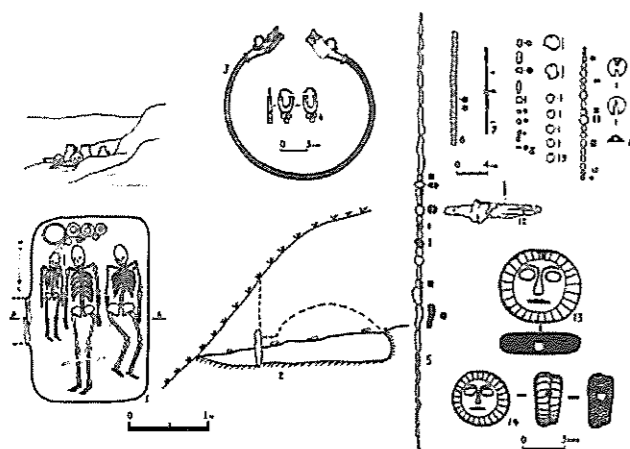

Рис. 2.3. Катакомба №1. План и находки.

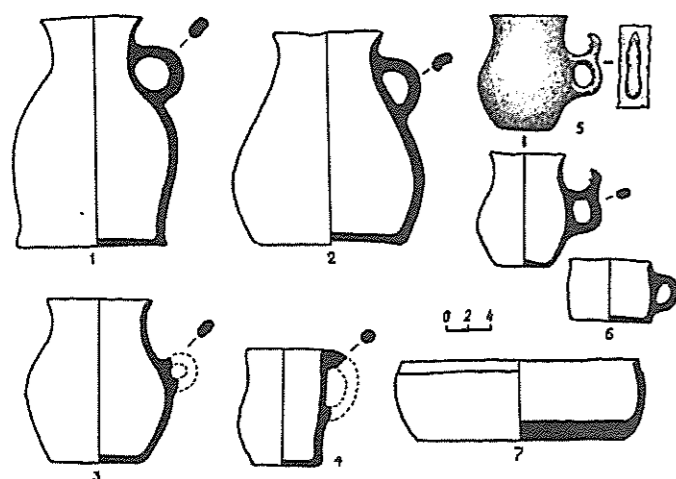

Рис. 2.4. Керамика из катакомбы №1.

численный ряд некрополей и являются самыми северо-западными в горной части Таласской долины.

В могильнике Чоон-Капка расчищено 46 катакомб¹⁸. Ниже приводятся описания 35 катакомб и характеристика основных категорий массового материала.

Катакомба 1. Могильная камера, дно которой имело прямоугольную форму, располагалась поперек склона по оси с севера на юг, размерами в длину 2,1 м. и в ширину 1,45 м. Высоту камеры можно было проследить до 0,8 м. Вход с восточной стороны, по центру, закрыт со стороны дромоса двумя плиточными камнями размером 0,3x0,7 м (рис. 2.3).

У входа в камере лежал костяк ребенка 8–10 лет. За ним костяк пожилого мужчины и у стенки — скелет молодой женщины. Ноги женщины были в полусогнутом состоянии. Костяки ориентированы головами на юг. Все черепа деформированы.

В южной части камеры на полу ближе к головам ребенка и мужчины стояли три плоскодонных кувшина, три кружки и одна чаша, сделанные из хорошо обожженной глины с примесью дресвы и песка, ручной лепки. У одной из кружек сильно закопчена боковина (рис. 2.4).

На голове ребенка по расположению бус реконструируется головной убор конусовидной формы. Он был богато украшен бусами из стекла, камня, кораллов и кости (254 шт.). К нему, видимо, были прикреплены и круглые медные бляшки диаметром от 10 до 18 мм. Каждая бляшка имела отверстия для крепления (всего 11 шт.).

На правом плече ребенка лежала гривна, сплетенная из тонких медных проволочек. Концы гривны украшали головки дракона со слегка оскаленной пастью. Головки сделаны из двух половинок листовой меди способом штампа и скрепленной пайкой (рис. 2.3—3). Гривна лежала на правом плече ребенка в виде комка. Здесь же находились две подковообразной формы медных серьги — дутые, изнутри заполненные белой пастой (рис. 2.3—4).

В области шеи была нитка бус из розового коралла, стекла и камня. Среди них две бусины — плакетки из полихромного стекла с изображением личины (рис. 2.3—13, 14). На запястьях обеих рук ребенка были нитки из бус в виде браслетов из стекла, камня и трубчатой кости. Трубчатая кость от времени рассыпалась. Вероятно, также, что этими бусинами были обшиты обшлаги рукавов.

На полу между головами ребенка и мужчины, ближе к чаше, лежал небольшой однолезвийный железный нож.

На женском костяке в области шейных позвонков и ключицы находились крупные бусы из стекла и камня. На левом плече женщины лежала часть медной заколки¹⁹.

Дно камеры в районе костяков и под ними было покрыто светло-серым слоем в 1–1,5 см, видимо, гленом подстилкой и одежды.

Катакомба 2. Могильная камера подквадратной формы с закругленными углами; размер по длинной оси север-юг 2,3 м и ширина — 1,4 м. Прослеженная высота камеры 0,9 м. Дромос прослеживался на 4,7 м. В начале ширина дромоса 0,4 м и у входа — 0,95 м. Вход в камеру высотой 0,85 м был закрыт двумя каменными плитами — 0,4x0,9 м (рис. 2.5).

¹⁸ Смагулов Е.А. Катакомбный могильник Чоон-Капка I в долине р. Талас // ИМКУ, вып. 34, Самарканд, 2004. С. 93–109.

¹⁹ Все вещи вместе с черепами из могильника сданы в Киргизский Госмузей в г. Бишкек.

В камере расчищено три скелета, ориентированные головами на юг. У костяка, принадлежавшего средних лет мужчине и находившегося у западной стенки с левой стороны таза найден однолезвийный нож 10 см длиной и, видимо, остатки железного наконечника стрелы. В области таза найдена круглая железная пряжка с язычком. Череп с признаками искусственной деформации.

У второго костяка, лежавшего посередине, череп без видимой искусственной деформации. У левой части таза найден железный нож, однолезвийный, длиной 13 см.

Под левой частью таза найден комок железных сильно корродированных изделий, в котором просматривается медное колечко. Тазовые кости плохой сохранности, установить пол затруднительно. На шее позвонок рыбы или змеи в виде амулета.

3-й костяк у входа в дромос имел череп с искусственной деформацией и принадлежал женщине средних лет. В области шеи найдена одна большая коралловая бусина и две в виде колец из стекла. На левом плече лежал сильно корродированный железный предмет неясного назначения. У пояса в области таза круглая железная пряжка. В головах костяков было 2 плоскодонных кувшина и сильно закопченная кружка, лежавшая на правом плече 2-го костяка. У правой руки 3-го костяка у дромоса бы 3-й плоскодонный кувшин (рис. 2.5–10–12).

Около кувшина, находящегося ближе к западной стенке было положено литое бронзовое зеркальце «восмиарочного типа» диаметром 8 см. В центре оно имеет шишечку с отверстием для подвески, переходящую в четыре как бы лепестка, обрамленную кольцевым бортиком (рис. 2.5–13). Дальше идет восьмиугольник с арочными сторонами, потом идет по кругу полоска с параллельными линиями-насечками, и обрамляется зеркальце бортиком шириной 7–8 мм.

Под зеркальцем находился слой красной краски толщиной до 2-х мм. Рядом с ним лежали с одной стороны сурматаш — каменная палочка с отверстием для подвески и кусочек сурьмы со следами выработки палочкой. С другой стороны зеркальца лежал однолезвийный нож длиной 10 см без ручки и шириной лезвия 1,5 см.

Катакомба 3. Камера подквадратная с закругленными углами. Размером 2x1,3 м. Дромос прослежен на протяжении 2,5 м. Ширина 0,45–0,1 м. Камни, закрывающие вход в камеру, лежали на полу дромоса.

Камера ограблена. Кости в беспорядке лежали в северо-западном углу. Череп и остальные кости очень плохой сохранности, так что деформацию черепа и

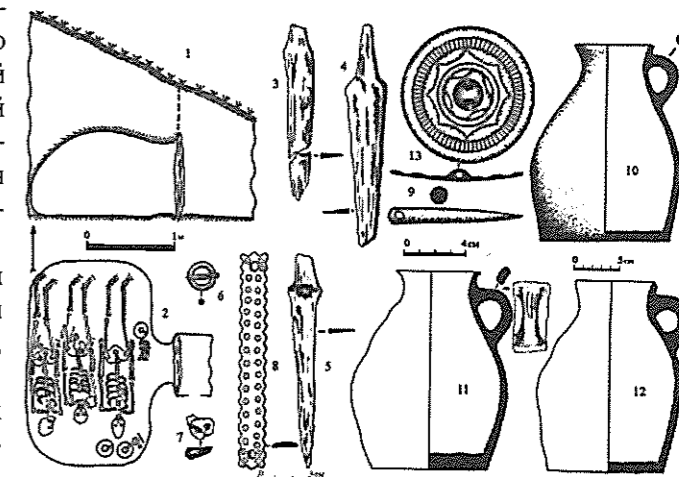

Рис. 2.5. Катакомба №2.

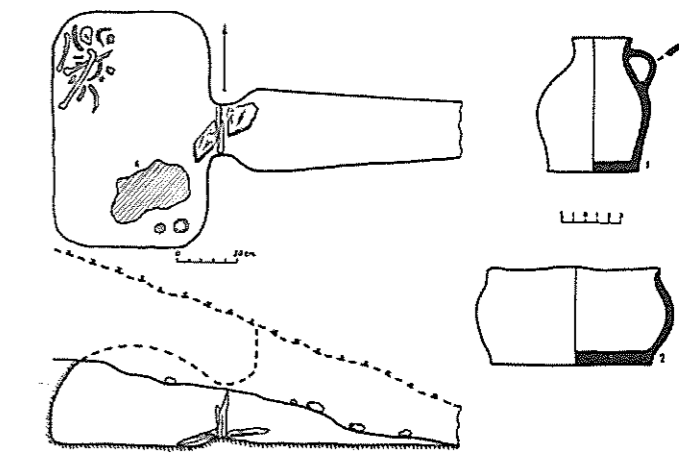

Рис. 2.6. Катакомба №3.

пол погребенного установить невозможно. Захоронение одинарное. Камера прослеживается на высоту до размытой поверхности в 0,7 м.

В юго-восточном углу камеры лежали кувшин и чаша хорошей сохранности, сделанные ручной лепкой, хорошего обжига, из светло-красной глины с примесью дресвы и песка. Дно камеры было усыпано древесными углями (рис. 2.6).

Катакомба 4. Камера имеет подквадратную форму с закругленными углами. Длина по оси север-юг 2,3 м, ширина 1,35 м. Высота до размытой поверхности 0,6 м. Дромос прослежен на 2 м длиной. В устье его ширина по дну 0,45 м, у входа в камеру — 0,75 м. Камни, закрывающие вход в погребальную камеру, частично стояли вертикально, а частью лежали у входа на полу камеры (рис. 2.7).

По остаткам костей, сильно разрушенных и находящихся в северо-западном углу, можно заключить,

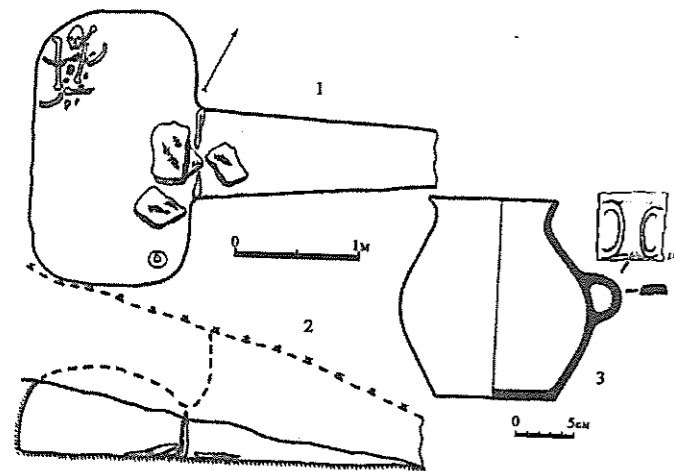

Рис. 2.7. Катакомба №4.

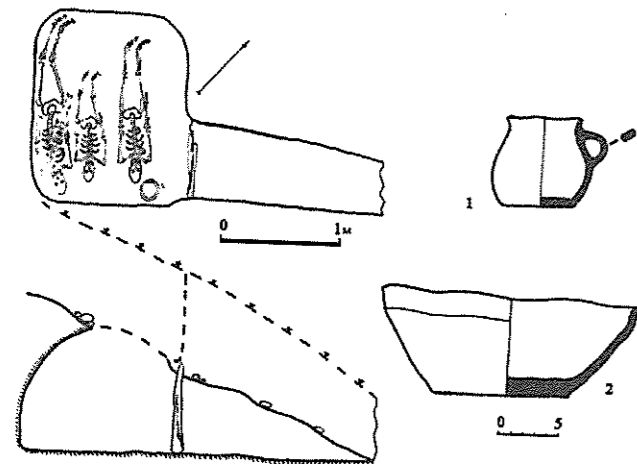

Рис. 2.8. Катакомба №5.

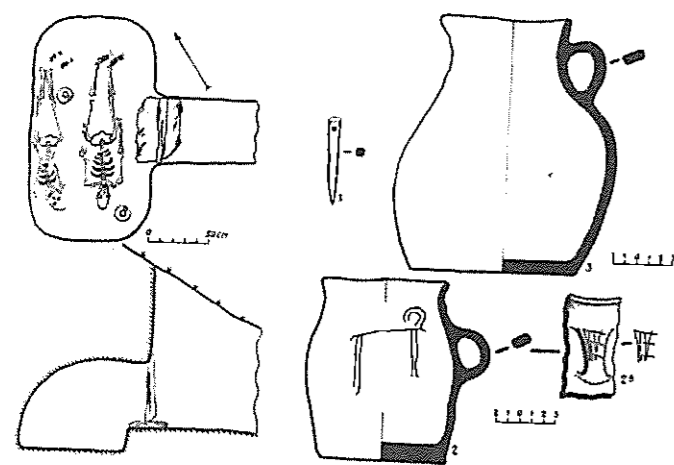

Рис. 2.9. Катакомба №6.

что захоронение было одинарное. Остаток черепной коробки указывает на искусственную деформацию. Камера ограблена.

В юго-восточном углу на полу камеры стояла кружка с ручкой, плоскодонная, ручной лепки, из светло-красной глины с примесью дресвы.

Катакомба 5. Катакомба ориентирована по оси СЗ-ЮВ. Дромос одной стенкой имеет продолжение юго-восточной стенки камеры и в направлении на СВ прослежен на 1,7 м. Был заложен четырьмя плиточными камнями.

В камере 4 костяка. У задней стенки костяк женщины средних лет. Лежал на спине, руки вдоль туловища. У левой руки, головой на плечо женского костяка лежал костяк ребенка 1–1,5 года. С правой стороны — костяк ребенка 3–4 лет. Еще ближе к входу в катакомбу — костяк ребенка 10–12 лет (рис. 2.8). Черепа имеют искусственную деформацию. Головы ориентированы на ЮВ.

Следов ограбления не обнаружено, но сопутствующий материал беден. На правом плече ближе к шее на женском костяке лежала небольшая керамическая кружка, сильно закопченная, с отбитой ручкой, начинавшейся сразу у венчика. В головах установлена керамическая чаша (рис. 2.8–1, 2).

Катакомба 6. В верхнем ряду у наивысшей границы волнового прибоя. Камера катакомбы ориентирована СВ-ЮЗ. Размеры камеры 1,9x1,0 м. Высота 0,85 м, вход заложен плитами зеленоватого песчаника. Одна из плит уложена в виде порога-ступеньки в камеру высотой в 25 см. Дромос прослежен на 6 м. Он сужается к входу до 0,5 м. Глубина дна камеры от современной дневной поверхности — 2,4 м.

Захоронение парное. Два костяка принадлежат людям средних лет. Черепа имеют следы искусственной кольцевой деформации. Пол установить не удалось из-за плохой сохранности костей. Первый костяк сдвинут к дальней стенке. Второй в анатомическом порядке. Костяки в вытянутом положении, на спине, руки вдоль туловища. На полу прослойка серого тлена до 1,5 см (рис. 2.9).

В районе колен первого скелета керамический плоскодонный кувшин с ручкой. У второго большая кружка-кувшин, на ручке которого процарапана тамга, а на тулове нарисована острым предметом по сырому еще тесту фигурка горного козла. Стиль рисунка аналогичен рисункам на скалах (рис. 2.9–2).

При расчистке прослежен грабительский лаз в восточной части катакомбы у входа в дромос. Поэтому других материалов не обнаружено.

Катакомба 7. В нижней части склона на глубине в 35 см от современной размытой дневной поверх-

ности. Камера катакомбы ориентирована по оси СЮ. Размеры 2,6x1,8 м. Дромос прослежен в длину на 4 м. У входа его ширина 0,75 м и к устью сужается до 0,4 м. Вход в камеру завален тонкими каменными плитами.

Ближе к дальней стене костяк мужчины в анатомическом порядке головой на юг, вытянут на спие, руки вдоль туловища. На правой тазовой кости круглая железная пряжка, у левой — такая же пряжка и маленький железный нож.

С правой стороны головы установлен плоскодонный ручной лепки керамический кувшин с ручкой. На тулове кувшина знак — тамга в виде «круга с хвостиком», прочерчена острым предметом по еще сырому тесту. У левого плеча скелета кости овцы (ребра). Под скелетом прослойка серого тлена в 1 см. Следов ограбления не замечено. Череп с искусственной деформацией.

Катакомба 8. Камера рядом с погребением №7 — к северу от него, ориентирована по оси СЮ. Размеры камеры 2,2x1,9 м. Дромос начинается от средней части камеры на восток. Прослежен на 1,5 м. Ширина у входа в камеру 0,75 м, к устью сужается.

На полу в СЗ части камеры куча длинных костей и череп со следами искусственной деформации средних лет человека. В ЮВ части камеры в куче другие части скелета. На полу найдена круглая железная пряжка.

Катакомба 9. Камера ориентирована по оси СВ-ЮЗ. Размеры 2x1,5 м. Дромос начинается посередине ЮВ стенки и прослежен на 3 м на ЮВ от камеры. Камера овальной формы, пол в 1,2 м от современной дневной поверхности. Высоту камеры катакомбы проследить не удалось. Вход в камеру закрыт двумя каменными плитами.

Ближе к СЗ стенке лежал костяк мужчины (длина 1,72 м) головой на ЮЗ, в вытянутом положении на спине. Руки вдоль туловища. На полу слой серого тлена — 1,5 см. С правой стороны у головы керамический плоскодонный кувшин с ручкой. Обжиг не полный.

В области таза две круглые железные пряжки с язычками. С левой стороны таза маленький однолезвийный железный ножик.

Череп со следами искусственной деформации. Следов ограбления не зафиксировано.

Катакомба 10 расположена в середине размытой части могильника, рядом с катакомбой 2. До расчистки на размытой поверхности был прослежен до 7 м длиной дромос и его западная торцовая стенка с входом в катакомбу. Дромос расположен перпендикулярно камере на восток от нее. Камера имеет размеры 2,2x2,3 м. Свод из-за обвала не прослеживается.

Глубина пола камеры от современной дневной поверхности равна 2 м. На полу слой в 30 см глинистого натека. Вход из дромоса в камеру перекрыт вертикально поставленной каменной плитой размером 0,6x1,1 м (рис. 2.10).

В 1,1 м от входа в катакомбе лежал головой на юг слегка потревоженный скелет мужчины. В ногах кувшин без ручки и другой, с ручкой, лежал на боку. Оба плоскодонные, ручной лепки. На костяке находок нет.

Далее, к задней стенке, головой на север лежал скелет женщины средних лет. Оба костяка в вытянутом положении, на спине, руки вдоль туловища. На полу камеры прослойка в 1 см черного тлена. Черепа обоих скелетов со следами кольцевой искусственной деформации.

На женском скелете выше запястий рук — браслеты из бусин цветной пасты и розового коралла (возможно, обшивка обшлагов рукавов платья). На пальцах кисти левой руки два бронзовых перстня с каменными вставками в серебряной оправе и один серебряный со вставкой (рис. 2.10–11–19).

У левого плеча бронзовое зеркало с шишечкой-петлей в центре, с широким бортиком. Диаметр 12,6 см. На зеркале лежала туалетная ложечка (длина 16,5 см) покрытая тонким слоем серебра (видимо, посеребрение способом амальгамирования). Эти вещи находились, очевидно, в деревянном футляре, окрашенном в красный цвет. Под зеркалом лежала гипсовая толстостенная чашечка диаметром 5,8 см с остатками румян (киновари) внутри (рис. 2.10 — 33, 45, 46).

Под черепом лежали пять железных панцирных пластин с отверстиями для крепления. Они сильно корродированы (рис. 2.10–29–32).

В области шеи крупные бусы, сделанные из горного хрусталя, гагата, керамики и сердолика. Здесь же бронзовая подвеска и подвеска из мутно-красного камня. В это же ожерелье входили две подвески из медной и серебряной монет (рис. 2.11).

На пальцах правой руки найдены два серебряных перстня, вставка одного, видимо, утеряна при жизни, другой — без вставки (сильно корродирован).

Среди бус из браслетов на правой и левой руках находилось по одному бронзовому бубенчику с железным шариком внутри.

У головы, рядом с панцирными пластинками, найдены три обрезанных клыка кабаиа, один из них имеет отверстие для подвешивания, нижние челюсти лисицы и фрагмент от бронзового зеркала большого диаметра с отверстием. Этот фрагмент, очевидно, также использовался как амулет (рис. 2.10–28, 38–41).

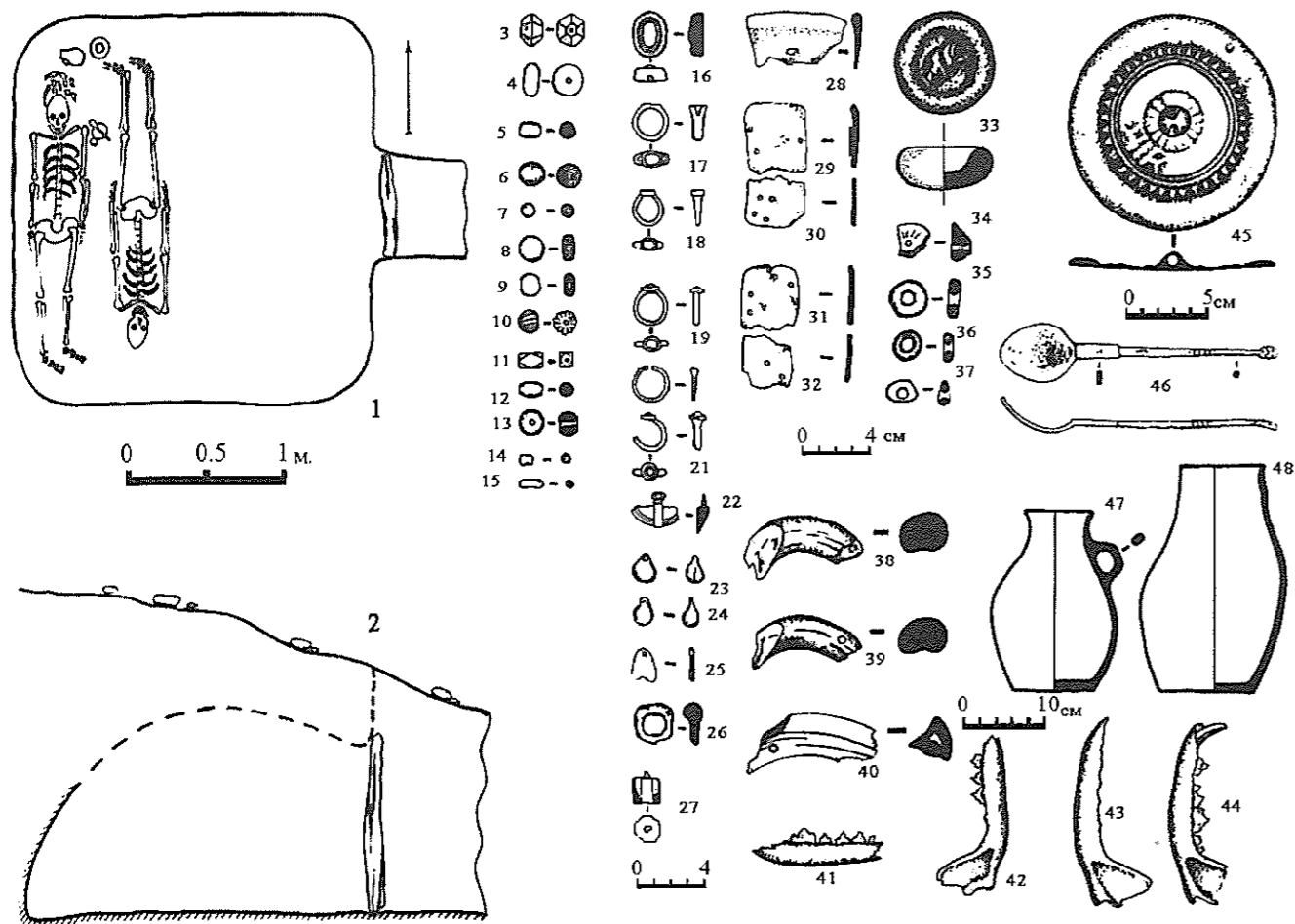

Рис. 2.10. Катакомба №10.

Катакомба 11. Камера подквадратная с закругленными углами, размеры 2,2 x 1,4 м. Высота камеры 0,9 м, пол на глубине от уровня современной дневной поверхности 2,6 м. Дромос с востока направлен перпендикулярно камере, прослеживается в длину до 6 м. Вход в камеру перекрыт большой каменной плитой. У входа в камеру ширина дромоса 0,75 м, к выходу сужается до 0,35 м.

Захоронение парное, головами на юг. Черепа с явными признаками искусственной деформации. У ног — один кувшин с ручкой. У таза железная круглая пряжка.

Второй скелет женский, на спине, руки вдоль туловища. Оба черепа имеют признаки кольцевой деформации. На дне камеры серая прослойка тлена.

В голове женщины, справа в углу, поставлена кружка. У кружки и в ней крупные бусы из позвонка рыбы, гагата и одна из бирюзы, треугольная. Здесь же сломанное на части бронзовое зеркало (видны отверстия для скрепления частей). Зеркало в диаметре

12 см, имеет на краю загнутый маленький (3 мм) бортик, плоское, без ручки и петли (рис. 2.12-23).

На шее крупные огрешенные бусы из сердолика и мелкие из стекла. На груди, ближе к шее, серебряная подвеска-кулон со вставкой из камня, обрамленная золотой зернью (рис. 2.12-7). Подвеска-медальончик овальной формы (10 x 14 мм), гранатовая вставка, обрамленная зернью, с короткой цепочкой и медная подвеска диаметром 15 мм со вставкой из стекла. Здесь же золотая подвеска — «лунница» размером 30 x 34 мм, с тремя вставками из красного граната. Вставки обрамлены зернью из золота. Между ними и по краю обрамление золотой зернью в виде треугольников и цепочки. Внешнее обрамление крупной зернью из золота с примесью серебра — белое золото. Основа — плоское листовое золото (фото 2.12-4).

На руках выше запястий браслеты из медной проволоки (рис. 2.12-1-2). В ЮЗ углу, дальше от кружки, каменное пряслице (мрамор). У выхода в дромос кувшин с ручкой и бараньи ребра.

Катакомба 12. Расположение камеры по оси СЮ. Размеры 2,1 x 1,6 м. Вход из дромоса в середине восточной стенки камеры. У входа в катакомбу ширина дромоса 0,7 м, к устью сужается. Прослежен на расстоянии 1,2 м. Глубина до пола камеры 0,4 м от современной дневной поверхности.

На полу в беспорядке кости трех скелетов. Останки черепов имеют следы искусственной деформации. Сопутствующих материалов не обнаружено. На полу остатки углей, видимо, от факелов грабителей.

Катакомба 13. Камера ориентирована длинной осью СЮ. Размеры 2,2 x 1,5 м. Камера овальной формы, с дромосом и входом посередине восточной стенки. На полу дромоса и у входа в камеру плоские каменные плиты, закрывавшие вход. Пол усыпан щебнем и углями (видимо, от костра или факелов грабителей). Кости раскиданы по всей камере. Сопутствующих материалов не обнаружено.

Катакомбы 14 и 15. Пол камеры катакомбы (№15) находился на глубине 1,3 м. от современной дневной поверхности. Пол катакомбы №14 на глубине 0,9 м. Камера второго погребения (№14) перекрывала 1/3 часть камеры первого (№15) на высоте

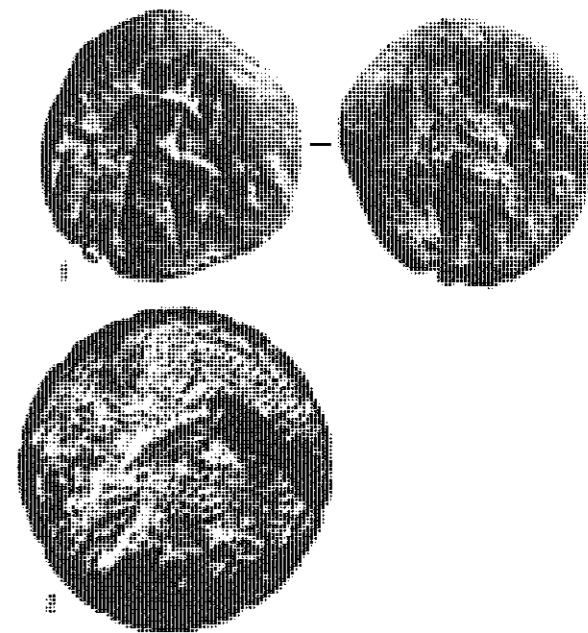

Рис. 2.11. Монеты из катакомбы №10.

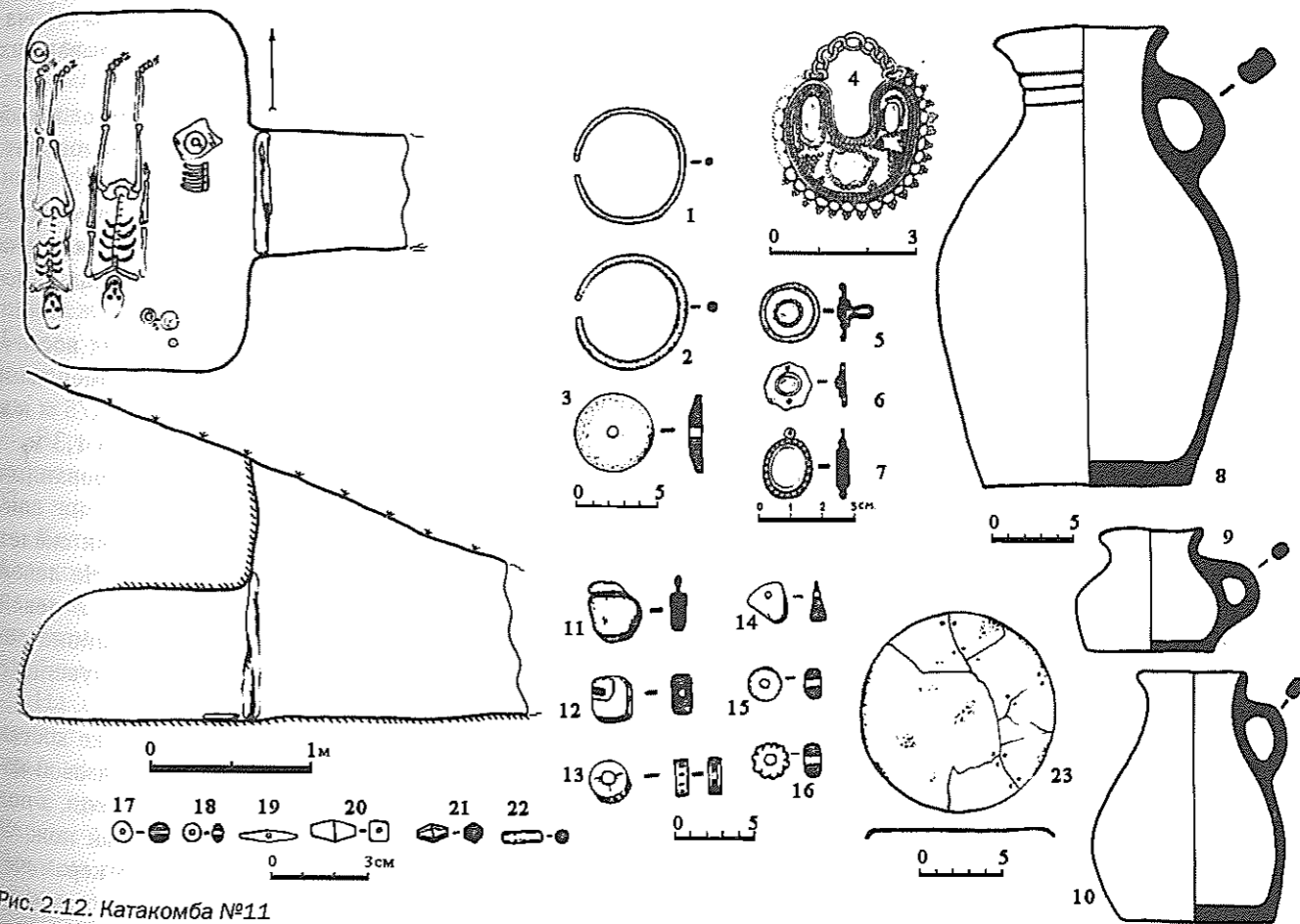

Рис. 2.12. Катакомба №11

от пола первой в 40 см. Размеры камер 2x1,4 м. Ориентированы длинной осью — СЮ.

В катакомбе №15 разрозненные кости мужчины пожилого возраста. Череп со следами искусственной деформации. В юго-западном углу лежали два фрагмента керамической плоскодонной чаши. Катакомба ограблена, вероятно, при постройке катакомбы №14.

Во втором погребении было два скелета, кости которых раскиданы по полу камеры. Череп одного находился в северо-западном углу у задней стенки. Череп другого — в ЮВ углу. Здесь же стоял керамический плоскодонный кувшин с ручкой. Под челюстью второго найдены две мелких стеклянных бусины. Ближе к дромосу лежала керамическая кружка. На полу найдены фрагменты железного ножа и пряжки. На черепах следы искусственной деформации.

Катакомба 16. Камера катакомбы овальной формы. Размеры 2x1,6 м. Ориентирована по оси СЮ. Дромос ориентирован как обычно и прослежен на 2,5 м. Пол от дневной поверхности на глубине 0,5 м. На полу камеры парное погребение, головами на юг, вытянутые на спине, руки вдоль тела. У скелета, лежащего у задней стенки, голени ног перекрещены. У костяка, лежащего ближе к дромосу, у правого плеча стоял керамический кувшин без ручки, ручной лепки. Рядом с ним каменное пряслице и кости овцы. Вход в камеру перекрывался мелкими каменными плитами. Черепа со следами искусственной деформации. Следов ограбления нет.

Погребение 17. Расположено у самого нижнего края склона. Контуры конструкций погребального сооружения не прослеживаются. По наличию каменной закладки вдоль восточной стенки (длиной в 1,4 м и высотой 0,7 м), вероятно подбойная конструкция погребального сооружения. К западу от каменной закладки костяк на спине, руки вдоль тела. Костяк ориентирован головой на юг. Кости скелета очень плохой сохранности. На черепе следы искусственной деформации.

На среднем пальце правой руки крупный бронзовый перстень с круглым щитком и вставкой. Следы ограбления не фиксируются.

Катакомба 18. В самом нижнем ряду у зафиксированного края могильника. Из-за сырой почвы и сильного размыва конструкция погребальной камеры не прослеживается. Костяк подростка (до 14 лет) лежит на спине в вытянутом положении. Головой на север. На полу тонкий слой черного тлена. Дромос ориентирован на восток и вход в камеру был заложен плоскими каменными плитами.

На плече погребенного — агатовая бусина. На поясе железный кинжал острием к левой руке. Общая длина кинжала 21 см, лезвия — 16 см. Ширина лезвия в середине кинжала 2,3 см и у рукоятки расширяется до 4 см. На правой тазовой кости маленькая круглая железная пряжка. Длина костяка 1,14 м. Череп со следами искусственной деформации. Следов ограбления не замечено.

Катакомба 19. В нижней части склона. Камера по оси СЮ, подквадратная с закругленными углами. Размер камеры 1,9x1,5 м. Дромос в середине восточной стенки. Закладка входа из плиточного камня обнаружена на полу дромоса и камеры.

На полу беспорядочная куча костей двух скелетов, ориентированных, вероятно, первоначально головой на юг. Черепа со следами искусственной деформации.

В куче костей найдено две сердоликовые бусины и две стеклянные. У меньшего черепа найдены две бронзовые «калачиковидные» сережки. Камера с явными следами ограбления.

Катакомба 20. В этом же нижнем ряду, на глубине 0,3 м разрушенный костяк с черепом, ориентированным на ЮЗ. Контуры конструкции катакомбы не прослеживаются. С СЗ стороны костяка торчали вертикально два плиточных камня, закрывавших вход в дромос.

У правого плеча стоял маленький плоскодонный кувшинчик ручной лепки. Других материалов нет. Погребение явно ограблено.

Погребение 21. В среднем ряду размытого склона. Камера овальной формы 2x1,2 м, ориентирована по оси СЮ. Дно камеры от современной дневной поверхности на глубине 0,75 м.

Дромос имеет вход в камеру посередине восточной стенки и закрыт двумя плоскими каменными плитами 0,6x0,4 м, имеет у входа ширину 0,75 м и к устью сужается. Прослежен на протяжении 1,3 м.

На полу камеры два костяка, ориентированных головами на юг, в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища. У западной стенки скелет женщины средних лет, длина около 1,5 м. На левой тазовой кости железная круглая пряжка. У левой руки у стенки керамическая кружка. В районе левого колена плоскодонный керамический кувшин с ручкой.

Ближе к дромосу в анатомическом порядке костяк мужчины (длина около 1,65 м). На правой тазовой кости лежала круглая железная пряжка с язычком, а под левой тазовой костью — маленький железный нож. У кисти правой руки на плоском камне стоял керамический кувшин, на ручке которого до обжига по сырому

еще тесту острым предметом процарапан знак — тамга. Рядом с кувшином лежали ребра барана.

Второй костяк лежал на полу, сплошь усыпанным мелкими угольками, а под черепом угли имели слой до 4 см и лежали ровным слоем. Черепа со следами искусственной деформации. Следов ограбления нет.

Катакомба 22. В средней части размытого склона. Камера ориентирована по оси СЮ. Контуры камеры плохо просматриваются из-за сырой почвы. Дромос ориентирован на восток. Прослежен на протяжении 1,5 м. Вход закрыт плиточным камнем 0,6x0,8 м.

На глубине 1,5 м от размытой современной дневной поверхности обнаружены части плохо сохранившегося детского костяка. Сопроводительного инвентаря нет.

Катакомба 23. В средней части размытого склона. Камера подквадратной формы с закругленными углами, размером 2x1,4 м, ориентирована по оси СЮ. Высота камеры из-за обвала не прослежена. Вход из дромоса в середине восточной стенки и имеет ширину 0,75 м, заложен двумя каменными плитами 0,8x0,4 м. Прослеживается на 7 м и к устью сужается до 0,4 м. Пол камеры от современной дневной поверхности на глубине 3 м (рис. 2.13).

Посередине камеры разрушенный костяк взрослого человека. По расположению длинных костей скелет был ориентирован головой на север. У западной стенки стояла керамическая кружка ручной лепки с точечным геометрическим рисунком. В ногах, у южной стенки, стоял кувшин с ручкой.

У входа были положены булыжники средней величины в ряд по два как продолжение стенок дромоса с двух сторон. Между ними в скорченном положении лежал костяк ребенка 2–3 лет головой на север. Голова ребенка лежала на камне, а за этим камнем лежал череп взрослого человека. Черепа имеют следы искусственной деформации.

В районе шеи ребенка найдены одна бусина из черного стекла и две бусины из зеленого (мелкие). Под черепом взрослого фрагмент медной подвески.

Катакомба 24. В средней части склона, рядом с катакомбой №22. Контуры камеры не прослеживаются из-за сильной увлажненности почвы. Дно камеры от размытой современной дневной поверхности на глубине 2 м.

На полу костяк мужчины средних лет на боку, ориентирован головой на ЮВ. Вход в камеру перекрыт массивной каменной плитой 1,2x0,55 м.

У правого плеча кружка. Справа у ног кувшин керамический, плоскодонный с ручкой и лепным ребром на горловине. Рядом второй керамический кувшин с ручкой.

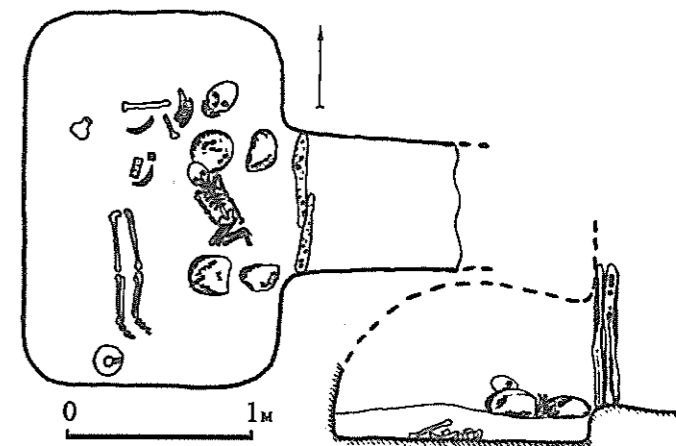

Рис. 2.13. Катакомба №23.

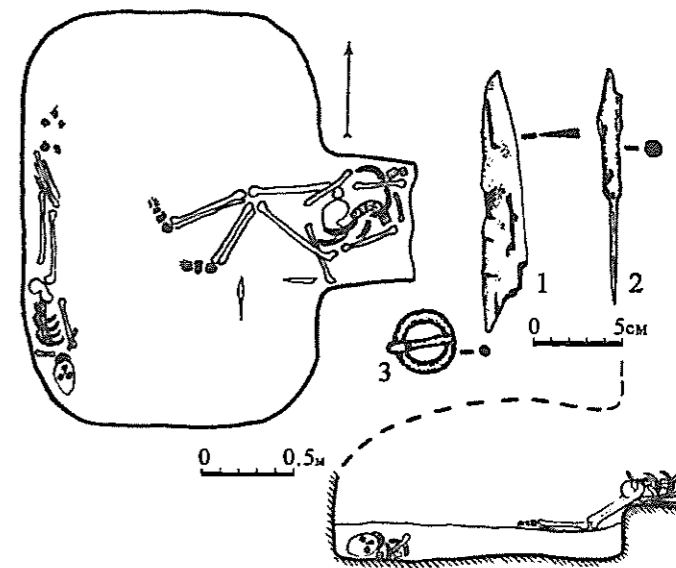

Рис. 2.14. Катакомба №26.

У черепа бронзовая обоймица с остатками дерева внутри. Череп лежал на левом боку и имел следы искусственной деформации.

Катакомба 25. На самом нижнем крае склона. Конструкция камеры катакомбы не прослеживается. Пол катакомбы от размытой современной дневной поверхности на глубине 0,4 м.

Костяк, пол которого установить невозможно, лежал в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища, головой на юг. С восточной стороны вход в камеру был заложен каменными плитами. Череп имеет следы искусственной деформации и след прижизненного повреждения. С левой стороны черепа, у виска, найдено бронзовое колечко-серьга.

Катакомба 26. В верхней части склона, к северу от погребения №2. Камера подквадратная 2,2x1,6 м, с закругленными углами, имеет глубину пола от современной поверхности 1,2 м. Вход из дромоса посередине восточной стенки камеры. Пол дромоса выше пола камеры на 0,3 м. Ширина дромоса у входа 0,7 м. Прослеживается на протяжении 1,2 м. Камни, закрывающие вход из дромоса в камеру, отсутствуют (рис. 2.14).

В камере ближе к западной стенке — раскиданные кости подростка очень плохой сохранности. В груде костей обнаружен четырехгранный железный наконечник стрелы с длинным черешком.

У входа в камеру из дромоса на ступеньке в естественно скорченном положении лежит костяк взрослого мужчины. Длинные кости ног свисают со ступеньки в камеру и поджаты. Остальные на ступеньке, образующей уже сам дромос. Череп взрослого человека отсутствует.

Ниже таза, между двумя длинными костями ног, лежала круглая железная пряжка. На полу камеры у ступеньки дромоса однолезвийный железный нож.

Катакомба 27. Пол камеры на глубине 2,8 м от дневной поверхности. Камера овальной формы имеет размеры по длинной оси СЮ 2,1 м, по ширине 1,67 м. Высота свода камеры 1,55 м.

Дромос, ведущий в камеру имеет размеры: ширина 0,53 м, сохранившаяся высота до 0,5 м. Вход закрыт плиточным камнем (0,5x0,55 м), лежащим под наклоном в камеру. Погребение тройное (семейное). У задней стенки костяк ребенка-подростка. В центре костяк молодой женщины и у входа костяк подростка.

На костяке женщины в области пояса найдена круглая железная пряжка. На левой руке браслет из пастовых бус. Темно-синие из глухой пасты, шаровидные, диаметр 10 и 11 мм — 2 шт. Из глухой зеленой пасты диаметром 7 мм — 3 шт. У черепа с правой стороны лежал сурьматаш из черного камня, и просматривалось пятно от тлена кожи.

На костяке другого подростка в области черепа найдена крупная боченкообразная бусина из пасты и кусочек киновари.

В изголовье ближе к дромосу лежали три кувшины ручной лепки с ручками. У одного кувшина по туловищу нанесен волнообразный орнамент, у другого ближе к горлышку прочерчен крест. Рядом, ближе к краю камеры, в кучке лежали 12 астрагалов.

Череп имеют искусственную деформацию. Костяки в анатомическом порядке. Следов ограбления нет.

Катакомба 28. Обнаружено по характерной западине к югу от погребения №6. Пол камеры на глубине

3 м. от дневной поверхности. Камера округлой формы по обвалу просматривается на высоту 1,0 м, размеры по оси С-Ю 2 м, ширина 1,8 м. Дромос с восточной стороны, вход в камеру был закрыт плитой высотой 0,60 м, шириной 0,50 м. Лежала у входа в камеру.

Посередине камеры куча длинных костей одного скелета. Череп разрушен. Кости очень плохой сохранности. В 1 м от входа грабительский лаз. Находок нет.

Катакомба 29. Провал камеры отмечен в нескольких метрах южнее погребения №6. Камера овальной формы: длина 2,1 м, ширина 1,2 м. Высота камеры 1,2. Пол камеры на глубине 3 м. Вход перекрыт плиточным камнем 58x53 см.

В камере парное погребение головами на СВ. Кости первого скелета сдвинуты при втором подзахоронении. Второй костяк в анатомическом порядке. Оба черепа с ярко выраженной искусственной деформацией.

У входа керамический кувшин с ручкой, ручной лепки, на тулове наклепная тамга в виде знака «А».

На правом костяке (женский) у головы лежал нож однолезвийный длиной 13 см. На левой руке браслет из пастовых бус (мелкие, 12 шт.) и каплевидная подвеска. В районе колен хорошо сохранившаяся бронзовая круглая пряжка с язычком. У стоп ног пряслице из белого мрамора.

На втором костяке (мужском) медные бляшки с кожей, ближе к дромосу маленький однолезвийный нож и металлические остатки ножен.

Все вещи из металла сильно корродированы. У пояса большая железная круглая пряжка с язычком. Выше щиколоток на костях голени две железные маленькие пряжки.

Катакомба 30. Расположена чуть севернее от камеры катакомбы №1. Пол камеры на глубине от современной дневной поверхности — 3,2 м. Камера овальной формы длинной осью на С-Ю, длина 2 м, ширина 1,48 м.

Погребение парное. Черепа с ярко выраженной искусственной деформацией. На первом костяке в области таза расчищены медные бляшки с остатками кожи.

Второй костяк взрослого мужчины. В анатомическом порядке. В области таза маленькая железная пряжка. В головах лежал один кувшин ручной лепки. Рядом — узкогорлая кружка без ручки и остатки спекшегося от коррозии железного предмета. Рядом — алебастровые бусины (4 шт.) и пронизки из позвонков грызунов. Позвонки просверлены. Костяк у дромоса в анатомическом порядке, а у скелета у западной стенки анатомический порядок нарушен. Следов ограбления не обнаружено.

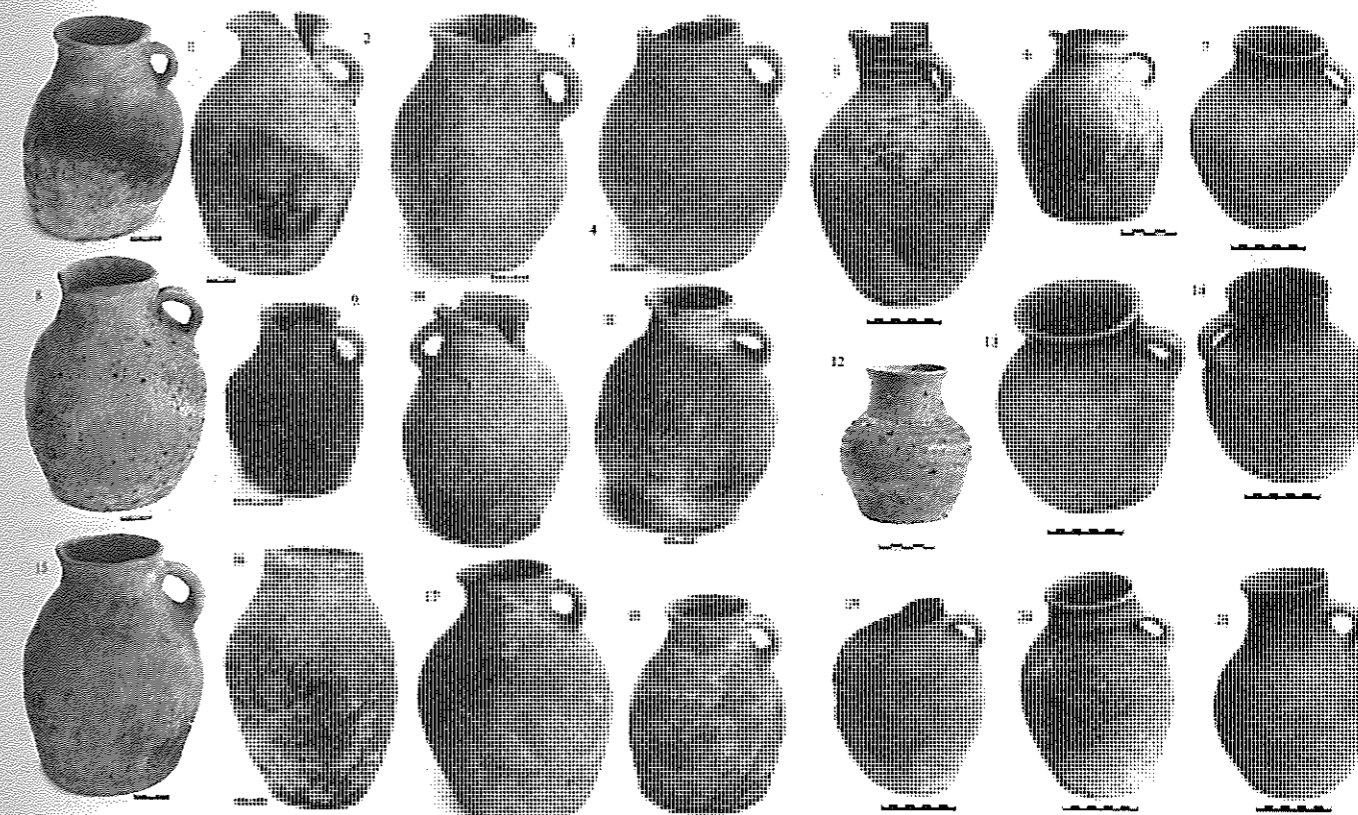

Рис. 2.15. Кувшины из катакомб могильника Чоон-Капка 1. №1 — из катакомбы 6; №2 — 11; №3 — 10; №4 — 21; №5 — 23; №6 — 3; №7 — 7; №8 — 24; №9 — 2; №10 — 14; №11 — 15; №12 — 2.

Катакомба 31. Катакомба обнаружена по провалу камеры северо-западнее от погребения №6. Камера имеет форму овала длиной 2 м и шириной 1,45 м. Дромос по центру с восточной стороны имеет вход арочной формы размером 0,7x0,55 м. Вход закрыт каменной плитой (0,7x0,75 м). Глубина до пола камеры от дневной поверхности — 3,15 м. Высота камеры из-за обвала не прослеживается.

Погребение парное. Один костяк взрослого человека, а другой — подростка. Кости раскиданы грабителями по всей камере и находились в разрозненном состоянии. По расположению костей можно лишь предположить, что костяки были ориентированы головами на юг.

Лаз грабителей обнаружен в 1 м к востоку от входа в дромос и на глубине 1,4 м были обнаружены части каменной плиты, закрывавшие вход в камеру. Среди костей и под ними найдены железный наконечник трехперой стрелы, одна круглая пряжка с язычком и фрагменты дутых шариков (половинки) и подвесок из бронзы и из такого же металла колечко.

В центре камеры найдена 41 мелкая бусина из стекловидной пасты и одна цилиндрическая из гагата. В центре камеры 3 кувшина (высота 13–15 см,

диаметр 19–21 см) имеют широкое вытянутое туловище, плоское дно.

Катакомба 32. Камера катакомбы обнаружена по характерной западине к северо-востоку от погребения №6. Пол камеры на глубине 2,6 м от дневной поверхности, имеет подквадратную форму и размеры по длинной оси С-Ю — 2,1 м и шириной 2 м. Высота камеры 1 м. Дромос с восточной стороны по центру, ширина входа в камеру 0,6 м, высота 0,7 м, закрыт двумя плиточными камнями. Дромос расчищен от входа на 2 м.

Погребение парное, костяки лежат на спине головами на юг, руки вдоль туловища. Первый костяк (у западной стенки) принадлежит молодой женщине. При подкладке второго костяка сильно нарушено анатомическое расположение костей первого погребения.

Второй костяк принадлежал пожилому мужчине (рост до 1,7 м). Все кости в правильном анатомическом порядке. Черепа с искусственной круговой деформацией. У головы, ближе к входу из дромоса, стоял большой керамический кувшин с ручкой и рядом с ним керамическая кружка.

По овалу южной части камеры на полу, начиная от кувшина и почти до задней стенки, найдены ко-

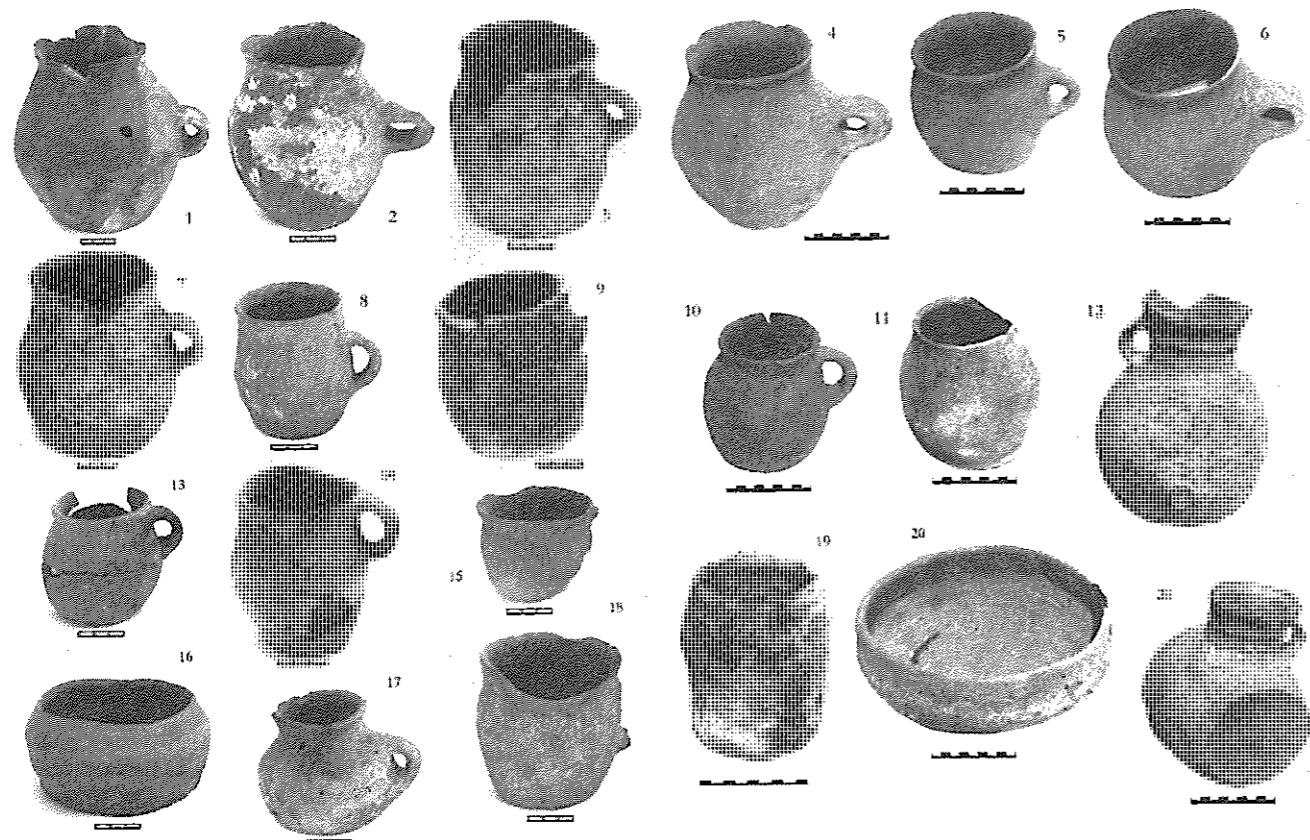

Рис. 2.16. Кружки и чаша из катакомб. №1 — из катакомбы 4; №2 — к.19; №3 — к.6; №4 — к.21; №5 — к.23; №6 — к.5; №8 — к.24; №9 — к.21; №10 — к.3; №11 — к.11; №12 — к.14.

стяные накладки лука. Длина между конечными точками концевых накладок 1,8 м. Срединные накладки лука находились у головы мужского костяка. Ближе к голове первого (разрозненного) костяка найдены одна бусина из черной пасты, бронзовый шарик и бронзовое колечко.

У правой кисти находился маленький однолезвийный нож, рядом с ножом один астрагал. В правой тазовой кости торчал трехпёрый наконечник стрелы. На правой руке на указательном пальце бронзовый перстенок.

Пол камеры под вторым костяком со следами подмазки и, начиная с середины бедренных костей и до середины грудной клетки, глина имела зеленоватую окраску. Погребение без следов ограбления.

Катакомба 33. Самое северное погребение в могильнике, расположено по верхней кромке размыта. Работы на этой катакомбе не закончены. Дромос прослежен на протяжении 8 м. Раскоп продолжался до глубины 2,7 м, где появился камень коренной породы. После этого дальнейшие работы были прекращены.

Катакомба 34. Погребение расположено у южной границы могильника. Пол камеры на глубине 3,6 м от дневной поверхности. Камера овальной фор-

мы: длина (по оси С-Ю) 3 м и ширина 2,5 м. Высота камеры 1,2 м. Имеет с восточной стороны вход из дромоса шириной 0,6 м, высотой 0,7 м. Верхняя часть полукругом — аркой. У входа один камень, два камня упали в камеру (размеры 0,6x0,4 м), другой камень найден в 1 м от дневной поверхности в грабительском лазе.

На дне камеры, ближе к выходу из дромоса, встречено несколько фрагментов костей человека очень плохой сохранности. Другие материалы отсутствуют. Погребение ограблено.

Катакомба 35. Камера обнаружена по провалу северо-восточнее от погребения №6. Пол камеры в 2,5 м от дневной поверхности. Камера имеет высоту 1,3 м, в плане овальной формы, размер по длинной оси С-Ю 2,2 м и ширина 1,85 м. Дромос с восточной стороны, вход ближе к южной стенке перекрыт одной каменной плитой (0,8x0,6 м). Дромос расширен на протяжении 4,5 м.

Погребение «семейное» — у задней стенки костяк женщины средних лет (рост 1,75 м). Второй костяк мужчины средних лет (рост — 1,65 м). Оба костяка на спине, руки вдоль туловища головами на юг в правильном анатомическом порядке.

В головах (ближе ко 2-му черепу) один керамический плоскодонный кувшин с ручкой. Между костяками, у кистей рук, лежал однолезвийный железный нож. На правом костяке у таза и у костей голени найдено три железные круглые пряжки с язычком. В районе шеи мелкие бусы из стекловидной пасты.

Пол покрыт слоем серого глина толщиной 0,5 см. Следов ограбления не обнаружено.

2.2. МОГИЛЬНИК КАРА-БУРА

В 1990 г. при возведении насыпной плотины на р. Карабура в 10 км к югу от районного центра с. Кировское (ныне Кызыл адыр) Киргизской Республики был случайно обнаружен могильник. Место, где он находится, уплощенная вершина горы (Чаткальский хребет) с мощным слоем лесса толщиной до 2 м с отдельными выходами скальных массивов. Выше от разработки грунта удалось выявить около десяти курганов, земляные насыпи которых смыты, но сохранились каменные наброски.

Перемещая грунт, бульдозерист заметил круглое отверстие в разрезе траншеи, вручную расширил его и обнаружил захоронение в деревянном дощатом гробу. Вызванный на место находки учитель средней школы №1 с. Кировское М.Ф. Тур обнаружил, что гроб был наполовину вытасен из могилы-катакомбы. Положение костяка было нарушено, гроб развалился и часть костей из него вывалилась.

Из камеры также был вынут керамический плоскодонный кувшин ручной лепки с ручкой и деревянная кружка. Последняя была разломана на несколько кусочков. Работы на вскрытом бульдозером участке были прекращены и проведены археологические исследования, в ходе которых были расширены четыре погребения в катакомбах.

Катакомба 1. Камера ориентирована длинной осью по линии восток-запад, имеет длину 2,5 м, ширину 0,9 м и высоту 0,85 м. Пол камеры находится на глубине 3 м от уровня дневной поверхности. Прослежен дромос, который ориентирован к востоку от камеры, его длина 1 м, ширина 0,6 м. Погребение совершено в деревянном дощатом гробу, скелет лежал на спине в вытянутом положении, руки вдоль туловища, головой на ЮВ. Костяк принадлежал молодой женщине, череп имел слабо выраженные следы искусственной круговой деформации.

По сохранившимся фрагментам можно определить, что днище гроба было застлано войлоком, в головах для возвышения был подложен пучок травы.

Одежда была из шелковой ткани (в области ключицы сохранился фрагмент шелковой ткани красноватого цвета и кусочек шелкового шнура толщиной до 1 мм, на который видимо, нанизаны были бусы). На одной из дощечек гроба сохранился прилипший фрагмент шелковой ткани, видимо, от накидки или платья.

Гроб имел следующую конструкцию. Четыре стойки (они же являются ножками) соединены по длинной оси четырьмя брусками из тонких стволов арчи и скрепленные со стойками шипами. В свою очередь, в стойке выдолблены проушины, куда и вставлялись шипы. В каждом бруске с двух сторон в 1 см от кромки выдолблены пазы глубиной до 1,5 см и шириной до 1 см для вкладки в них поперечных тонких (толщина 1–1,5 см) дощечек-реечек. В соединении шипов с проушиной сверлились отверстия, и вбивался деревянный шкант для прочности.

Ящик гроба в изголовье был шире и выше, тогда как к ногам сужался и был ниже. Размеры его: длина 1,8 м, ширина в изголовье 48 см, в ногах 28 см, соответственно высота 31 см и 22 см. Высота стоек у головы 47 см, высота стоек у ног 44 см. Высота ножек гроба от пола 12 см.

Стойки, продольные бруска и поперечные дощечки для боковин, днища и крышки сделаны из арчи и обработаны топориком-теслом, следы лезвия которого сохранились на дереве.

При расчистке костяка в области шейных позвонков обнаружено ожерелье из 25 бусин прозрачного стекла округлой формы диаметром от 3 до 5 мм; две бусины дутые с позолотой; две из горного хрусталя — округлые, диаметром 10 мм; три из сердолика, десятигранные, три бусины округлые, диаметром 5 мм, одна диаметром 8 мм, две диаметром 10 мм, одна бусина в виде кубика с гранью 8 мм; одна — из синего глухого стекла. Из прозрачного зеленого стекла сделана цилиндрическая бусина длиной 15 мм и диаметром 4 мм, а также десятигранная. Встречена шаровидная бусина диаметром 10 мм из монокромного стекла с полосами коричневого, белого и черного цвета с белыми кружками и синими и красными точками внутри. На одной из бусин глазок с красной точкой, обрамлен белым кружком с «ресничками» из желтого стекла. Бусы имеют от 3 до 8 глазков.

Две бусины крупные, диаметром 15–20 мм, из синевато-серого стекла с белыми кружками (глазчатые) или с желтой точкой (одна), обрамленной красной полоской стекла с мутно-белыми и черными «ресничками».

Интересна бусина в виде лунницы размерами 15 на 13 мм, сделана из бледно-голубоватого стекла,

круглая, диаметром 18 мм с вдавленными полосками на поверхности. Две бусины были изготовлены из желтого стекла.

Среди бусин имелись две шаровидные медные подвески диаметром 10 и 15 мм.

В области черепа найдено две подвески из золота полулунной формы размером 4 на 3,5 см. В центр их вставлен прозрачный темно-красный (гранат?) самоцвет, обрамленный рамкой из зерни. Его окружают 12 треугольников, каждый из 6 шариков зерни. Рамку, в свою очередь, обрамляют 19 штук крупных, до 4 мм в диаметре шариков, припаянных к цилиндрическим ножкам, а они соответственно — к центральной рамке. Шарик и цилиндрики-ножки из дуги золота. На каждом шарике припаяно по 4 шт. зерни в виде пирамидки. На одной подвеске (она сохранилась хуже) утеряна часть рамки из 2 рядов зерни, три треугольника из зерни и два концевых шарика с ножками-цилиндриками. Дужки у подвесок не сохранились.

В районе таза найдена круглая железная пряжка с язычком (сильно коррозирована).

На полу камеры в головах покойника с правой стороны от гроба стоял керамический плоскодонный кувшин с петлеобразной ручкой. Рядом стояли деревянная кружка и деревянный предмет длиной 60 см и диаметром 5 см. У толстого конца есть вырез ножом, видимо, для крепления и к другому концу предмет постепенно сужался. Видимо, это одна из деталей примитивного ткацкого станка, применяющегося и в наши дни и называющегося «уток»

Катакомба 2 обнаружена выше от первой на 8–10 м по этому же склону. Погребение одиночное. Покойник был положен головой на юго-восток. Череп и большая часть костяка разрушена. При зачистке пола камеры в головах с правой стороны обнаружены фрагменты (днище и части тулова) плоскодонного кувшина ручной лепки.

Катакомба 3 находилось южнее погребения №1 на 15 м. Ножом бульдозера было разрушено. Размеры камеры установить не удалось. Костяк лежал на спине, руки вдоль туловища, головой на юго-восток.

Погребение одиночное, принадлежало мужчине. В районе костей правого плеча найдены фрагменты керамического кувшина, сделанного на круге. Посередине тулова кувшина среди двух вдавленных полосок гребенчатый орнамент. Такой же орнамент и у начала шейки горловины кувшина.

В районе таза найдено 13 медных посеребренных бляшек от наборного ремня-пояса. Все они (кроме 4-х) сделаны методом штампа и крепились к ремню с помощью 2 шпеньков. Лицевая поверхность гладкая без орнамента.

Катакомба 4 находилась в 30 м юго-восточнее от погребения №1. На глубине 3 м от дневной поверхности ножом бульдозера был открыт вход в камеру, перекрытый двумя плоскими камнями размером 0,4х0,8 м. Размер камеры 1,3х2,1 м, высота 0,9 м. Размер входа 0,7х0,8 м. Камера имела овальную в плане форму. Вход в дромос в углу с южной стороны. Камера вытянута по линии северо-запад — юго-восток.

В могиле расчищено парное погребение. У стены, ближе к восточной стенке, костяк женщины головой на юго-восток. Череп разрушен. У черепа с правой стороны стоял керамический сосуд баночной формы с закраиной вовнутрь и керамическая кружка с ручкой. У ног, ближе к входу, узкогорлый кувшин с ручкой. Первые два керамических сосуда ручной лепки. Большой кувшин сделан на круге. Бок большого кувшина был сколот и через это отверстие в него был положен труп ребенка. Затем отколота часть была приставлена на место. Детский костяк совершенно истлел.

В области шейных позвонков женского костяка обнаружены бусы из стекла (одна бусина глазчатая), сердолика, горного хрусталя и одна из янтаря. В кружке лежало керамическое пряслице с остатком древка.

Наибольший интерес из описанных катакомб могильника Карабура представляет погребение 1. Деревянный гроб, сделанный из арчи, повторяет до деталей гробы, найденные в Кенколе и в других могильниках.

Деревянные гробы решетчатого либо, как в Карабуре, решетчато-досчатого типа, основой конструкции которых служат четыре столбика, соединявшие верхнюю и нижнюю рамы, расширяющиеся к изголовью, известны у сарматов²⁰. В решетчатый гроб был положен покойник, местом для захоронения которого был выбран купольный зал заброшенного дворца на городище Актобе, на средней Сырдарье²¹. Деревянная посуда, столик и кружка из погребения находят аналогии в материалах катакомбных захоронений, в первую очередь, из Кенкола²². Золотые колты-лунницы, украшенные вставками стекла и зернью, распространены очень широко от Тянь-Шаня до Дуная. Большая серия их происходит из Таласской долины, из Кетмень-тобе. Из Илийской долины прекрасные образцы их опубликованы в целом ряде изданий²³. Вопрос о датировке

²⁰ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // Археология СССР. Свод археологических источников М. 1963.

²¹ Максимова А. Г. Мерциев М. С. Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары Алма-Ата, 1968, с. 74–75.

²² Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки. Л., 1983. С. 44, рис. 134; История Киргизской ССР. Фрунзе, 1984, рис. на с. 70; Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины...

таких колтов, как в целом изделий полихромного стиля, остается дискуссионным. Большинство исследователей относит их к IV–V вв.²⁴ Однако А.К. Амброз датирует их временем V–VII вв.²⁵

Интерес представляют бусы, особенно те, которые могут использоваться для определения хронологии. Так, бусы, украшенные глазками и ресничками датируются исследователями II–IV вв., а подвески в виде лунницы, делавшиеся из желто-зеленого стекла, относятся к III в.²⁶ Таким образом, погребение 1 можно датировать периодом III–V вв. Что касается материалов из других погребений, то судя по бляхам от поясного набора из катакомбы 3 могильника Кара-бура, которые находят аналогии в материалах Борижарского могильника и Караякуповской культуры²⁷, оно может быть датировано III–VII вв. К этому же времени, судя по керамике, относится и погребение 4.

Гривны с головками драконов и других животных на концах, аналогичные гривне из катакомбы 1 Чоон-Капки, так же как и другие вещи с зернью и инкрустацией часты в комплексах IV–V вв.²⁸

В уточнении датировки погребений исследованной части могильника Чоон-Капка могут помочь найденные в катакомбе №10 монеты. Медная монета относится к чекану одного из последних кушанских царей Васудевы. На ее Av. изображен царь перед алтарем огня. А на Rv. — богиня Виша (Шива) около священного быка. Правление Васудевы в зависимости от «начальной даты Канишки» приходится от II в. (142–176 гг.) до IV в. (342–376 гг.).

Серебряная монета относится к чекану Сасанидского царя Хормизда II (302–309 гг.). Ее, Rv. полностью коррозирован, а на Av. виден портрет правителя вправо в короне с крыльями. Над головой частично сохранилась легенда, которая читается: «mzdy[sp bgy] 'whrmzdy ML[K'n] MLK[']...» — «поклоняющийся Мазде господин Хормизд, царь царей...». По сво-

²³ Памятники культуры и искусства Киргизии..., с. 133; Акишев К. А. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата, 1983.

²⁴ Мерциев М. С. Поселение Кызыл-Кайнар тобе I–IV вв. и захоронение на нем воина IV–V вв. // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, Наука, 1970.

²⁵ Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР, М., 1981.

²⁶ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Свод археологических источников. М., 1982.

²⁷ Нурмуханбетов Б. Н. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, табл II, 18; Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

²⁸ Уманский А. П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1987. С. 157–161.

им типологическим признакам эта монета не находит полного соответствия с известными чеканами Хормизда II, что согласуется с замечанием Луконина В. Г. о неоднородности стиля и манеры изображения на монетах этого Сасанидского правителя²⁹.

Таким образом, определение монет³⁰ может свидетельствовать о том, что встретиться они в виде подвесок в одном ожерелье у похороненного в этой катакомбе могли, скорее всего, во второй половине IV в. или в начале V в. н.э. Кроме того, совместная находка этих монет в закрытом археологическом комплексе может служить, хотя и косвенным, но аргументом в пользу поздней датировки начальной даты «эры Канишки».

Могильники Чоон-Капка и Кара-бура, как уже отмечалось, относятся к группе катакомбных могильников. Впервые обнаруженные на Таласе, они затем были выявлены на широкой территории от Центрального Тянь-Шаня до Сырдарьи. Определенные вначале как гуннские, или «отражающие этап скрещивания гуннов с местным населением», они были датированы от середины I в. до н.э. до первой половины II в. н.э.³¹ С. С. Сорокин считал памятники местными и датировал их II–IV вв. н.э.³² Н. Г. Горбунова датирует кенкольские могильники не ранее IV–V вв. н.э.³³ Ю. А. Заднепровский, вслед за Бернштамом А. Н., полагал, что катакомбные памятники принесены в Среднюю Азию, в частности в Фергану, пришлым населением³⁴.

В последнее время в науке обсуждается мнение о правомерности выделения самостоятельной «кенкольской культуры». Отмечается также преемствен-

²⁹ Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969. С. 183. Это не первая находка кушанских монет в регионе. Ранее медная кушанская монета была найдена в слое II–IV вв. второго периода городища раннего Тараза. (Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, с. 51–52.) Гривны (медные, серебряные) подобные гривне из катакомбы №1 известны в алтайских курганах этого же времени. (Савинова Д. Г. Памятники енисейских киргизов на Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. Вып. 1, Горно-Алтайск, 1979, рис. 2.)

³⁰ Кушанская монета определена Д. Давутовым, а сасанидская прочитана В. Шуховцовым. Пользуюсь случаем выразить им свою признательность.

³¹ Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940; Труды Семиреченской археологической экспедиции. Материалы и исследования по археологии СССР. Чуйская долин. М. — Л., 1950, № 14.

³² Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК, 65, 1956.

³³ Горбунова Н. Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тыс. до н.э. — пер. пол. I тыс. н.э.) // СА, 3, 1991. С. 27.

³⁴ Заднепровский Ю. А. Проблемы Кенкола // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1983.

ность ряда элементов кенкольской культуры и традиционной культуры киргизов, а также делается вывод о том, что носители кенкольской культуры пришли на Тянь-Шань из восточных регионов Центральной Азии и, возможно, они являются носителями тюркских языков³⁵.

Есть и другое мнение, что катакомбные захоронения Таласа, Чаткала, Кетмень-тобе принадлежат племенам каунчинской культуры, основным районам расселения которых была средняя Сырдарья и Ташкентский оазис. По мнению Л.М. Левиной, долина верхнего Таласа, Чаткала и Кетмень-тобе была занята в I–V вв. вариантом каунчинской культуры. Видимо, в жизни населения этих районов скотоводство играло большую роль, поскольку здесь не обнаружены оседлые поселения. В то же время, в низовьях Таласа, по ее мнению, была распространена отрарско-каратауская культура. Она известна по материалам поселений. Основным же районом существования отрарско-каратауской культуры были Отрарский оазис, северные и южные склоны Каратау. Свои выводы исследователь делает на основании изучения керамики³⁶.

В данной связи, на наш взгляд, логичнее говорить не о разных, хотя и близких культурах каунчинской, кенкольской, отрарско-каратауской и джетыасарской, а об одной культуре и ее вариантах. Видимо, справедливо будет назвать ее «сырдарьинской» и, по нашему мнению, связать в этнополитическом плане с Кангюем и с кангюйцами, в судьбах которых важную роль сыграли вначале сарматы и хунну, а затем согдийцы и тюрки. Роль согдийцев была значительной в районах распространения каунчинского варианта, а роль тюрков — отрарско-каратауского и джетыасарского вариантов сырдарьинской культуры.

2.3. МОГИЛЬНИК БОРИЖАРЫ.

Исследование курганов на верхней левой террасе р. Арысь, в частности Борижар, были начаты Южно-Казахстанской археологической экспедицией. В 1949 и 1951 годах были раскопаны соответственно два и четыре кургана, которые не дали никаких остатков захоронений или хотя бы следов могильных ям, хотя как по форме насыпей, так и по размерам, а также расположению в группе курганы эти ничем не отличаются от курганов, расположенных на склоне³⁷. Един-

³⁵ История Киргизской ССР. Фрунзе, 1984, Т. 1.

³⁶ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи. М., 1972; Байпаков К. М., Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата, 1989. С. 195–202.

ственным объяснением причины отсутствия в них захоронений у исследователей было то, что курганы, расположенные на верхнем краю террасы являются лишь поминальными холмами, т. е. «кенотафами», насыпанными в честь родичей, «погибших вдали от родины»³⁸. О результатах раскопок двух курганов в Отчете за 1949 г. написано следующее: «Раскопанные 2 кургана (наименьшие по диаметру 8 м) были пустыми, не удалось даже проследить границы могильных ям. Возможно, что вскрытые насыпи без характерных ровиков вокруг полы кургана, были не курганами, а кенотафами — поминальными холмиками»³⁹.

Приведем описание результатов раскопок в 1951 г. четырех следующих курганов, расположенных в группе на верхней террасе недалеко от курганов, раскопанных в 1949 г.⁴⁰

Курган 7⁴¹ имел правильную круглую форму насыпи диаметром 12 м и среднюю высоту 0,85 м. Раскоп был доведен до глубины 3,5 м, причем на всей глубине его никаких остатков захоронения или остатков предметов материальной культуры, а также следов могильной ямы или дромоса обнаружено не было.

Курган 8 расположен рядом с предыдущим курганом, имел круглой формы насыпь диаметром 9 м и высотой 0,42 м раскоп был доведен до глубины 5,2 м и так же, как и предыдущий, не дал никаких результатов.

³⁷ Бериштам А. Н. Отрарский оазис в раннем средневековье (Отчет о работах Южно-Казахстанской экспедиции за 1949 г.). Отдел археологов ИИАЭ. Архив, инв. №17, дело 165, св.12; Агеева Г.И., Пацевич Е.И. Работа Южно-Казахстанской археологической экспедиции в 1951 году. Архив отдела археологов ИИАЭ, инв. №79, фонд №11, дело 221, св. 15; Агеева Е.И., Пацевич Г.И. О работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // ТИИАЭ АН КазССР, Т. 1. Алма-Ата, 1956. С. 33–60; Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 5. Алма-Ата, 1958. С. 33–215.

³⁸ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. О работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции... с. 55.

³⁹ Бериштам А.Н. Отрарский оазис в раннем средневековье (Отчет о работах Южно-Казахстанской экспедиции за 1949 г.). Отдел археологов ИИАЭ. Архив, инв. №17, дело 165, св.12.

⁴⁰ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Работа Южно-Казахстанской археологической экспедиции в 1951 году. Архив отдела археологии ИИАЭ, инв. №79, фонд №11, дело 221, св. 15. Имеет смысл начать сводную нумерацию курганов на террасе именно с этого этапа раскопок.

⁴¹ Поскольку не во всех исследованных курганах были обнаружены катакомбы или иные погребальные сооружения и поэтому количество раскопанных курганов не совпадает с количеством выявленных катакомб, мы сочли возможным сохранить для курганов полевую нумерацию (как она дается в отчетах и предварительных публикациях), а для катакомб дать сквозную последовательную нумерацию.

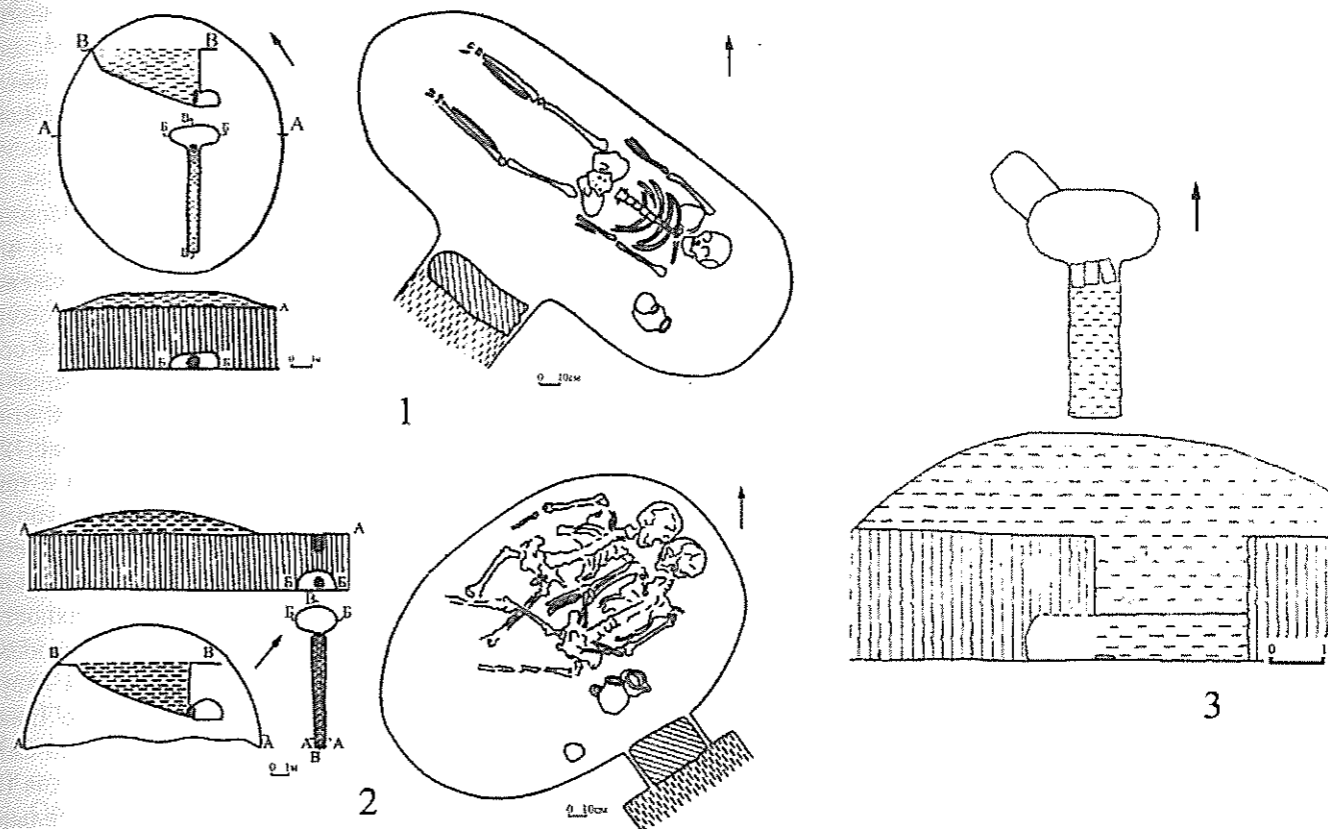

Рис.2.17. Планы и разрезы: 1— кургана 9 (катакомба 2); 2— кургана 2 (катакомба 3); 3— кургана 1 (катакомба 5)

Курган 105. Земляная насыпь его диаметром 8 м, высота — 0,32 м. Основной раскоп в виде квадрата размером 3х3 м был доведен до глубины 1,25 м от горизонта, после чего от этого раскопа к югу и западу были заложены две, длиной в 4 м каждая, траншеи. Траншеи эти доведены до глубины 1,25 м, как и основной раскоп не дали никаких результатов.

Курган 102. Насыпь его овальной формы, размерами с севера на юг — 11,5 м, с запада на восток — 10,5 м, высотой — 0,9 м. Раскоп был доведен до глубины 2,8 м и также никаких остатков захоронения или следов могильной ямы не дал.

Как видим, первый опыт исследования курганов в верхней части Борижарского могильника не выявил подкурганых погребальных сооружений. Как покажут дальнейшие исследования приарыских катакомбных могильников, причиной тому явилось, на наш взгляд, то, что, как оказалось, здесь курганная насыпь не всегда и не обязательно перекрывала катакомбу. Камера и вход в дромос зачастую расположены в стороне от центра курганной насыпи. Дальнейшие раскопки катакомб, например, могильника Алтынтобе выявили странной формы дромосы «ствольного типа». Устье его могло располагаться за или под краем полы насыпи. Сама погребальная

камера в плане могла также находиться под краем оплыва кургана (под краем полы кургана)⁴². Такое же планиграфическое соотношение катакомбы и курганной насыпи наблюдалось, например, на могильнике Актобе на Чардаре⁴³. Т. е. в таких случаях зачистки и раскопки под центром курганной насыпи вполне могли и не привести к обнаружению «подкурганых» сооружений. Этому же способствовал еще малый опыт раскопок подобного рода погребальных сооружений и, естественно, неадекватная методика самих раскопок.

В 1967 г. раскопки Борижарского могильника были возобновлены Семиреченской археологической экспедицией (Б.Нурмуханбетовым под рук. К.А. Акишева). В результате этих работ был открыт новый для Борижарского могильника тип погребальных сооружений⁴⁴.

⁴² Такой вывод можно сделать на основании имеющихся зачастую не ясных описаний (См.: Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата, 1989. С. 105, табл. IV).

⁴³ Максимова А. Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары... с. 195, рис.8.

⁴⁴ Нурмуханбетов Б.Н. Катакомбы Борижарского могильника // Древности Казахстана. Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1975. С. 106–115.

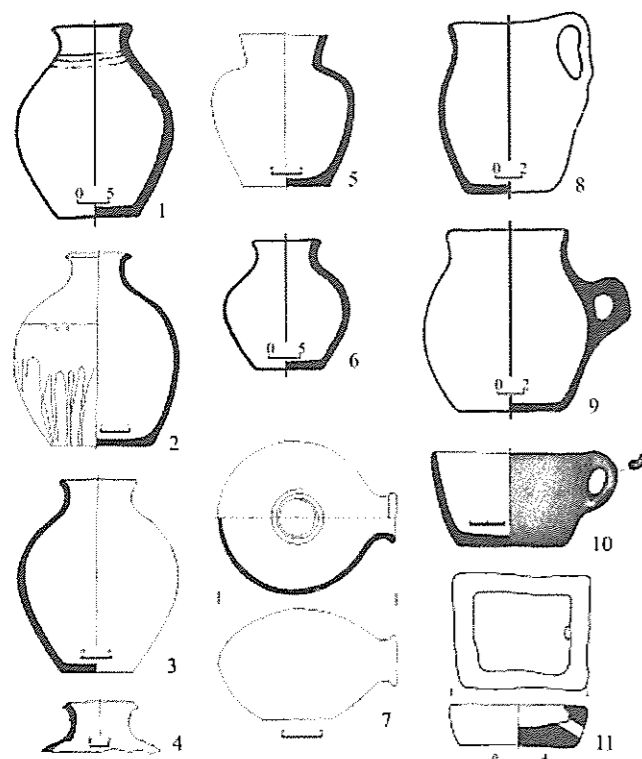

Рис. 2.18. Керамика из катакомб: №1,6 – курган 9 (катакомба 2); №2 – курган 5 (катакомба 8); №3 – курган 1 (катакомба 5); №5,7,11 – курган 2 (катакомба 9); №8,9 – курган 2 (катакомба 4); №10 – курган 2 (катакомба 6).

Курганы с захоронениями в катакомбах были выявлены на участке могильника, который находится на его северо-восточной окраине, в 1 км на северо-запад от сторожевой башни Караултобе. Здесь на небольшой площади, примыкающей к речной долине, насчитывается 23 земляные насыпи. В двух из пяти раскопанных курганов обнаружены захоронения в катакомбах.

Катакомба 1. Курган 8. Насыпь округлая в плане с уплощенной поверхностью. Высота 0,9 м, диаметр 10 м. Катакомба подкурганная, располагается в юго-западной части насыпи. Дромос начинается от края юго-западной полы кургана и далее узкой (0,6 м) с небольшим наклоном траншеей примыкает к камере. Длина его 4 м, высота стен в начале 0,7 м, в конце 2,3 м. Вход прорублен в нижней части вертикальной стены дромоса. Камера овальная со сводчатым потолком. Длина ее 2,4 м ширина 0,9 м, высота 0,8 м. Умерший положен на дно камеры вытянут на спине, головой на ЮЮВ. У черепа стоял глиняный горшок высотой 17 см, изготовленный ручной лепкой из глины с примесью дресвы. Черепок рыхлый. Поверхность сильно закопчена. У него вытянутое округлое тулово, низкая шейка и отогнутый наружу плоский край. Ди-

метр венчика 12 см и дна 10 см. У ног погребенного найдены миниатюрный глиняный сосудик и плоское дисковидное зеркало. Кувшинчик высотой 9 см имел округлый вытянутый корпус, сравнительно высокое горло, отогнутый наружу плоский край. Поверхность его закопчена. Диаметр дна и горла по 5 см.

Катакомба 2. Курган 9. (рис. 2.17–1) Насыпь округлая с уплощенной поверхностью. Высота 1 м, диаметр 11 м. Катакомба подкурганная, расположена в юго-восточном секторе насыпи. Умерший положен вытянуто на спине, головой на ЮЮВ. У черепа обнаружены два глиняных сосуда. Первый кувшин с высоким яйцевидным туловом, низкой шейкой и отогнутым наружу подтреугольным венчиком (рис. 2.18–1). На поклатом плечике прочерчен кругом в три ряда линейный орнамент. Диаметр дна 13 см, горла 9 см и венчика 10 см. Высота сосуда (30 см) намного больше наиболее широкой части тулова (23 см). Он изготовлен из плохо отмученной глины. Поверхность его сильно закопчена. Второй кувшин имел хорошо выраженное почти прямое горло и отогнутый наружу венчик (рис. 2.18–6). Шаровидное тулово (диаметр 19 см) немного меньше высоты сосуда (20 см). Диаметр горла (9,5 см) почти равен диаметру дна (9 см). Сосуд ручной лепки. Поверхность его сильно закопчена.

Второй участок, где обнаружены захоронения в катакомбах, находится, в центральной части могильника, напротив, городища Жуантобе, в 4 км на ЮЗ от описанной группы.

Катакомба 3. Курган 2. (рис. 2.17–2) Насыпь вытянутой с севера на юг (14,5x13 м) формы высотой 1,4 м. Катакомба расположена за ее пределами. Дромос начинался в 3 м от северо-восточной полы кургана и узкой с большим наклоном траншеей упирался в арочный вход, прорубленный у самого пола. Ширина его 0,4 м, высота 0,5 м. Продольные стороны дромоса отвесны и гладко оштукатурены. Размер: глубина в начале 1 м, в конце 3,1 м; ширина в начале 0,5 м, в конце 0,7 м, длина 6,2 м. Камера расположена поперек дромоса. Она округло-эллипсоидной формы со сводчатым потолком. Длина 2,2 м, ширина 1,45 м, высота 1,1 м. Пол ниже пола дромоса на 0,15 м. В камере отмечено парное погребение. Умершие лежат на спине плечом к плечу, ориентированы головами на СВ, справа от входа. Руки вытянуты вдоль тела у одного, слегка согнуты в локтях и кисти соединены на тазовых костях у другого. Нижние конечности скелетов повернуты друг к другу и скрещены.

Расположение скелетов свидетельствует об одновременности их захоронения. Около тазовых костей первого скелета найдены сильно коррозированные

обломки железной (по-видимому, шитковой) пряжки. Прямо перед входом стояли два глиняных сосуда (рис. 2.18–8, 9). Слева от входа лежал камень. У одной кружки было широкое плоское дно, слегка отогнутый простой край и петлеобразная ручка в верхней части тулова. Вертикальная ручка другой кружки прикреплена также к верхнему краю, но слегка поднимается над его уровнем. Кружки ручной работы. Поверхность их покрыта светлым ангобом.

Катакомба 4. Курган 3. (рис. 2.19) В камере катакомбы обнаружены скелеты четырех погребенных. В анатомическом порядке покоятся три. Они положены вытянуто на спине, головой на СВ, справа от входа. Руки вытянуты вдоль тела, ноги полусогнуты в коленях. Куча костей от четвертого скелета находилась у ног центрального и третьего. Расположение скелетов свидетельствуют о одновременности захоронений. Под левой височной костью первого скелета лежал бронзовый колокольчик. Он выпукло-конической формы с язычком-раковинкой, подвешенным шерстяной ниткой на горизонтальной перекладине. Здесь же выявлены различные мелкие бусы и обломки серьги и бронзовой проволоки.

Обе руки несколько ниже локтевого сустава обвиты украшениями. Эти своеобразные браслеты составлены из раковин каури и различных бус, нанизанных вперемежку. На малом тазу центрального скелета оказалась бесщитковая железная пряжка. Она с округлой рамкой и подвижным язычком. Отдельные части аналогичной пряжки и железного однолезвийного ножа собраны около тазовых костей третьего скелета.

В разных точках камеры находились четыре различной формы глиняных сосуда. Кружка и горшок стояли между ног первого и центрального погребенных. У кружки плоское дно, простой слегка суженный край. Петлеобразная ручка посажена на верхнюю часть тулова. Горшок с приземистым, почти шаровидным туловом. Диаметр венчика (15 см) равен диаметру дна. Высота сосуда 21 см. Он украшен по плечу прочерченным в два ряда волнистым орнаментом. Третий сосуд — горшок с двумя симметрично расположенными вертикальными петлеобразными ручками. Он стоял между ног центрального и третьего скелетов. Четвертый сосуд также горшок, найден около левой плечевой кости третьего скелета. У горшка относительно высокое тулово, почти прямое горло, чуть отогнутый наружу подтреугольный венчик. На нижней части горла имеется валик, образованный изгибом его стенки. Ручка прикреплена верхним концом к валику, нижним — к плечу.

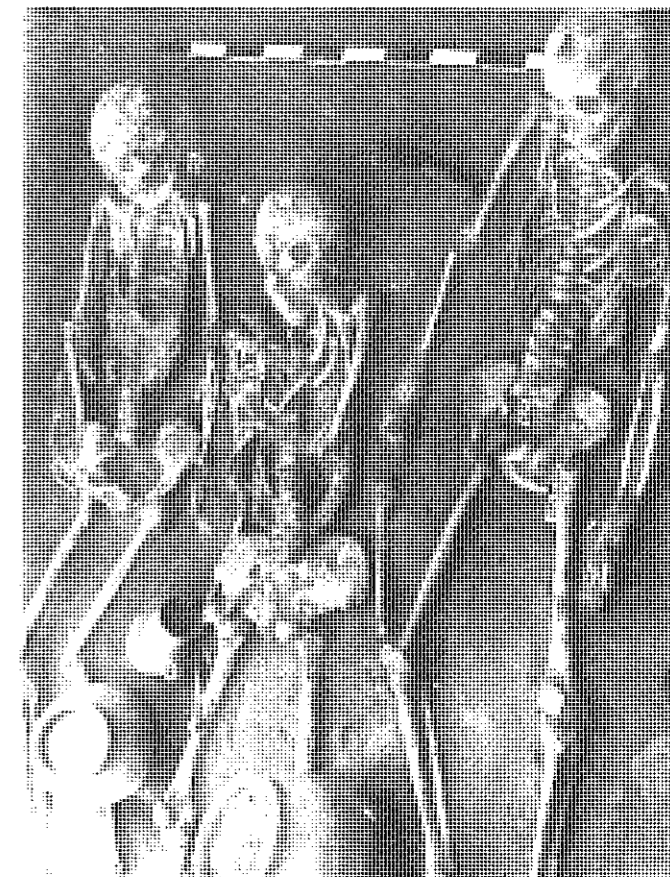

Рис. 2.19. Захоронения в камере, курган 3 (катакомба 4)

Вся посуда изготовлена на круге. Поверхность ее покрыта светлым ангобом.

Таким образом, Б. Нурмухамбетовым на верхней террасе могильника раскапывалось 7 курганов с земляными насыпями. И только в четырех случаях под насыпями были вскрыты катакомбные конструкции⁴⁵. Катакомбы располагались либо под курганом, либо за пределами насыпи. Все конструктивные элементы погребальных сооружений сохранились хорошо. Ходы-дромосы длиной от 2 до 7 м. Стенки их отвесные, иногда гладко оштукатурены. Дно с наклоном. Входы в катакомбы прорублены у пола в конце дромоса. Они примыкают посередине или ближе к одному из краев камеры. Погребальные камеры овально-округлые со сводчатым потоком. В них содержится одно или более захоронений. Умершие лежали на спине, головой на СВ, справа от входа. Расположение скелетов свидетельствует об одновременности и одновременности помещения

⁴⁵ Если сюда приплюсовать 6 «кенотафов», раскопанных в 1949 и 1951 гг., то оказывается, что из всех 13 исследованных курганов (семь раскопаны Б. Нурмухамбетовым) только под четырьмя были обнаружены погребальные сооружения в виде катакомб.

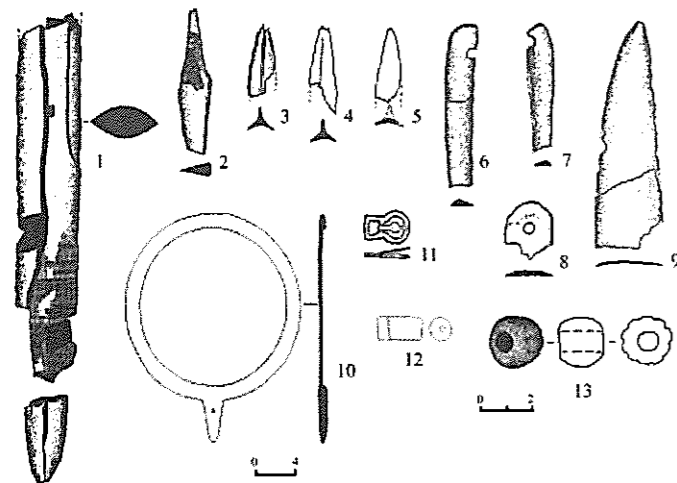

Рис. 2.20. Находки из курганов: курган 1 (катакомба 5): 1- железный меч, 2 - железный нож, 3-5 - железные наконечники стрел, 6-9 - костяные накладки на лук, 11 - бронзовая пряжка; курган 2 (катакомба 9): 10 - бронзовое зеркало (13); 12 - пастовая бусина; курган 2 (катакомба 6): 13 - бусина из египетского фаянса.

трупов в камеры. После похорон дромос забивали материковым грунтом, а вход — глиняными комьями. Сами камеры оставались полами.

Сравнительный анализ погребальных конструкций, найденного инвентаря с территориально ближайшими памятниками (некрополи Шаушукум, Актобе, Жамантогай) позволил автору датировать Борижарские катакомбы от рубежа эр до III-V вв.⁴⁶

В 2002 году археологической экспедицией Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея было продолжено исследование катакомб Борижарского могильника. В этом сезоне на среднем участке могильника, в 800 м юго-восточнее городища Жуантобе, было вскрыто 2 кургана.⁴⁷

Катакомба 5. Курган 1. До раскопок курган представлял собой холм высотой около 2,0 м, диаметром 25,0x30,0 м (рис.2.17—3). Катакомба подкурганная, находится в центре насыпи. Дромос начинается в 10,1 м от южной полы кургана, ориентирован на север. Длина дромоса 3,0 м, ширина 1,0 м, высота 0,9 м. Стены отвесны и гладко оштукатурены, пол ровный, горизонтальный. Камера расположена

⁴⁶ Нурмуханбетов Б. Катакомбы Борижарского могильника. 1975. С. 112-113.

⁴⁷ Байпанов К. М., Воякин Д. А., Ержигитова А. А., Савельева Т. В., Шарденнова З.Ж., Ахатов Г.А., Шербаев Р.К. Работы Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции // Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения—15». Алматы. 2004. С. 169-193.

перпендикулярно дромосу. Вход был заложен сырцовыми кирпичами. Сохранились лишь три целых кирпича нижнего ряда, положенных горизонтально. Размеры кирпичей 45x27x10 см, на одном из кирпичей лежала бронзовая пряжка с округлой рамкой и подвижным язычком (рис. 2.20—11). Кирпичи были покрыты камышовым тленом.

Камера находилась на глубине 4,1 м от уровня современной дневной поверхности. Длина камеры 2,80 м, ширина 1,6 м, высота не определена, т. к. свод камеры был обрушен. Пол камеры находился ниже пола дромоса на 10 см.

Курган был разграблен. При расчистке дромоса найдены обломки железных наконечников стрел (3 экз.) черешковых, трехлопастных (рис.2.20—3-5), обломки железного обоюдоострого меча (рис.2.20—1). Сохранившаяся длина клинка—21,0 см, острия—5,0 см. Клинок двухлезвийный, в сечении в виде двояковыпуклой линзы, шириной—4,0 см. Следы истлевшего дерева и ткани свидетельствуют о том, что меч был в деревянных ножнах, и завернут в ткань. Кости погребенных были раскиданы по всей камере на разных уровнях. При расчистке камеры были найдены обломки концевых, и срединной костяных накладок сложного лука (рис. 2.20—6-9). Аналогичные накладки на лук были найдены на ряде памятников Хорезма: Кой-Крылган-кале в слоях первых веков н.э.⁴⁸, Топрак-кале, во дворце, относящемся к III в. н.э.⁴⁹, на городище Куня-Уаз, в слоях III—нач.IV в. н.э. и других. Все приведенные аналоги относятся примерно к одному времени, скорее всего в пределах II-III вв., не позднее IV в. н.э.

Вдоль юго-восточной стены расчищен ряд горизонтально положенных в виде узкой лежанки, сырцовых кирпичей размером 30x45x8 см, на которых были расположены кости человеческого скелета. Здесь же находились обломки разбитого керамического сосуда, фрагменты которого были найдены и у входа в камеру (рис. 2.18—3). Высота сосуда—31см, диаметр венчика—12,4 см, донца—13 см.

В северо-западном углу камеры была расчищена небольшая ниша, которая находилась на 0,7 м, выше уровня пола основной камеры. Ее размеры: высота 0,9 м, ширина 1,0 м, длина 1,1 м. В камере находился костяк взрослого человека. Он лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-запад. Руки согнуты в локтях, кисти рук находились

⁴⁸ Кой-Крылган-кала. Памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э.—IV в.н.э.—ТХЭ, т. V, 1967. С. 137.

⁴⁹ Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945-1949 гг.). М.,1953. С. 375.

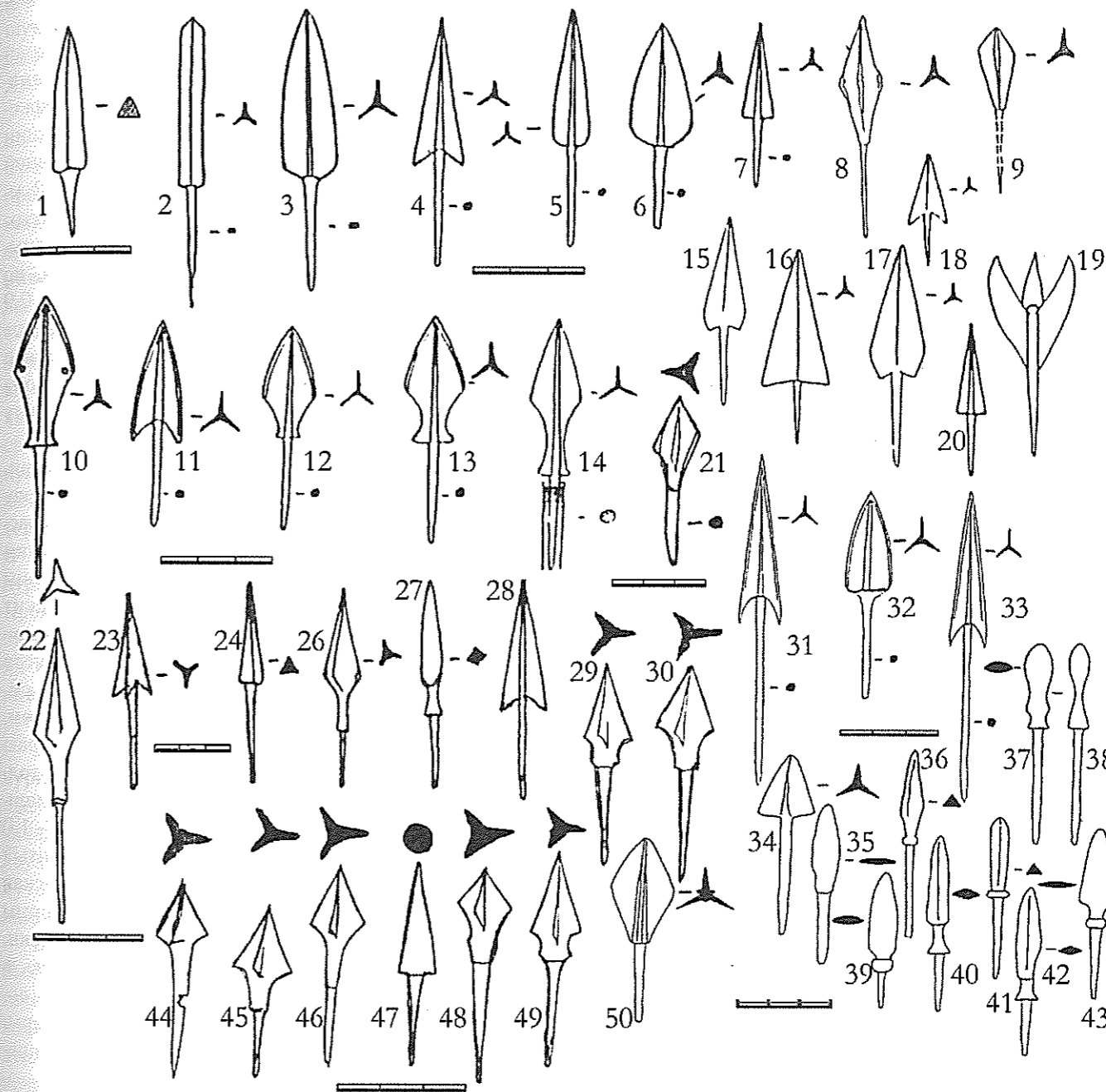

Рис. 2.21. Железные наконечники стрел из катакомб «Арысь-Бадамского оазиса» (по А.Н.Подушкину). №1 - могильник Алтынтобе, катакомба 14; №2-7 - м-к Ордабасы, к. 4; №8,9 - м-к Тулебайтобе, к.1; №10-14 - м-к у с.Панфилова, к.1; №15-20 - м-к Культобе, к.3; №21 - м-к Тулебайтобе 2, к.18; №22 - м-к Тулебайтобе 1, к.6; №23-28 - м-к Тулебайтобе 2, к.6; №31-33 - м-к Алтынтобе, к.6; №34-43, 50 - м-к Султанрабат, к.2; №29, 30, 44-49 - м-к Тулебайтобе 2, к.15.

перед лицом, ноги согнуты в коленях, перекрещены. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Катакомба 6. Курган 2. Курган находится в 35м на северо-запад от кургана 1. До раскопок представлял собой холм высотой около 1,0 м, диаметром 13,4x12,6. Погребальная камера находилась

в центре кургана на глубине 3,1 м. Камера овальной формы представляла собой полусферическое сооружение, длиной 2,2 м, шириной 1,8 м, высота не определена, так как свод камеры был обрушен. Погребение было ограблено, кости перевернуты. Только два человеческих черепа лежали нетронуты-

ми, они лежали у стены и были ориентированы на юг. Под одним черепом на глине сохранились следы красной краски, возможно от головного убора. У затылка другого черепа была найдена керамическая кружка (рис. 2.18—10), высотой—8,4 см, диаметром венчика—13,8 см, диаметром дна—8,9 см, наполненная 58 астрагалами. Астрагалы изготовлены из таранной кости мелкого рогатого скота. Один экземпляр целиком окрашен в краснокоричневый цвет, еще на одном экземпляре местами сохранились следы красной краски. На 5 экземплярах имеются небольшие отверстия. Рядом с кружкой лежал маленький однолезвийный ножик плохой сохранности. Среди костей была найдена многодольчатая бусина из египетского фаянса (рис. 2.20—13). В 2003 году работы были продолжены ЮККАЭ совместно с экспедицией Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея.

Катакомба 7. Курган 4. Курган расположен на верхней террасе могильника, высотой 2,0 м, диаметром 30,0x32,5 м. При снятии насыпи в центре на глубине 3,25 м обнаружены 3 черепа, ориентированных на юго-запад, разрозненные кости скелетов без анатомического порядка. Камера ориентирована на северо-восток. Камера округлая, 2,40x2,65 м. Дромос, шириной 1,20 м, подходит к камере с юго-западной стороны кургана. Пол дромоса выше пола камеры на 0,12 м. В северо-западной стене камеры прослежен подбой шириной 0,85 м, глубиной 0,60 м (выше пола камеры на 0,20 м). В подбое на глубине 3,10 м находился человеческий скелет в анатомическом порядке, ориентированный на юго-восток. Из сопроводительного инвентаря ничего не сохранилось.

Катакомба 8. Курган 5. Курган расположен в 400 м южнее кургана 4, высотой 1,20 м, диаметром 13,8x13,2 м. В центре кургана на глубине 3,06 м расчищены раскиданные кости человеческого скелета. Длина камеры 3,10 м, ширина—2,10 м, длинными стенами ориентирован с С-З на Ю-В, дромос к камере подходит с Ю-З стороны кургана. Пол камеры находился на глубине 3,46 м от центра кургана. На разных уровнях камеры были найдены разрозненные кости скелетов, среди которых расчищены фрагменты концевых накладок сложносоставного лука. В южной части камеры в завале кирпичей был обнаружен керамический кувшин (рис. 2.18—2). Кости скелета были раскиданы по всей площади, поэтому ориентацию проследить не удалось.

В 2004 году были продолжены исследования катакомб на участке, находящемся примерно в 1300 м к югу от городища Жуантобе. Исследовалось три кургана. Раскопки двух курганов (№1 и 3) оказались

неудачными. Опустившись на глубину 4,0 м, следов погребального сооружения обнаружено не было.

Катакомба 9. Курган 2. Курган до расчистки представлял собой холм высотой около 1,5 м и диаметром 25x25 м. (фото 2.17) Погребальное сооружение ориентировано с юга на север, полы конструкции расчищены на глубине 3,8 м от современной дневной поверхности. Прямоугольный дромос длиной 2,2 м, шириной 1,0 м начинается в центре холма. Стены дромоса прослеживаются на глубину 2,3 м, отвесны, гладко отштукатурены. Ширина в начале 1,0 м, но постепенно сужаясь к входу в камеру, достигает 0,9 м. Пол камеры на 0,15 м ниже пола дромоса. Камера округлой формы. Стены камеры прослеживаются с высоты 2,5 м. По мере приближения к уровню пола камера несколько уменьшается, и достигает в длину 1,25 м и ширину 0,9 м.

При расчистке дромоса у входа в камеру расчищены сложенные в кучу кости человеческого скелета. В южном углу дромоса на полу найдены красноангобириванная фляга с одним широким плоским боком (рис. 2.18—7). В центре выпуклой боковины орнамент в виде прочерченных концентрических линий. Поверхность покрыта ангобом красно-коричневого цвета. Ее размеры: высота—27 см, диаметр венчика—6,0 см, диаметр плоского бока—10,6 см. Бронзовое дисковидное с боковой ручкой-штырем, с плоским зеркальным диском и бортиком по краю диска (рис. 2.20—10). Диаметр диска—18 см, толщина—0,4 см; ширина ободка—1,4 см, его толщина—0,8 см; длина ручки—5,6 см, толщина—1,0 см. Кроме этих находок найдены также разбитый сосуд из черного теста (рис. 2.18-5), керамическая курильница (рис. 2.18—11) прямоугольной формы размером 11x9,4 см, высотой 3,4 см, а также доски, лежащие горизонтально вдоль стен. К сожалению, в связи с обильными осадками дерево не удалось сохранить. Удалось лишь зафиксировать их размеры: длина 0,4 м, ширина 0,15 м. Здесь же были расчищены ребра барана.

При расчистке камеры были обнаружены раскиданные кости человеческого скелета и пастовая бусина с сохранившейся золотой фольгой на одном конце (рис.2.20—12). При расчистке камеры и дромоса подался камышовый тлен.

Отметим, что обычай устанавливать курильницы в погребениях характерен для курганов первых веков

⁵⁰ Обельченко О.В. Могильник Акджартепе//ИМКУ. Вып. 3. Ташкент. Изд-во АН УзССР, 1962. С. 67.

⁵¹ Максимова А. Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары ...с. 229, табл. XXIV, 6.

н.э.⁵⁰ Подпрямоугольные курильницы известны в Шаушукумском могильнике (курган 83)⁵¹, могильнике Акджар-тепе, около городища Каунчи, у г. Янги-Юль, в Джоон-тобе III—V вв. н.э.⁵²

По классификации Б.А. Литвинского наше зеркало относится ко 2 типу зеркал с боковой ручкой. Среднеазиатские зеркала этого типа датируются в пределах с IV—III вв. до н.э. вплоть до I в. н.э.⁵³ Однако в Шаушукумском могильнике они найдены с материалами III—V вв. н. э. Аналогии погребальному инвентарю дают основание отнести захоронения в вышеописанной катакомбе к периоду I—IV вв. н.э.

Подкурганые погребения в катакомбах обнаружены во всех среднеазиатских республиках. Немало их и на юге Казахстана. Географически ближайшими являются катакомбные могильники средней Арыси и средней Сырдарьи (Жамантогай, Актобе и Шаушукумский). Важно и то, что рядом с каждым исследованы одновременные с ними оседлые поселения, материалы из которых также могут быть использованы. В могильнике Жамантогай из девяти раскопанных курганов катакомбными оказались три (№5, 9, 12). Дромосы катакомб имели поперечные и продольные ступеньки. Захоронения одиночные. Умершие лежали на спине, головой на В или СВ. В погребальном инвентаре оружия не было. Катакомбы датированы рубежом нашей эры⁵⁴.

В Актобинском могильнике изучены восемь подкурганых катакомб. Дромосы в плане прямоугольные. Катакомбы примыкают к северной или северо-западной стенкам дромоса. В них обнаружены от двух до четырех захоронений. Костяки лежали вытянуто на спине, головой на СВ. Парные и коллективные погребения не всегда одновременные.

В погребальном инвентаре оружия нет. Много сходных черт выявлено в керамическом материале. Эти курганы датированы I—III вв. н.э.⁵⁵ Вблизи могильника находится однослойное поселение Актобе. Исследователи этих памятников (поселения и могильников) отмечают тождество их керамических форм. Аналогии посуде боржарских катакомб есть и здесь. Таковы горшки без

⁵² Обельченко О.В. Могильник Акджартепе. С. 68, рис.7.; Тереножкин А.И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале//Известия УзФАН СССР, 1940, вып. 9, С. 152—169, таблица (Чач, XX, 6).

⁵³ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). М. 1978. С. 80—81.

⁵⁴ Максимова А. Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары ...с.181.

⁵⁵ Максимова А. Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары ...с.200.

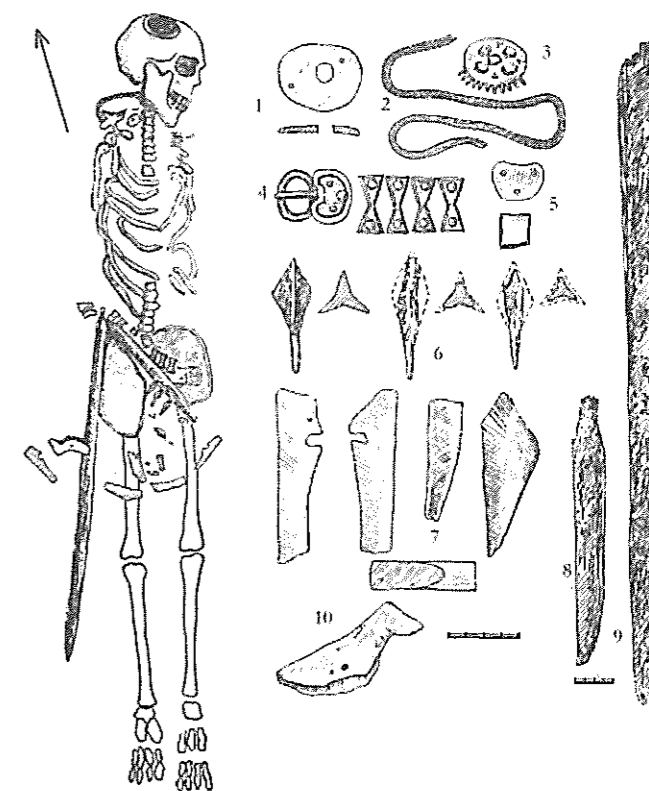

Рис. 2.22. Комплекс погребения в развалинах Кзыл-Кайнар-тобе (по М.С.Мерциеву, 1970)

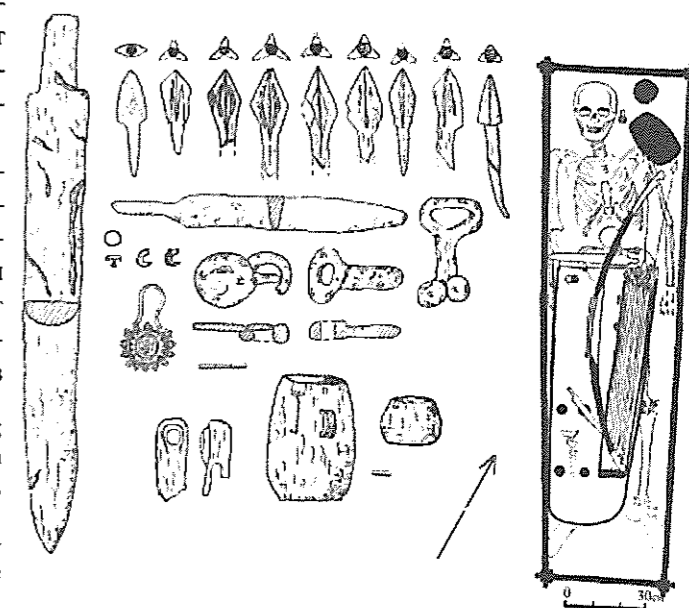

Рис. 2.23. Комплекс погребений в развалинах Актобе 2 (по Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1968)

ручек первой группы и горшки типа кринок второй. Последние составляют там более половины горшков.

Немало сходных черт с борижарскими катакомбами имеют катакомбы Шаушукумского могильника. Здесь раскопано 36 катакомбных курганов и зафиксированы два типа катакомб. Первый — камера расположена перпендикулярно дромосу и второй — камера является продолжением входной ямы. Дромосы также двух типов: прямоугольная яма с продольно-поперечными ступеньками и длинная узкая яма с прямыми стенками. Ориентировка их различная. Камеры овальной формы. В них обнаружены одиночные захоронения. Скелеты лежали вытянуто на спине, головой на В, ЮВ, СВ и СЗ. Однотипны глиняные сосуды из курганов 52, 54, 60, 69, 72. В некоторых из них (курганы 62, 60, 72) встречено и оружие. Могильник датируется III–V вв. н.э.⁵⁶

Надо отметить и сходство погребального инвентаря с материалами ранних поселений, расположенных в долине р. Арысь. Это указывает на более глубокие корни связей погребального памятника с памятниками оседлой культуры.

В «Арысь-Бадамском оазисе» на девяти могильниках раскопано 46 катакомбных погребальных сооружений⁵⁷. Среди них оказались катакомбы с богатыми комплексами находок, которые каждый в отдельности может

быть достаточно узко датирован в пределах одного-полутора веков, а в целом хронология катакомб укладывается, по нашему мнению, в период II в до н.э. — V–VI вв н.э.⁵⁸ Это подтверждается сравнительным анализом комплексов наконечников стрел, по которым имеются хронологические разработки (рис. 2.21)⁵⁹.

В связи с исследованием комплекса вопросов, связанных с катакомбными погребениями в северо-восточных регионах Средней Азии (хронология, пространство и пр.), большой интерес представляют два «случайно» обнаруженных погребения, значение которых зачастую недооценивается — в развалинах поселений Кызыл-Кайнар-тобе в степной части бассейна р. Талас (рис. 2.22) и Актобе 2 на Сырдарье (рис. 2.23)⁶⁰. Погребения были совершены в развалинах архитектурных строений, но как отмечали исследователи, у хоронивших было явное стремление придать месту погребения вид катакомбы⁶¹. Помимо синхронности эти погребения объединяет их милитаризованность, погребальный обряд, инвентарь, и стратиграфический контекст (в развалинах недавно заброшенных зданий). Возможно, эти погребения маркируют не только важный хронологический рубеж в истории культуры региона, но отрезок маршрута очередной волны племенных миграций.

⁵⁸ Поскольку интерпретация катакомбных комплексов Арыси как важнейшего признака сомнительной во всех отношениях «Арысской археологической культуры» уже подвергалась критике (Смагулов Е.А. Арысская археологическая культура: миф и реальность // Известия НАН РК, сер. обществ. наук, 1, 2004. С. 284–300), а ответ автора ААК не содержит каких-либо позитивных моментов, усиливающих его позицию, мы намеренно пока не будем касаться здесь историко-культурной интерпретации аналогичных погребальных комплексов, связанных с ними традиций, этнокультурных идентификаций и других моментов сложной проблемы этнокультурных трансформаций в данную эпоху.

⁵⁹ Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА, 2, 1965; Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г. Железные наконечники стрел из Ферганы // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984; Горбунова Н. Г. О вооружении среднеазиатских скотоводов // РА, 4, 2000. С. 40–50.

⁶⁰ Максимова А. Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата. 1968. С. 71–79; Мерциев М.С. Поселение Кызыл-Кайнар-тобе I–IV вв. и захоронение на нем воина IV–V века // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 79–92.

⁶¹ Мерциев М.С. отметил, что «...ко времени погребения в помещении были полузасыпанные части в виде зияющих пустот, над некоторыми из них все еще сохранился свод. В одной из таких пустот, внешне похожей на катакомбу, и было произведено захоронение» (Мерциев М.С. Поселение Кызыл-Кайнар-тобе ..., с. 87).

⁵⁶ Максимова А. Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары ..., с. 240.

⁵⁷ Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата, 1989. С. 90–109; Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана. IV в. до н.э. — VI в. н.э. Туркестан: Издательский центр МКТУ им. Х.А. Яссави, 2000, 202 с.

Глава III. Наземные склепы

Распространенным видом погребальных сооружений на некрополях раннесредневековых городов и поселений Южного Казахстана являются наземные склепы. Впервые этот вид сооружений был зафиксирован еще Остроумовым Н.П., бывшим представителем Российской археологической комиссии в Туркестанском крае. В 1893 г. он раскопал на Борижарском могильнике несколько погребальных сооружений оказавшихся, судя по описанию, наземными сырцовыми постройками с прямоугольной внутренней погребальной камерой¹. Материалы последующих раскопок на могильнике в начале 50-х (ЮКАЭ) и в конце 60-х — начале 70-х гг. (САЭ) были описаны, интерпретированы и классифицированы как относящиеся к нескольким основным «типам» погребальных сооружений:

- а) подкурганые погребения на площадках на уровне древней дневной поверхности;
- б) подкурганые грунтовые могильные ямы;
- в) подкурганые катакомбы;
- г) погребения в хумах;
- д) наземные погребальные постройки из сырца и пахсы².

Критическое переосмысление материалов, полученных ранее при раскопках самого изученного на сегодняшний день Борижарского могильника, и методики, применявшейся при раскопках, привело нас к выводу, что группы а) и д), а также сооружения, описываемые как «погребения в глиняных оградках» по сути, являются остатками одного вида погребальных сооружений — наземных склепов³.

¹ Остроумов Н.П. Археологическая поездка в с. Мамаевку Чимкентского уезда // Протоколы ТКЛА, год IV, 1899. С. 125.

² Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // Труды ИИАЭ КазССР. Т. 1. 1956. С. 54; Нурмуханбетов Б.Н. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 108–120; его же: Катакомбы Борижарского могильника // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С. 106–115.

³ Смагулов Е.А. К реконструкции погребального обряда Южного Казахстана раннесредневековой эпохи // Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения—15», Алматы, 2004. С. 40–55.

Данный вид погребальных сооружений в регионе Южного Казахстана изучался на некрополе раннего городища Шага в Туркестанском районе⁴, а также на некрополе городища Сидак рядом с г. Туркестаном⁵. Но в данное время благодаря периодическим исследованиям на Борижарском могильнике этот памятник является наиболее изученным во всем среднесырдарьинском регионе. За все время работ здесь вскрыто около восьмидесяти наземных склепов разной степени сохранности. Тем не менее, в исследовании этого вида погребальных сооружений до сих пор остается целый ряд проблемных вопросов. Если верхняя граница их существования не вызывает особых сомнений (практика сооружения склепов, как нам представляется, исчезает по мере внедрения ислама в среду оседлого и городского населения региона в VIII–IX вв.), то, например, вопросы о времени их появления (нижний рубеж) и происхождения все еще остаются открытыми⁶.

В 90-х годах XX в. систематические исследования на Борижарском могильнике были возобновлены Южно-Казахстанским областным историко-краеведческим музеем (г. Шымкент) совместно с Институтом

⁴ Максимова А.Г. Гробницы типа науса у с. Чага (Шага) // В глубь веков. — Алма-Ата, 1974. С. 95–118.

⁵ Ержигитова А.А., Смагулов Е.А. Погребальные сооружения некрополя городища Сидак // Известия МОН, НАН РК, сер. обществен. наук, 1, 2004.

⁶ Убедительная датировка нижнего хронологического рубежа, или времени появления, склепов по находимому обычно внутри погребальных камер инвентарю представляется нам весьма проблематичной, поскольку, как мы постараемся показать, склепы служили своим целям весьма продолжительное время. При этом в них не откладывались комплексы вещей более раннего времени, содержимое их «обновлялось» с каждым новым захороненным. Забрасываемые же обветшавшие склепы в спокойных «мирных условиях» не содержали комплексов вещей, поскольку они вместе с костными останками или закапывались где-то, или как-то иначе выводились из оборота. Массовый отход от использования склепов в погребальных целях под давлением ислама и в далеком мирных условиях в Присырдарьинских оазисах надо предполагать со второй четверти VIII в. Поэтому все сколько-нибудь богатые комплексы находок из склепов содержат вещи, широко бытовавшие в VII–VIII вв.

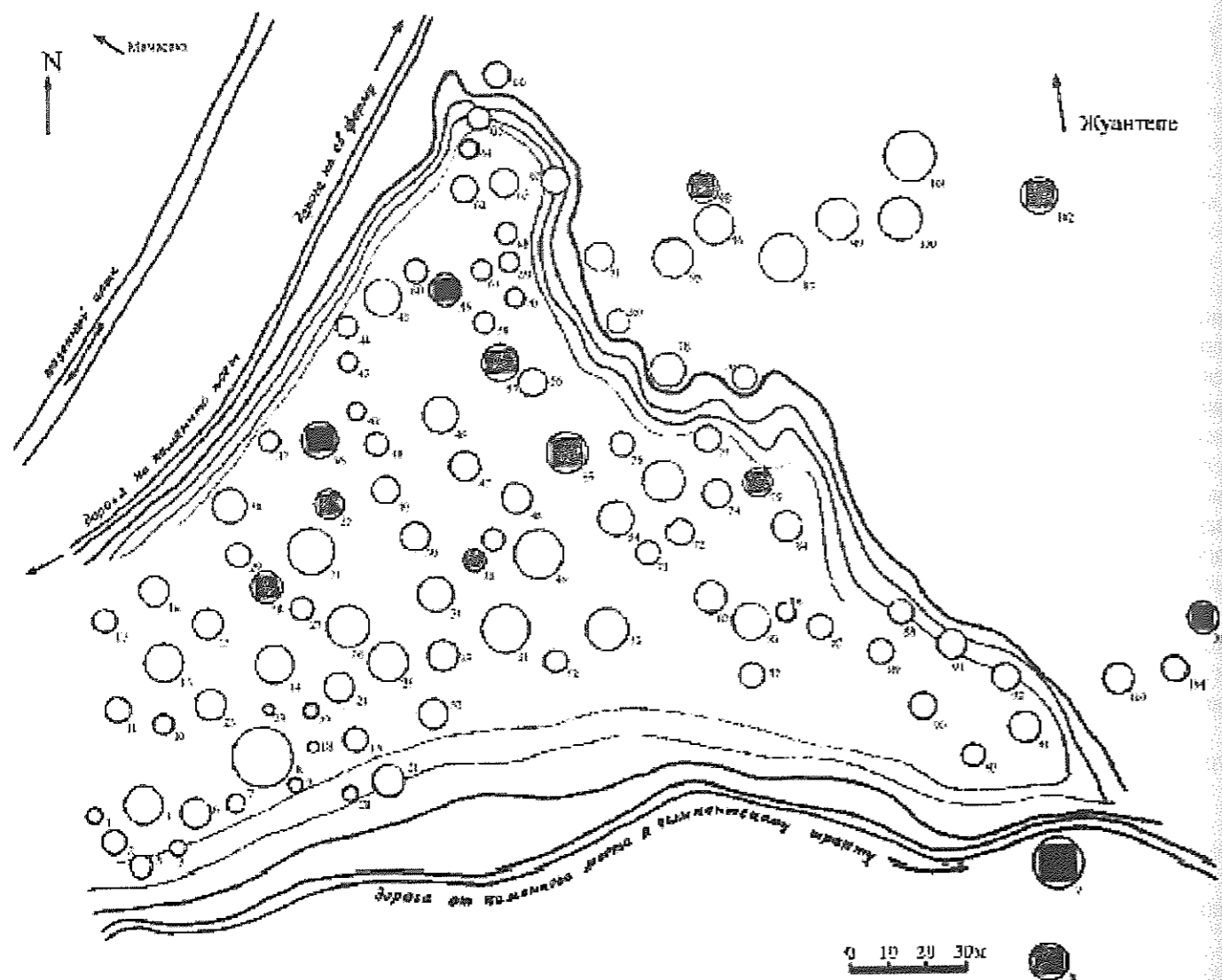

Рис. 3.1. План участка могильника, исследованного в 1951 г.

археологии им. Маргулана А.Х.⁷ В 2004 г. Борижарский могильник включен как один из объектов исследования в Государственную программу «Культурное наследие», что позволяет провести здесь исследования на систематической основе с применением более совершенных методических подходов. К сожалению, раскопки в прошлые годы производились несколькими археологами и материалы, отложившиеся в «отчетах»

⁷ Результаты раскопок частично опубликованы: Ержигитова А.А. Раскопки Борижарского могильника // Маргулановские чтения. Труды научно-практической конференции. — Шымкент—Алматы, 2002. С. 122—125; Байпаков К.М., Грищенко А.Н., Кожа М., Нурпейсов М.М. Работы Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции в долинах рек Сырдарья и Арысы // Известия МОиН РК, НАН РК, сер. общественных наук, 1, 2000. С. 224—229.

разных годов имеют разную степень документации, а отчеты по некоторым годам выявить в архиве вообще не удалось. Поэтому в данное издание включены материалы не по всем исследованным склепам.

3.1. СКЛЕПЫ НЕКРОПОЛЯ ЖУАНТОБЕ

Борижарский могильник наиболее масштабный некрополь Южного Казахстана. Земляные курганы могильника протянулись по левому берегу р. Арысь на 8 км от пос. Ермоловка (ныне Берген ауылы) до устья р. Бадам, которая впадает в р. Арысь напротив пос. Обручевка (теперь ауыл Караспан). Ширина могильного поля местами достигает 1 км, захватывая верхнюю речную террасу. Берег реки в этом месте изрезан

разветвленными древними оврагами. Сотни бессистемно расположенных курганов занимают склоны и поверхность межсаевых возвышенностей (фото 3.1).

Но при этом отмечается, что все это огромное могильное поле «состоит из разновременных комплексов курганов, отдельных могильников, которые со временем слились в один огромный массив»⁸. Раскопками прошлых лет здесь вскрывались только подкурганные катакомбные погребения и, как мы полагаем теперь⁹, наземные склепы. Причем эти два основных вида погребальных сооружений достаточно четко локализируются. Катакомбы размещаются исключительно на поверхности верхней террасы и в самой верхней части её склона. Склепы расположены ниже по склону. Причем площадь склона террасы, занятая холмами, образовавшимися на месте склепов, обращена в сторону городища Жуантобе, расположенного на нижней террасе. Этот участок склона четко ограничен и простирается вверх и вниз от городища (по течению реки) не более чем на 500—600 м, т. е. протяженность этой части некрополя около одного километра. Эта часть могильника Борижары, как можно предположить, собственно и является некрополем города, бывшего на месте Жуантобе («некрополь Жуантобе»). Погребения в катакомбах расположенного выше и более протяженного курганного могильника («Борижарский могильник») датируются более ранним временем (первые вв. до н.э. и н.э.) и естественно относятся к иной историко-культурной эпохе.

В этой связи интересен опыт исследований на Борижарском могильнике ЮКАЭ в конце 40-х — нач. 50-х годов прошлого века. В 1949 г. сотрудниками экспедиции были раскопаны 2 кургана на верхней террасе. Под ними не было обнаружено следов погребений, и они были определены как «кенотафы». Через три года, в 1951 г., экспедиция вновь возвращается к исследованию курганов этого могильника, но теперь исследуются курганы как на вершине террасы, так и на склоне, обращенном к городищу Жуантобе. Т. е. как мы теперь бы сказали, исследовались курганы «Борижарского могильника» и «некрополя Жуантобе». И вновь на могильнике Борижары под насыпями погребений не обнаружено (здесь всего исследовано 6 курганов), а вот на некрополе Борижары сразу же стали встречаться погребения (обломки керамики и прочие находки, кости скелетов). Всего в 1951 г. было расчищено 9 «курганов» (№28, 35, 36, 38, 55, 57, 59, 75,

⁸ Байпаков К.М. Могильник Борижары // Свод памятников истории и культуры. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994. С. 109.

⁹ Смагулов Е.А. К реконструкции погребального обряда Южного Казахстана. с. 45.

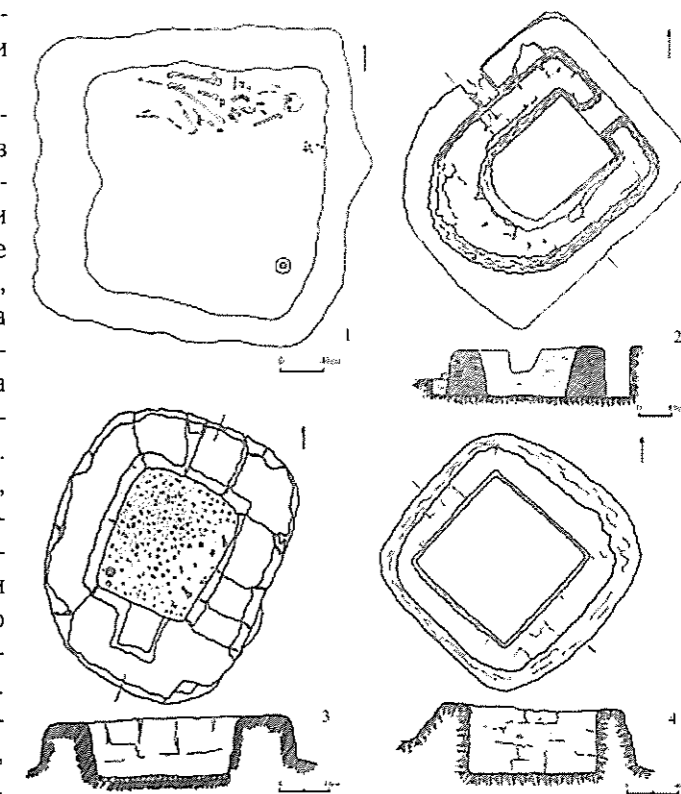

Рис. 3.2. Планы и разрезы склепов, раскопанных в 1951 году: 1 — склепа 5 (57); 2 — склепа 7 (55); 3 — склепа 8 (38); 4 — склепа 9 (98)

98). Погребальные сооружения и погребальный обряд были по итогам раскопок интерпретированы следующим образом: «Нижняя группа, к которой относятся курганы № 36, 35, 55, 28, 57, 38, 59, 75, 98, имеют следующую конструкцию могильной насыпи: на дневной поверхности делалась невысокая четырехугольная, прямоугольная или со слегка закругленным краем оградка из набивного дувала, по своей форме напоминающая современные казахские надмогильные сооружения — тамы. Внутри оградки пол застилался тонким слоем мелкой речной гальки, которую брали тут же в Арыси (в одном случае пол был застлан боем керамики, что дает возможность сделать предположение о том, что захоронение было произведено зимой, когда Арысь была замерзшей). Ближе к одной из стенок оградки располагался костяк. Оградка эта затем засыпалась землей, и над ней возводился курган»¹⁰.

¹⁰ Бернштам А.Н. Отрарский оазис в раннем средневековье (Отчет о работах Южно-Казахстанской экспедиции за 1949 г.). Отдел археологии ИИАЭ. Архив, инв. 17, дело 165, св.12; Агеева Г.И., Пацевич Е.И. Работа Южно-Казахстанской археологической экспедиции в 1951 году. Архив отдела археологии ИИАЭ, инв. №79, фонд №11, дело 221, св. 15.

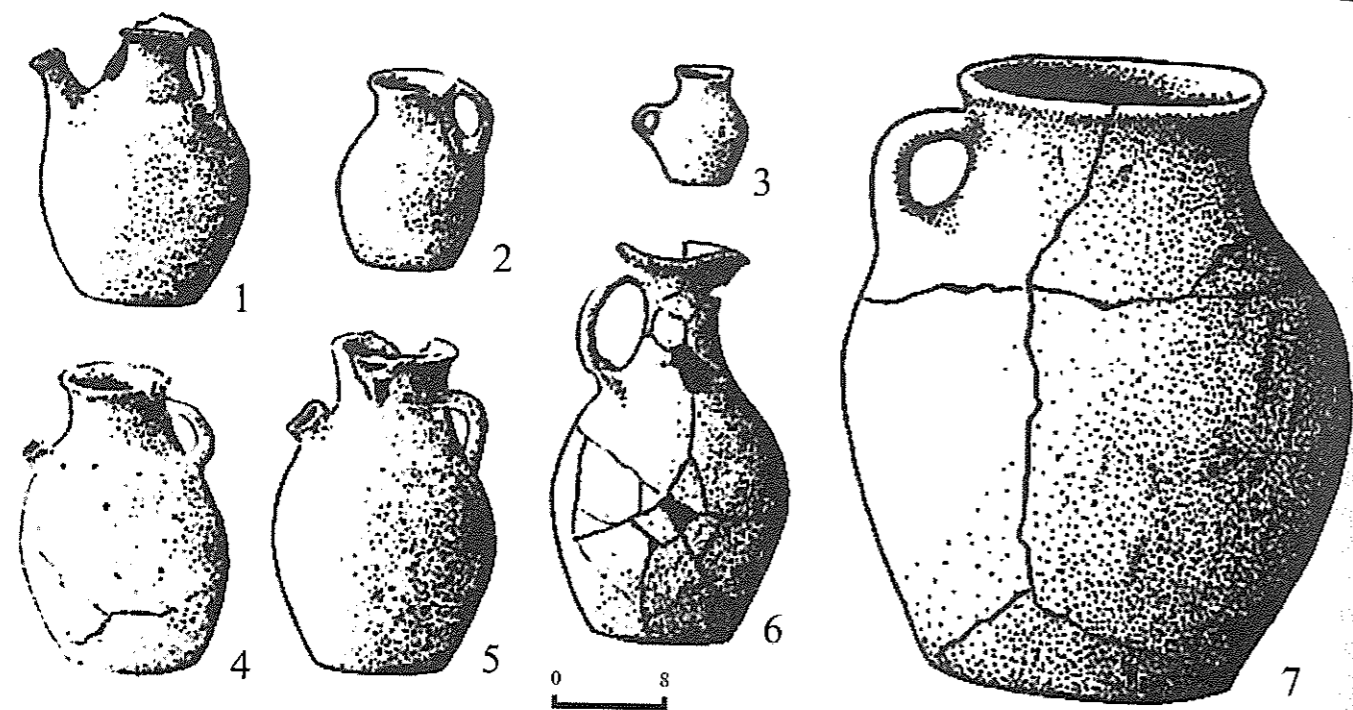

Рис. 3.3. Керамические сосуды из склепов: 1 — скл.5; 4 — скл.6; 5,7 — скл.2; 6 — скл.9.

Последующими работами ЮККАЭ, как выше было отмечено, эта интерпретация была развита (появились погребения вообще на открытых площадках), и при этом не делалось различия между двумя зонами Борижарского могильника: зоной собственно курганного Борижарского могильника и зоной некрополя Жуантобе, состоящего, в основном, из наземных склепов. Нам же, обобщая итоги предшествующих исследований, представляется теперь принципиальным рассматривать эти две зоны могильника отдельно.

Хотя Борижарский могильник раскапывается с перерывами уже более века, остаются неясными многие важные источниковедческие и историко-культурные вопросы, связанные с его изучением. Прежде всего, это вопрос его хронологических рамок, структуры, типологии погребальных сооружений и т. д. Обусловлено это тем, что масштабы изученной части могильника по отношению к его грандиозным общим размерам все еще остаются незначительными. То есть по-прежнему актуальна задача накопления новых данных и материалов. Назрела необходимость обобщения уже накопленного материала, а при новых раскопках применять более адаптированные методики как раскопок, так и фиксации материала. Современный этап исследования Борижарского могильника начат в 1996 году Южно-Казахстанской Комплексной Археологической Экспедицией (рук.

Байпаков К.М.) совместно с Южно-Казахстанским областным историко-краеведческим музеем¹¹.

Поскольку материалы раскопок прошлых лет публиковались в разных изданиях и отложились в различных «Отчетах», то мы для того, чтобы иметь общую картину степени исследованности некрополя, включили в данное издание сводку всех имеющихся описаний. Для удобства пользования в дальнейшем этим материалом мы присвоили каждому «кургану» (склепу) порядковый номер сквозной нумерации в хронологическом порядке, сохранив в скобках и номера первоисточников. Приводя здесь тексты описаний результатов раскопок, мы старались сохранить даже стилистику изложения, иногда лишь сокращая излишне детализированные описания.

В 1951 году Южно-Казахстанской археологической экспедицией исследован участок, расположенный в 1 км к юго-западу от городища Жуантобе, в этот полевой сезон здесь было раскопано 9 склепов (рис.3.1)¹².

Склеп 1 (курган 28) расположен на склоне, земляная насыпь овальной формы, размером с севера на

¹¹ Байпаков К.М., Грищенко А.Н., Кожанов М., Нурпеисов М.М. Работы Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции в долинах рек Сырдарья и Арыс. С. 224–229.

¹² Агеева Г.И., Пацевич Е.И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года. 1956. С. 53–57.

юг 8 м и с запада на восток 6,8 м, средняя высота 0,72 м. Раскоп был заложен в середине насыпи в виде квадрата размером 3х3 м, ориентированного сторонами по сторонам света. Верхний дерновый слой довольно плотный из лёссовой светло-каштановой глины на глубине 0,30–0,35 см сменился более мягким лёссово-песчаным грунтом, в котором местами встречались довольно плотные комки глины. На глубине 0,70 м был обнаружен нечетко оконтуренный с восточной стороны слой мелкой речной гальки толщиной в 3–5 см, ниже которого шел средней плотности лёссово-песчаный, совершенно стерильный грунт. Ввиду того, что обнаруженный гравийный слой уходил под западную стенку раскопа — раскоп был расширен в эту сторону на 1,5 м, где у западной стенки раскопа слой гальки заканчивался в виде полукруга, причем никаких ограничивающих этот слой стенок обнаружено не было. Раскоп этого кургана был закончен на глубине 1,9 м от вершины насыпи или 1,18 м от горизонта. Никаких следов могильной ямы, остатков скелета или каких-либо предметов материальной культуры раскопом обнаружено не было.

Склеп 2 (курган 36) расположен на самом нижнем краю группы. Насыпь кургана несколько овальной формы, размером с севера на юг — 8,5 м, средняя высота 0,65 м. Верхний дерновый довольно плотный слой с глубины 0,25 — 0,30 м сменился более мягким лёссово-песчаным грунтом. На глубине 0,65 м от вершины насыпи у восточной стены раскопа был обнаружен верхний край довольно крупного раздавленно-глиняного сосуда (рис. 3.3; 7), лежавшего на боку. Внешняя поверхность сосуда покрыта желтоватым ангобом, размеры сосуда: высота 52 см, диаметр тулова 45 см, диаметр дна и венчика 27 см, высота горловины 10 см, толщина стенок 1 см. На глубине 1,10 м в центре раскопа обнаружен второй кувшинообразной формы сосуд с небольшой петлеобразной ручкой и коротким плоскоовальным носиком (рис. 3.3–5). Размеры его: высота — 23 см, высота горловины — 7 см, диаметры тулова — 20 см, диаметр дна — 11 см, диаметр носика — 3,8 и 1,8 см, высота носика — 3 см, ручка высотой — 7 см. На этой же глубине к северу и западу от этого сосуда обнаружены мелкие, раздробленные и сильно истлевшие куски костей человека — части черепа, фаланги пальцев и трубчатых костей конечностей. Судя по положению сохранившихся костей — труп находился к северо-востоку от меньшего сосуда и лежал головой к северо-востоку. Руки, по-видимому, были согнуты в локтях и кисти рук находились у головы. Ноги, судя по положению костей, также были полусогнуты. Возле остатков костей черепа и кистей рук было обнаружено несколь-

ко мелких и один более крупный фрагмент сильно коррозированного железного предмета — остатки одностороннего заостренного ножа или кинжала (размеры обломка: длина 4,5 см, ширина 2,5 см, толщина 0,5 см). Как скелет, так и сосуд лежали на плотно слежавшемся слое речной гальки толщиной в 4–5 см. При расчистке этого слоя от покрывающего его грунта было установлено, что он имел форму трапеции с закругленными углами, ориентированными по сторонам света со сторонами от 2,55 до 3,25 м. Ниже гравийного слоя шел однородный глинисто-песчаный материковый грунт.

Склеп 3 (курган 59) расположен на склоне, насыпь слегка овальной формы, размером с севера на юг — 11,5 м, с запада на восток — 12 м, средняя высота — 0,92 м. На глубине 0,60–0,65 м от вершины насыпи был вскрыт плотный слежавшийся слой гальки. Расчищенный слой оказался толщиной в 4–5 см и имел форму корытообразно-вогнутого в середине овала. На этом слое были обнаружены почти совершенно истлевшие остатки костей трех человеческих скелетов. Насколько можно судить по остаткам костей последние были ориентированы головой на юго-юго-восток, кисти рук находились возле головы, ноги полусогнуты. В районе верхней части туловища среднего скелета был обнаружен небольшой фрагмент сильно коррозированного железного односторонне заостренного ножа и небольшая железная пластинка со следами на ней окиси меди.

Склеп 4 (курган 75), расположенный недалеко от кургана 59, имел правильную полусферической формы насыпь диаметром 7 м, средняя высота 0,55 м. Под верхним дерновым слоем в середине насыпи была обнаружена подпрямоугольной формы ограда размером (внутри) с северо-востока на юго-запад — 2,8 на 1,8 м, со стенами толщиной в 0,25–0,35 м. При расчистке оградки внутри ее, до глубины 1,05 м от горизонта, никаких следов захоронения или остатков каких-либо предметов сопровождавшего инвентаря не было обнаружено. При осмотре внутренних стенок оградки на глубине 0,45 м от верхнего края стен были обнаружены следы уходящего под все стены оградки тонкого (4–5 см) слоя речной гальки, причем слой этот нигде за наружный край стенки не выходил.

Склеп 5 (курган 57) (рис. 3.2–1) расположен на склоне, насыпь овальной формы, размером с севера на юг — 11 м, с запада на восток — 7 м, средняя высота насыпи — 0,6 м. Сразу же под дерновым слоем в нескольких местах было обнаружено десять обломков кувшина (рис. 3.3–1). Горловина и средняя часть тулова имеют рифление. Сосуд сделан из плотного теста, без примесей. Лепился на гончарном круге,

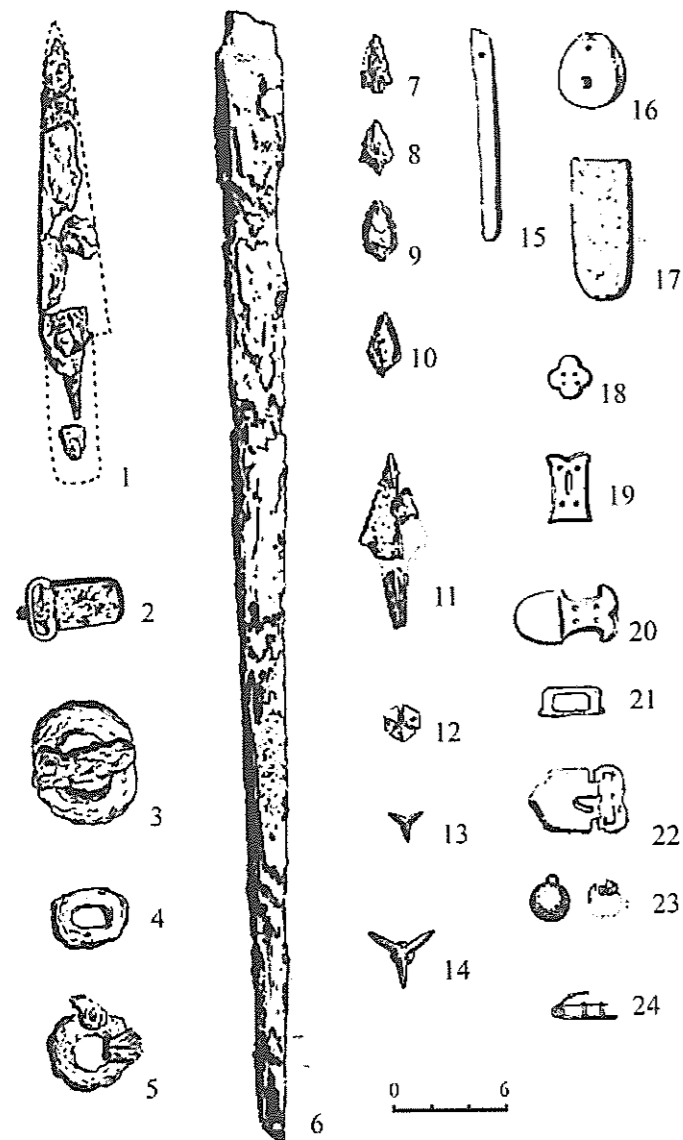

Рис. 3.4. Железные и бронзовые изделия: 1—5—склеп 9; 6—24—склеп 5

обожжен хорошо (тесто в изломе красное), внешняя его поверхность со светлым ангобом. Размеры сосуда: высота—32 см, высота горловины—5 см, диаметр тулова—28 см, горловины—10 см, дна—18 см. Этот сосуд резко отличен от всей остальной массы сосудов, обнаруженных в раскопанных курганах. Ближайшие аналоги он имеет в сосудах из Тешиккала (водоносные сосуды) Хорезма VI—VIII вв. н.э.

В западной половине раскопа была обнаружена оградка. Почти квадратной формы со слегка закругленными углами оградка размером (внутри) 2х2 м, была ориентирована сторонами по сторонам света, толщина стен ее от 0,55 до 0,60 м. На глубине 0,6 м от верхнего края насыпи было обнаружено за-

хоронение. Около восточной стены оградки лежал почти совершенно истлевший человеческий скелет, костяк лежал на спине головой на юго-юго-восток с вытянутыми вдоль туловища руками и ногами. Возле скелета были обнаружены три бронзовые сложно-составные пряжки с подвижными язычками, дужки этих пряжек имеют форму натянутого В-образную (рис. 3.4—22). Кроме пряжек здесь было обнаружено несколько бронзовых поясных фигурных накладок (рис. 3.4—18—20); массивный, бронзовый, подпрямоугольно-овальной формы наконечник пояса и небольшой бронзовый, полый внутри шарик с петелькой для подвешивания (рис. 3.4—23). Как пряжки, так и накладки соединялись с поясом при помощи особых штифтов.

С левой стороны скелета обнаружено лежавшее несколько наискось сильно коррозированное лезвие железного меча (рис. 3.4, 6) длиной 58 см, шириной 3,3 см и толщиной 2,7 см. Насколько можно было судить по положению найденных пряжек и накладок, последние являются остатками наборного пояса, а также портупей, на которой подвешивался меч. С правой стороны скелета обнаружен небольшой оселок для правки оружия из серо-зеленого цвета мраморовидного камня (рис. 3.4, 15). Оселок в виде брусочка трапециевидной в профиле формы длиной 11 см и толщиной от 1 до 1,5 см с небольшим отверстием в одном конце для его подвешивания. Рядом с оселком обнаружен каменный плосковыпуклый сферической формы со срезанным концом конуса предмет из белого камня (известняка) (рис. 3.4, 16). Диаметр его 3,6х3,2 см, толщина 1,4 см. С одной стороны его в центре имеется полусферической формы углубление диаметром около 0,5 см, а у срезанного конусовидного конца его небольшое сквозное отверстие, соединенное в середине с просверленным сверху отверстием. Каково было назначение этого предмета неизвестно. С левой стороны скелета примерно в том месте, где могла находиться кисть левой руки, был обнаружен фрагмент бронзового перстня со вставкой из стекла овальной формы. Такой же бронзовый, но целый, со стеклянной вставкой перстень был обнаружен у середины северной стены склепа, а к востоку от глиняного сосуда фрагмент гладкого бронзового браслета и цилиндрической формы прозрачная бусина. Кроме того, у южной стены склепа, слева около головы захороненного, были обнаружены обломки около десятка железных сильно коррозированных, за исключением нескольких штук, почти потерявших форму трехлопастных черешковых наконечников стрел, расположенных на разной высоте от пола склепа (рис. 3.4, 7—11). Наконечники расположены

остриями вверх, из чего следует заключить, что в этом месте у стены склепа при захоронении был поставлен колчан со стрелами или же просто пучок стрел. Остатков колчана и древков стрел не сохранилось. Два аналогичных по форме, но несколько более крупных наконечников стрел с небольшими кусочками полуистлевших деревянных древков были обнаружены один у локтевого сустава левой руки, а другой у кости голени левой ноги. Наконечники эти, судя по их расположению, находились в теле покойника при его захоронении, чем, по-видимому, и можно объяснить сравнительно хорошую сохранность, как наконечников так и части древков. В юго-западном углу оградки находились кувшинообразной формы глиняный сосуд с овальным туловом и неширокой небольшой горловиной, плавно переходящей в тулово (рис. 3.3, 1). В месте перехода тулова к горловине расположен небольшой носик, овальный в сечении. Горловина имеет венчик в виде небольшого валика, образованного выгибом стенки сосуда наружу, ручка вертикальная петлей, составляющая одно целое с венчиком. Внешняя сторона сосуда с красным лощением. Сделан сосуд из плотного красного теста с незначительными примесями мелкого речного песка. Лепка сосуда ручная из больших полос глиняного теста. Размеры: высота—23 см, диаметр венчика—9 см, дна 10—см, длина ручки—6,5 см, носика—4 см, диаметр тулова—19 см.

К сожалению, сохранность костей скелета, в том числе и черепа, была настолько плохая, что определить пол покойника возможно лишь на основании сопровождающего захоронение инвентаря—главным образом оружия.

Склеп 6 (курган 35) расположен на склоне, насыпь овальной формы диаметром с запада на восток—8 м и с севера на юг—7 м. Средняя высота насыпи 1 м. Раскоп заложен в виде квадрата, ориентированного по сторонам света размером 4 х 4 м. В насыпи сразу же под дерновым слоем в разных местах было обнаружено несколько фрагментов от крупных толстостенных сосудов типа хумов, сделанных из сравнительно плотного теста с незначительной примесью крупной дресвы, тесто хорошего обжига, дающего в изломе красный цвет. На ряде обломков боковины серовато-зеленый ангоб. На глубине 0,30 м от вершины насыпи были вскрыты остатки стен прямоугольной в плане оградки, ориентированной углами по сторонам света. Оградка сделана из плотной, горизонтально отслаивающейся глины. Размер оградки (внутри) с С-З на Ю-В—2,5 м и с С-В на Ю-З—1,9 м, толщина стен от 0,35—0,45 м. Внутри оградки на глубине 1,0 м от вершины на-

сыпи были обнаружены остатки двух сильно истлевших скелетов, из которых один, находившийся у западной стены оградки, насколько можно судить по остаткам костей, принадлежал взрослому человеку и ориентирован был головой на северо-восток. Ноги слегка согнуты в коленях, кисти рук находились возле головы. Второй, скорее всего, детский скелет, находился к северо-востоку от первого и, судя по расположению остатков черепа, головой был ориентирован к юго-востоку. У головы детского скелета обнаружены две, лежавшие в полуметре одна от другой половинки глиняного, кувшинообразного сосуда с носиком (рис. 3.3, 4), аналогичного по форме с сосудом, обнаруженным в кургане 57. Сделан он из средней плотности глиняного теста с незначительным количеством дресвы. Лепка ручная, обжиг хороший (в изломе тесто красное). Внешняя поверхность сосуда с серовато желтым ангобом, по которому идет грубая, черная раскраска, охватывающая все тулово за исключением горловины и ручки. Размеры сосуда: высота—18 см, диаметр венчика—9,5 см, диаметр горловины—12 см, диаметр тулова—19 см. Следует отметить, что в отличие от раскопанных ранее курганов дно оградки этого захоронения было устлано почти сплошным слоем обломков глиняных сосудов перемежку с небольшим количеством речной гальки, причем в то время, когда в других курганах слой гальки своими краями заходил под стенки склепа, в этом захоронении он покрывал лишь дно самой оградки. В основном это были обломки от крупных толстостенных сосудов, сделанных из плотного теста с незначительным количеством дресвы.

Склеп 7 (курган 55) (рис. 3.2, 2). Насыпь правильной круглой формы диаметром 16 м, средняя высота—1,40 м. Под дерновым слоем на глубине 0,25 м началась трапециевидной формы оградка, ориентированная углами по сторонам света размером (внутри) с северо-востока на юго-запад—2,5 м, с северо-запада на юго-восток—1,5 м, сложена из сырцовых глиняных обломков разных размеров от 20х20х10 см и до 40х40х15х20 см. Толщина стен от 0,45 м до 1 м (юго-западная стена). Снаружи к северо-западной стене оградки примыкали два небольших выступа, а в середине северо-западной стены имелся пролом шириной 0,6 м. На глубине 0,4 м от верхнего края стен оградки, внутри был обнаружен завал из крупных неправильной формы комков глины. В некоторых местах в промежутках между отдельными комьями глины торчали фрагменты сильно истлевших трубчатых костей скелета человека. Под этим завалом на глубине 1 м от верхнего края сохранившихся стен оградки на твердом галечном слое толщиной в 5—6 см в раз-

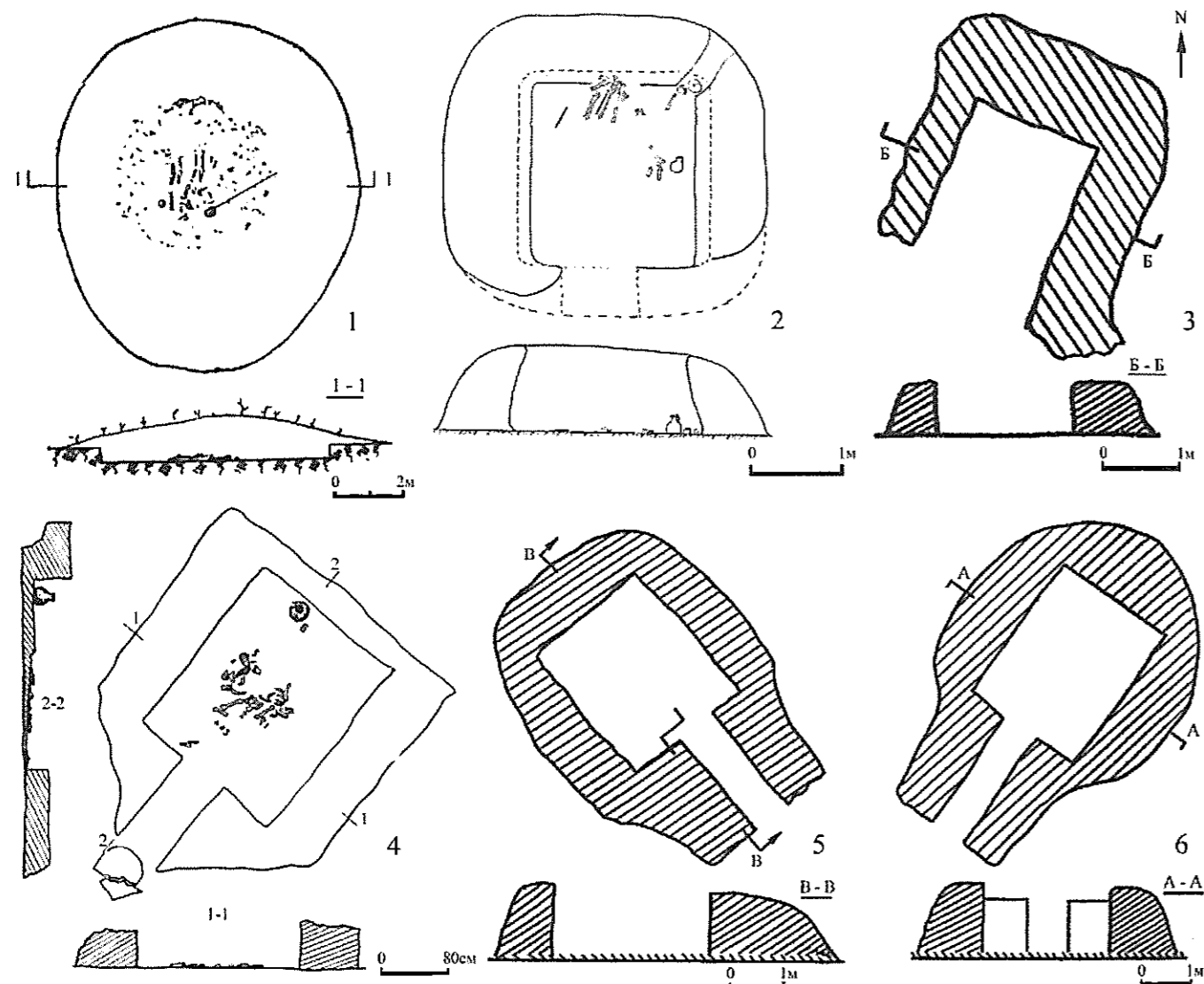

Рис. 3.5. Планы и разрезы склепов, вскрытых в 1967–1969 гг: 1—склеп 13; 2—склеп 22; 3—склеп 27; 4—склеп 15; 5—склеп 28; 6—склеп 16

ных местах обнаружены разбросанные в беспорядке раздробленные, сильно истлевшие кости скелета человека. Судя по разбросанности и раздробленности костей, захоронение было разграблено. У северо-восточной стены, ближе к восточному углу, возле нескольких небольших фрагментов костей черепа было обнаружено 12 штук пастовых бус желтого, розового, светло-зеленого цветов, лежащих кольцом вокруг остатков черепа, из чего можно предположить, что захоронение было ориентировано головой на восток или юго-восток. Кроме того, в разных местах оградки были обнаружены: небольшая, розового цвета бусина цилиндрической формы, каменная подвеска или бусина размером 2 см; небольшая черная каменная бусина; небольшая подвеска сердцевидной формы со

стеклянным глазком в середине; несколько небольших пластинчатой формы сильно корродированных фрагментов железного предмета (возможно ножа); несколько небольших кусочков древесного угля, а также фрагменты глиняного сосуда, по которым форму сосуда установить невозможно. Сосуд сделан из плотного красного в изломе теста, без примесей, внешняя сторона его с красным лощением. Обнаруженный в середине северо-восточной стены оградки проем был, по-видимому, сделан грабителями.

Склеп 8 (курган 38) (рис. 3.2, 3) расположен на склоне, земляная насыпь овальной формы размером с севера на юг—11 м, с запада на восток—10,5 м, средняя высота насыпи—0,87 м. Под дерновым слоем была обнаружена оградка, сложен-

ная из крупных сильно уплотненных комьев глины, скрепленных глиняным раствором. Оградка эта почти квадратной формы размером (внутри) 2x2 м, ориентирована была сторонами по сторонам света. Толщина стен от 0,5 до 0,7 м, высота 0,15–0,6 м. В середине юго-западной стены имелся небольшой, прямоугольной формы выступ, несколько напоминающий михраб мечети. С глубины 0,25 м от верхнего края стен внутри оградки был обнаружен завал из крупных комьев очень плотной глины толщиной от 0,25 до 0,30 м. Под завалом на твердом галечном слое толщиной около 7 см в разных местах оградки были обнаружены разбросанные в беспорядке фрагменты раздробленных, сильно истлевших костей скелета человека. Наибольшее скопление костей было у восточной стены оградки, где вперемежку лежали обломки черепа, таза, ребра и позвонков. Здесь же среди костей скелета было обнаружено 7 пастовых разного цвета и размера бус, несколько фрагментов довольно массивного бронзового предмета, по-видимому, зеркала, небольшая бронзовая профилированная накладная сердцевидной формы со штифтом-заклепкой на оборотной стороне и несколько небольших, сильно корродированных фрагментов железного ножа. В юго-западном углу оградки стоял кувшинообразный сосуд с небольшой петлеобразной ручкой, носиком, тулово у него шаровидное, внешняя поверхность с красным лощением. Судя по состоянию и положению костей скелета, захоронение это также было полностью разграблено, хотя насыпь этого кургана снаружи следов грабежа не сохранила.

Склеп 9 (курган 98) (рис. 3.2, 4) расположен на склоне в 150 м к востоку от раскопанных ранее курганов, за небольшим саем. Земляная насыпь его правильной полусферической формы, диаметром 8 м и высотой 0,75 м. На глубине 0,3 м от поверхности насыпи были обнаружены сложенные из крупных комьев глины стенки оградки квадратной формы, размером (внутри) 2x2 м, ориентированной углами по сторонам света. Толщина стен 0,5–0,6 м, высота—1 м. Внутри оградки на глубине 0,9 м от верхнего края стенок под завалом сравнительно мягкого песчано-глинистого грунта на галечном слое, толщиной от 5 до 7 см, были обнаружены разбросанные в беспорядке по всей площади оградки раздробленные, очень плохой сохранности кости скелета. Кроме костей человеческого скелета в могиле было обнаружено несколько штук трубчатых костей конечностей лошади, а также значительное количество корродированных до бесформенности фрагментов железных изделий, из которых более или менее сохранили форму две

довольно крупные пряжки в форме колец с подвижными язычками (рис. 3.4, 2, 3). По-видимому, одна пряжка от конской сбруи в виде железного, овальной формы кольца, покрытого снаружи тонкой бронзовой пластинкой (рис. 3.4, 5). Кольцо это с одной стороны (широкой) зажато между сложенной вдвое железной пластинкой, с приклепанным к ней снаружи на изгибе неподвижным конусовидной формы язычком. Пряжка эта прикреплялась к ремню путем зажима его между концами согнутой пластинки и закреплялась заклепками. Здесь же были обнаружены фрагменты довольно крупного железного ножа, на которых сохранились остатки деревянной накладной рукоятки, приклепанной бронзовыми заклепками (рис. 3.4, 1). У юго-восточной стены оградки в середине ее был обнаружен лежавший на боку довольно крупный кувшинообразный сосуд типа эйнахой (рис. 3.3, 6). Тулово грушевидное, горловина высокая и узкая, венчик со сливом в виде широкого фигурного раструба, ручка круглая вертикальная. Сделан сосуд из средней плотности теста, с примесью мелкого речного песка, в изломе тесто серое. Внешняя поверхность сосуда лощением по красному ангобу.

Судя по сопровождавшему захоронение инвентарю, а также костям лошади, в этом кургане был погребен всадник, причем вместо целой лошади в могилу была помещена лишь ее часть и сбруя. Судя по положению костей, захоронение это также было разграблено, хотя снаружи на насыпи следов этого не сохранилось.

Дальнейшие исследования Борижарского могильника связаны с деятельностью САЭ, которая в 1967 г. продолжила раскопки курганов. В разных местах могильника выбран и раскопан 41 курган.¹³ В двух точках, расположенных на верхней террасе реки, исследовано восемь курганов, в двух из которых оказались основательно потревоженными остатки труположения. К тому же сопровождающий инвентарь в них отсутствует. Разрушены и могильные сооружения. Только по тому, что кости скелетов найдены ниже уровня дневной поверхности, можно предполагать, что погребения совершались в грунтовых могильных ямах. В третьей точке, расположенной на склоне, раскопано 33 кургана.

Склеп 10 (курган 5) имеет земляную насыпь полуэллиптической, вытянутой в меридиальном направлении формы. Длина с севера на юг 10,5 м, с запада на восток—9 м, высота 90 см. В насыпи по мере углубления встречаются кости скелета. На глубине 1 м от вершины кургана в центральной части раскопа обнаружилась четырехугольной формы площадка. Она состояла из битой глины с примесью мелкой речной

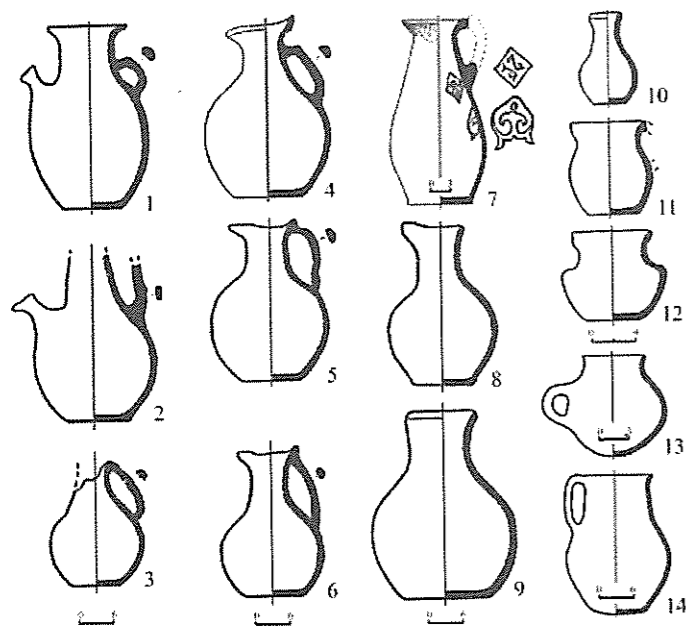

Рис. 3.6. Керамические сосуды из склепов: 1- склеп 10; 3,10— склеп 23; 4—склеп 24; 5—склеп 20; 6, 13,14—склеп 19; 7—склеп 13; 11—склеп 11; 12—склеп 25;

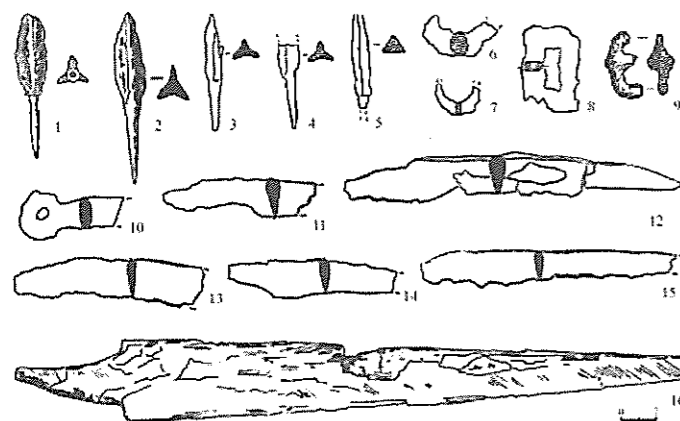

Рис. 3.7. Изделия из железа: 1—склеп 13; 3-5, 11, 14—склеп 16; 6-8—склеп 27; 2,9,16—склеп 12; 12—склеп 18

гальки. Толщина слоя площадки 5-10 см. На ней стоял глиняный сосуд с небольшой посаженной на тулове петлеобразной ручкой и коротким трубчатым носиком (рис. 3.6, 1).

Склеп 11 (курган 17) диаметром с севера на юг 10,5 м, с запада на восток — 9 м, высота 84 см. На глубине 1,3 м открылась подстилка с круглым очертанием. Кости скелета разбросаны по всей площадке подстилки. На самой северной окраине подстилки стоял небольшой плоскостонный глиняный сосуд со следами налепной ручки на венчике и ту-

лове (рис. 3.6, 11). К юго-западу от сосуда лежал гладкий бронзовый браслет с утолщенными концами (рис. 3.9, 3). Тут же — ожерелье из бус, нанизанных на шерстяную ниточку. По сохранившимся костям судить о положении скелета не представляется возможным.

Склеп 12 (курган 21) диаметром 11x9 м, высотой 64 см. Обнаружено парное погребение. Частично разрозненные кости обоих скелетов лежали на аналогичной, описанной выше подстилке. Подстилка находилась также на уровне горизонта в центральной части могильника. Отличается она лишь своим очертанием четырехугольной формы.

Погребенные положены под прямым углом друг к другу. Один скелет лежал в вытянутом положении на спине. Головой он ориентирован на юго-восток. От него сохранились нетронутыми все части, начиная от крестцовых позвонков до кистей стопы. В области поясничных позвонков найден набор бронзовых накладок, пряжек и подвесок от пояса (рис. 3.8, 8, 9, 10, 11, 14, 15, 16, 17) (фото 3.5). У левого предплечья, касаясь кончиком рукояти пояса, лежал железный кинжал (рис. 3.7, 16). Железный же трехлопастный черешковый наконечник стрелы найден под костями кисти правой руки (рис. 3.7, 2).

Другой скелет оказался потревоженным полностью. Но по расположению костей можно судить, что скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Инвентарь погребения представлен лишь одной частью железной пряжки (рис. 3.7, 9) и мелкими фрагментами глиняного сосуда.

Склеп 13 (курган 6) имеет земляную насыпь овальной формы. Вершина плоская. Диаметры с севера на юг 10,6 м, с запада на восток — 9 м, высота — 83 см. На глубине 1,2 м от вершины кургана обнаружено тройное погребение. Сравнительно хорошо сохранились и лежали в анатомическом порядке кости западного и центрального скелетов. Они расположены рядом в вытянутом положении на спине, ориентированы головами на юг. От третьего скелета остались на месте голень и кости стопы лишь левой ноги.

До нас дошла лишь незначительная доля вещей, сопровождающих центральное погребение и почти полный набор западного (рис. 3.8, 12, 13). Все захоронения и сопровождающий их инвентарь положены на специальную подстилку из битой глины с примесью мелкой речной гальки. Она имеет круглое очертание и вписывается в план курганной насыпи. Уровень ее немногим ниже уровня горизонта. Толщина слоя площадки 5-10 см.

Склеп 14 (курган 27). Захоронение в нем совершено внутри наземной постройки. Сооружение это

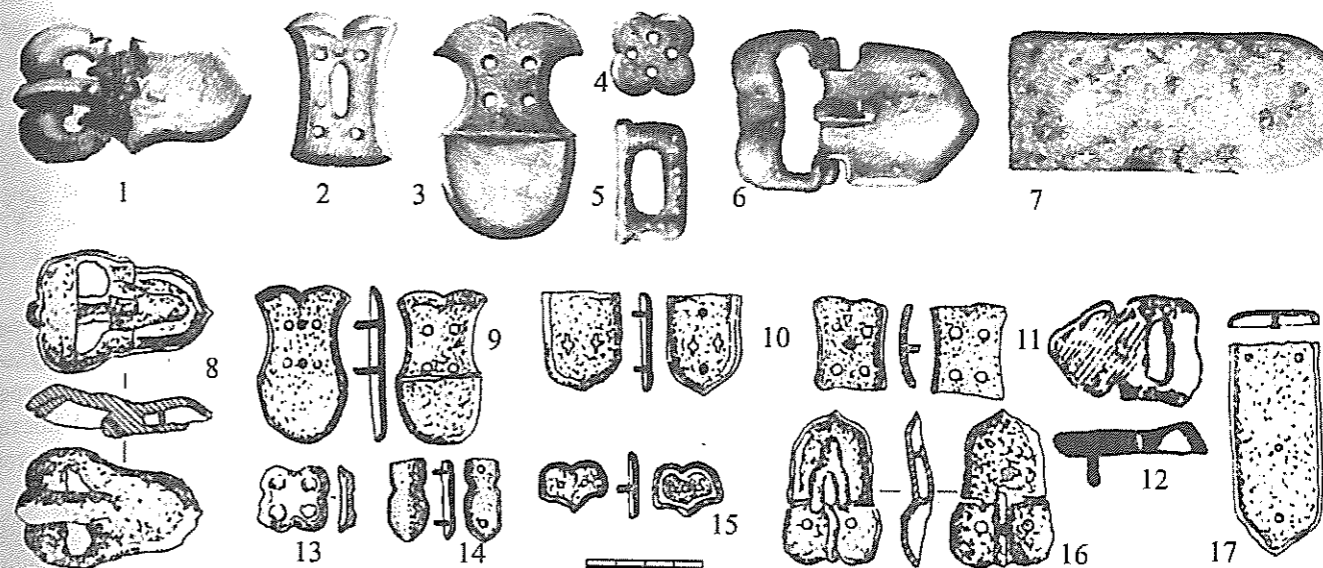

Рис. 3.8. Детали наборных поясов: 8, 9, 10, 11, 14, 15, 16, 17— из склепа 12; 12, 13 — из склепа 13

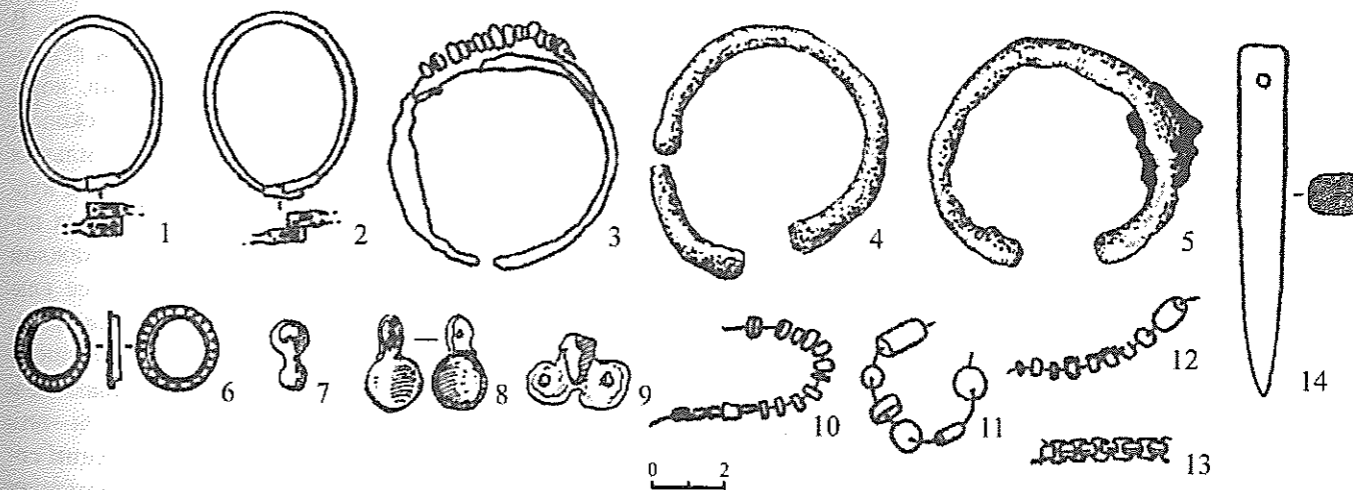

Рис. 3.9. Украшения: 1,2—склеп 22; 3—склеп 11; 4-9—склеп 13; 10,12,13—склеп 25; 11—склеп 27.

представляет собой прямоугольной формы, близкой к квадрату, оградку. Стенки оградки сложены из пахсы. Размеры оградки небольшие: длина стенок 2,5 м (южной и северной) и 3 м (восточной), ширина 60 см, высота 40 см. Площадь погребальной камеры 3,6 м. Внутри погребальной камеры, по всем признакам, было парное погребение. Скелеты лежали по всей площади погребальной камеры. Пол внутри камеры, на котором располагались погребенные и сопровождающий их инвентарь, состоял из битой глины с примесью мелкой речной гальки.

Склеп 15 (курган 29). Сразу же после снятия 30 см грунта от вершины кургана появились пахсовые стены специального наземного погребального сооружения. План постройки характеризуется сложной двухплановой (трапециевидной и четырехугольной)

формой. Состоит из двух частей — входного коридорообразного сооружения и четырехугольной, близкой к квадрату погребальной камеры. Погребальная камера углами ориентирована по направлению север — юг. Вход, который ведет внутрь камеры, приходится по центру юго-западной стены. Длина коридора 1,4 м, ширина 70 см, высота 40 см. Площадь погребальной камеры 5,98 м². Часть внутренней площадки погребальной камеры вдоль ее северо-восточной стены несколько приподнята. Ширина этой суфы — 1 м, высота 20 см. Само сооружение построено на тонком слое битой глины с примесью мелкой речной гальки. Внутренние поверхности стен постройки отвесные и ровные, тогда как внешние неровные и с небольшим наклоном. Вход в камеру был прикрыт специально изготовленной и хорошо подогнанной керамической

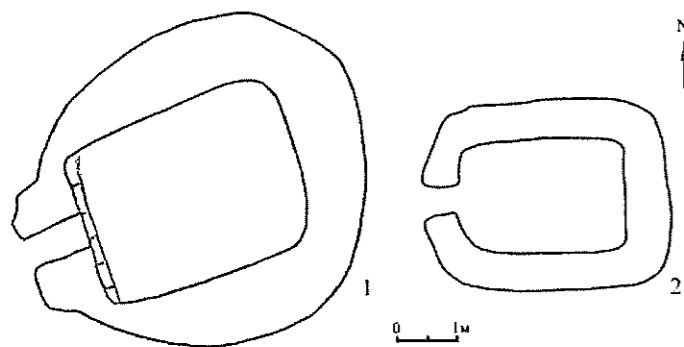

Рис. 3.10. Планы: 1—склеп 42; 2—склеп 43

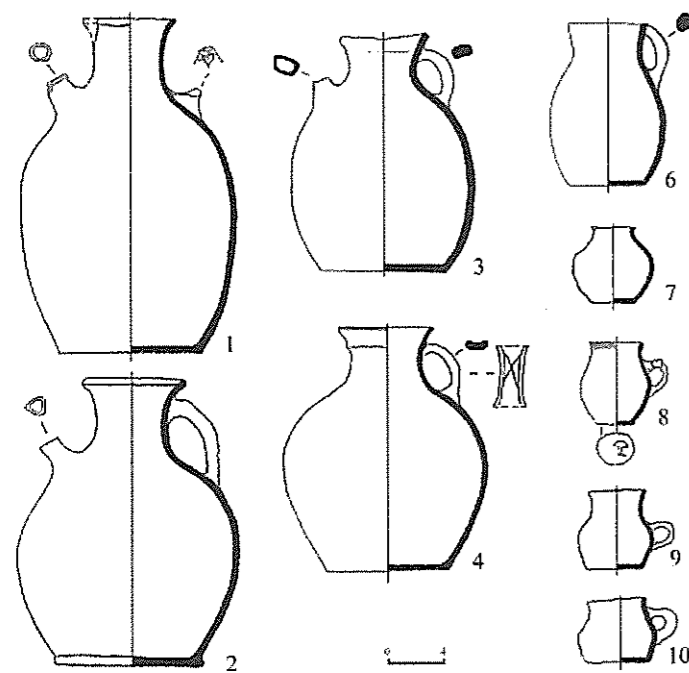

Рис. 3.11. Керамические сосуды из разных склепов.

плитой. Кости скелета оказались сложенными в кучу в центральной части пола погребальной камеры. Кроме одного глиняного сосуда, при погребенном ничего не обнаружено.

Склеп 16 (курган 33). Обнаружена несколько иная по некоторым признакам погребальная постройка. План данного сооружения характеризуется грушевидной по внешним очертаниям формой. Стены построены из пахсы. Поставлены они на площадку из битой глины с примесью мелкой речной гальки. В середине массивного сооружения находится прямоугольная погребальная камера. Площадь погребальной камеры 3,15х2,5 м. Камера ориентирована углами по направлению север-юг. Внутри погребальной камеры ведет длинный коридорообразный вход. Входной проем приходится строго по центру юго-западной стены.

Длина входного коридора 2,6 м, ширина 80 см, высота 1,4 м. Толщина стенок по основанию доходит до 1,5 м, по верху — 70 см, высота — 1,4 м. На полу погребальной камеры вдоль ее северо-западной продольной стены найдены разрозненные кости скелета, а также четыре железных наконечника стрел (рис. 3.7, 3-5), железные однолезвийные ножи (рис. 3.7, 11, 14) и одна бусина. Стены сохранились до высоты 1,4 м.

Обобщая полученный и ранее накопленный материал, исследователи прекрасно отдавали себе отчет в том, что «исследования раннесредневековых погребальных сооружений в 1949-1951 гг. ЮКАЭ поставило больше вопросов, чем можно было дать ответов на основе полученных материалов».

Б.Нурмуханбетову в ходе его работ удалось решить вопрос с «кенотафами» в верхней зоне могильника. Им было установлено, что здесь расположены подкурганые катакомбные погребения¹⁴. Т. е. выявлен пятый «тип погребальных сооружений». В нижней же зоне, т. е. на склоне, продолжали вскрываться «странные» погребальные сооружения, которые вследствие неадекватности методики раскопок, стали известны как «труположение на могильных площадках без оградок» и «труположение под курганной насыпью внутри наземных погребальных построек»¹⁵. Устойчивый стереотип видеть в каждом курганообразном холме курганную насыпь все еще оказывал давление на восприятие исследователя, но он же отметил, что Борижарский могильник, в целом, имеет свойства, «которые не укладываются в принятое понятие — курганный могильник», и чуть далее «судя по очертаниям насыпей, могильник состоит преимущественно из курганов, содержащих наземные постройки»¹⁶ (это наблюдение относится к той части могильника, которую мы условились называть — некрополь городища Жуантобе).

В 1969 г. здесь были раскопаны несколько «курганов», из них опубликованы описания 15-ти, которые мы можем отнести к наземным склепам. Эта группа расположена в центральной части могильника в 300 м юго-восточнее городища Жуантобе.

¹³ Нурмуханбетов Б. Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, «Наука», 1969. С. 162-174.

¹⁴ Нурмуханбетов Б.Н. Катакомбы Борижарского могильника. С. 106-115.

¹⁵ Нурмуханбетов Б. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 108-120.

¹⁶ Нурмуханбетов Б. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника. С. 118.

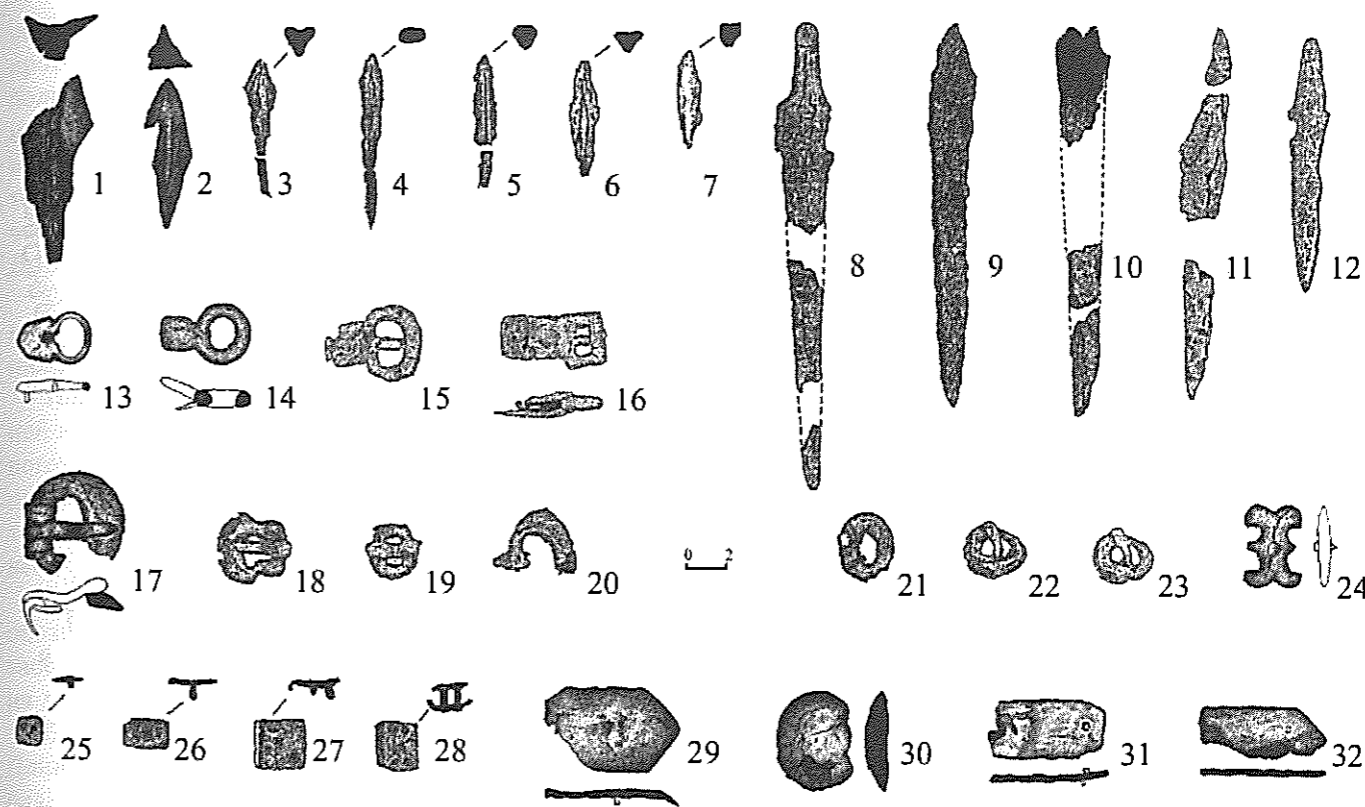

Рис. 3.12. Изделия из железа: склеп 14: 3-7 — наконечники стрел, 10 — палаш, 15, 16, 18, 19, 20, 21 — пряжки; склеп 30: 1, 12 — ножи; 23 — пряжка, 25-28 — детали пояса.

Склеп 17 (курган 19). Лессовая насыпь полуяйцевидной формы. Вершина круглая, скаты пологие (оплывшие). Размер с севера на восток — 6 м, высота — 0,6 м.

Погребение совершено на площадке. Она овальной (3х2,2 м) формы. Поверхность ее в черте расположения скелета покрыта тонким слоем обожженной глины.

Скелет сохранился не полностью. Кости плохой сохранности. Ориентировка погребенного — восточная. Вещей нет (в процессе снятия насыпи и расчистки скелета попадались мелкие железные обломки).

Склеп 18 (курган 22) насыпь овального очертания (10,5х9 м), высота 0,8 м. Обнаружены кости двух скелетов.

Захоронения совершены на площадке из битой глины с примесью речной гальки. Погребенные положены вытянуто на спине под прямым углом друг к другу. Первый скелет ориентирован на восток, второй — на север.

У поясничных позвонков первого скелета найдены остатки железных удил, около левой локтевой кости — железный нож с изогнутым лезвием. Нож

плохой сохранности. Черенок плоский, заостренный. Следы древесины на нем свидетельствуют о том, что нож был с деревянной рукояткой. Вещевых находок при втором погребенном нет.

Склеп 19 (курган 2) (рис. 3.14, 1). В насыпи попадались обломки глиняных сосудов, фрагменты железных изделий и истлевшие кости человека. Погребальная площадка открылась на глубине 1,15 м от вершины кургана. Она расположена несколько ниже уровня горизонта и захватывает южную половину основания насыпи. На площадке вместе с костями скелета найдены: обломок железного ножа (?), деталь наборного пояса с фигурной Т-образной застежкой, прямоугольным щитком с двумя шпеньками для крепления, три глиняных кувшинообразных сосуда разных размеров и сохранности.

Целый эйнохоевидный кувшин имеет высоту 29 см. Тулово шаровидной, несколько сплюснутой формы. Горло почти цилиндрическое, довольно высокое (около двух третей общей высоты сосуда). Слегка уплощенная ручка прикреплена верхним концом к краю горловины, а нижним изогнутым — к плечу. Сосуды формованы от руки и покрыты тонким слоем красного ангоба. Поверхность ангоба ровная и глад-

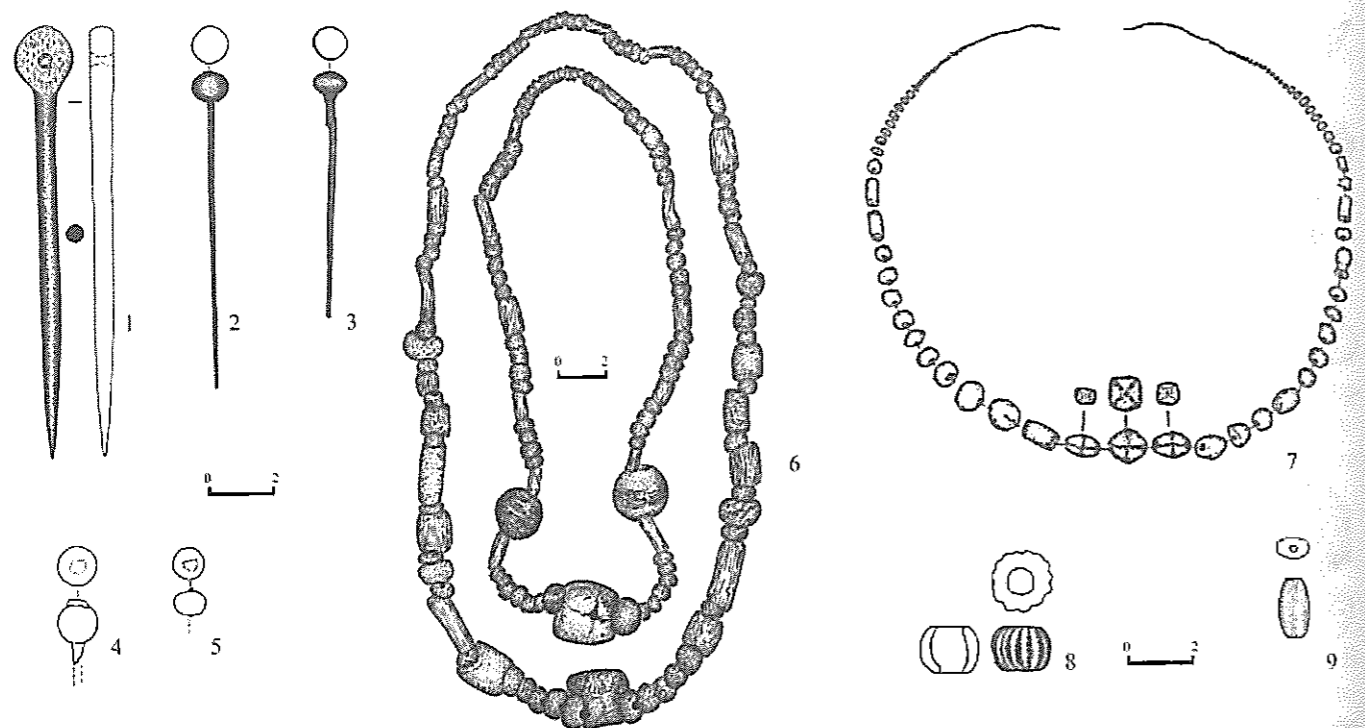

Рис. 3.13. Украшения из: склеп 40—6; склеп 51—1—5

кая (возможно, лощение). На донцах имеются следы песочной подсыпки.

Склеп 20 (курган 3). Могильная площадка устроена на уровне материка. От погребенного сохранились в анатомическом порядке лишь берцовые кости и запястье левой кисти. Судя по ним, умерший положен вытянуто на спине, головой на северо-запад.

Единственная находка — плоскодонный эйнохоевидный кувшин. Он найден в 3 м от костей скелета. У него приземистое, несколько приплюснутое тулово, высокое (12 см при высоте кувшина 27 см) конусообразное горло, которое, расширяясь книзу, плавно переходит в покатые плечики сосуда. Ручка гладкая, округлая в сечении. Поверхность сосуда ангобирована.

Склеп 21 (курган 4). На могильной площадке сохранилось несколько разрозненных костей стопы. Инвентарь: крупная (диаметр 3 см) каменная бусина и неизвестный бронзовый предмет. В насыпи найден обломок керамической крышки.

Склеп 22 (курган 7). По сохранившимся на могильной площадке костям скелета определить ориентировку погребения не удалось. От инвентаря остались: два гладких медных браслета, медный амулет, обломок железного изделия и бусы. Браслеты круглые в сечении, концы оформлены в виде головы змеи, на внешней стороне имеются глубокие ямочки, на внутренней — параллельные насечки.

Склеп 23 (курган 11). Округлая могильная площадка диаметром 4—5 м. погребение потревожено, судя по отдельным остаткам, ориентировка — южная.

Инвентарь из кургана представлен одной пряжкой с подвижным язычком, двумя глиняными и тремя металлическими (бронза) сосудами¹⁷. Щиток пряжки подпрямоугольной формы (с тремя шпеньками для крепления к ремню) с заостренным фигурным концом. Рамка большая, овальная.

Из глины сделаны небольшой плоскодонный толстостенный кувшин и миниатюрный уникальный флакончик. Кувшин с шаровидным туловом и конусообразной горловиной. Венчик отбит. Гладкая округлая ручка концами прикреплена к краю горла и тулову сосуда. На донце имеются следы песочной подсыпки. Высота флакончика 8 см. Высокое конусообразное горлышко в верхней части расширено. Донце на поддоне, т. е. приподнято. Ровный лощеный темно-красный ангоб покрывает оба сосуда. Они сформованы от руки.

Склеп 24 (курган 13). Кости скелета сложены кучкой в юго-западной части могильной площадки. В центре и выше площадки на 15 см найден эйнохоевидный плоскодонный кувшин. Его узкое и конусо-

¹⁷ Информация о бронзовых сосудах из данного склепа в отчетах отсутствует. Отмечается лишь, что из-за плохой сохранности сосуда изъять из грунта не удалось.

образное горло в верхней части загнуто наружу. На противоположном носу конце венчика имеется небольшой плоский выступ. Гладкая ручка с округленными концами прикреплена к плечу и основанию венчика сосуда. Его внешняя поверхность желтоватая, ровная и отличается от коричневого в изломе черепка, создается впечатление ангобной обмазки. Других находок нет.

Склеп 25 (курган 14). Кости скелета перемешаны с землей насыпи. На могильной площадке сохранилась их незначительная часть.

На могильной площадке собраны фрагмент медной цепочки, бусы и обломки небольшого плоскодонного сосуда. На плечиках тулова расположены друг против друга четыре шишковидных выступа. Ангоб темно-красный, ровный и лощеный, он покрывает весь сосуд.

Склеп 26 (курган 20). На могильной площадке обнаружен подпрямоугольный в верхнем сечении с заостренным одним концом и сквозным отверстием на другом каменный предмет — сурматаш.

Склеп 27 (курган 26). Насыпь в плане овальная. Длинной осью вытянута с северо-востока на юго-запад. Размер 10,5x9 м, высота 1,2 м. Оградка имеет прямоугольную форму. Стены ее сложены из пахсы. Основание их находится несколько ниже уровня материка, на площадке из битой глины с примесью мелкой речной гальки. Поверхность стен изнутри ровная и отвесная, снаружи — шероховатая и с наклоном. У оградки нет юго-западной стены. Размеры стенок: длина 3,5 м, толщина до 1 м, высота 0,5 м внутренняя площадь оградки около 4 м².

На полу камеры были разрозненные кости скелета, изделия из железа, бусы и бронзовая подвеска.

Склеп 28 (курган 32). Насыпь овальная (16,5x14 м), высота 2 м. Обнаружено наземное погребальное сооружение в плане грушевидной формы. Стены сложены из пахсы, они поставлены на площадку из битой глины с примесью речной гальки. Площадка расположена на уровне горизонта. Строение состоит из прямоугольной погребальной камеры и ведущего к ней длинного (2,25 м) коридора. Он прорезает юго-восточную стену камеры на ширину 0,75 м, площадь погребальной камеры 7,5 м². Внутри стены отвесные и ровные, снаружи шероховатые и имеют наклон. Северо-западные и северо-восточные стены частично разрушены, от них осталось лишь основание (на высоту 20 см от уровня пола камеры).

Задняя, северо-западная стена сооружения выше стен входного коридора, вследствие чего продольный профиль постройки имеет наклон к входу. Массивные стены (1 м у основания) кверху суживаются

до 0,5 м. Стены сохранились до высоты 1,4 м. Постройка занимает значительную площадь (6,4x4,5 м). Вход обращен на юго-восток.

При расчистке сооружения встречены кости скелета. На полу камеры найдены разрозненные останки погребального инвентаря и бусы.

В 1971 г. исследования на Борижарском могильнике были продолжены. Всего было исследовано 7 курганов. Из них 4 можно отнести к наземным склепам (склепы 29—32). Кроме краткого упоминания, другой информацией об этих работах мы не располагаем¹⁸. Так же и о работах 1974 г. известно лишь, что на Борижарском могильнике раскопано 5 курганов с захоронениями внутри наземных погребальных построек из пахсы (склепы №33—37). Погребальные сооружения с труположением представляют собой прямоугольную в плане оградку с входом-проемом в одной из стен. Впервые в Борижарских курганах найдены принадлежности поясов с антропо-зооморфными изображениями¹⁹.

С 1989 г. исследования на Борижарском могильнике были продолжены археологической экспедицией Чимкентского областного историко-краеведческого музея²⁰. В этот полевой сезон раскопан один склеп, расположенный в 200 м к югу от городища Жуантобе.

Склеп 38 (раскоп 3) расположен в 200 м к югу от городища Жуантобе, слева от линии связи. До раскопок склеп представлял собой курган с земляной насыпью овальной формы, диаметром 10—14 м. На глубине 30 см от вершины кургана, в его южной половине, выявлены пахсовые стены погребального сооружения — двухкамерного склепа. Камеры размерами по линии север-юг — 2,4 м, запад-восток — 2 м, высотой 1,73—1,75 м. К помещениям по центру примыкают сводчатые коридоры длиной до 1,6 м, шириной 50 см и высотой 70 см. Полы помещений выложены речной галькой толщиной до 30 см. Помещения получили название камера А (восточное) и камера Б (западное). В обоих помещениях костяки скелетов сложены в кучи — в камере А в Ю-З, в камере Б в С-З углах. Из погребального инвентаря в А обнаружены керамическая кружечка, коралловые

¹⁸ Нурмуханбетов Б. Работы Борижарского отряда // Археологические открытия. М., 1972. С. 502—503.

¹⁹ Нурмуханбетов Б. Работы курганного отряда // Археологические открытия 1974 года. М., 1975. С. 492—493.

²⁰ Грищенко А.Н. Отчет об археологических раскопках городища Жуантобе и Борижарского могильника Бугунского района Чимкентской области в 1989 г. Чимкент, 1990. Архив ИА. Руководил раскопками на Борижарском могильнике в этом и следующем полевом сезоне А.Н. Грищенко.

бусы, бронзовая накладка на пояс, косметический прибор для окраски бровей — сурматаши и графит. В Б — фрагменты палаша, ножей, кинжалов и наконечников стрел (железо).

Из-за незавершенности раскопок кургана план всего погребального сооружения установить не удалось. Исследователь предполагает, что погребальное сооружение, вскрытое в раскопе 3, состояло из четырех помещений.

В 1991 году на Борижарском могильнике вскрыты следующие погребальные сооружения: три площадки на уровне дневной поверхности, семь впускных погребений в могильных ямах в западной половине кургана, насыпанного над наусом 2, и сам наус 2²¹.

Материалы из погребений на площадках на уровне дневной поверхности и могильных ям датируются VII—VIII вв.

Склеп 39 (наус 2) был разграблен в древности. В нем найден кувшин с цилиндрическим носиком-сливом и профилированным венчиком.

В 1997 г. работы на могильнике продолжены археологической экспедицией Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея, было раскопано 5 склепов: **40** (курган 11) (рис. 3.13, 6) (план 3.14, 3); **41** (курган 21); **42** (курган 17) (рис. 3.10, 1); **43** (курган 22) (рис. 3.10, 2); **44** (курган 19).

В отчетах о раскопках этого года нет описаний склепов, имеются лишь неполные описания находок.²² Здесь лишь перечисляются находки из склепов «под курганом 11 (украшения: ожерелье из бус (фото 3.6), бронзовые булавы и бубенчик, костяная заколка для волос) и оградки под курганом 21 (фото 3.9) (наборный пояс, состоящий из подквадратных бронзовых накладок, ремennого наконечника с прорезным орнаментом и лировидных подвесок), под курганом 17 отмечена незначительная часть вещей: три каменных и три коралловых бусин, и серебряная застежка от пояса в форме щитка с крючком. В сооружении типа оградки под курганом 22 зафиксиро-

вано небольшое количество бисера из камня (серпентин) и стекла».

В 1998 г. Арысский отряд ЮККАЭ совместно с археологической экспедицией Чимкентского областного музея продолжили исследования на некрополе Борижары. За полевой сезон было вскрыто 3 «кургана» (№14, 25, 26), которые заключали в себе остатки наземных склепов²³. Исследовалась компактная группа курганов, расположенных в 275–300 м к югу от городища Жуантобе.

Склеп 45 (курган 25). Размеры насыпи с севера на юг 12,75 м, с востока на запад 11,5 м, высота 1,14 м. На глубине одного метра от вершины курганов была открыта наземная постройка, в плане представляющая собой подпрямоугольную оградку со скругленными углами, которые ориентированы по сторонам света²⁴. Стенки оградки сложены из пахсы. Толщина С-З стены 72 см, и Ю-З — 74 см, толщина полуовальной в плане С-В стены — 96 см. Внутри оградки находится погребальная камера, размеры которой по длинной оси, ориентированной с С-В на Ю-З, составляют 2,5 м и по короткой — 2,27 м. В погребальную камеру, по центру Ю-З стены, ведет вход шириной 55 см. Сохранившаяся высота стен оградки 42–48 см. Стенки оградки поставлены на площадку из речной гальки. В ходе вскрытия погребальной камеры, на высоте 18 см от площадки, в ее западном углу, обнаружен череп погребенной. Дальнейшие работы показали, что здесь было совершено парное погребение женщины с ребенком младенческого возраста. Кости последнего не сохранились, зафиксирован лишь фрагмент черепа. Кости скелета разбросаны по всей камере и не дают основания судить об ориентировке трупа при совершении погребения.

Погребальный инвентарь, собранный на полах камеры, представлен ожерельем из каменных (сердолик) и стеклянных бус (около 50 шт.) (рис. 3.13, 7). Среди каменных бус зафиксированы как граненые (12-тигранные), так и цилиндрические бусы, бусы из стекла без глазков и прожилки темных цветов, близких к черному. У черепа погребенной зафиксирован бисер из камня (серпентин) и стекла зеленого

²³ Грищенко А.Н. Отчет о археологических раскопках городища Жуантобе (Джувантобе) и Борижарского (Бурджарского) могильника в ... 1998 года. Шымкент, 1999. Архив ИА им. А.Х. Маргулана.

²⁴ Отчет об археологических раскопках городища Жуантобе и Борижарского могильника Ордабасинского района Южно-Казахстанской области, проведенных Арысским отрядом Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции в мае-июле 1998 года. Шымкент, 1999. Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК. Инв.№

и оранжевого цветов. находка бисера дает основание для предположения о расшивке деталей одежды или головного убора погребенной.

Кроме украшений в погребальном инвентаре отмечены предметы быта и обихода: 2 железных ножа, различающихся по размерам и форме (рис. 3.12, 11, 12). Более крупный — однолезвийный, с прямой спинкой с выступом при переходе к черешку и слегка выгнутым лезвием, которое составляет одну линию. Небольшой нож также однолезвийный, со слегка выгнутыми спинкой и лезвием, при переходе от которых имеются выступы. находка напрясла из стекловидной массы, дающей на просвет оттенок желтовато-коричневого цвета, дает представление о роде занятий погребенной. Кроме того, на полу камеры расчищена железная овалнорамчатая пряжка (рис. 3.12, 23) и 2 накладных бляхи от наборного пояса. А также обнаружены фрагменты разбитых керамических сосудов — кувшинов и кружек.

Склеп 46 (курган 14). Насыпь кургана овальная, размеры ее с севера на юг — 15 м, с востока на запад — 17 м, средняя высота около 1,5 м. Крутые склоны обращены к северу и востоку. На глубине 45 см от вершины кургана было зафиксировано погребальное сооружение довольно больших размеров. Погребальное сооружение продольно-осевой композиции ориентировано по длине с СЗ на ЮВ. Одна из длинных стен этого сооружения более массивная, её толщина более 1 м. В ней проделаны 2 узких входа (ширина 0,56 и 0,54 м), ведущие в две погребальные камеры. Камеры разделены стеной шириной до 75 см. Длина северной стены — 6,0 м, южной — 5,8 м. Ширина сооружения с востока на запад — 3,8 м, 4,9 м (по центру стены, разделяющей погребальные камеры) и 2,9 м. Из-за разницы в размере по длине и ширине погребального сооружения размеры камер, стенки которых завалены, дают различия по их продольным и поперечным сечениям. Продольные сечения восточной камеры с востока на запад: 2,6 м, 3,1 м (по центру камеры, в котором устроен прямоугольный вход шириной 0,56 м) и 2,52 м; западной — 2,2 м, 3,0 м (в центре со входом шириной 0,54 м) и 2,3 м. Поперечные сечения с севера на юг: восточной — 1,81 м, 2,0 м (в центре) и 1,95 м; западной — 2,05 м, 2,45 м (по центральной оси) и 2,05 м. Площади погребальных камер составляют: 5,0 м² и 5,5 м².

Стены погребального сооружения внутри погребальных камер отвесные и гладкие, снаружи шероховатые и наклонные, расширяющиеся к основанию. Профиль постройки с северо-запада на юго-восток имеет наклон в сторону входов в погребальные камеры.

При расчистке погребальных камер обнаружены коллективные захоронения: в восточной — четверо погребенных, в западной — двойное погребение. Вертикальная и горизонтальная стратиграфия показали, что помещение покойников в склеп происходило в два хронологических этапа. В нижнем ярусе на полах из речной гальки, по коротким сторонам погребальных камер, у высоких стен совершены одиночные погребения по обряду труположения: мужчины (восточная) и женщины (западная), ориентированных черепами к юго-востоку. Тройное погребение в верхнем ярусе восточной камеры из-за перемешанности костей возможности установить ориентировку погребенных не дает. Одиночное впускное погребение в верхнем ярусе западной камеры, кости которого сохранились от стоп до нижних отделов позвоночника, свидетельствует об иной ориентировке погребного, близкой к меридиальной. Погребальный инвентарь в верхнем ярусе восточной камеры отсутствует. В западной камере отмечены фрагменты железного палаша (рис. 3.12, 10). Наборы погребального инвентаря получены, в целом, за исключением палаша, в нижних ярусах, на полах погребальных камер.

Инвентарь мужского погребения в восточной камере представлен 4 железными пряжками (рис. 3.12, 18–21) как целыми, так и фрагментированными: с В-образной рамкой, овальной и, вероятно, овалнорамчатой; накладными бляхами от наборного пояса, в основном — подквадратными; ножом и наконечниками стрел и их фрагментами. Плохая сохранность наконечников стрел не дает уверенных суждений об их форме (3.12, 3–7). Предположительно можно говорить, что наряду с трехлопастными, в набор стрел входили и бронебойные с гранеными и пулевидными наконечниками.

Инвентарь женского погребения в западной камере, в ее нижнем ярусе, представлен предметами быта и обихода: керамическим кувшином с цилиндрическим носиком-сливом (рис. 3.11, 3) и каменным сурматашем, заостренный конец которого служил для окраски бровей.

Отмеченные в заполнении погребальной камеры изделия из железа: две пряжки с небольшими щитками и рамками овальной и прямоугольной форм, нож и фрагменты палаша, по-видимому, входили в набор инвентаря, сопровождающего подхоронение воина в верхнем ярусе западной камеры.

Склеп 47 (курган 26). Высота кургана 0,52 м, его диаметры с севера на юг — 7,75 м, с востока на запад — 6,7 м. Пологие склоны ориентированы к югу и западу.

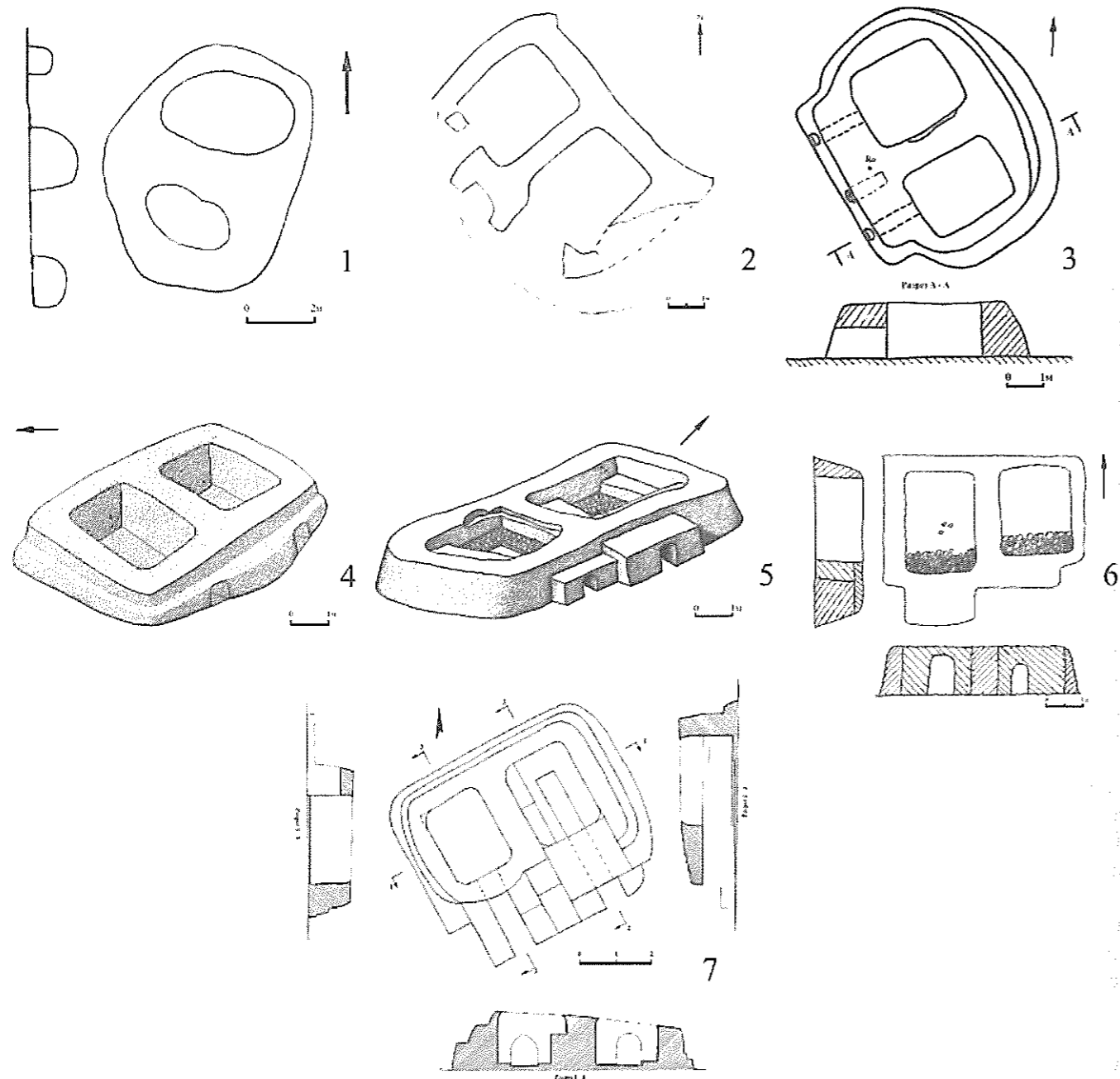

Рис. 3.14. Планы и разрезы: 1—склеп 19; 2—склеп 49; 3—склеп 65; 4—склеп 46; 5—склеп 50; 6—склеп 73; 7—склеп 70.

Фиксация подчетыреугольной в плане постройки с входным коридором началась на глубине 0,45 м от вершины кургана. Дальнейшая расчистка погребальной постройки показала, что ее основание, лежащее на площадке из битой глины и речной гальки, было устроено значительно ниже уровня современной дневной поверхности. Полы камеры залегают на глубине 1,05 м, стены камеры сохранились на высоту от 0,35 м (со стороны входа) до 0,5 м (противоположная от входа стена).

Четыре черепа погребенных лежали вдоль длинной стороны погребальной камеры, ориентированной с севера-востока на юго-запад. Затылочные кости черепов ориентированы на север, остальные кости скелетов разбросаны по всей камере.

Погребальный инвентарь представлен дном сосуда, предназначенного для хранения продуктов и их транспортировки, керамической кружкой-кувшином (рис. 3.11, 6), кинжалом (рис. 3.12, 8), пряжками с овальной рамкой (рис. 3.12, 22).

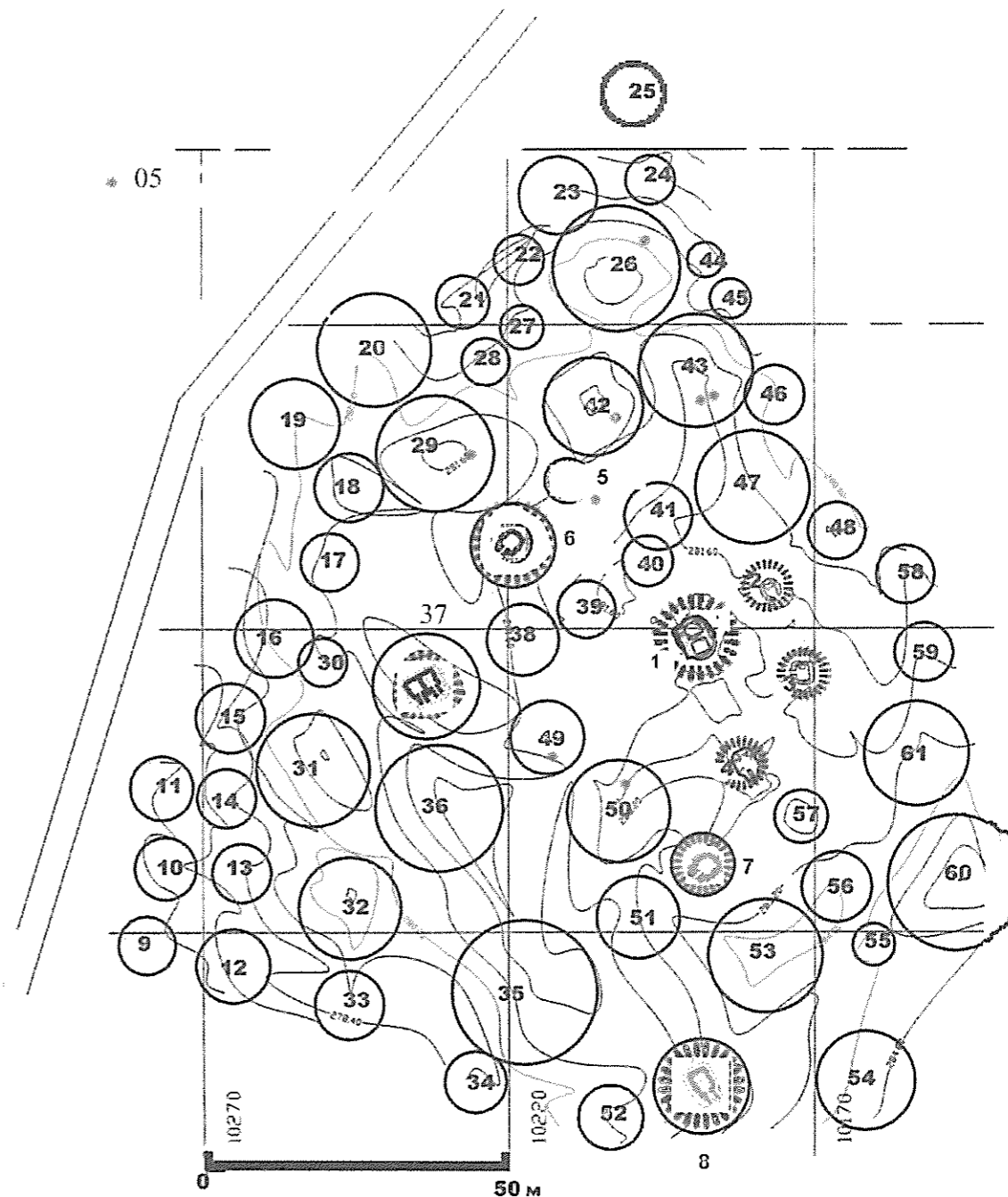

Рис. 3.15. План участка могильника, исследованного в 2004–2005 годах

В целом, в раскопанных в полевой сезон 1998 г. наземных погребальных постройках типа «оградок» (курганы 25 и 26) и сооружения типа «науса» (курган 14) представлены стандартными наборами.

В 1999 г. раскопано пять склепов на участке, расположенном на склоне левой надпойменной террасы р. Арысы, в 1 км от городища Жуантобе²⁵.

Постройки различаются планами и размерами погребальных камер, высотой их стен. Отмечаются различия и в ориентации входов. В погребальных ка-

мерах этих склепов выявлены как одиночные, так и парные и коллективные захоронения умерших с наборами инвентаря, сопровождавшего покойных при погребении.

Склеп 48 (курган 7). Диаметры кургана составляет 18,2x18,2 м, высота—3 м. Верх стен наземной

²⁵ Байпаков К.М., Грищенко А.Н., Кожа М., Нурпеисов М.М. Работы Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции в долинах рек Сырдарья и Арысы. С. 209–215.

постройки зафиксирован в его западной половине на глубине 1,3 м. В ходе расчистки по периметру стен, возведенных из пахсы, был зафиксирован план постройки, состоящей из подпрямоугольной погребальной камеры со скругленными углами и коридорчика, примыкающего к ней по центру короткой южной стены. Коридорчик ориентирован входом на ЮЮЗ (азимут его продольной оси 203°). Погребальная камера имеет размеры 2,5х3,2 м. Стены сохранились на высоту до 0,6 м.

На полу камеры, выложенной из крупной речной гальки, у короткой — северной стены отмечены три кучи раздробленных и перемешанных костей, у южной (со стороны входного коридорчика) — отдельные кости от голеностопных и тазобедренных суставов и предплечья.

Погребальный инвентарь, собранный на полу камеры и в скоплениях костных останков, представлен железными орудиями, предметами быта и обихода и вооружения: ножами (четыре, один из которых сохранился полностью, три остальных фрагментированы); палаш; черешковые наконечники стрел; три пряжки от поясной гарнитуры; бронзовая миниатюрная пряжка с коротким щитком; бусами: найдены две бусины — из сердолика и стекловидной пасты. В набор погребального инвентаря входила керамическая кружечка, найденная во входном коридорчике.

Склеп 49 (курган 13) Диаметры кургана с севера на юг 5,9 м, с востока на запад 5,6 м. Верх стен погребальной постройки, сложенной из кирпича-сырца, размерами 39—41х19—20х9—10 см, был зафиксирован в его юго-западном секторе на глубине 0,3 м от вершины кургана.

В ходе зачистки, проведенной по верху стен, выявлен овальный план этой постройки, включавшей подквадратную камеру. Вход в погребальную камеру устроен в центре юго-западной стены. Размеры погребальной постройки и камеры по поперечным и продольным осям соответственно 3,2х4,2 и 2,0х2,1 м. Камера ориентирована своими углами по основным направлениям сторон света. Основания стен погребальной постройки поставлены на площадку из пахсы. Полы погребальной камеры и входа в нее вымощены мелкой речной галькой. Стены постройки сохранились на высоту 0,8 м.

Камера содержала одиночное захоронение, от которого сохранились только кости голеней и стоп. Судя по дошедшему до нас инвентарю, сопровождавшему погребение, здесь была похоронена молодая женщина или девушка. В его составе отмечаются ювелирные изделия и украшения, многофункциональные орудия, предметы быта и обихода, детали наборного пояса и железная пряжка от обуви.

Ювелирные украшения представлены ожерельем из бус (35 штук) (фото 3.48 (13) (фото 3.6)). Бусы изготовлены из полудрагоценных камней (лазурит, сердолик), органических (кораллы, перламутр) и неорганических соединений (стекловидная паста). В состав ожерелья входили бронзовые подвески в виде «плода граната», шестилучевой «звездочки», фигурки птички с коротким хвостиком (перепел?) и шарика с витым кончиком. На двух бусинах отмечена гравировка (травление?) в виде «снежинок» или «звездочек» и «глазков». К ювелирным изделиям можно отнести железную булавку с головкой из сердоликовой бусины.

Из многофункциональных орудий в захоронении обнаружены железные ножи, сопровождавшие как мужские, так и женские, и детские погребения.

Детали наборного пояса представлены овальной железной пряжкой со щитком и накладными бляшками из железа и бронзы.

Назначение круглой биметаллической коробочки (железное дно и бронзовый бортик, внутри которого крепилась листовидная подвеска (железо), занимавшая большую часть объема коробочки, не установлено. Она была найдена в месте скопления деталей от наборного пояса, что позволяет предположить, что она входила в состав поясного набора.

Склеп 50 (курган 17) (рис. 3.14, 2). Диаметры кургана с севера на юг 11,8 м, с востока на запад 12,2 м.

В ходе работ была вскрыта погребальная постройка — двухкамерный склеп. В интерьере камер зафиксированы П-образные суфы, выложенные обломками керамики. В стенах над суфами зафиксированы нишки, в которых, видимо, устанавливались сосуды с поминальной пищей. В одной нишке обнаружена кружечка с зооморфной ручкой, изображающей барана.

Погребальная постройка подпрямоугольная в плане, длина и ширина по верху стен 7,2х3,6 м. Она ориентирована длинной осью по направлению с северо-востока на юго-запад. Учитывая то обстоятельство, что азимут продольной оси погребальной постройки менее 30°, мы принимаем ее ориентацию как меридиональную.

Погребальные камеры А (северная) и Б (южная) подквадратные в плане. Размеры камер: 3,0х2,6 и 2,5х2,6 м. П-образные суфы имеют ширину от 0,44 до 0,74 м. Они устроены вдоль двух коротких (северной и южной) и одной длинной (западной) стен погребальных камер. В центрах восточных стен (без суф) оставлены проходы в погребальные камеры шириной до 0,62 м. Снаружи проходы в камеры оформлены в виде коридорчиков длиной 0,8 м, над которыми были сделаны коробовые перекрытия из кирпича-сырца.

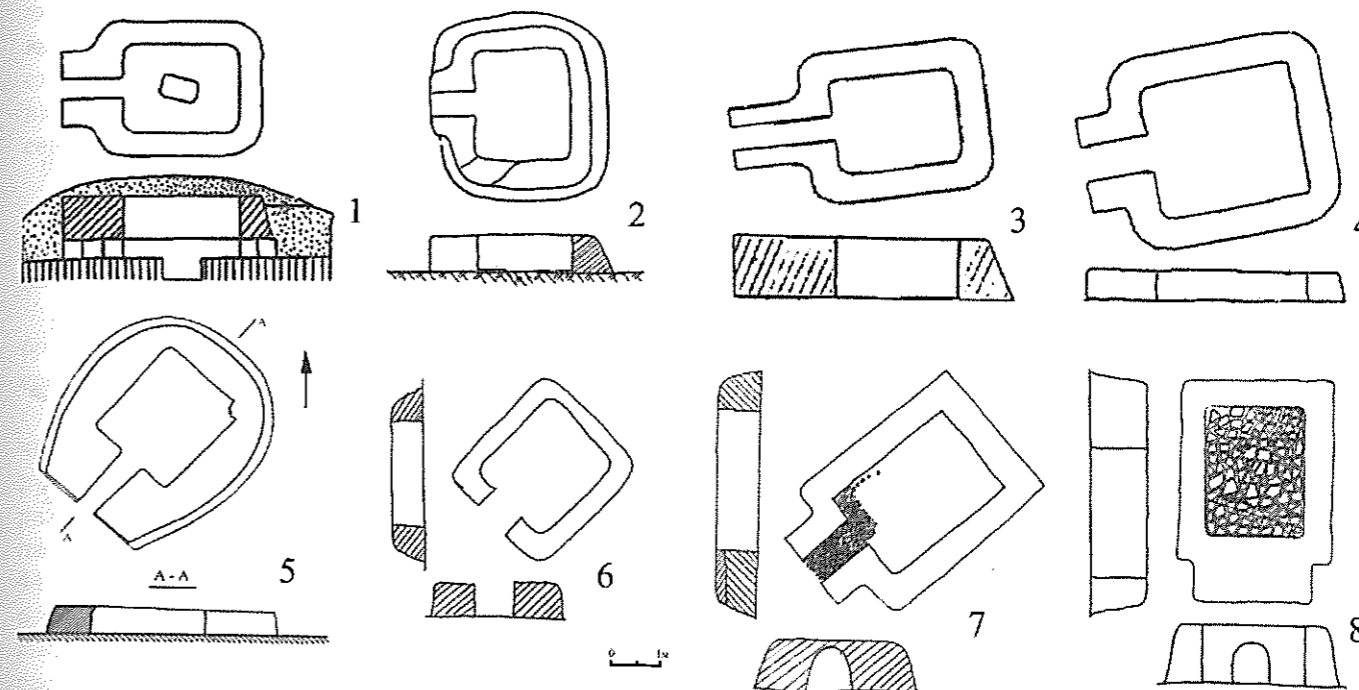

Рис. 3.17. Планы и разрезы склепов: 1—склеп 59; 2—склеп 67; 3—склеп 60; 4—склеп 61; 5—склеп 71; 6—склеп 79; 7—склеп 77; 8—склеп 74.

В обеих камерах были совершены коллективные захоронения. Кости скелетов разбросаны и перемешаны. В камере Б зафиксировано впускное погребение мужчины, в ходе которого северная суфа была частично разрушена могильной ямой этого погребения. Ориентация этого погребенного, скелет которого сохранился полностью, черепом к северо-западу, это погребение совершено по «мусульманскому обряду».

Судя по оставшемуся после ограблений инвентарю, в погребальных камерах находились мужские и женские захоронения.

В камерах найдены железные ножи, поясные и обувные пряжки, бляшки от наборных поясов. Вооружение представлено фрагментами меча и палаша, наконечниками стрел. Среди находок железный крючок от поясного набора, на который подвешивалась сумочка для мелких предметов.

Предметы быта и обихода представлены оселком для заточки ножей, косметическими наборами, состоящими из заостренных каменных палочек и кусочков графита для окраски бровей (сурматашей) и пряслицем (камень).

В составе женских наборов инвентаря отмечены бусы, пряслице, дужки от сережек (бронза) и кулон (из золота низкой пробы по предварительному заключению ювелиров) с зернью и каплевидной вставкой черного цвета (камень, стекло?). Археоло-

гический комплекс датируется V—VI вв. В основу датировки положена кружечка с зооморфным налетом.

Склепы 51 и 52 (курганы 18, 19) были ограблены и частично разрушены. Под насыпями курганов зафиксированы, местами в следах, подпрямоугольные в плане наземные постройки со стенами, выполненными из пахсы.

В кургане 18 пол погребальной камеры устроен из мелкой речной гальки.

В кургане 19 полов не зафиксировано. Вероятно, они были уничтожены грабителями. Костные останки умерших в погребальных камерах этих курганов не найдены.

Остатки погребального инвентаря представлены бронзовым «лировидным» ремненным наконечником от поясного набора и крупной бусиной из стекловидной пасты.

В кургане 19 найдены две бусины в виде «зернышка граната» (сердолик) и бочонковидный (коралл), бронзовыми каплевидной подвеской из ожерелья и накладной бляшкой от поясного набора.

Археологические комплексы из погребальных построек предварительно датируются VII—VIII веками.

В 2001 г. исследовалась группа курганов, расположенная в 1 км на юго-запад от городища Жуантобе. Было вскрыто 6 курганов. Все они, как оказалось, относятся к типу наземных сырцовых погребальных по-

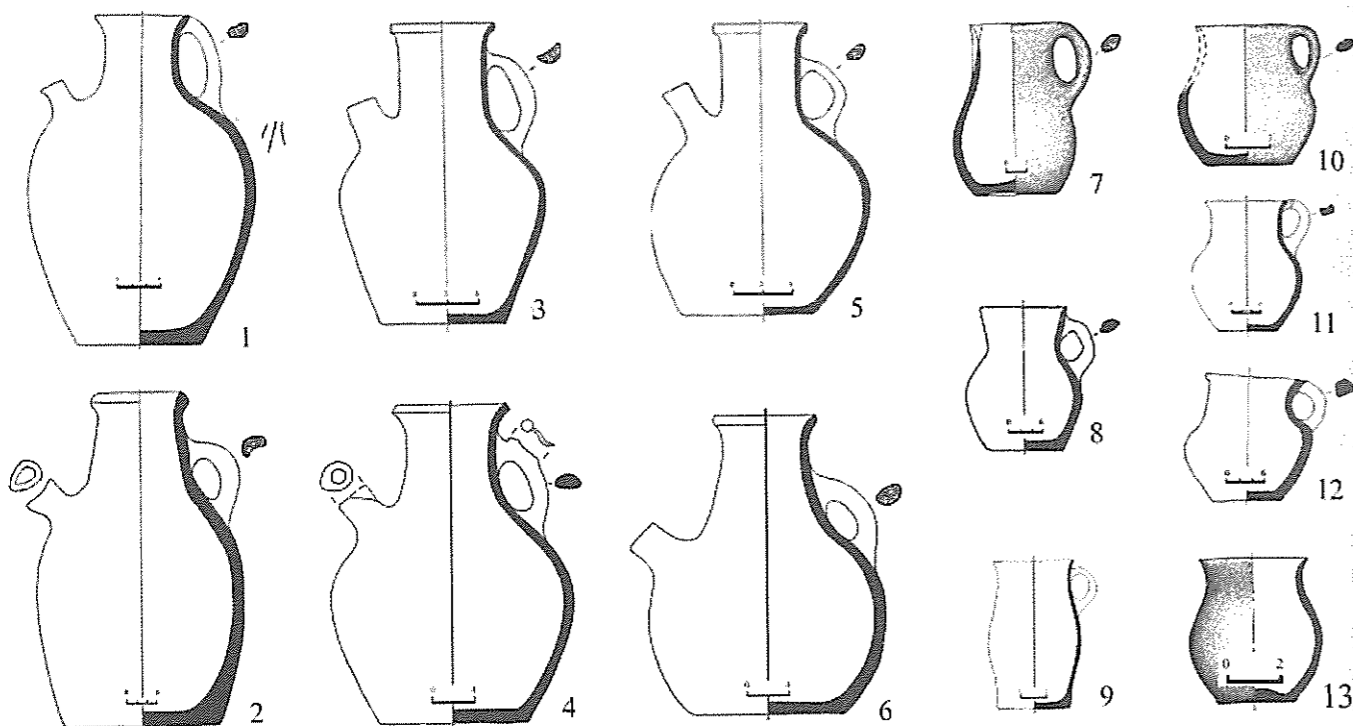

Рис. 3.18. Керамические сосуды: 1, 2, 3, 4, 5, 8, 11, 12—склеп 65; 4—склеп 72; 6—склеп 62; 7—склеп 58; 10—склеп 56; 13—склеп 60.

строек²⁶. В отчетной документации и предварительных публикациях эти погребальные постройки уже однозначно описываются как наземные склепы²⁷.

Склеп 53 (склеп 1). До расчистки представлял собой невысокий около 0,80 м холм, вытянутый по оси север-юг на 12,8 м, по линии восток-запад на 13,6 м.

В результате расчистки в центре кургана на уровне 37 см от дневной поверхности была выявлена кладка погребального сооружения. Оно представляет собой постройку из сырцового кирпича под прямоугольной в плане формы с закругленными углами. Внутренний размер камеры 2,55x2,69 м, толщина стен колеблется от 22 до 33 см, у основания 60 см. Сохранившаяся высота стен 1,12 м. Вход в сооружение ориентирован на юго-восток, имеет ширину 67 см. Пол выстлан речной галькой, залитой глиняным раствором.

В южной части раскопа выявились следы ограбления. Кости скелетов, и часть инвентаря находились выше дна камеры на уровне 29 см, во входе и за пределами камеры.

²⁶ В этом и последующем сезонах раскопки на некрополе велась Ержигитовой А.А.

²⁷ Ержигитова А.А. Раскопки Борижарского могильника // Маргулановские чтения. Труды научно-практической конференции.—Шымкент—Алматы, 2002. С. 122—125.

При расчистке погребального сооружения на уровне 80 см от высшей точки стены были обнаружены кости скелета, среди которых расчищены 2 бронзовых перстня (рис. 13.21, 11, 12), железная поясная пряжка (округлой кольцевой формы с крючком) (рис. 3.20, 11), 2 пастовые бусины, фрагменты железного ножа. На уровне пола вдоль юго-восточной стены был найден сильно деформированный череп; 6 наременных бронзовых накладок (рис. 3.21, 26, 27); 3 фрагмента железного кольца и железный крючок (рис. 3.20, 23). При расчистке входа было обнаружено 2 черепа, кости скелета и фрагменты железных предметов плохой сохранности.

При расчистке южной части камеры на уровне 42 см от дневной поверхности были обнаружены кости скелета; бусы: пастовые и сердоликовые; фрагменты миниатюрного бронзового зеркала (рис. 3.23, 1); фрагменты бронзового украшения, бронзовая подвеска (рис. 3.21, 10). В восточной части раскопа на уровне 35 см найдены большая стеклянная бусина и сурматаш (рис. 3.23, 8).

Склеп 54 (склеп 2). До расчистки представлял собой невысокий до 60 см. холм, вытянутый по оси север-юг на 12,6 см., по линии восток-запад на 12,0 м.

На уровне 38 см от дневной поверхности была выявлена кладка погребального сооружения, имеющая прямоугольную форму. Размеры постройки север-

юг—1,76 м, запад-восток—2,90 м. Толщина стен колеблется от 16 до 27 см. Сохранившаяся высота стен—76 см. Высота юго-западной стены сохранилась на уровне 18 см. Вход ориентирован с юго-востока на северо-запад, ширина—0,85 м. Пол выстлан галькой.

Кости отсутствовали. В погребении были обнаружены фрагмент керамического сосуда со сливом, фрагмент венчика бронзового сосуда, фрагмент миниатюрного бронзового зеркала.

Склеп 55 (склеп 3) до расчистки представлял собой невысокий до 50 см холм, вытянутый по линии север-юг на 8,36 м, запад-восток—7,80 м.

На уровне 38 см от дневной поверхности при расчистке была обнаружена кладка погребального сооружения. Сооружение овальное в плане, внутренние размеры квадратной камеры: север-юг—1,30 м, запад-восток—1,35 м; сохранившаяся высота стены—44 см, толщина колеблется от 23 до 28 см. Вход ориентирован на юго-восток, ширина—80 см. Пол выстлан речной галькой, верх обмазан глиняным раствором.

Костей погребенного не обнаружено. В камере склепа были найдены: фрагмент венчика керамического сосуда, одна пастовая бусинка, маленькие фрагменты бронзового изделия (скорее всего зеркальца).

Курганы 4, 5, 6 расположены к югу от трассы Шымкент—Арысь (в пределах 10—15 м). Курганы были разрушены местным населением при выемке грунта для строительных целей.

Склеп 56 (склеп 4) представлял собой холм высотой до 2 м, северная часть которого была полностью разрушена. При первоначальном обследовании в разрезе кургана были обнаружены профиль стены сооружения, кости скелета, речная галька.

Раскоп был заложен по центру холма на площади 2,80x2,90 м. После снятия дернового слоя (10—12 см) была обнаружена конструкция погребального сооружения, сложенная из сырцовых кирпичей (36x35x15 см, 36x36x14 см, 47x25x12 см). Сохранившаяся высота стен 1,42 м. Вход арочный, ориентирован на юго-восток, высота 86 см, ширина у основания 60 см. Сохранились юго-восточная (длина—1,90 м), северо-западная (длина—2,03 м) и северо-восточная (длина—0,60 м) стены погребальной камеры. Пол выстлан речной галькой и фрагментами керамики. На уровне 35 см выше уровня пола был обнаружен череп. На уровне пола в юго-восточном углу камеры был обнаружен второй череп, керамическая кружка (рис. 3.18, 10), каменное пряслице из розового камня с пунсонным орнаментом (рис. 3.23, 9), железный трехперый наконечник стрелы (рис. 3.19, 15), бронзовая наременная пластинка с фрагментами кожи.

Склеп 57 (склеп 5). Высота кургана около 1,30 м; северная и восточная часть кургана снесены. Сохранившаяся часть кургана имела длину по линии север-юг—9 м, запад-восток—12,0 м.

Раскоп заложен в центре кургана на площади 2,90x2,60 м. На уровне 26 см от дневной поверхности была обнаружена кладка стен погребального сооружения. Оно представляло собой овальное в плане, сооруженное из сырцового кирпича. Внутренние размеры камеры 2,24 м (запад-восток) на 2,46 м (север-юг). Толщина стен колеблется от 40 до 47 см, сохранившаяся высота стены 47 см. Вход ориентирован на юго-восток, ширина 63 см.

Пол камеры выстлан речной галькой, обмазан глиняным раствором. На полу камеры были найдены разбросанные кости погребенного, череп в северо-западном углу камеры. Из инвентаря найдено 6 серебряных наременных накладок со штифтом с оборотной стороны (рис. 3.21, 22—25), фрагменты бронзового зеркала, 4 бусины из сердолика, 6 пастовых бусин.

Склеп 58 (склеп 6). Представлял собой холм высотой около 1,30 м, с северной, восточной и западной стороны разрушен выемкой грунта.

Раскоп был заложен на площади 5x4,60 м. После снятия дернового слоя на уровне 25 см от дневной поверхности была обнаружена кладка стен погребального сооружения. При зачистке камеры на уровне 85 см от высшей точки стены в северо-западном углу были обнаружены: череп, ориентированный на север, кости погребенного, сложенные в кучу, одноручный красноангобиранный кувшинчик (рис. 3.18, 7). В северо-восточном углу было обнаружено 2 черепа, ориентированных на запад и сложенные в кучу кости. Под черепами были найдены фрагменты 2-х бронзовых зеркал (рис. 3.23, 3—4).

В полевом сезоне 2002 г. было вскрыто 3 склепа, расположенные в 700 м юго-восточнее городища Жуантобе, в 30—45 м от трассы Шымкент—Арысь.

Склеп 59 (курган 1) (рис. 3.17, 1). До раскопок представлял собой холм высотой около 2 м, диаметром 22,8x23,4 м. Под насыпью находилось погребальное сооружение прямоугольной формы с закругленными углами, внутренние размеры которого 2,7x3,5 м. Стены сохранились на высоту 1,9 м, сложены из пахсовых блоков различной толщины. Некоторые из них размерами приближаются к крупноформатному сырцовому кирпичу длиной около 0,5 м. Толщина стен в верхней части 0,6—0,7 м. С запада в камеру вел вход с «порталом», выступающим на 1,15 м. Ширина «портала» 2,3 м с толщиной стен 0,85 м.

Склеп ограблен, это стало ясно при снятии дернового слоя. В южном секторе уже на уровне со-

временной дневной поверхности стали попадаться фрагменты керамических сосудов, речная галька, раздробленные кости человеческого скелета. Эти же находки встречались и при расчистке камеры. На уровне 1,3 м от высшей точки стены вдоль стен была расчищена выстилка из речной гальки и фрагментов толстостенных сосудов (хумов), выложенных вертикально вдоль стен. По-видимому, на этом уровне был выложен пол, который был пробит грабителями, а речная галька и фрагменты керамики были выкинуты за пределы камеры (о чем свидетельствует многочисленное их скопление в южном секторе раскопа). На этом же уровне расчищен пол входного коридора.

Чтобы выяснить, зачем грабителями пробит пол, вдоль северной стены был заложен шурф шириной 1,2 м. На уровне 1,9 м от высшей точки стены обнаружены контуры ямы. Она была вырыта в материковом лессе, имела прямоугольную форму с размерами 1,15x0,7 м, глубиной 0,65 м (глубина от современной дневной поверхности 2,95 м), ориентирована длинными сторонами с юго-востока на северо-запад. При расчистке ямы ничего не обнаружено.

Склеп 60 (курган 2) (рис. 3.17.3) расположен в 20 м западнее кургана 1. До раскопок представлял собой холм высотой около 1,7 м, диаметром 17,4x16,7 м. Погребальное сооружение располагалось в центре кургана. Оно представляло собой постройку прямоугольной формы с закругленными углами. Внутренние размеры камеры 2,0x2,55 м. Толщина стен верхней части 0,5–0,6 м, снаружи постепенно расширяется к низу, в нижней части ширина достигает 1,1 м. В юго-восточной стене имеется пробоина шириной 0,8 м, в этом месте стена сохранилась на высоту 0,9 м. Длинными сторонами ориентирована с северо-востока на юго-запад. С юго-запада в камеру ведет вход в виде коридора длиной 2,1 м, шириной прохода 0,5 м, толщиной стен 0,4 м.

При расчистке камеры на разных уровнях попала речная галька. На уровне 0,5 м от высшей точки стены вдоль юго-восточной стены обнаружен человеческий череп. На уровне 0,85 м вдоль северной стены расчищено скопление костей человеческого скелета, обломок железного двулезвийного кинжала (длина сохранившейся части — 11,5 см, длина клинка — 6,7 см, наибольшая ширина — 4,0 см, наибольшая толщина — 1,4 см), каменное дисковидное напрясло (рис. 3.23, 10). В северо-западном углу камеры найдены керамический кувшинчик (высота сосуда — 9,3 см) (рис. 3.18, 13), каменное напрясло (рис. 3.23, 11), скопление костей и череп, ориентированный на северо-запад. На уровне 0,9 м у северо-восточной стены найден еще один череп,

ориентированный лицевой частью на восток, у нижней челюсти которого лежала костяная подвеска в виде кулачка. На уровне 1,25 м расчищен пол, выложенный речной галькой.

Склеп 61 (курган 3) (рис. 3.17, 4) расположен в 40 м севернее кургана 2. До раскопок представлял собой холм высотой около 1,0 м. Погребальное сооружение располагалось в центре холма, представляло собой постройку прямоугольной формы с закругленными углами. Внутренние размеры камеры 2,9x2,6 м. Стены сохранились на высоту 0,56 м, толщиной 0,5–0,6 м. С юго-запада в камеру ведет вход с «порталом», выступающим на 0,7 м, шириной 1,85 м. Пол вымощен речной галькой.

При расчистке камеры лишь местами попадались раздробленные человеческие кости. Ни целых костей скелета, ни погребального инвентаря не обнаружено.

В сезоне 2003 г. работы были продолжены и раскопано 3 склепа.

Склеп 62 (курган 1). Диаметр холма до расчистки с севера на юг 12 м, с востока на запад — 13 м, высота около 1,50 м. Погребальное сооружение имеет прямоугольную форму со слегка закругленными углами, ориентировано углами по сторонам света. Сохранившаяся высота сооружения 0,75 м. Стены, ориентированные с северо-востока на юго-запад имеют длину 3,46 м, с северо-запада на юго-восток длину 3,35 м. В юго-западной стене устроен вход в камеру шириной — 0,85 м, длиной — 0,90 м. Пол был выстлан мелкой речной галькой. При расчистке камеры на уровне пола были найдены: 2 сердоликовые, 1 пастовая бусины, 1 раковина-каури, пряслице дисковидной формы из белого камня диаметром 3,4 см (рис. 3.23, 14), бронзовое дисковидное зеркало диаметром 6,5 см, бронзовое колечко с несомкнутыми концами, фрагмент бронзовой серьги (?). Костей погребенных не обнаружено.

Склеп 63 (курган 2). Диаметр холма с севера на юг — 0,85 м, с востока на запад — 0,72 м. Погребальное сооружение размерами 3,65x3,70 м. Сохранившаяся высота стен — 0,40 м, толщина — 0,60 м. В юго-западной стене устроен вход шириной 0,35 м. При расчистке камеры не найдено ни костей захороненных, ни сопровождавшего их инвентаря.

Склеп 64 (курган 3). Диаметр холма с севера на юг — 13 м, с востока на запад — 12,8 м. Высота кургана около 1,50 м. Северные и восточные склоны крутые, западные и восточные — пологие. Погребальное сооружение прямоугольной формы с закругленными внешними углами, снаружи стены наклонны. Склеп длинными сторонами ориентирован с севера на юг. Длина стен, ориентированных с севера на

юг — 3,70 м, с запада на востока — 3,60 м. Толщина стен — 0,90 м. Сохранившаяся высота — 1,30 м. Западная стена, ближе к северо-западному углу, пробита грабителями, ширина пробоины 0,60 м. В южной стене устроен вход в камеру, шириной — 0,70 м. Пол вымощен речной галькой, поверх которой уложены крупные фрагменты керамики. При расчистке камеры у входа был найден красноангобированный керамический кувшин с носиком-сливом высотой 29 см (рис. 3.18, 6), на разных уровнях найдены сильно коррозированные предметы из железа: 5 пряжек, фрагмент ножа, две прямоугольные панцирные пластины с закругленными углами. При расчистке камеры расчищены разрозненные кости человеческого скелета. В северо-западном углу на уровне пола был расчищен череп, ориентированный на северо-восток.

В 2004 г. исследования на памятнике начались в рамках государственной программы «Культурное наследие». Для планомерных работ был выбран локальный участок некрополя, расположенный в 500–600 м к югу от городища Жуантобе, на склоне левой террасы поймы р. Арысь. Склон ориентирован с востока на запад и имеет перепад уровней 7–8 м на расстоянии 120 м. С запада и северо-запада участок ограничен резким перепадом склона, с северо-востока и юга — небольшими саями. Участок имеет подтреугольную в плане форму площадью около 2 гектар (130x150 м). На этой территории находится 61 курганообразный холм разной величины. Из них выделяются 15 крупных холмов с диаметром по основанию около 20 м. Более мелкие холмики расположены на участках между этими крупными холмами. При этом предполагается, что на этом небольшом межсаевом мысу на всем протяжении жизни города локализируются погребальные сооружения отдельной семейно-родственной группы (клан, патронимия) (рис. 3.15).

В этом сезоне здесь были вскрыты 8 наземных склепов. Два из них (№1 и 6) оказались двухкамерными.

Склеп 65 (склеп 1) (рис. 3.14, 3) (фото 3.10) до расчистки представлял собой холм диаметром до 20 м, высотой 2,8 м. Северный склон, обращенный к пойме, более крутой. В его центре расчищено наземное погребальное двухкамерное сооружение.

В плане сооружение имеет вид вытянутого с северо-запада на юго-восток овала с выделенной прямой юго-западной стеной, в которой устроены лазы в погребальные камеры. Длина склепа по основанию 15 м, ширина — 12 м. Сохранившаяся высота стен от уровня пола погребальных камер 1,2 м, а снаружи северо-западной стороны — 1,8 м.

Так как постройка вытянута по направлению склона террасы, то естественно, что сохранившаяся

высота с северо-западной стороны выше на 0,6 м, чем сохранившаяся высота с юго-восточной стороны. Это обстоятельство указывает также на то, что под уровнем горизонтального пола камер при постройке была устроена пахсовая платформа. Ее поверхность внутри камер выложена крупной галькой, а сверху еще залита слоем глины около 5–7 см толщиной.

Наружные поверхности стен постройки имеют наклон, так что толщина стен камер в основании значительно больше таковой на уровне 1,2 м от пола камер. Выделенная (выступающая и прямая) юго-западная стена с входами в камеры имеет толщину 1,3–1,25 м (на уровне 1,2 м высоты), ее наклон на высоте 1,2 м составляет 0,3 м. Толщина стены, разделяющей камеры — 0,7 м.

Камера 1 (северо-западная) имеет размеры 2,3x2,80 м. В нее ведет стрельчатый арочный проход шириной 0,4 м, высотой 0,90 м, длиной 1,5 м. Вход в камеру заложен сырцовым кирпичом 50x25x10 см, положенным на ребро. Ровный пол покрыт глиняной заливкой поверх галечной вымостки.

При расчистке камеры в заполнении встречались обломки сырцового кирпича и куски пахсы. На этом уровне стали встречаться разрозненные кости человеческого скелета (фаланги пальцев, обломки бедренных костей, зубы, часть нижней челюсти). В надпольном слое (глубина — 1,1–1,25 см) встречены разрозненные и разбросанные кости скелета — ребра. У северо-западной расчищен череп, покрытый фрагментом боковины крупного кувшина. Рядом находились другие обломки этого кувшина.

На полу камеры в северо-западном углу стоял красноангобированный кувшин высотой 46 см (рис. 3.18, 1), примерно в средней части камеры расчищены тазовые кости и кости ног другого скелета. Остальные кости разбросаны по полу камеры. На этом же уровне зафиксированы кости другого скелета среди которых найдены 4 железных наконечника стрел (рис. 3.19, 3–6)

Таким образом, в камере 1 склепа 1 зафиксировано два уровня полов, на которых совершались погребения. Первоначальный пол на глубине 2,20 м от уровня современной дневной поверхности выстлан крупной речной галькой и залит глиной. С этим полом связаны разрозненные отдельные кости двух скелетов (без черепов). Здесь найдены два железных ножа (рис. 3.19, 35, 36), две крупные железные поясные пряжки (рис. 3.20, 4, 5). Выше этого пола на 20 см зафиксирован второй пол, с которым связаны неполный скелет с черепом и два керамических сосуда.

Камера 2 размером 2,1x2,7 м. Проход в камеру аналогичный как в камере 1, но не заложен сырцовым кирпичом.

На глубине 1,10 м от уровня современной дневной поверхности расчищен скелет без черепа, лежащий наклонно, так что кости ног лежат на глубине 1,55 м. Скелет в анатомическом порядке, но отсутствуют череп, правая нога, кости левой ноги ниже колена, фаланги пальцев раскиданы. В области шейных позвонков собраны разнообразные бусы от ожерелья (19 сердоликовых, 13 коралловых, из ракушечника, индигалита, 110 пастовых) и бронзовая серьга.

Первоначальный пол камеры 2 расположен на глубине 2,20 м. После снятия «впускного» погребения с уровня 1,75 м начали попадаться разрозненные кости скелетов, венчики кувшинов, стоявших на основном полу. В этом предпольном слое толщиной около 0,35–0,4 м расчищены остатки не менее 7 скелетов. Обнаружено 7 черепов и длинные кости конечностей, сконцентрированные в виде кучи в северо-восточном и юго-западном углах склепа. Среди них найдено 6 керамических сосудов (3 кувшина (рис. 3.18, 2, 3, 5), 3 кружки (рис. 3.18, 8, 11, 12); 8 наконечников стрел (рис. 3.19, 7, 16–22); железные пряжки (рис. 3.19, 3, 7, 8, 12); 2 бронзовые пряжки (возможно обувные) (рис. 3.21, 15, 16); 2 стерженька для сурьмления (рис. 3.23, 6, 7); 2 янтарные, 4 хрустальные бусины; каменная подвеска; 2 каменных пряслица (рис. 23, 12, 14); бронзовая серьга (рис. 3.21, 3); золотой кулон с гранатовой вставкой и зернью (рис. 3.21, 6) (фото 3.13). Серьга бронзовая представляет собой несомкнутое кольцо с приостренными концами и разрывом наверху и утолщением, которое переходит в неподвижную подвеску в виде двух шариков, отлитую вместе с серьгой. Эта серьга относится к серьгам салтовского типа. Аналогичная по форме серьга найдена в Пенджикенте вместе с монетой чекана 761–762 гг.²⁸ Серьги салтовского типа известны и по находкам из могильников Северного Таджикистана²⁹. Кулон представляет собой плоскую золотую пластину каплевидной формы (заостренным концом вниз), с двумя рядами зерни по краю. Размеры подвески: высота — 22 мм, ширина — 15 мм. В центре — из тонкой золотой пластины напаяно овальной формы гнездо (высота 2 мм) для вставки, обрамленная рядом зерни. В гнездо вставлен гранатовый камень. В верхней части имеются следы ушка. Обратная сторона подвески гладкая. Украшения, исполненные в аналогичной технике, найдены в Согде при раскоп-

ках в Пенджикенте³⁰, в погребениях джетысарских могильников³¹: целая серия золотых, серебряные бронзовых украшений — серьги, медальоны, подвески. Все вещи близки между собой стилистически и по технике исполнения: они инкрустированы камнями, важным элементом орнамента является зернь, идущая по краю изделий и вокруг гнезда для вставки камней. Пенджикентские и джетысарские находки датированы VI–VII вв. н.э.

При расчистке прохода были расчищены детский череп, кости скелета, бронзовая шпилька (рис. 3.21, 1), железная пряжка. Перед входом в камеру 1 (на расстоянии 1,2 м) расчищен череп лошади.

Склеп 66 (склеп 2) расположен в 9,3 м к северо-востоку от склепа 1. До раскопок имел вид оплывшего круглого в плане холма диаметром 8,0х9,0 м, высотой около 1,0 м. Погребальное сооружение квадратной в плане формы, углами ориентирован по странам света. Размеры по наружному контуру 3,3х3,3 м, погребальной камеры 2,0х2,0 м. Сохранившаяся высота стен 0,7–0,75 м. Наружная поверхность стены имеет некоторый уклон. Вход в камеру был, вероятно, устроен в центре юго-восточной стены, но эта стена частично пробита грабительским лазом, и вход был разрушен. Пол вымощен речной галькой.

При расчистке камеры на глубине 0,20 м от уровня современной дневной поверхности найдена бронзовая пряжка с прямоугольной рамкой (рис. 3.21, 17). На глубине 0,32 м найден фрагмент бронзового зеркала. При расчистке заполнения камеры зафиксированы обломки сырцового кирпича.

Остальные находки концентрировались на уровне пола погребальной камеры. Здесь расчищены два черепа и полные два скелета, все кости были собраны в кучу у северо-западной стены. Среди костей найдены: круглая железная пряжка, обломки железного ножа, набор из 5 бронзовых накладных наременных бляшек (две в виде псевдопряжек) (рис. 3.21, 18–22), бусы коралловые, костяные, пастовые, подвеска каменная. Бляшки бронзовые литые геральдических очертаний. По-видимому, они принадлежали поясу так называемого гунно-аварского типа. Аналогии бляшки этого типа находят в материалах джетысарских памятников IV–VII вв. н.э.

³⁰ Распопова В.И. Металлические изделия..., рис. 74, 1, 3, 4; 78, 5, 10

³¹ Левица Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э.—I тысячелетие н.э.—М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. ил. 42, 43 (а, б), рис. 119

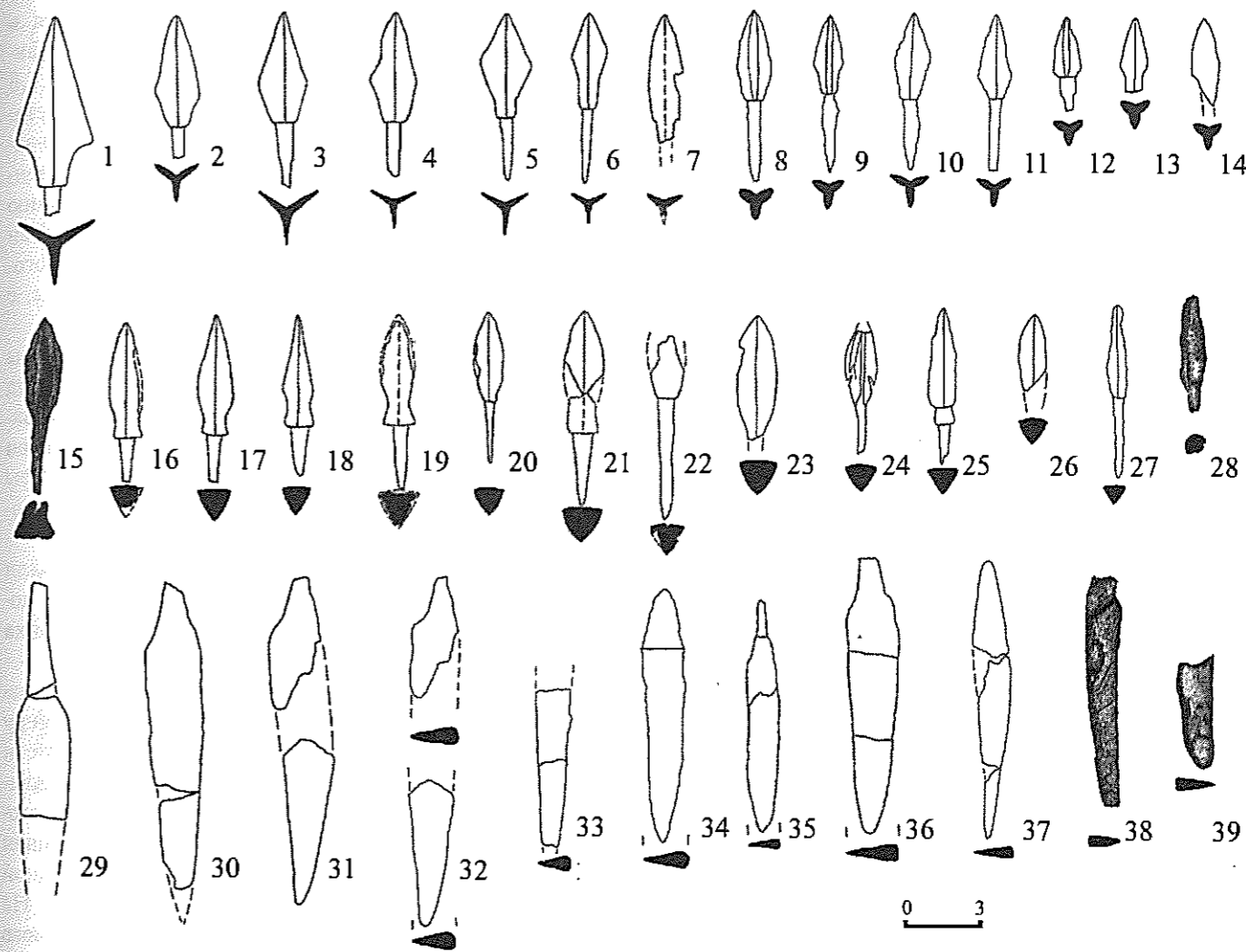

Рис. 3.19. Наконечники стрел и ножи из склепов: 1, 2—склеп 72; 3–7, 16–22, 35, 36—склеп 65; 29–31—склеп 69; 8–14, 23–26, 33, 34—склеп 68; 15—склеп 56.

Склеп 67 (склеп 3) (рис. 3.17, 2) расположен в 12 м к востоку от склепа 1. До расчистки имел вид круглого холма диаметром 8,2х9,0 м, высотой около 0,8 м. Погребальное сооружение прямоугольной формы. Размеры склепа по наружному контуру 3,60х3,0 м, погребальной камеры 2,5х2,1 м. Сохранившаяся высота стен 0,8 м, ширина в верхней части — 0,9 м. Вход в камеру устроен в центре западной стены. Ширина коридорообразного входного проема 0,5 м, длина 1,0 м. Пол камеры и прохода выстланы мелкой речной галькой.

При расчистке камеры не обнаружено ни костей, ни погребального инвентаря.

Склеп 68 (склеп 4) (рис. 3.16, 2) расположен в 15 м к юго-востоку от склепа 1. До расчистки имел вид круглого холма диаметром 13,0 м, высотой около 2,0 м. Склеп представлял собой прямоугольное в плане сооружение с закругленными наружными углами,

ориентирован углами по сторонам света. Размеры по наружному контуру 3,25х3,75 м. Сохранившаяся высота стен 1,1 м, толщина 0,6 м. Пол и проход камеры выстланы битой керамикой. Проход в камеру устроен в юго-восточной стене. Входной коридор длиной 2,5 м, шириной 0,5 м. У входа в камеру по обе стороны устроены суфы высотой 0,35 м.

При расчистке камеры на глубине 0,8 м расчищен скелет, лежащий наклонно, так что кости ног лежат на глубине 1,25 м. Скелет в анатомическом порядке, ориентирован головой на юго-запад. На этом же уровне расчищены раскиданные кости другого скелета. Здесь же найдены маленькая железная пряжка, бусы. (Впускное погребение).

На полу в северо-восточном углу и вдоль северо-восточной и юго-западной стен были расчищены раскиданные кости человеческого скелета и череп.

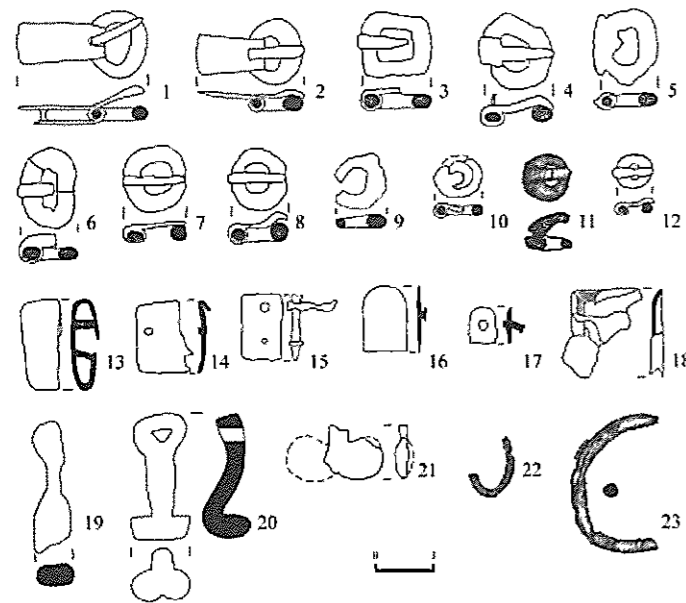

Рис. 3.20. Изделия из железа: 1,2—склеп 72; 3—5,7,8,12—склеп 65; 6,10—склеп 68; 11,22,23—склеп 53; 17,21—склеп 69.

Среди костей найдены: 9 железных наконечников стрел различной сохранности (рис. 3.19, 8—14, 23—26), один целый и два во фрагментах железных ножа (рис. 3.19, 31, 33, 34), железные пряжки (рис. 3.19, 6, 10), железный крючок и костяные концевые накладки на лук.

Склеп 69 (склеп 5) (рис. 3.16, 1) находится в 20 м к северо-западу от склепа 1. До расчистки представлял собой холм высотой около 1,5 м, диаметром 13x12,8 м. Камера 2,4x1,7 м, высота стен 1,1 м, толщина 0,8 м, углами ориентирована по сторонам света. В юго-восточной стене устроен вход высотой 0,9 м, длиной 2,2 м. По обе стороны входа устроены невысокие суфы.

При расчистке камеры на глубине 0,5 м расчищен скелет ребенка. Череп ориентирован головой на северо-запад в скорченном положении. В области шейных позвонков найдены бусы из коралла, пастовые и раковины-каури.

Пол выложен битой керамикой. На полу в северном, южном и западном углах расчищены 3 черепа, остальные кости раскиданы по камере. Из погребального инвентаря сохранились 3 железных ножа (рис. 3.19, 29—31), небольшая железная пластина со штифтом и фрагмент железного изделия (рис. 3.19, 17, 21).

Северо-восточная стена пробита грабительским лазом, где были расчищены кости скелета и обломки керамики.

Склеп 70 (склеп 6) (рис. 3.14, 7) находится в 20 м к западу от склепа 1. До расчистки представлял собой холм высотой 2,5 м, диаметром 18x17,8 м. Склеп ориентирован углами по сторонам света. В плане сооружение имеет вид вытянутого с юго-запада на северо-восток прямоугольника, с закругленными внешними углами. Длина склепа по основанию 16,5 м, ширина — 14 м. Сохранившаяся высота стен от уровня пола погребальных камер 1,75 м. В юго-восточной стене склепа устроены входы в камеры, с «порталами», выступающими на 0,8 м.

Камера 1 (северо-восточная) имеет размеры 2,5x1,7 м. В нее ведет стрельчатый арочный проход шириной 0,5 м, высотой 0,90 м, длиной 2,25 м, забутован пахсовыми блоками. Пол камеры выложен битой керамикой, вдоль трех стен возведены суфы шириной 0,4 м, на высоту 5 см. Восточный угол пробит грабительским лазом.

При расчистке камеры на глубине 1,4 м начали встречаться раскиданные кости скелета, среди которых найдены каменная, пастовые и из сердолика бусы и раковины-каури.

Камера 2 (северо-западная) имеет такие же размеры как камера 1, вход аналогичный, как в камеру 1. На уровне 1,3 м появляются раскиданные кости скелета. На уровне 1,4 м у восточного угла расчищено 2 черепа, один из которых ориентирован на юго-восток, другой на юг. У восточной стены расчищен еще один череп, ориентированный на юг. У западной стены лежал череп, ориентированный на север. На этом же уровне раскиданы кости без анатомического порядка. Среди костей найдены: каменный стерженек для сурьмления с графитом, каменная подвеска, бронзовые украшения: бронзовая калачиковидная серьга, бронзовый кулон с напаянным гнездом для вставки, фрагменты второго кулона, бронзовый колокольчик, нашивная бляшка и обломок заколки или шила (рис. 3.21, 7—9). Бронзовая калачиковидная серьга представляет собой несомкнутое кольцо с утолщением посередине, разрыв в кольце находится над утолщением. Аналогичные простые литые калачиковидные серьги найдены в Приаралье в материалах джетысарской культуры в комплексах с трехсоставными пряжками V—VII вв.,³² могильника Мокрая Балка VI—VII вв., в Пенджикенте в жилых комплексах, датированных монетами первой трети VIII века.

Склеп 71 (склеп 7) (рис. 3. 17, 5) находится в 30 м к югу от склепа 1. Диаметр холма 13x11,5 м,

³² Левина Л.М. Джетысарские культура. Склепы//Низовья Сырдарья в древности. Вып. II. М., 1993. С. 177, рис. 58, 26—27.

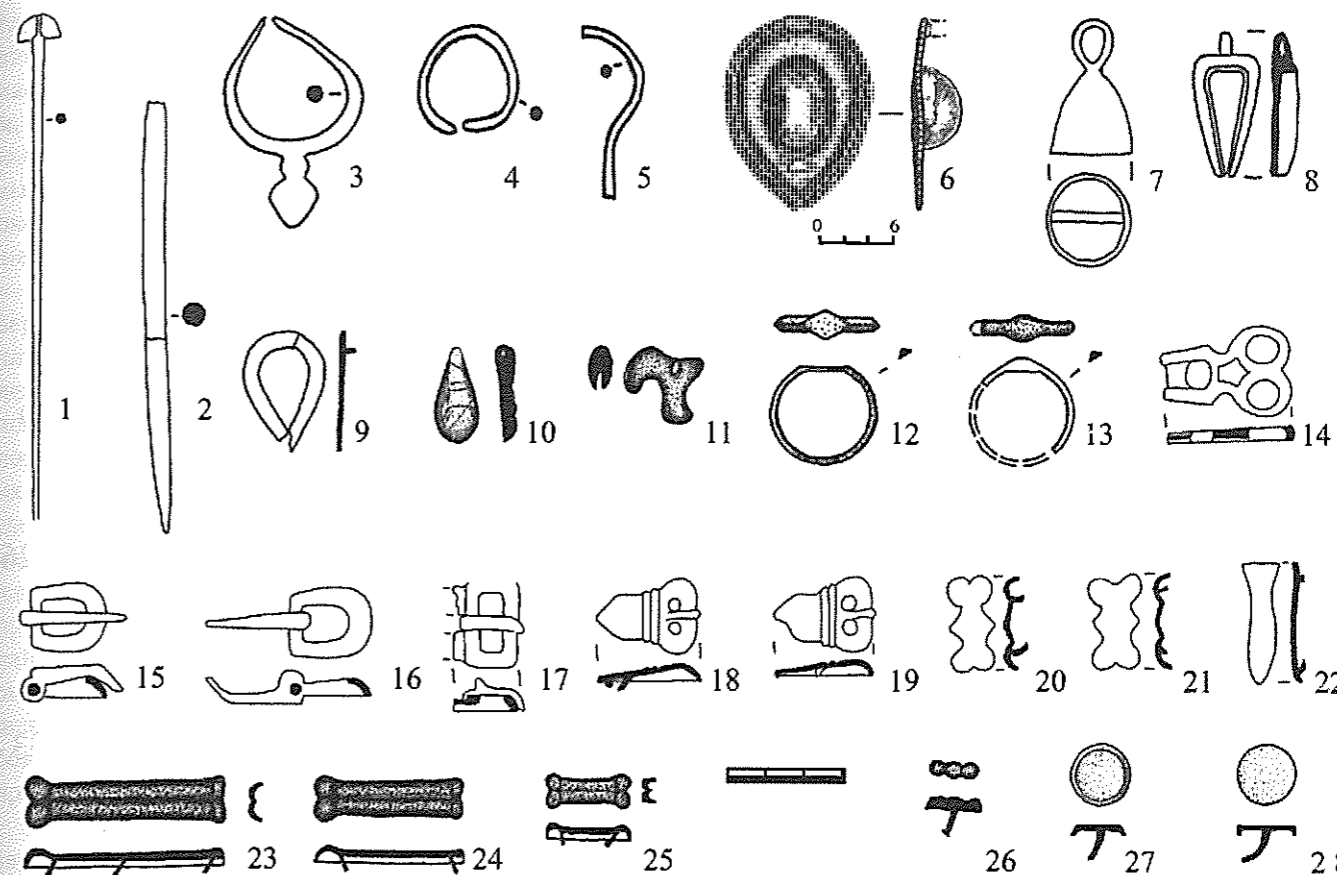

Рис. 3.21. Украшения из склепов: 1,3,15,16 (бронза), 6 (золото)—склеп 65; 7—9 (бронза) —склеп 70; 11—13, 27—28 (бронза)—склеп 53; 14,17—22 (бронза)—склеп 66; 23—26 (серебро)—склеп 57.

высотой 0,5 м. Камера прямоугольной формы ориентирована углами по сторонам света. Камера размерами 2,4x2,0 м. Высота стен 0,5 м, толщина 0,7 м. Стены возведены из пахсовых блоков. Пол выстлан мелкой галькой. Проход расположен в юго-западной стене, ширина — 55 см, длина — 130 см, выложен галькой.

На глубине 25 см в восточном секторе появляются череп и обломки сосуда из черного теста. Кости скелета раскиданы по всей камере. У реберных костей найдены бусы: каури, пастовые.

Склеп 72 (склеп 8) находится в 63 м к югу от склепа 1. Холм высотой около 0,6 м, диаметром 16x17 м. Погребальное сооружение ориентировано углами по сторонам света. Наружные размеры 4,4x5,25 м. Камера размером 2,4x1,75 м стены высотой 0,55 м. Пол камеры выложен мелкой речной галькой и залит слоем глины.

При расчистке пола камеры ближе к восточному углу расчищен череп. В восточном углу найдены железные: два наконечника стрел (трехлопастные черешковые с треугольной головкой), две

пряжки, панцирная пластина, крючок. В западном углу камеры стоял красноангобирванный кувшин с носиком-сливом высотой — 31 см (рис. 3.18, 4). Овальная в сечении ручка соединяет середину горловины с плечиком. В верхней части ручки имеется змеевидный налест. Наибольший интерес среди находок представляет собой наконечник ассиметрично-ромбической формы (рис. 3.19, 1). Длина его боевой части — 6,3 см, ширина — 3 см, сохранившаяся длина черешка — 1,0 см. Длина боевой части второго наконечника — 4,2 см, ширина — 1,6 см, сохранившаяся длина черешка — 1,2 см. Такие типы представляют собой модифицированные формы наконечников хуннского времени и относятся к середине I тыс. н.э. и продолжают бытовать вплоть до конца I тыс. н.э.³³ Аналогичные наконечники распространены в материалах Южной и Западной Сибири, Алтая, Тянь-Шаня, Казахстана, Средней

³³ Худяков Ю.С. Коллекция железных наконечников стрел из Тункинской долины в фондах Иркутского музея// По следам древних культур Забайкалья.—Новосибирск: Наука, 1983. С. 14—141, рис. 1, 9.

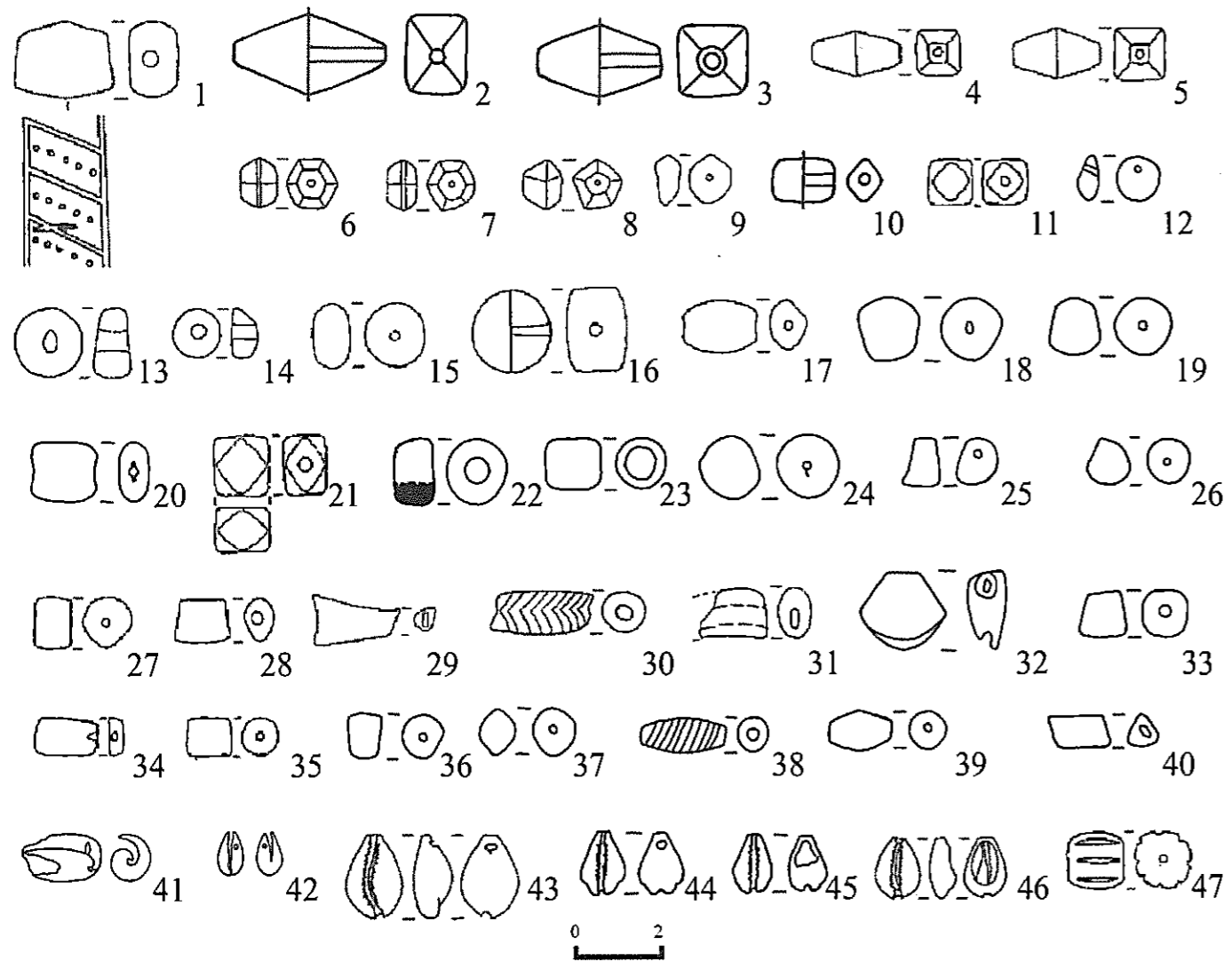

Рис. 3.22. Бусы из разных склепов.

Азии, Приуралья, Поволжья и других регионов в IV–VIII вв. н.э.³⁴

Здесь же найдены железные, округлорамчатые с подпрямоугольным щитком и подвижным язычком пряжки (рис. 3.20. 1, 2). Борижарские пряжки находят аналогии на территории евразийского степного пояса и прилегающих регионов от Саяно-Алтая до Подунавья и Центральной Европы в памятниках, охватывающих период от IV–VIII вв. н.э.³⁵

В 2005 году работы на этом участке были продолжены, было раскопано 7 склепов.

³⁴ Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Западном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 45; Плотников Ю.А. Наконечники стрел из могильника Кызыл-Ту // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 113.

Наиболее интересным по своим конструктивным особенностям и давшим многочисленный материал оказался **склеп 73** (43) (рис. 3.14, 6) (фото 3.15), состоящий из двух камер. В плане сооружение имеет вид вытянутого с запада на восток прямоугольника. Длина склепа с запада на восток 5,5 м, ширина — 3,55 м. Сохранившаяся высота стен от уровня пола погребальных камер 1,0 м. Камера 1 (западная) размером 2,6x2,0 м. Ширина стен 0,45–0,55 м. Входной проем со сводчатым перекрытием длиной 1,5 м, шириной 0,6 м, высотой 0,8 м расположен в центре южной стены. Снаружи вход выделен выступающим «порталом» 2,0x0,9 м. Пол камеры и входного проема были выстланы мелкой галькой, поверх залитые

³⁵ Левина Л.М. Джетысарская культура. Могильники Алтынасар 4. Часть 3–4. Москва, 1994. С. 72, рис. 148, 22–34; 149, 1–7; 156, 4–8.

глиняной обмазкой толщиной в 6–7 см. Стена между камерами имела толщину в 0,7 м. Камера 2 (восточная) размером 1,9x2,25 м. Входной проем длиной 0,9 м, шириной 0,5 м, высотой 0,9 м также расположен в южной стене и имел сводчатое перекрытие. Снаружи выделена «порталом» 0,5x2,2 м. В восточной стене оказалась грабительская пробоина. Пол камеры также выстлан мелкой речной галькой.

При расчистке камеры 1 на глубине 0,85 м от верха стены ближе к северо-восточному углу расчищен человеческий скелет впускного погребения, лежащий в анатомическом порядке с наклоном туловища на северо-запад. По всей камере были беспорядочно раскиданы человеческие кости. Большое их скопление зафиксировано вдоль северной стены, где расчищено 6 черепов. Среди костей найдено множество железных изделий: фрагментов ножей, пряжек, наконечников стрел, а также бус. Во входном проеме расчищен детский скелет. Среди костей были найдены коралловые бусы. При расчистке пола камеры вдоль западной и у северо-восточного угла расчищено два черепа, а в юго-восточном углу найдено большое скопление костей, среди которых найдены пряслица и сурьматаш с графитом.

На полу камеры 2 наибольшее скопление костей зафиксировано в юго-восточном углу и перед входом, среди которых найдена медная монета (фото 3.16), большое количество украшений: золотой кулон с гранатовой вставкой, каплевидный серебряный кулон с каменной вставкой (фото 3.13), серебряная подвеска в виде грозди, медные кольцо и перстень, подвеска в виде козлика (фото 3.14) и множество обломков медных украшений.

Впервые за годы исследований памятника здесь найдена медная согдийская монета бухарского типа. Лицевая сторона ее стерта. На оборотной стороне изображение пылающего жертвенника. Этот тип монет датируется не позже IV века.

Золотой кулон представляет собой плоскую овальную пластину с рядом зерни по краю, которая обрамляет гнездо из тонкой пластины. В гнездо вставлен гранатовый камень. Серебряный кулон представляет собой каплевидную пластину, обрамленную зернью по краю и вокруг гнезда. Украшения, исполненные в аналогичной технике, найдены в Согде при раскопках в Пенджикенте³⁶, в погребениях джетысарских могильников³⁷.

³⁶ Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Рис. 74, 1, 3, 4; 78, 5, 10

³⁷ Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приуралья. ил. 42, 43 (а, б), рис. 119

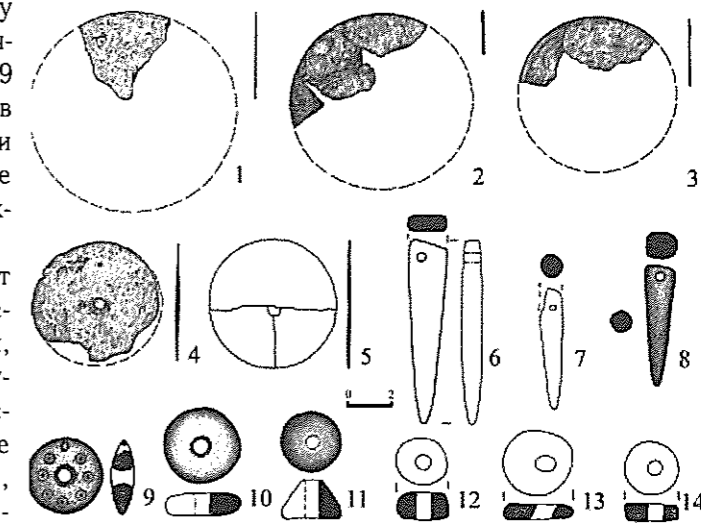

Рис. 3.23. Разные находки: бронзовые зеркала: 1–склеп 53; 2–склеп 57; 3, 4–склеп 58; сурьматаш: 6, 7–склеп 65; 8–склеп 53; каменные напрасла 9–склеп 56; 12–14–склеп 65.

Склеп 74 (склеп 26) (рис. 3.17, 8) (фото 3.2) размером 5,3x4,0 м ориентирован с севера на юг. Сохранившаяся высота стен 0,95–1,0 м, толщина 0,65–0,7 м. Полы камеры выложены стенками крупных сосудов. Входной проем высотой 1,0 м, шириной 0,8 м, длиной 1,6 м, расположен в центре южной стены, снаружи выделен порталом 1,0x2,8 м. При расчистке камеры на глубине 0,85 м от верха стены у входного проема было расчищено скопление человеческих костей, среди которых найдены лежащий на боку керамический кувшин с носиком-сливом, обломки железных изделий и костяных наконечников стрел. По полу камеры беспорядочно были раскиданы кости скелетов и 12 черепов, 2 из которых оказались детскими. Среди костей найдены детали золотого украшения (фото 3.14) — три полых шарика, украшенные зернью, 9 игральных костей — альчиков (фото 3.18), 5 железных наконечников стрел, коралловые бусы, сурьматаш, пряслице.

Склеп 75 (склеп 29) (рис. 3.16, 5) (фото 3.17) размерами 4,25x3,0 м ориентирован с северо-запада на юго-восток. Сохранность стен 1,1 м. Входной проем высотой 0,75 м, шириной 0,5 м, длиной 1,5 м расположен в центре юго-восточной стены. При расчистке камеры на глубине 0,9 м от верха стен расчищено впускное погребение. Северная стена пробита в центре, так что верхняя часть скелета находилась в стене. Скелет, находился в вытянутом положении, ориентирован головой на север с небольшим уклоном на запад. При погребенном инвентарь отсутствовал.

На глубине 1,1 м находился пол камеры. Вдоль тех стен шли суфы высотой 5–6 см, шириной 60 см, выложенные крупными камнями. На суфах кучки костей и 2 черепа находились, в основном, в северо-восточном углу и на полу. Здесь среди костей найдены железные наконечники стрел, бронзовая прямоугольной формы пряжка, пастовые бусы, сурьматаш, пряслице.

Площадка 1,0x1,0 м перед входом была вымощена крупными камнями.

Склеп 76 (склеп 42) (рис. 3.16, 3) размерами 5,5x3,3 м, с сохранностью стен в 0,8 м, ориентирован с северо-запада на юго-восток. Камера прямоугольная, размером 1,7x2,95 м. Входной проем (высота — 0,8 м, ширина — 0,75 м, длина — 1,6 м) со сводчатым перекрытием помещался в юго-восточной стене. Снаружи склепа слева от входа находилась суфа 0,7x0,9 м, высотой 0,3 м. Пол камеры выложен стенками крупных сосудов.

В проходе и по всему уровню пола в беспорядке находились человеческие кости, в том числе 5 черепов (один из них детский). Здесь среди костей были найдены керамическая кружка, обломки бронзовых украшений, изготовленных из тонких пластин, коралловые бусы.

Склеп 77 (склеп 36) (рис. 3.17, 7) размером 3,25x3,0 м, ориентирован углами по сторонам света. Стены толщиной в 0,4–0,5 м сохранились на высоту 0,75 м. В камеру 2,4x2,1 м ведет вход шириной 0,8 м, с разрушенным сводом. Пол камеры выложен мелкой речной галькой. По всему полу камеры были раскиданы человеческие кости, среди которых найдены мелкие обломки железных ножей и наконечник стрелы, бронзовая серьга, раковина-каури и несколько пастовых бус.

Склеп 78 (склеп 50) ориентирован углами по сторонам света. Представляет собой прямоугольную постройку 5,35x3,35 м. Входной проем высотой 1,0 м, шириной 0,5 м, длиной 1,6 м расположен в центре юго-восточной стены. Снаружи выделен «порталом» 0,8x1,5 м. Пол выложен стенками крупных сосудов.

При расчистке камеры размером 3,0x1,9 м на глубине 0,75 м от верха стены в центре была расчищена кучка костей, причем крупные кости были сложены на 3 черепа и один череп лежал у северо-западной стены. Среди костей находились железный наконечник стрелы и крупная пастовая бусина.

Склеп 79 (50а) (рис. 3.17, 6) расположен в 10 м от склепа 50, до расчистки представлял собой холм высотой около 0,7 м. Сооружение ориентировано углами по сторонам света, сохранилось на высоту 0,45 м. Камера размерами 1,5x1,4 м с толщиной стен 0,45 м. В юго-западной стене расположен входной

проем шириной 0,55 м. Пол выложен мелкой речной галькой. При расчистке камеры попадались мелко раздробленные кости человеческого скелета, среди которых были найдены бронзовая серьга, фрагменты железных изделий, несколько пастовых бусин.

Исследованные на Борижарском могильнике, точнее — некрополе городища Жуантобе, погребальные сооружения относятся к типу «наземных построек с прямоугольной погребальной камерой». Этот тип погребальных сооружений широко представлен в древнеземледельческих регионах Центральной Азии (Хорезм, Согд, Шаш³⁸), где за ним закрепилось название — наус. Известны наусы и по раскопкам в Южно-Казахстанском регионе. В Туркестанском районе у аула Шага Максимовой А. Г. в 1970, 1972 годах были раскопаны пять наусов довольно хорошей сохранности строительных конструкций и с аналогичным борижарскому обрядом захоронения. На основе развернутого сравнительного анализа А. Г. Максимова датировала шагинские наусы концом VII — пер. пол. VIII вв. Датировка обосновывалась и найденной здесь же согдийской монетой. При этом ею было подчеркнута «тождество погребальных сооружений с постройками Борижарского могильника, а также погребального инвентаря»³⁹. Новые полученные нами материалы в принципе не противоречат этому выводу. Но, на данной стадии исследования, считаем возможным по совокупности встречающихся признаков (конструкция погребальных сооружений, керамика, оружие, украшения) несколько расширить хронологические границы существования погребальных наземных сырцово-пахсовых сооружений Борижарского некрополя IV–VIII вв.

Таким образом, на некрополе Жуантобе за все годы исследований вскрыто почти 80 курганообразных холмов, которые содержали разной степени сохранности сырцовые и пахсовые наземные постройки, которые можно реконструировать как наземные склепы. В основном — это однокамерные постройки, но в восьми случаях зафиксированы двухкамерные (склепы №2, 14, 19, 49, 40, 64, 69, 72). Наиболее типичная ситуация фиксируемая на полах склепов

³⁸ Гудкова А.В. Новые материалы по погребальному обряду VII–VIII вв. в Кердере (Северный Хорезм) // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968; Ягодин В.Н., Ходжайов Т. Некрополь древнего Миздихкана. Ташкент, 1970; Агзамходжаев Г. Тюябугузские наусы // ИМКУ, №3, Ташкент, 1962; Бураков Ю.Ф. Пскентские наусы // СА, №3, 1968; Ставиский Б.А., Большаков О. Г., Мончадская Е.А. Пянджикентский некрополь // МИА, №37. Т. 2. М.—Л., 1953.

³⁹ Максимова А. Г. Гробницы типа науса у с. Чага (Шага) // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 115–117.

после расчистки: кости погребенных раскиданы по уровню пола, перемешаны; иногда они были собраны в кучи у стен постройки; инвентарь также разбросан, керамические сосуды зачастую разбиты. Лишь в одном случае зафиксированы лежащие на полу в анатомическом порядке скелеты (склеп №2 нашей нумерации). Обычно анатомический порядок сохраняют скелеты, относящиеся к поздним подзахоронениям (склеп №64 и др.). Расчистка в склепе №64 подзахоронения, скелет которого лежал со значительным наклоном, позволяет высказать предположение, что подзахоронения совершались в уже полуразрушенные склепы, когда обрушившийся купол прикрыл пол камеры. Подзахоронения, естественно, чаще совершались в двухкамерные склепы, поскольку развал такого склепа образовывал более массивный холм (из четырех двухкамерных склепов в трех зафиксированы подзахоронения).

Наряду с этой обычной картиной, обнаруживаемой внутри склепов после расчистки, довольно высок процент (около 28%) сооружений, на полах которых не обнаружено костей. В них найдены в лучшем случае отдельные мелкие детали украшений (бусинки и пр.). Не приходится считать отсутствие костей скелета в склепе результатом ограбления. Очевидно, что к моменту разрушения склепов все кости из них были заблаговременно вынесены и, вероятно, захоронены в отдельном месте.

3.2. СКЛЕПЫ НЕКРОПОЛЯ ГОРОДИЩА СИДАК

Археологическое изучение культуры любого города будет не полным без изучения его некрополя. Данные, полученные при раскопках городских некрополей, раскрывают многие важнейшие стороны культуры городского социума. Рассмотрение их в комплексе с материалами исследований самого городища может приблизить нас к пониманию многогранных историко-культурных процессов урбанизации, особенно на его ранних этапах⁴⁰. Эти аксиоматические положения лежат в основе программы исследования

⁴⁰ Ровно так же и изучение могильников предполагает знание хотя бы хронологии и структуры культурных слоев ближайших городищ. Например, при исследовании курганных могильников в Бишкентской долине потребовались для полноты реконструкции историко-культурных процессов в регионе раскопки близлежащих городищ, которые дали опору для хронологических и некоторых важных историко-культурных выводов. (Мандельштам А.М. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974. С. 191–192).

городища Сидак, предусматривающей поиск и исследование городских некрополей.

Один из некрополей городища Сидак обнаружен примерно в 800 м к северо-северо-западу (азимут 330°) от цитадели на берегу основного русла оврага Аша-сай. Этот овраг тянется от предгорий Каратау и явно обозначает направление течения некогда полноводной речки. Выше к горам, в районе аула Бабайкорган сливаются два русла — Жанакорганозен и Тастаксай. Здесь же устроены головные части арыков — Сунак, Сасыкбулак, Батырбас и пр. Далее этот овраг (сай) прослеживается в направлении аула Шорнак под названием Тастаксай, а ниже этого аула он направляется несколькими руслами под названием Аша-сай к городищу Сидак. Некогда некоторые левые протоки этой речушки подходили к стенам города и были превращены в крепостные рвы⁴¹.

Некрополь расположен на песчаной верхней береговой террасе оврага Аша-сай, на которой расположены, на удалении друг от друга курганообразные холмики. Расчистка их показала, что под холмами скрываются остатки развалин сырцовых наземных построек — погребальных склепов.

Склеп 1 (рис. 3.24). Погребальное сооружение представляет собой квадратную в плане постройку из сырцового кирпича на глиняном растворе. Стены ориентированы строго по сторонам света. Толщина стен 1,6–1,7 м. Наружные размеры постройки 5,7–5,7 м., размеры внутренней камеры 2,5x2,6 м. Наибольшая сохранность стен в высоту 0,9–1,0 м. Стены со стороны погребальной камеры покрыты одинарным слоем обмазки. С наружной стороны следов штукатурки не прослеживается. Размеры сырца в среднем 46–44x26x10 см.

На глубину первого яруса заполнение камеры представляло собой плотный завал из обломков сырцового кирпича. С глубины 0,4–0,45 м и до пола камеры на глубине 1,05 м залегал слой с костными остатками, угольками и прочими находками. Пол камеры выстлан двумя слоями сырцового кирпича и покрыт двухслойной глиняной обмазкой. На ней, особенно в юго-западной части, прослеживаются следы легкого прокала, видимо, от костра.

Вход в камеру устроен в южной стене, но не по центру, а сдвинут к юго-восточному углу, вдоль вос-

⁴¹ Смагулов Е. А. Исследования на городище Сидак // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие—2004». Алматы. 2005. С. 177–180; Смагулов Е. А., Ержигитова А. А. Погребальные сооружения некрополя городища Сидак // Известия МОН РК, НАН РК, сер. общ-ых наук, №1, 2004. С. 285–302. №1, 2004. С. 84–93.

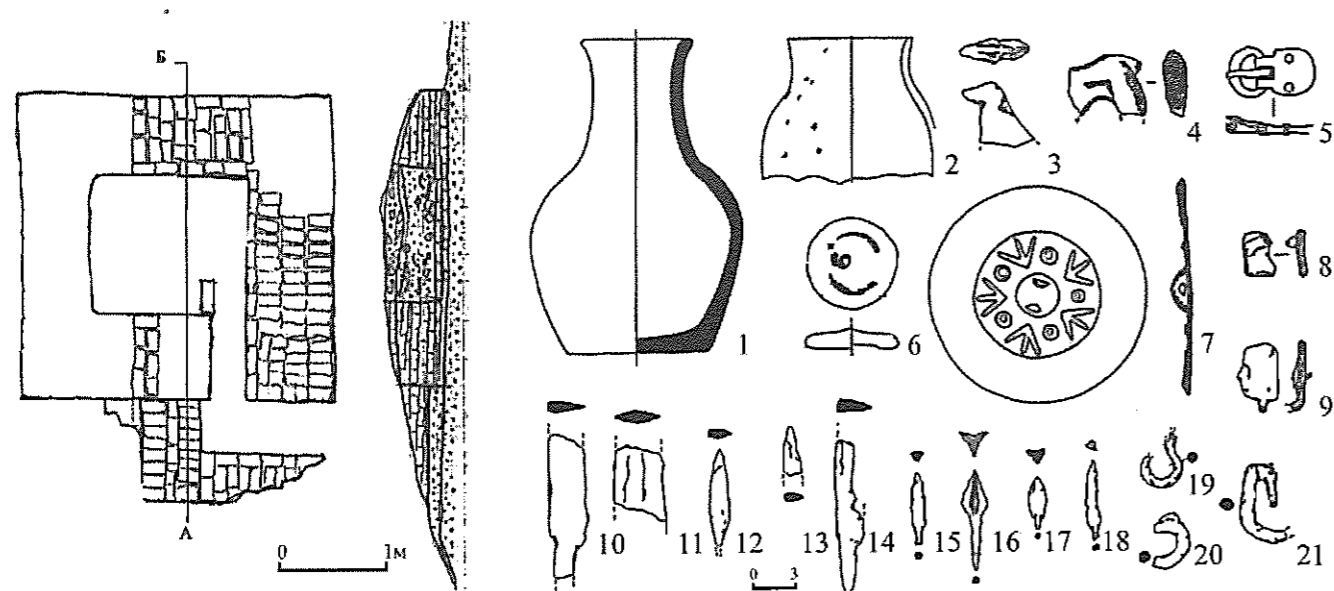

Рис. 3.24. План и разрез склепа 1 некрополя городища Сидак.

точной стены. Ширина его 0,7 м. После прекращения захоронений вход был тщательно заложен сырцовым кирпичом. Перед входом прослеживается некая пристройка в виде тамбура. Скорее всего, это поздняя пристройка, в которой было совершено еще одно захоронение. Уровень основания двух стен пристройки на 0,23 м. выше уровня основания основных стен склепа. При расчистке в этой пристройке найден железный наконечник стрелы и мелкие фрагменты тонкой бронзовой пластинки. Кости отсутствовали.

Слой с погребениями имел толщину 0,6 м. В его верхней части, на уровне 0,6–0,5 м было зафиксировано погребение № 1, самое позднее в склепе. Кости разбитого черепа и длинные кости конечностей, ребра и позвонки лежали в куче. Среди них найдены: бронзовое зеркало (рис. 3.24, 7), фрагмент круглой железной пряжки, обломок ножа и фрагмент лезвия обоюдоострого меча (рис. 3.24, 10, 11). Ниже кости располагались более-менее равномерно, в основном в напольном слое. Но и здесь они были собраны в смешанные кучи. Всего зафиксировано десять человеческих черепов и череп волка (*Canis lupus*) в северо-западном углу склепа⁴². Кости скелетов в неполном комплекте и сильно истлевшие.

При расчистке на этом уровне камеры среди костных останков обнаружены: небольшой керамический

кувшинчик без ручки (рис. 3.24, 1); фрагменты фигурных керамических ручек (рис. 3.24, 3, 4); фрагмент верхней части кружки из черного грубого шамотного теста (рис. 3.24, 2); стеклянный диск (основание ножки бокала?) с отверстием (рис. 3.24, 6); фрагменты двух ножей и один маленький ножичек (рис. 3.24, 12–14); железные наконечники стрел (рис. 3.24, 15–18); фрагмент большой железной пряжки (рис. 3.24, 21); железное изделие с обломанным крючком (вероятно, колчанный крюк) (рис. 3.24, 9); фрагмент железного крючка (рис. 3.24, 19). В отдельной куче костей найдены: небольшая бронзовая пряжка с пластинчатым приемником (рис. 3.24, 5); комплект бус, состоящий из семи пастовых бусин голубого цвета разного диаметра, одной сердоликовой, двух гранатовых, и двух пастовых продолговатых. Тут же найден фрагмент бронзового зеркала с петелькой, который, вероятно, служил как амулет (рис. 3.24, 8).

Склеп 2 расположен в 60 м к северо-западу от склепа 1. Сохранность склепа плохая. Площадь, на которой прослеживается конструкция погребального сооружения 5,6x5,4 м. Сильно оплывшие внешние контуры стены склепа прослеживаются нечетко. Примерная толщина стен 1,5–1,6 м, сохранились на высоту 0,3 м. Внутренние размеры камеры 4,0x3,9 м. Вдоль западной стены на одном уровне (0,15 м от высшей точки стены) были расчищены фрагменты крупных толстостенных сосудов, которыми был выложен пол или суфа. Вход в камеру устроен в северной стене, но не по центру, а сдвинут к северо-западному углу. Склеп был полностью разграблен. В

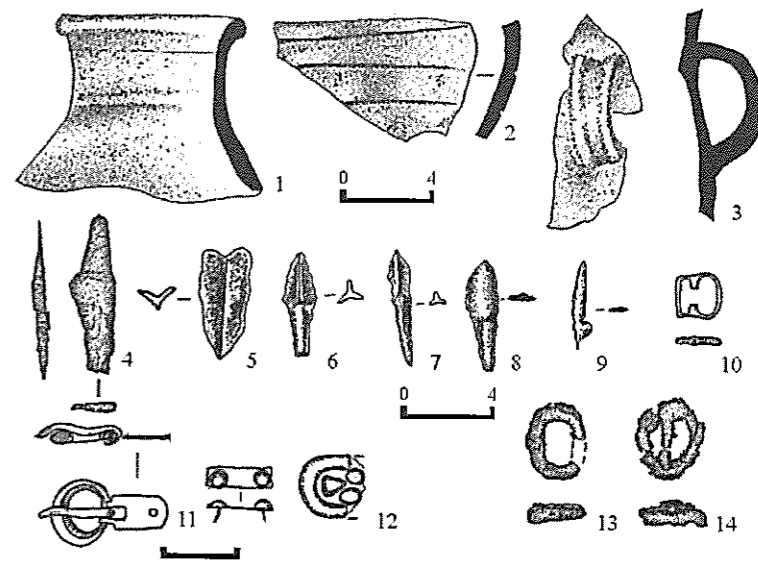
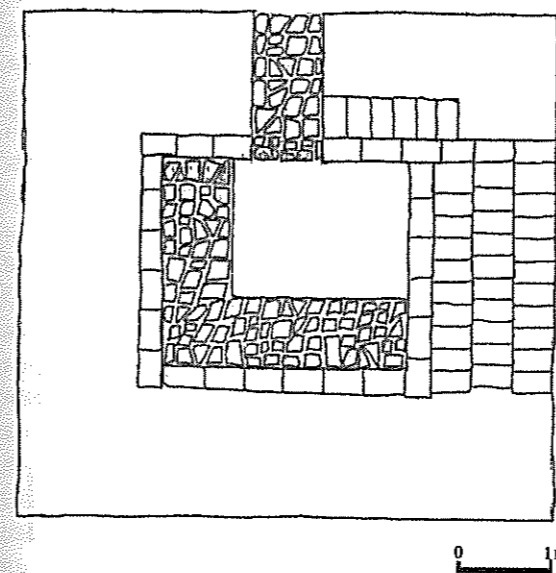

Рис. 3.25. План и находки склепа 3 некрополя городища Сидак.

камере лишь местами были расчищены фрагменты костей плохой сохранности. Погребальный инвентарь отсутствует.

Склеп 3 (рис. 3.25) расположен в 75 м северо-восточнее предыдущего склепа. Представлял собой погребальное сооружение подквадратной формы размером 6,0x5,8 м, ориентированное по сторонам света. Стены толщиной 1,6–1,7 м сложены из сырцовых кирпичей размером 42–44x24–25x9–10 см; сохранились на высоту 0,45 м. Внутренняя площадь камеры 4,3x4,2 м. В центре северной стены находился проход шириной 0,8 м, выложенный фрагментами керамики.

На уровне 0,2 м от современной дневной поверхности, вдоль западной и южной стен были расчищены два костяка, которые лежали головой друг к другу. По-видимому, погребенные были положены на Г-образную суфу, выложенную фрагментами керамики (ширина 0,8 м вдоль западной и южной стен).

Кости скелетов лежали в анатомическом порядке, но они очень плохой сохранности; черепа раздавлены. Среди бедренных костей скелета (лежавшего вдоль западной стены) обнаружены серебряная пряжка с овальной рамкой и подвижным язычком (рис. 3.25, 11), серебряное украшение округлой формы с 4 гранатовыми вставками (рис. 3.25, 12), множество серебряных прямоугольных пластинок с выпуклыми шляпками заклепок на концах (рис. 3.25, 11–12). Очевидно, это остатки оформления узкого пояса с пряжкой.

При расчистке второго скелета были найдены фрагменты железного однолезвийного ножа

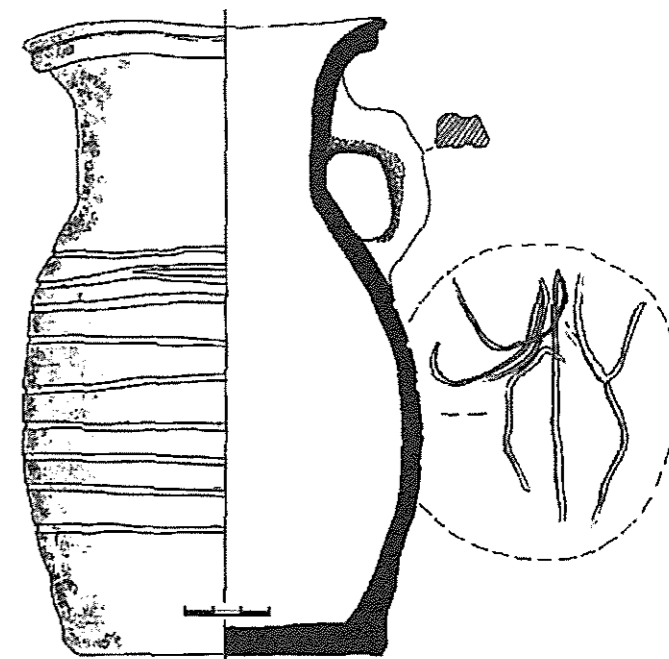

Рис. 3.26. Керамический кувшин из склепа 5.

(рис. 3.25, 4), железной круглорамчатой пряжки (рис. 3.25, 13), наконечник стрелы (рис. 3.25, 7).

Вдоль восточной стены, на полу (на уровне 0,45 м), найдены обломки костяных обкладок сложносоставного лука, наконечники стрел (рис. 3.27, 6, 8, 9) и множество бесформенных железных обломков.

Склеп 4 расположен в 400 м от вышеописанных склепов. Погребальное сооружение плохой сохранности. Сооружение прослеживается на площади 7,-

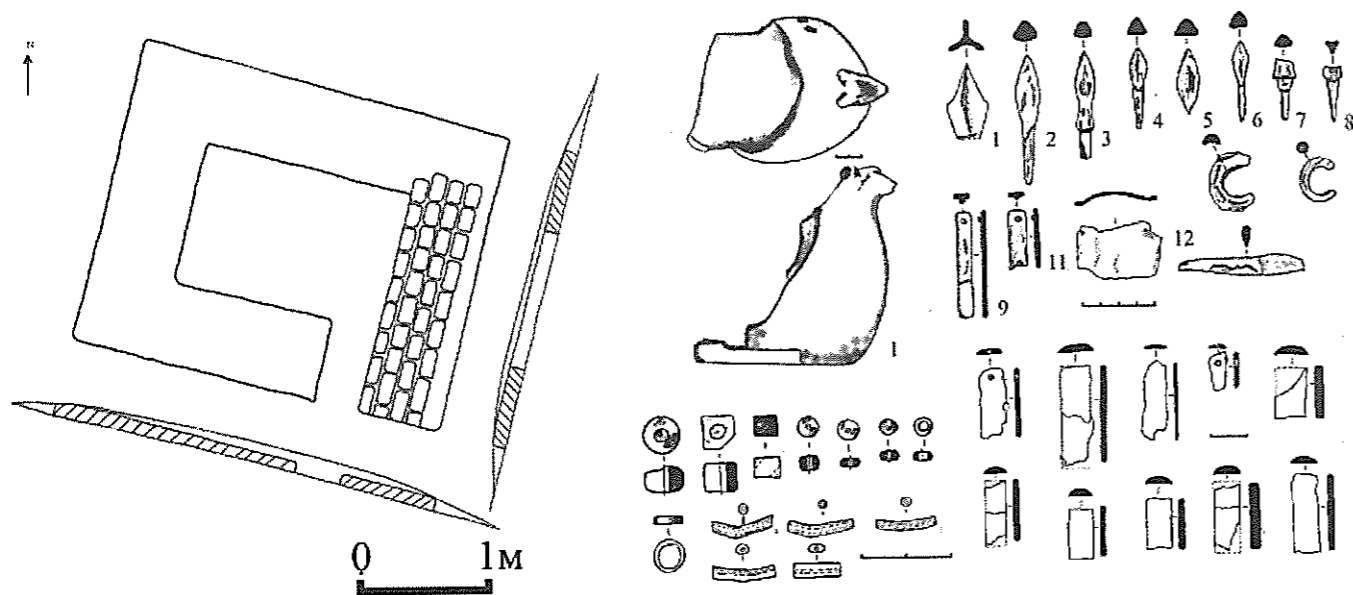

Рис. 3.27. План и разрезы склепа 6 некрополя городища Сидак.

0х4,4 м, внешний контур оплывших стен нечеткий. Внутренние размеры камеры 2,6х2,8 м. Стены сохранились на высоту 0,25 м. В камере, кроме разрозненных человеческих костей и бронзового колокольчика, ничего не обнаружено.

Склепы 2, 3, 4 были основательно разрушены и со временем размыты, поэтому нам не удастся полностью восстановить их первоначальный план. Остатки погребального инвентаря свидетельствуют о том, что захоронения в вышеописанных склепах синхронны основному строительному горизонту городища Сидак и могли быть совершены в VI–VIII вв н.э.

Исследования некрополя городища Сидак в полеводном сезоне 2005 года были продолжены по программе «Культурное наследие». За отчетный период расплано 2 склепа.

Склеп 5 расположен в центре небольшой возвышенности на берегу высохшего русла реки Ащысай. До расчистки представлял собой холм диаметром 10х10 м, высотой около 0,2–0,3 м. В южном секторе на глубине 15–20 см появляются раздробленные трубчатые кости человеческого скелета, фрагменты керамики. Здесь при расчистке попадает гравий.

Склеп прямоугольной формы, ориентирован углами по сторонам света. Размеры камеры примерно около 3,3х4,65 м. Стены, сложенные из сырцового кирпича, прослеживаются на толщину около 1,4 м. Стены очень плохой сохранности, контуры прослеживаются слабо. Лишь местами можно проследить следы кладки стен: в юго-западной и северо-восточной сторонах. Стены сохранились на высоту 20 см, они сложены из

сырцового кирпича размером 22х45х10 см. Толщина швов между кирпичами 4–5 см. На глубине 0,5 м от современной дневной поверхности, ближе к южному углу камеры стоял керамический кувшин с ручкой (рис. 3.26). Кувшин изготовлен на гончарном круге из плотного теста с примесью шамота. Венчик отогнут наружу, со сливом, расположенным на противоположной стороне от ручки. Ручка небольшая, кольцевидной формы, прямоугольная в сечении. Ручка соединяет горловину с плечиком. Тулово украшено горизонтальными линиями, выполненными небрежно. Под ручкой имеется орнамент. Поверхность покрыта светло-коричневым ангобом. Высота сосуда — 22 см, диаметр венчика — 12 см, диаметр дна — 11 см, наибольший диаметр тулова — 14 см.

Вход в камеру, возможно, находился в юго-восточной стене у восточного угла.

Склеп 6 (рис. 3.27) (фото 3.21) находится в 400 м к юго-западу от предыдущего, до расчистки представлял собой холм диаметром 8,5х8,5 м, высотой около 0,4 м. На глубине 15 см появляются контуры прямоугольного погребального сооружения, ориентированного стенами по сторонам света с отклонением в 15 градусов. Стены сложены из сырцового кирпича размером 22х45х10 см. Толщина швов между кирпичами 4–5 см.

Камера размером 2,5х3,75 м сохранилась на высоту 25 см. Пол камеры залит жидкой глиной толщиной в 1,5 см. Вход шириной 0,8 м расположен в юго-западной стене у южного угла (фото 3.22).

При расчистке камеры на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности в северо-западном углу

камеры расчищен череп человеческого скелета, раздавленный обломком керамического сосуда. Вдоль западной стены расчищены кости скелета плохой сохранности. Здесь же найдены пастовые бусы, два наконечника стрелы (рис. 3.27, 2, 6), пряжка, обломки костяных накладок на лук (рис. 3.27, 17). Ближе к северо-западному углу камеры лежали фрагменты керамической курильницы (рис. 3.27, 1). Курильница высотой 14 см изготовлена из плотного серого теста. Сохранилась часть сосуда, оформленная в виде головы барана. Дно плоское. У северной стены расчищены кости ног человеческого скелета, лежащие в анатомическом порядке, остальные кости были раскиданы здесь же. Возле тазовых костей скелета найдены железные: 4 наконечника стрел (рис. 3.27, 1, 3–5), нож (рис. 3.27, 15), пряжка (фото 3.23). В центре камеры расчищены раздавленные кости скелета, два железных наконечника стрел, обломки костяных накладок на лук.

При расчистке камеры найдены раскиданные кости человеческого скелета, возле которых находились различные изделия из железа и бусы.

3.3. СКЛЕПЫ НЕКРОПОЛЯ ГОРОДИЩА ШАГА

Разведочными маршрутами Южно-Каратауского курганного отряда ЮККАЭ по южным предгорьям Каратау в 1969 г. был открыт и частично исследован огромный курганный могильник в трех километрах к западу от современного поселка Шага. В нем было зафиксировано 213 курганов⁴³. Могильник расположен в 36 км по прямой к востоку от городища Сидак.

Этот могильник, как теперь нам представляется, является частью «Шагинского комплекса». В 2–3 км. ниже могильника в пойме одноименной речки, на территории современного аула расположены три разновременных городища⁴⁴. Городище Шага I отождествляется с известным в источниках городом Шагильджан. Это подчетырехугольный в плане холм, цитадель занимает северную часть бугра и является возвышением площадью в 0,5 гектара и высотой около 10 метров. К холму примыкает с трех сторон шахристан, укрепленный крепостной стеной. Территория пригорода застроена современными постройками и дворами. Общая площадь шахристана с цитаделью около 6 гектара. Керамические комплексы его стратиграфической

⁴³ Максимова А.Г. Гробницы типа науса, С. 95 и сл.

⁴⁴ Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994. С. 312.

колонки датируются VIII–XVIII вв. Хронологическими предшественниками городища Шага I можно считать два небольших ранних поселения, находящиеся также на территории этого же аула. Материал, полученный на этих поселениях, может быть отнесен к периоду первые вв. н.э. — VIII в. Т. е., вполне обоснованно можно считать, что могильник у с. Шага, исследованный Южно-Каратауским отрядом ЮККАЭ является некрополем этих поселений доисламского периода.

Отметим, что размеры некрополя не ограничиваются зафиксированным количеством «курганов» и площадью, ими занятой. В ходе обследования шагинского комплекса Туркестанской археологической экспедицией в 2000 г. у подножия террасы, на вершине которой расположен могильник было обследовано современное кладбище. Здесь на некоторых более свежих могильных холмиках нами были обнаружены раннесредневековые сосуды. Местные жители пояснили, что иногда при рытье могил в земле, на глубине натывались на эти кувшины и древние кости. Кости тут же закапывались, а сосуды устанавливались на свежие намогильные холмики.⁴⁵ Исходя из этого, можно предположить, что современное кладбище расположено на территории раннесредневекового некрополя. Внешних поисковых признаков эти ранние погребения теперь не имеют. Можно лишь предположить, что здесь расположена часть некрополя или с катакомбными, или с ямными (подбойными) погребениями.

Всего нами собрано 11 сосудов, на большинстве из них зафиксированы тамгообразные знаки. В одном из кувшинов найден фрагмент бронзового браслета с декорированной концевой частью (рис. 3.28). Эти сосуды по технологическим и декоративным признакам относятся в Туркестанском регионе к комплексу керамики VI–VIII вв., выявленному при раскопках на городищах Культобе и его некрополе («туркестанский некрополь»)⁴⁶, Шойтобе, Сидак и еще на целом ряде памятников. На тулове многих из этих сосудов имеются т. н. «тамгообразные» знаки.

Проводя в 1970 и 1972 гг. раскопки на могильнике у с. Шага, А.Г. Максимова впервые в своей полевой практике столкнулась с наземными погребальными постройками из сырца и пахсы, руины которых те-

⁴⁵ Обычай оставлять на могилах керамические сосуды, которые были случайно обнаружены при рытье могилы, зафиксирован в ряде районов Средней Азии (Грицна А.А., Усманова Е.Л. Изучение могильника XII—начала XIII в. на городище Культепа // ИМКУ, вып. 26, Ташкент, 1992. С. 195).

⁴⁶ Смагулов Е.А. Новое в ранней истории некрополя г. Туркестан // Известия МН АН РК, сер. обществ. наук, №1, 1998. С. 18–25.

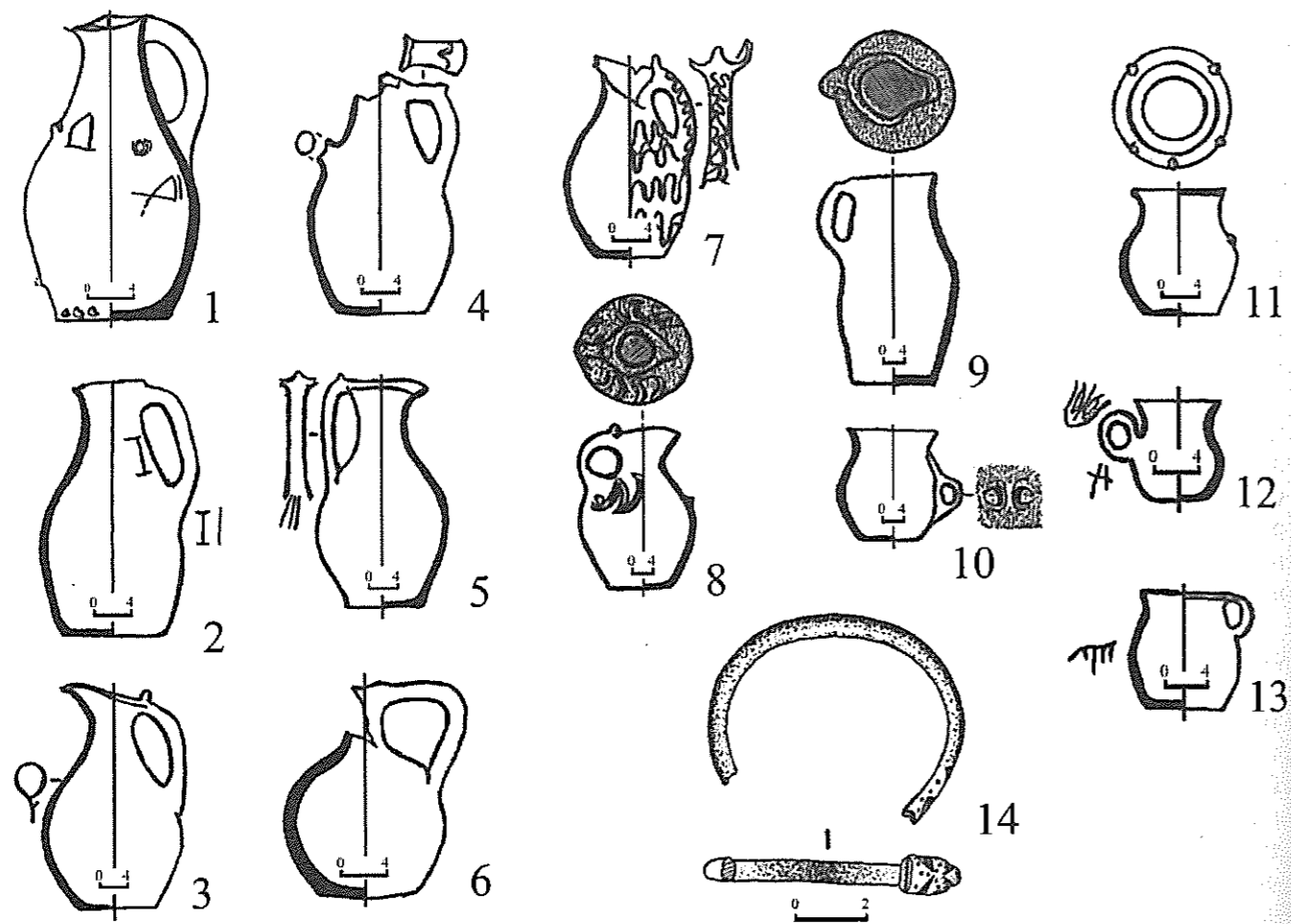

Рис. 3.28. Случайные находки грунтового некрополя Шага.

перь выглядели как обычные земляные курганные насыпи. Тем не менее, ей не только удалось методически верно вскрыть новый для себя тип памятников, но и реально оценить важность для археологии Казахстана, открытых в данном регионе подобных погребальных построек. Это ясно потому, что она сочла необходимым, прежде всего, опубликовать результаты раскопок именно этих «курганов»⁴⁷. Хотя по ряду явных признаков вскрытые погребальные постройки ею правильно были интерпретированы как открытые наземные постройки, перекрытые коробовыми сводами, в публикации эти памятники по традиции называются «курганами» — курганы №67, 68, 75, 76, 108⁴⁸.

Все они представляют собой наземные постройки из сырцового кирпича и пахсы, сооруженные на невысоких пахсовых платформах. Зафиксированные размеры кирпича — 50х20–25х9–10 см;

⁴⁷ Данная работа А. Г. Максимовой до сих пор во многом остается непревзойденной среди публикаций раннесредневековых погребальных комплексов Южного Казахстана по полноте публикации материалов и наблюдений.

40х25–30х5–10 см. В плане постройки имеют подквадратную форму, размерами по наружному контуру близкими 4–5х4–5 м. Ориентированы углами по сторонам света. Вход во внутреннюю камеру в виде длинного (3–3,5 м) узкого (0,7–0,9 м) сводчатого коридора устраивался по середине юго-восточной стены. С наружной стороны входы в камеры

⁴⁸ Максимова А.Г. Гробницы типа наусов..., с. 96 и сл. Учитывая, что в археологии за словом «курган» утвердилось понятие искусственной намогильной насыпи, в дальнейшем при описании подобного рода памятников следовало бы отказаться от термина «курган», а использовать более общее понятие, например, «холм», «курганобразный холм»... В разноязычных дефинициях археологического термина «курган» присутствует понятие «насыпь» (Брей У, Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990. С. 128). Холм, образовавшийся на месте сырцовой постройки, не является искусственной насыпью. Скорее это естественное образование, результат разрушения глиняной постройки. Использование названия «гробница» также, на мой взгляд, не оправдано, поскольку наличие гробов внутри погребальной камеры ни разу пока не отмечено.

после каждого очередного подзахоронения тщательно закладывались пахсой или сырцовым кирпичом, использовались и каменные плиты. В подквадратной погребальной камере вдоль двух-трех стен располагались невысокие (0,15 м) суфы — лежанки. Внутренние поверхности стен, суф, полы тщательно покрывались глиняной штукатуркой. Отмечен и случай побелки.

Поскольку вскрытые склепы, полученные материалы и наблюдения Максимовой А. Г., представляют особую ценность, а фиксация деталей отличается особой тщательностью, важной для последующей реконструкции обряда погребения, приведем с небольшими сокращениями описание результатов раскопок по упомянутой выше публикации.

Склеп 1. Курган 67 диаметром около 30 м, высотой 2,2 м. (рис. 3.29). Под насыпью, почти в центре кургана, обнаружено погребальное сооружение. В плане оно представляет собой постройку (5,2х5 м) из сырцового кирпича с прямоугольным помещением (размером 2,8х2,2 м) и входным коридором. Стены сооружения сохранились на высоту 2,2 м. Оно ориентировано углами по сторонам света (с небольшим отклонением северного угла к востоку). Из помещения ведет узкий арочный входной коридор (длина 3,3 м, ширина 0,9 м, высота 1,15 м), расположенный по центру юго-восточной стены, с порталом, выступающим за линию стены на 1,85 м. Сооружение воздвигнуто на специальной пахсовой площадке толщиной 50 см. Пол погребальной камеры и пол входного коридора находятся на одном уровне и подняты над былой дневной поверхностью на высоту пахсовой площадки.

Стены входного коридора выложены из кирпича (50х20–25х9–10 см), положенного ложком в перевязку на глиняном растворе. Арка образована путем радиально положенных на ребро под углом кирпичей (размером 40х30х10 см), в центре ее трапециевидной формы кирпич служит как бы центральным распором.

Снаружи стены гробницы и четыре нижних ряда (западная, восточная и северная стенки) внутри помещения выложены кирпичом того же формата и той же кладкой, что и входной коридор. Выше четвертого ряда стены сложены из кирпича, поставленного наклонно, на ребро. Помещение, вероятно, имело перекрытие в виде коробового свода, начинающегося в 80 см от суфы.

Вдоль северной и восточной стен устроена суфа (в виде буквы «Г») высотой 15 см, шириной 75 см из кирпича (размер 40х25х10 см), положенного в два ряда. Один кирпич по длине лежал вдоль стены, другой — перпендикулярно к ней.

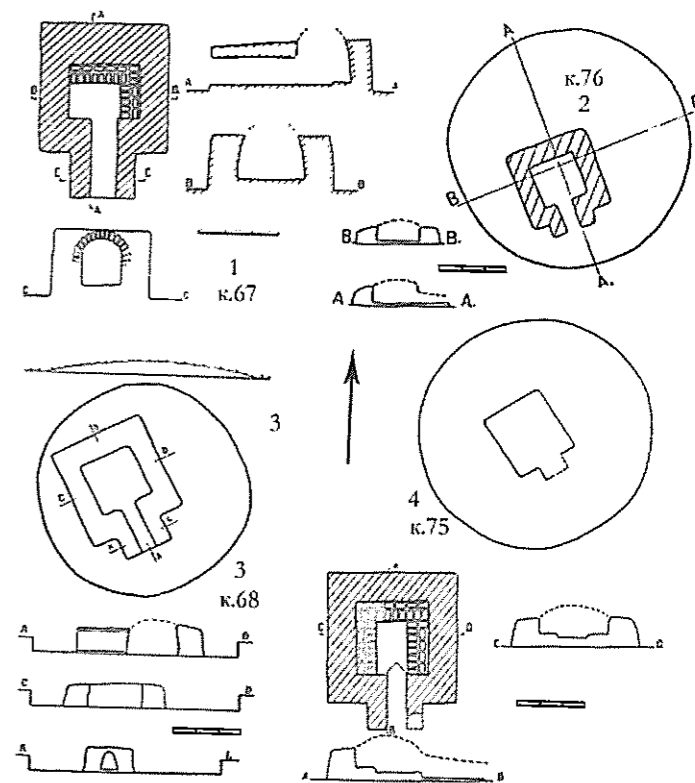

Рис. 3.29. Планы и разрезы склепов некрополя городища Шага (по Максимовой А.Г., 1974).

К сожалению, суфа у северо-западной стенки по середине, а также пол под ней и в центре помещения разрушены грабителями.

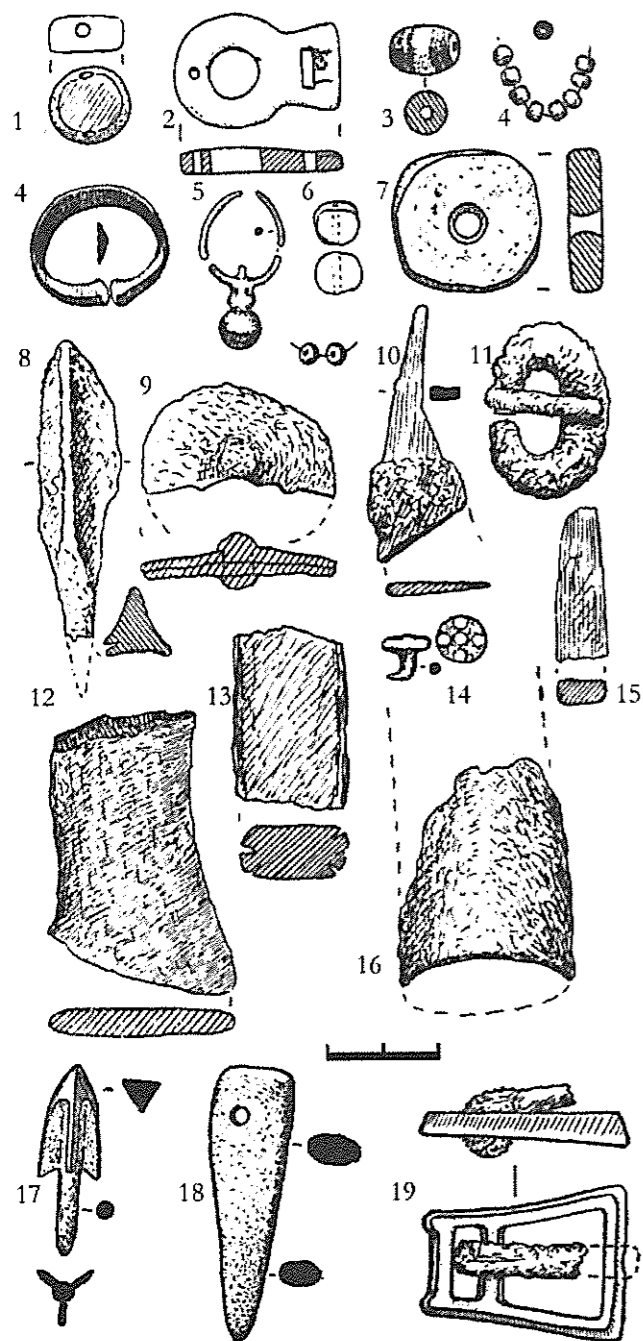
Стены, свод, пол входного коридора, а также стены, пол и суфы внутри помещения оштукатурены (толщина штукатурки 2–2,5 см) и побелены известью или мелом.

Снаружи стены слегка скошены внутрь. На былой дневной поверхности вдоль стен была глиняная отмостка шириной около 70 см, высотой около 20 см.

Вероятно, первоначально вход был заложен кирпичом. Перед кирпичами обнаружены зола и угольки кустарника и, возможно, травы.

При расчистке коридора встречались разрозненные кости скелета человека (ребра, позвонки, бедренная кость). Между кирпичами найден обломок железного ножичка (рис. 3.30, 10), за кирпичами — нефритовая пряжка (рис. 3.30, 2).

В помещении, в северном углу, на суфе оказались кости, вероятно, трех человеческих скелетов, сложенные в кучку: тазовые, кости рук и ног, три черепа, ребра, позвонки, крестцовые кости. Поверх костей имелся слой (2–3 см) золы и угольков кустарника. Некоторые кости носили следы обжига.

ния собраны обломки боковин кухонных и столовых глиняных сосудов. Кухонная посуда ручной лепки, серовато-темная, с примесью в глине шамота, столовая же сделана на гончарном круге. Черепок у нее плотный, поверхность желтовато-коричневая со следами раскраски.

Интерес представляет согдийская монета с квадратным отверстием, найденная у северо-западной стены погребального сооружения, и бочонковидная бусина из полосчатого агата, обнаруженная у юго-западной стены сооружения. Здесь же встречены обломки сырцового кирпича и кости человека (ребра, позвонки).

Склеп 2. Курган 68 (рис. 3.29) диаметром 10 м, высотой 0,5 м. Основание погребального сооружения ниже на 70 см уровня современной поверхности. В плане эта постройка размером 4,75x4,6 м с квадратным помещением (2,6x2,6 м). Стены ее сохранились на высоту 1,2 м. Она ориентирована углами почти точно по сторонам света. Из помещения ведет узкий арочный входной коридор (длина 2,35 м, ширина 0,7 м, высота 1 м), расположенный по центру юго-восточной стены, с «порталом», выступающим за линию на 1,3 м.

Стены коридора выложены из кирпича (размер 50x25x10 см), положенного ложком путем напуска внутрь. Стены же помещения (северная, западная, восточная) изнутри выложены кирпичом, поставленным с небольшим наклоном на ребро, а снаружи кирпичом, уложенным ложком в перевязку. Но в одном и том же ряду встречаются кирпичи, положенные наружу как длинной, так и короткой стороной. Пол входного коридора выложен в один кирпич и на 10 см выше пола помещения и уровня поверхности того времени.

Внутренние и наружные стены, а также пол оштукатурены (2–2,5 см толщиной) и побелены. Снаружи стены слегка скошены внутрь. На дневной поверхности того времени по периметру шла узкая глинобитная площадка — отмостка.

При входе в коридор имеется ряд кирпича (размер 30x30 см), на который поставлены каменные плиты и положены камни. Верхняя часть одной из плит видна на поверхности насыпи. Плиты закрывали вход в коридор.

В коридоре, при входе в помещение, на высоте 45 см от пола обнаружен скелет женщины, лежащий на левом боку, со скорченными ногами и согнутой в локте правой рукой. Левая рука вытянута вдоль туловища. Череп лицевыми костями повернут к входу. Ближе к выходу отмечен скелет собаки (сторожевой?), лежавшей черепом к входу в коридор. Оба

скелета покоились на слое земли. По всей вероятности, они погребены последними.

При расчистке помещения собрано 25 нижних челюстей, хотя черепов найдено 17, остальные, видимо, разрушились. По предварительному определению антрополога О.Исмагулова, среди найденных черепов имеются детские, подростков, мужчин и женщин зрелого, возмужалого и старческого возраста. К сожалению, не все они хорошей сохранности, поэтому трудно выяснить антропологический тип погребенных. Тем не менее, удалось выявить два типа — европеоидный и смешанный. Захоронения произведены в разное время и принадлежат, вероятно, одной семье. Выделено три стратиграфических яруса погребений.

В верхнем ярусе вдоль юго-западной стенки находился неполный скелет человека. Судя по костям, погребенный лежал на левом боку, с согнутыми в локтях руками и, видимо, вытянутыми ногами. В северо-восточной части, в 7 см ниже этого захороненного, обнаружено два неполных скелета человека. Северный скелет покоился на спине, головой на восток, а южный — спиной вверх и головой на северо-восток. По всей площади помещения разбросаны в беспорядке кости ног, рук, таза, ребра, позвонки. В восточном углу зафиксировано два черепа, а в южном — один. В этом ярусе собраны глиняные пряслица, обломок бронзового предмета, возможно, язычок от пряжки, каменная туалетная палочка (сурьматаш) с отверстием на одном конце для подвешивания (рис. 3.30, 18), железный черешок от наконечника стрелы. Глиняная посуда из этого слоя представлена кувшинчиком, кружечкой, обломками боковин и венчиков. Она изготовлена ручной лепкой. Кувшинчик с петлеобразной вертикальной ручкой, верхний конец которой отходит от края венчика и имеет сосцевидное утолщение, а нижний прикреплен к верхней части тулова. Кружечка с вертикальной петлеобразной ручкой, расположенной по центру сосуда. На противоположной стороне ручки сделан подковообразный налуп с насечками. На внешней поверхности кружечки имеются следы раскраски красноватым ангобом.

По центру погребальной камеры, начиная от входа по направлению к противоположной стенке, шел углисто-зольный слой, размещенный как бы тремя очагами.

Второй ярус расположен на 15 см ниже верхнего. Почти по центру погребальной камеры в направлении с юго-запада на северо-восток обнаружен неполный скелет человека, лежавшего вытянуто на спине. Череп повернут лицевыми костями к входу. Руки согнуты в локтях так, что кисть левой руки на-

ходится у нижней челюсти, а правой — на коленном суставе. Бедренные кости перекрещены в коленном суставе (правая лежала на левой). При расчистке скелета под ним найдены угольки и зола. В западной части помещения собрано девять человеческих черепов, лежавших рядом. Под черепами и между ними были кости рук, ног, таза, ребра, разрозненные и сочлененные позвонки. В южной части (вдоль западной стенки) зафиксированы разрозненные кости ног, рук, таза, ребра, позвонки, челюсти и два черепа человека. У северо-западной стенки около черепов найден череп собаки, второй череп собаки сохранился у юго-западной стенки. Среди разрозненных костей человека в беспорядке лежали отдельные кости двух собак (кости ног, таза, ребра). Посередине камеры также в беспорядке были кости человека — ног, таза, ребра, нижние челюсти. Среди костей найдены глиняная мисочка ручной лепки с прочерченными внутри на дне линиями, бронзовая трапециевидная пряжка с железным язычком, глиняные пряслица и грузило, видимо, от ткацкого станка, раковина каури с отверстием для подвешивания, костяная пронизка, обломок глиняного сосуда ручной лепки (вероятно, от хума), покрытого светлым ангобом с темно-коричневыми потеками, обрывки изделия из кожи. В северном углу обнаружен глиняный кувшин ручной лепки с вертикальной петлеобразной ручкой, верхний конец которой прикреплен к нижней части горловины, а нижний — к середине тулова. Около ручки нарисована тамга в виде веточки.

В третьем, нижнем ярусе, которым является пол погребального помещения, зафиксированы в беспорядке разрозненные кости человека. Судя по ним, первоначально был погребен один человек. На полу и в слое над полом встречены обломки глиняных сосудов — миски с перегибом в средней части стенок, изготовленной на гончарном круге, боковины кувшина (?), сделанного на гончарном круге с раскраской потеками красной краски по светлому ангобу, и сосуда ручной лепки с темной поверхностью и темным в изломе, в глине его была примесь толченой ракушки, на стенках и на дне внутри сохранились остатки углистого слоя. Возможно, это жаровня.

Склеп 3. Курган 75 (рис. 3.29) диаметром 18 м, высотой 1,2 м. В центре кургана зафиксировано наземное погребальное сооружение. В плане оно представляет собой постройку (5,1x5,15 м) из пахсы с квадратным помещением (2,9x2,9 м) и входным коридором. Стены сооружения сохранились на высоту 1,2 м. Ориентировано оно углами по сторонам света (с не большим отклонением северного угла к востоку). Из помещения ведет узкий входной коридор (длина 2,2 м, ширина 0,7 м), не-

Рис. 3.30. Находки из разных склепов некрополя городища Шага (по Максимовой А.Г., 1974).

Можно предположить, что на суфе, вдоль северной и восточной стен, лежало по одному умершему, около входа находился третий.

В южном углу помещения, в слое над полом, найден трехперый черешковый железный наконечник стрелы (рис. 3.30, 8) и обломки железных предметов (рис. 3.30, 9, 15–18). При расчистке помеще-

сколько смещенный к востоку от центра юго-восточной стены с порталом, выступающим за линию стены на 1,1 м. Стены входного коридора, помещения и пол сделаны из пахсы. Пол входного коридора на 10 см выше былой дневной поверхности, а пол помещения выше него на 25 см.

Вдоль западной, северной и восточной стен помещения — суфы шириной 80 см, высотой 15 см, сложенные из кирпича (размер 40х25х10 см), положенного в два кирпича. Стены, пол входного коридора и помещения, а также суфы оштукатурены (толщина штукатурки до 2 см), возможно, побелены. Снаружи стены слегка скошены внутрь. На дневной поверхности того времени вдоль стен проходит глиняная отмостка.

На глубине 70 см у северо-восточной стенки найдены кости человека (кости ног, рук, позвонки, ребра, обломки черепов), а среди них — уголки. На полу, около суф (в северной части) также лежали кости человека в беспорядке (обломки черепа, кости ног, ребра, позвонки). Выяснить количество погребенных трудно, возможно, их было не более четырех: по одному на суфах и один у входа. На полу у западной суфы обнаружены бусы (8 шт.) из стекловидной массы.

При расчистке помещения собраны обломки кухонных и столовых глиняных сосудов. Кухонная посуда ручной лепки, серовато-темная. В глине имеется примесь шамота. Столовые сосуды сделаны на гончарном круге. Черепок плотный. Излом и внутренняя поверхность — розоватые. По внешней поверхности по светлomu ангобу нанесены темно-коричневые потеки. Один из сосудов, видимо, кружка, имел рифленую поверхность и посередине петлеобразную вертикальную ручку. На стенках внутри и снаружи у него были потеки темно-коричневой краски по светлomu ангобу.

Склеп 4. Курган 76 (рис. 3.29) диаметром 12 м, высотой 0,35 м. При снятии насыпи, почти в центре кургана, найден глиняный сосуд ручной лепки, с петлеобразной вертикальной ручкой в верхней части тулова.

В южной части кургана обнаружено наземное погребальное сооружение. В плане оно представляет собой постройку (4х4,2м) из пахсы с квадратным помещением (2,2х2,2м) и входным коридором. Стены сооружения сохранились на высоту 1 м. Ориентировано оно углами по сторонам света (с небольшим отклонением северного угла к востоку). Из помещения ведет узкий входной коридор (длина 1,6 м, ширина 65 см), расположенный вдоль юго-восточной стены и смещенный к западу, с порталом, выступающим за линию стены на 70 см.

Стены коридора и помещения, а также пол сделаны из пахсы. Пол помещения и коридора были на

одном уровне и подняты над дневной поверхностью того времени на 10 см. Стены и пол внутри коридора и помещения оштукатурены (толщина штукатурки до 2 см), возможно, побелены. Снаружи стены сооружения слегка скошены внутрь. На дневной поверхности вдоль стен шла глиняная отмостка. На глубине 70 см у северо-западной стенки (по центру) обнаружен скелет человека. Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал на спине с согнутыми в коленях ногами. Скелет, вероятно, потревожен грабителями. Выше черепа на 15 см, у стенки найден глиняный кувшин ручной лепки с вертикальной петлеобразной ручкой, верхний конец которой прикреплен к краю венчика, а нижний — к верхней части тулова. Поверхность его розовато-красноватая.

При снятии костей обнаружены две каменные (черного цвета) бусины, железная овальной формы пряжка с откидным язычком (рис. 3.30, 11), железная наременная бляшка со штифтом с обратной стороны для закрепления на ремне (рис. 3.30, 14), две перламутровые бусины и две бусины из стекловидной массы.

На полу (на глубине 0,9 м) в восточном углу и вдоль северо-восточной стенки помещения лежали разрозненные кости человека (ребра, череп, позвонки, кости ног, рук). Среди костей были обломки глиняных сосудов: миски, кувшина, боковин и ручек сосудов, изготовленных ручной лепкой. Миска в глине имеет примесь шамота и толченой ракушки. Излом и поверхность ее темные. Кувшин с высокой узкой и удлиненной горловиной, с отогнутыми наружу краями и сливом. От края венчика отходит вертикальная ручка, прикрепленная нижним концом к верхней части тулова. На верхнем конце ручки — сосцевидный налп. Сосуд покрыт красновато-коричневым ангобом. На ручке, на самом кувшине внутри и снаружи сохранились следы раскраски красновато-коричневого ангоба. В центре помещения найдены кости ребенка (обломки черепа, ребра, позвонки, тазовые кости). У входа в помещение с западной стороны лежала бронзовая серьга.

Склеп 5. Курган 108 диаметром 11 м, высотой 0,32 м. Почти в центре кургана было невысокое наземное погребальное сооружение. Оно сильно разрушилось, поэтому точных контуров и высоту его определить не удалось. По всей вероятности, оно в плане имело квадратное помещение (2,2х2,2 м) и входной коридор с выступающим за пределы южной стены порталом. Стены и пол сооружения пахсовые. Оно ориентировано углами по сторонам света (с небольшим отклонением северного угла к востоку). Из помещения ведет узкий (70 см) входной коридор, расположенный по центру юго-восточной стены.

На оштукатуренном полу, на глубине 40 см от вершины кургана, в основном у восточной стены, обнаружены в беспорядке кости человеческих скелетов. Отдельные кости найдены у западной, и вблизи северной стенок. Среди костей встречены как обломки, так и целые кухонные и столовые глиняные сосуды. Кухонные сосуды изготовлены ручной лепкой, темные в изломе и на поверхности, в глине отмечена примесь толченой ракушки и шамота. Внешняя поверхность закопчена, а на внутренней — сохранились остатки пригорелой пищи. Один из них с петлеобразной вертикальной ручкой, верхний конец которой прикреплен к краю венчика. Столовые сосуды представлены в основном кружками, изготовленными, кроме двух, ручной лепкой. В глине присутствует шамот или мелкотолченая ракушка. Почти все они с вертикальной петлеобразной ручкой, прикрепленной верхним концом к краю венчика, к верхней части тулова или к нижней части горловины. К этой группе можно отнести горшочек ручной лепки и блюдо, сделанное на гончарном круге, со следами раскраски красновато-коричневым ангобом. Следы такой же раскраски встречены и на кружке. Из предметов найдено каменное пряслице.

3.4. К РЕКОНСТРУКЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

На сегодняшний день мы имеем описание результатов раскопок почти девяти десятков наземных погребальных построек на некрополях трех раннесредневековых городищ: Жуантобе-78 (НЖ: н.с. №1-62), Шага-5 (ШН: н.с. №1-5) и Сидак-6 (НС: н.с. №1-4)⁴⁹.

Локализуются эти памятники в Туркестанском оазисе (Шага и Сидак) и на Средней Арыси (Борижары), а в низовьях Арыси в Отрарском оазисе наземные склепы, вероятно, зафиксированы на могильнике Мардан (Талтакай). Плохо сохранившиеся наземные пахсовые конструкции все же дают возможность интерпретировать их именно как наземные склепы (во всяком случае, к. 9 и «отдельно стоящий курган», к. 12/2002), в которых осуществлялось труположение⁵⁰.

Таким образом, за многолетний период исследования некрополей раннесредневековых городов в Южно-Казахстанском регионе установлено, что для них характерны, наряду с другими типами погребальных сооружений (подкурганые катакомбы, подбой,

⁴⁹ Для сокращенного написания предлагается в дальнейшем использовать подобного рода аббревиатуры: НЖ — некрополь Жуантобе; ШН — Шагинский некрополь; НС — некрополь Сидак; н.с. — наземный склеп.

грунтовые ямы и пр.), «сырцово-пахсовые наземные склепы», которые в историографии античной и раннесредневековой археологии Средней Азии обычно трактуются в системе терминов, свойственных для зороастрийской погребальной традиции и определяются арабским термином «наусы», и понимаются как постройки для окончательного погребения предварительно очищенных костей⁵¹. В частых случаях обнаружения в погребальной камере скелетов усматривается смена погребальной традиции, выдвигаются различные интерпретации этого «важного явления». Но при этом не сформулировано ни одной непротиворечивой гипотезы, объясняющей все основные и наиболее существенные особенности практиковавшегося погребального обряда, связанного с этими склепами⁵². Ниже предлагается попытка восполнить этот пробел. При этом мы сознательно оставляем пока за рамками внимания такие важные моменты, как, например, происхождение обряда и связанных с ним погребальных сооружений, этнографические пережитки этого обряда, типологию погребальных сооружений и пр.

Как выше отмечалось, в трактовке результатов раскопок «курганов»⁵³ Борижарского могильника, точнее — некрополя Жуантобе, в историографии накопилось несколько противоречий, препятствующих пониманию практиковавшегося погребального обряда в целом. По нашему мнению, существенной причиной этих противоречий являлось давление «курганного стереотипа», заставлявшего видеть в любом холме курганную насыпь и, как следствие, применение при его раскопках неадекватной методики⁵⁴.

⁵⁰ Нурмуханбетов Б. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970; Нурмуханбетов Б. Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969; Нурмуханбетов Б.Н., Бурнашева Р.З. Погребения с монетами из могильника Мардан (Отрарский оазис) // Известия АН КазССР, сер.общ. наук, 5, 1979; Байпаков К.М., Воякин Д.А. Исследования комплекса Талтакай // Известия МОН РК, сер. арх., 1, 2003.

⁵¹ Беленицкий А.М., Бейтович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 44-46.

⁵² Естественно, имеется в виду та часть обряда, которая доступна реконструкции на основе археологических данных и наблюдений. Некоторые положения этой гипотезы (например, о времени выставления трупов в склепах и последующем захоронении их в отдельном месте, о связи склепов с оссуарными захоронениями) высказывались и ранее целым рядом авторов (Агзамходжаев Т. Погребальные сооружения Чирчик-Ангренской долины I-VIII вв. н.э. АКД, 1966; Горячева В.Д. Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная речка и Бурана. — Фрунзе, 1989; Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. — М: Наука, 1969).

Наиболее плодотворный исследователь Борижарского могильника Б.Н.Нурмуханбетов определил основной тип погребений как «труположение под курганной насыпью внутри наземных погребальных построек»⁵⁵. Хотя в первой публикации этих же материалов он, на наш взгляд, вполне обоснованно предположил, что постройки были «открытыми надмогильными сооружениями. Холм образовался позднее, вследствие разрушения стен сооружения»⁵⁶. Т. е. ни о какой «курганной насыпи» в определении типа погребального сооружения речи быть не может. Значит и в целом Борижарский могильник вряд ли можно определять исключительно как «курганский могильник». Наряду с подкурганскими захоронениями здесь были и коллективные выставления в наземных склепах по обряду труположения на спине с вытя-

нутыми конечностями. И как мы теперь считаем, они локализируются в зоне «некрополя Жуантобе».

И еще о терминологии. Б.Нурмуханбетовым же было отмечено, что имея внешне много общего со среднеазиатскими склепами-наусами, борижарские склепы, а теперь можно сказать и склепы всей северо-восточной периферии Средней Азии, вряд ли обязаны своим появлением аналогичным религиозным воззрениям на «жизнь после смерти». Считается, что наусы служили для помещения в них оссуариев — керамических гробиков с предварительно очищенными от мягких тканей костями покойника. Но поскольку за все годы раскопок на Борижарах не встречено ни одного даже обломка оссуария, то вполне справедливо заключение, что «борижарские погребальные сооружения, имея много общего во внешнем строении с наусами, не являются ими по назначению»⁵⁷.

В силу того, что в абсолютном большинстве случаев кости скелетов в погребальных камерах склепов оказались перемешанными, то сказать определенно о первоначальном положении погребяемых затруднительно. Лишь материалы склепа №2 (к. №68) некрополя у с. Шага (ШН: н.с. № 2), склепа №4 некрополя Сидак (НС: н.с. №4) и семи склепов некрополя Жуантобе (НЖ: н.с. № 2, 3, 5, 6, 10, 11, 13) могут служить основой для некоторых выводов. В шагинском склепе в трех условных слоях заполнения погребальной камеры найдены останки не менее 25 погребенных. В четырех случаях кости верхней части скелетов оказались в сочленении, по ним можно судить, что трупы помещались лежа на спине (иногда, на боку), с вытянутыми конечностями, ориентированы головой на СВ. Иногда руки согнуты в локтях, кости ног перекрещены. Покойник помещался в склеп в одежде, с поясом, полагавшимся ему по рангу, и с имевшимися у него украшениями. Возможно, он был завернут в материю или кошму. Рядом располагались, если это был мужчина-воин, его оружие (лук, стрелы, меч и пр.), ставилась посуда с заупокойной пищей. Вероятно, при погребении в склепе разжигался небольшой костер. После совершения положенных ритуальных действий, вход в склеп тщательно заделывался.

В сидакском склепе №4 покойники были уложены на специальные суфы под углом и головами друг к другу. Аналогично лежат скелеты и на полу, описывавшемся как «площадка» склепа 13 некрополя Жуантобе. Это свидетельствует, очевидно, о том, что ориентировка покойника по сторонам света не была актуальна для практиковавшегося обряда. Бо-

⁵⁷ Нурмуханбетов Б. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника. С. 108–120.

лее существенной была, вероятно, ориентировка самого погребального сооружения, относительно стен которого «ориентировался» покойник.

При расчистке погребальных камер зафиксированы ситуации, когда:

- костные остатки погребенных полностью отсутствуют;
- отдельные кости скелетов, разбросанные по полу камеры вперемешку с вещами;
- зафиксированы лежавшие на спине скелеты, иногда наряду с костями, собранными в кучки;
- кости скелетов были собраны в кучки.

Таким образом, во всех основных регионах ранней урбанизации юга Казахстана зафиксированы на некрополях постройки в виде наземных пахсо-во-сырцовых склепов. Установлено, что датируются они от IV–V до VII–VIII вв. и по конструкции и функции подобны погребальным склепам, широко представленным на некрополях раннесредневековых городов Средней Азии (Фергана, Чач, Тохаристан, Согд), где они связываются с зороастрийским (маздеистским) погребальным обрядом, прописанном в Видевдате и называются «наусами». Находки в склепах городища Сидак, особенно серебряный пояс с пластинчатыми накладками (рис. 3.25–11, 12), тип которого датируется в джетысарских погребениях III–IV вв., в других некрополях IV–V вв., позволяют так же датировать нижний рубеж этих построек IV в.⁵⁸ Верхняя граница уверенно датируется по монетам пер. пол. VIII в.

Архитектурный облик этих построек восстанавливается в нескольких имеющихся реконструкциях (рис. 3.31).

А. Г. Максимова определила исследовавшиеся ею склепы как «гробницы типа наусов». Тем самым, надо полагать, подчеркнув формальное сходство их

⁵⁸ Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. С. 219, 328; Байпаков К. М., Смагулов Е. А. Новые данные по археологии Отрарского оазиса // Известия АН КазССР, сер. общ.-ых наук. 1990. №6. рис. 2: 3, 4. С. 20–27; Мерциев М. К., Поселение Кызыл-Кайнар-тобе I–IV вв. н.э. и захоронение на нем воина IV–V вв. // По следам древних культур Казахстана. — Алма-Ата, 1970. С. 89, рис. 7, 5; Вероятно, что эти пояса (Левина Л. М. насчитывает 19 находок, сюда можно добавить пояс из могильника Конартобе Отрарского оазиса и «сидакский» серебряный пояс) представляют собой своеобразный локально-хронологический тип поясов Евразии. Их характеризуют металлические пряжки (серебро, бронза) с подвижным язычком и пластинчатой обоймой, зачистую инкрустированной. Вся поверхность, или большая часть, узкой кожаной основы плотно покрыта вертикально расположенными металлическими, обычно фигурными пластинками, крепящимися двумя «гвоздиками». Отсутствуют свисающие ремешки и прочие элементы.

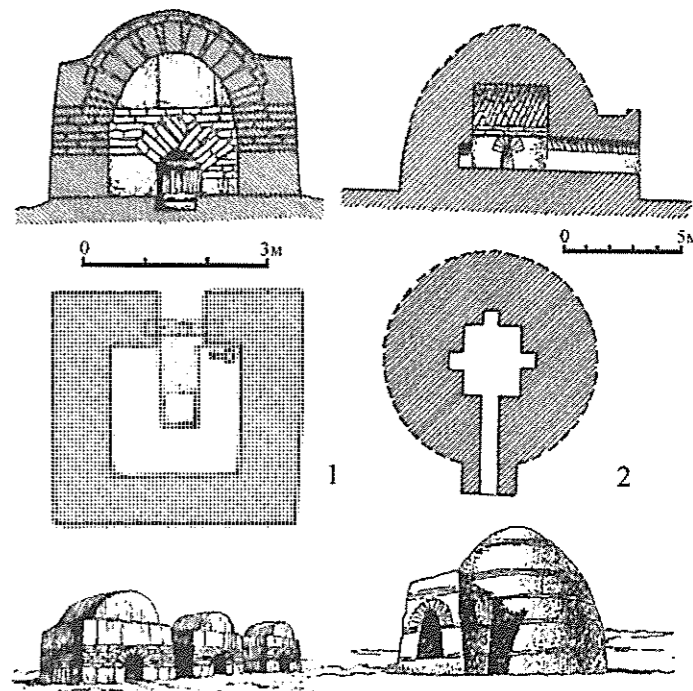

Рис. 3.31. Реконструкция склепов (по: Хмельницкий. С. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Берлин–Рига, 2000. рис. 219, 220).

внешнего вида с известными к тому времени среднеазиатскими наусами, но при этом и отличие формы и сути погребального обряда⁵⁹. Это же обстоятельство было отмечено и Б.Нурмуханбетовым⁶⁰.

При расчистке склепов в других регионах Средней Азии чаще всего наблюдается, что кости перемешаны, встречаются керамические сосуды, обломки оссуариев (Семиречье, Согд, Чач), детали одежды и украшений. Видимый хаос в погребальной камере понимается, обычно, как результат ограбления⁶¹. Но зафиксированы и случаи, когда скелеты лежат не потревоженными, кости положенных раньше умерших собраны в кучки, внутри камеры стоят пустые оссуарии или крупные сосуды. То есть мы наблюдаем труположение, аналогичное совершавшимся в склепах могильников Джетысарской культуры в низовьях Сырдарьи (VI в. до н.э. — VIII н.э.)⁶². Как известно, в некрополях Джеты-

⁵⁹ Максимова А. Г. Гробницы типа науса. С. 95.

⁶⁰ Нурмуханбетов Б. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника..., с. 120.

⁶¹ Что само по себе очень странно, если учитывать обостренное чувство неприятия (брезгливости) ко всему, причастному к смерти, свойственное традиционной среднеазиатской культуре (Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. — М: Наука, 1969. С. 107–181).

⁶² Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. С. 68–69.

сарских городищ было раскопано около 700 курганов, из которых под 102 оказались сырцовые сводчато-купольные постройки трех типов по признаку отношения к уровню современной им дневной поверхности: 1 тип — подземные; 2 тип — полуподземные; 3 тип — наземные. Л.М.Левиной они называются «склепами», а их появление датируются сер. 1 тыс. до н.э. Столь раннюю датировку нижней границы бытования склепов, опирающуюся на находки бронзовых наконечников стрел, на наш взгляд, вполне обоснованно ставит под сомнение Б.И.Вайнберг, считая возможным датировать появление склепов II в. до н.э.⁶³ Б.А.Литвинский, обнаружив бронзовый втульчатый наконечник IV в. до н.э. в одном из североферганских курумов отказался признать его датирующим артефактом, осторожно трактуя эту находку: «...более вероятно, что старый наконечник имел характер амулета и был включен в погребальный инвентарь в I–II вв. н.э.»⁶⁴.

В джетыясарских склепах завернутых в камышовые циновки погребенных кляли на суфы в вытянутом положении на спине с вытянутыми ногами и руками. Иногда под головой лежала войлочная подушка... Рядом с захоронением на суфах и на полу размещали погребальный инвентарь: керамические сосуды с заупокойной пищей, орудия труда, оружие, туалетные наборы в женских погребениях». При отсутствии места на суфах кости захороненных сдвигались в сторону. По предположению Левиной Л.М., по мере заполнения склепа, все ранние погребения убирались, склеп ремонтировался, заново обмазывался штукатуркой, при необходимости слегка перестраивался⁶⁵. То есть можно сделать вывод, что склепы служили не для окончательного упокоения останков, а лишь для того, чтобы произошел естественный, без вмешательства некрофагов, процесс разложения плоти. После чего кости собирались и окончательно захоранивались на стороне. Такой способ погребения хорошо известен в Средней Азии, и археологически он представлен склепами и обычно находимыми на некотором отдалении погребений кучек костей, сосудов или оссуариев с костями. Последние («оссуарные некрополи») обычно описываются и воспринимаются как свидетельства отдельного своеобразного «оссуарного или хумного

⁶³ Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. С. 68–69; Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э.—VIII в. н.э. М., 1999. С. 191.

⁶⁴ Литвинский Б.А. Курганы и курумы..., с. 195; Аналогично и А. Г. Максимова обнаружив в одном из шагинских склепов бронзовый черешковый наконечник, не придала ему датирующего значения (Максимова А. Г. Гробницы типа науса у с. Чага (Шага)... С. 114, рис. 19–3).

⁶⁵ Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья.—М., 1996. С. 71, 85.

обряда погребения, но есть все основания рассматривать их как окончательные захоронения костей, после того как они лишились плоти, пролежав определенное время в склепах. То есть склепы и «оссуарные некрополи» можно рассматривать как археологически фиксируемые материальные следы разных стадий одного погребального обряда.

Таким образом, можно сделать вывод, что временное труположение (многократное) в наземных сырцово-пахсовых склепах было одним из звеньев в пространственном виде погребального обряда у оседлого городского раннесредневекового населения средней Сырдарьи, также как и у обитателей Джетыясарского урочища в низовья Сырдарьи. Культурная общность населения Присырдарьинского региона от Чача (Ташкентский оазис) до низовьев (зона распространения культур Каунчи, Отрарско-Каратауской и Джетыясарской на последней стадии) в период VI–VIII вв. исследователями отмечалась неоднократно⁶⁶.

До более позднего времени продолжают функционировать лишь склепы некрополей городов в Чуйской долине (например, Краснореченское, Новопокровское городища)⁶⁷.

В «каменных склепах» Апартакского могильника Ташкентского оазиса зафиксированы разные ситуации, которые могут возникнуть при таком погребальном процессе⁶⁸. В одних склепах к моменту, когда этот некрополь был заброшен, на полу построек остались лежать полные скелеты покойников с полагавшимися им атрибутами. В «наусе» №4 в углу камеры стоял пустой оссуарий, а на полу лежал скелет. В других «наусах» скелетов не было, но находились мелкие косточки от них и погребальные атрибуты (сосуды, украшения и пр.). Т. е. явно, что из этих склепов основные кости скелета были вынесены и захоронены на стороне. В склепе №4 заблаговременно позаботились о погребальной урне, поставив ее внутрь склепа. Но что-то помешало завершить погребальный обряд. Исследователь этих погребальных построек приходит к логичному предположению, что «после истления мягких покровов тела кости покойников, вероятно, собирались и укладывались в оссуарий, мелкие же косточки пальцев рук

⁶⁶ Левина Л.М. Памятники джетыясарской культуры в свете этнической истории Средней Азии (сер. I тыс. до н.э.—VIII в. н.э.)//Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана.—М., 1990. С. 34.

⁶⁷ Кольченко В.А. Новопокровский средневековый некрополь (по материалам раскопок 1930 г.) //Центральная Азия от ахемнидов до тимуридов. Археология, история, этнология, культура. СПб., 2005. С. 269.

⁶⁸ Агзамходжаев Т. Подземные каменные наусы около г. Ангрей//ИМКУ, вып. 2, 1966. С. 104–111.

и ног оставляли в склепе. Заполненные оссуарии ближайшие родственники выносили в особые места для окончательного захоронения в земле»⁶⁹. Аналогичная картина наблюдается и в наземных склепах⁷⁰. В серии расчищенных в 1979 г. 12 склепов «пскентского мингтепа» чаще всего встречены мелкие кости скелета, или же костей не было вовсе. В одном зафиксированы лежавшие у стен скелеты, в другом кости с черепами были собраны в кучки⁷¹. Склепы эти датируются VI–VIII вв. Хронологически им предшествуют на этом могильнике погребения в подкурганых катакомбах, которые четко датируются III–V вв. Автором раскопок эти склепы интерпретируются как наусы, служившие для окончательного «захоронения труположений и кучек костей»⁷². В принципе та же ситуация наблюдалась и ранее при исследовании склепов этого могильника Ю.Ф.Буряковым⁷³.

На некрополе с наземными склепами при Новопокровском городище в Чуйской долине исследовано два «кургана», которые и не были курганами, а оплывшими развалинами в одном случае двух, в другом — трех, пристроенных друг к другу однокамерных склепов⁷⁴. Издатель материалов считает возможным датировать эти сооружения IX в. Под вторым «курганом» в простенке между наземными камерами, т.е. вкопаны снаружи у стен камер, обнаружены два керамических сосуда, в которых помещены кости отдельных скелетов. Авторы находки отмечали в полевых записях, что кости помещались в сосуды в состоянии, когда еще не все связки-сухожилия истлели. Сосуды перекрыты обожженными кирпичами 26x26x5см. Один из сосудов с костями очень напоминает хумчу с костями, случайно обнаруженную у Шымкентского городища («ушки на плечиках», отсутствие декора)⁷⁵.

В этой связи интересно, что на некрополе городища Костобе (VI–IX вв.) в округе Тараза в погреб-

⁶⁹ Агзамходжаев Т. Подземные каменные наусы около г. Ангрей//ИМКУ, вып. 2, 1966. С. 110.

⁷⁰ Агзамходжаев Т. Погребальные сооружения Чирчик-Ангренской долины I–VIII вв. н.э. АКД, Ташкент, 1966. С. 9–11.

⁷¹ Последний по времени обзор археологических материалов по склепам Ташкентского оазиса см.: Богомолов Г.И. Развитие погребальных сооружений раннесредневекового Чача//История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент, 2005. С. 187–196.

⁷² Дресвянская Г.Я. Типы захоронений курганного могильника у к. Актам (Псеитский район)//Материалы по археологии Средней Азии. Сб. научных трудов ТашГУ. Ташкент, 1983.—707. С. 24–38.

⁷³ Буряков Ю.Ф. Пскентские наусы//СА, 3, 1968. С. 131–136.

⁷⁴ Кольченко В.А. Новопокровский средневековый некрополь..., с. 269–275.

бальных наземных построек, названных наусами, нет следов оссуариев. Труп в склеп помещали в одежде, со всеми необходимыми атрибутами. Но тут же рядом со склепами найдены захоронения отдельных кучек костей и хумы с костями⁷⁶. Интересные данные были получены при исследовании некрополя Краснореченского городища. По опубликованным пока данным можно установить, что погребально-культовые постройки представляли собой небольшие купольные склепы (внутренняя площадь 1,5–2 м².), образующие плотную застройку части некрополя⁷⁷. Внутри всех этих построек обнаружены костные остатки (собранные в кучи, уложенные в хумы, в оссуарии, в отдельных случаях скелеты лежат на полу) и поэтому исследователь называет эти склепы наусами. Но при этом, оценив ситуацию, особо четко наблюдаемую в отдельных склепах, Горячева В.Д. приходит к заключению, что «сначала в наусе истлевал труп», а весь материал свидетельствует о выставлении трупов с последующим погребением очищенных костей. Тем самым подтверждается «гипотеза о совмещении в наусах и функции дахм»⁷⁸. К такому же выводу приходит и Богомолов Г.И., обобщая материалы по наземным погребальным сооружениям раннесредневекового Чача⁷⁹. Но эти материалы и наблюдения также свидетельствуют о том, что прекращение функционирования этих склепов произошло почти одновременно, и, вероятно, в условиях социальной катастрофы, повлекшей достаточно резкую смену погребальных традиций (время функционирования Краснореченских склепов относится к периоду втор. пол. VIII — сер. X вв.). Яркая картина, вскрытая раскопками, говорит о том, что обычный ход событий здесь был нарушен, погребальный процесс прерван и поэтому в склепах мы видим одновременно и кучки костей, и скелеты в той или иной степени сохранности, и поспешно засунутые в склеп поверх лежащих на полу костей хумы и оссуарии. К этому же напомним, что верхняя граница склепов

⁷⁵ Кольченко В.А. Новопокровский средневековый некрополь..., с. 273.

⁷⁶ Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути.—Алматы, 1998. С. 110.

⁷⁷ Горячева В.Д. Наусы некрополя Краснореченского городища//Красная речка и Бурана.—Фрунзе, 1989. С. 85–95.

⁷⁸ Горячева В.Д. Наусы некрополя Краснореченского городища..., с. 90,95.

⁷⁹ Богомолов Г.И. О погребальной обрядности раннесредневекового Чача//Верования и культы домусульманской Средней Азии: Тез. конф.—М.: Гос. музей Востока, 1997. С. 8–10; его же: Развитие погребальных сооружений раннесредневекового Чача//История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент, 2005. С. 194.

южно-казахстанских некрополей Шага, Борижары, Караспан, так же, как и Ташкентских, датируются VIII в., т. е. временем арабских завоевательных походов и подчинения юга Казахстана Халифату. И в них мы видим похожую ситуацию незакоиченности обряда погребения. Особо показательна ситуация, выявленная внутри пнанджикентских склепов⁸⁰.

Нам уже приходилось писать, что вопреки распространенному мнению известного тюрколога С.Г.Кляшторного, нужно признать, что покорение арабами Южного Казахстана (в частности, Отрарского и Туркестанского оазисов) произошло при трагических обстоятельствах в первой половине VIII в.⁸¹ В таком своеобразном и пока недооцененном виде письменных источников как казахские шежире ходжей Южного Казахстана повествуется о первых этапах исламизации юга Казахстана и указываются в разных вариантах года 718 или 767, как даты покорения региона Туркестана исламским войском во главе с потомками имама Мухаммада ибн ал-Ханафийи⁸². Как известно, довольно непродолжительный период исламской крайней нетерпимости к древним местным культам сменился периодом адаптации, и многие древние обычаи и культовые обряды, вписавшись в местный ислам, благополучно дожили в Средней Азии, включая Южный Казахстан вплоть до наших дней⁸³. Сохранился и обычай погребать покойников в наземных и подземных склепах (сагона). По этнографическим данным этот обычай был до недавнего времени распространен среди местного городского населения, генетически связанного с древним населением. Име-

⁸⁰ Ставиский Б.Я., Большаков О.Г., Мончадская Е.А. Пнанджикентский некрополь//МИА, №37, «Труды таджикской археологической экспедиции». Т.2. М.—Л.: Наука, 1953. С. 64–98.

⁸¹ Смагулов Е.А. Арабское нашествие в Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников//Мобилизованный археологией. Астана, 2004, с. 103–113; его же: Некоторые проблемы арабского завоевания Южного Казахстана//Отан тарихы, 2, 2004, С. 79–87.

⁸² Муминов А.К. Кокандская версия исламизации Туркестана//Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003, С. 119; О значении родословий (шежире) как исторических источников, о роли и статусе ходжей и сепидов в традиционном обществе казахов см.: Ерофеева И.В. Родословные казахских Ханов и Кожа XVIII–XIX вв. Алматы, 2003.

⁸³ См. напр.: Хасенова Б.М. К вопросу о распространении ислама среди кочевников Евразийских степей (по материалам некрополя Бузук)//Сб. Ахинжановские чтения—2003. Алматы, 2003; Турадилов М.У. О некоторых доисламских реликтовых элементах казахского погребального обряда//Археологические исследования в Казахстане. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения—14». Шымкент-Алматы, 2002. С. 207–210.

ется описание одной такой погребальной постройки, действовавшей еще в середине XX в. на некрополе кишлака Сангистон в Верхнем Зеравшане. При ее обследовании установлено, что это был двухкамерный склеп с женской и мужской камерами, служивший усыпальницей одной родственной группы (авлод). В мужской камере были кости 11 человек в виде лежащих на полу, посыпанном песком, скелетов и собранные в кучки. В женском склепе лежали скелеты трех взрослых и ребенка, а кости еще семерых были собраны в кучки. По опросным данным установлено, что кости некоторых погребенных находятся в склепе 40–30 лет. А время постройки склепа никто из старожилов кишлака уже не помнил⁸⁴. Положение покойников в сырцовые наземные постройки (склепы) известны и в Южном Казахстане у мечети Исмаилата в пос. Турбат и на кладбище при мечети в пос. Чаян. Везде эти погребальные постройки связаны с коренным сельским оседлым населением, и эта традиция, естественно трансформировавшаяся за века может свидетельствовать о прочности реликтовых пережитков культа предков в регионе.

Другой своеобразный вариант погребальных построек и обряда, интерпретируемых с позиций норм Видевдата, выявлен при исследовании Кампыртепа в кушанском Тохаристане. Э.Ртвеладзе предложил реконструкцию местного погребального обряда с его общими и специфическими чертами. Из последних отметим отсутствие специальных оссуариев, функцию «костехранилища» выполнял выкопанный рядом ров, куда укладывались и присыпались кучки костей отдельных скелетов. В самих же этих склепах обнаружены лишь мелкие фрагменты костей и керамики, а их скопления обнаружены рядом, но при этом в этих постройках исследователь почему-то увидел совмещенные функции «ката, дахмы и науса»⁸⁵. Хотя описание результатов раскопок, на наш взгляд, не дает оснований для такой интерпретации. «Наусом», местом хранения костей, в данном случае был специально устроенный ров, поскольку только здесь найдены захороненные кучки костей. «Ката», как это явствует из приводимых фрагментов Видевдата и этнографических аналогий, это помещения, которые могут быть «в каждом доме, каждом селении» и предназначены для временного хранения трупа в случае, если смерть наступает в неблагоприятный для выставления период. Т.е. искать и выявлять их логичнее в структуре за-

⁸⁴ Поляков С.П., Черемных А.Н. Погребальные сооружения населения долины Зеравшана//Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 263–267

⁸⁵ Ртвеладзе Э. Погребально-культовые сооружения Кампыртепа//МТЭ.—Вып. 2.—Ташкент, 2001. С.65–94.

стройки поселений. Т.ч. наиболее соответствует этим постройкам на некрополе роль «дахмы», места, где труп избавлялся от мягкой плоти. Эти новые данные с Кампыртепа, возможно, ставят под сомнение ранее сформулированный Ртвеладзе Э. вывод о существовании в кушанское время в Северной Бактрии «обрядов погребения предварительно очищенных костей в наземных сырцовых сооружениях»⁸⁶.

Об этом же свидетельствуют и данные обзора склеповых погребальных построек Северной Бактрии кушанской эпохи⁸⁷.

В аналитическом обзоре Р.Грета зороастрийские погребальные сооружения представлены двумя функциональными группами: дахмы и наусы. В дахмах происходило очищение костей от мягких тканей, наусы служили для хранения костей. В этой системе представлений склепы, в которых происходило естественное разложение тканей без участия трупоядных птиц и животных, и здесь же рядом хранились кучки костей, занимают, как бы функционально не расчлененное место⁸⁸, т. е., вроде налицо совмещенные функции дахмы и науса, если считать, что кучки костей в склепе хранились постоянно. Но большинство исследователей при характеристике результатов раскопок конкретных склепов, как мы видели выше, приходят к выводу о том, что скелеты и кучки костей хранились здесь временно.

Универсальной дахмой-наусом, согласно последним реконструкциям, было пока уникальное здание рядом с кафыркалинским некрополем⁸⁹. Но, вероятно, и здесь кости хранились в склепе какое-то ограниченное время, после которого они собирались и захоранивались в землю в специально выбранном месте. В этой финальной стадии манипуляции с останками так же наблюдаются вариации. Кости могли погребаться в земле в хозяйственных сосудах, в оссуариях, или же просто в земле, видимо, завернутыми в ткань (Кампыртепа). Местом захоронения могли быть развалины старых зданий, оплывы старых крепостных стен, склоны древних курганов, какие-то склоны оврагов, т. е. всякие укромные места, где они обычно и встречаются при случайных обстоятельствах⁹⁰. На Борижарском могильнике отмечены захоронения костей в хумах⁹¹. Основ-

⁸⁶ Ртвеладзе Э. Могильник кушанского времени у Ялангштепе//СА, 2, 1983. С. 125.

⁸⁷ Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984. С. 85–93.

⁸⁸ Grenet F. Les pratiques funeraires dans Lasie Centrale sedentaire de la conquete greque a l'islamisation. Paris: Editions CNRS, 1984. P. 229–230.

⁸⁹ Лебедева Т.И. Здание близ Кафыркалы под Самаркандом—замок или дахма?//ИМКУ. Вып. 30.—Самарканд, 1999. С. 152–165.

ное количество оссуариев в Ташкентской области, в Фергане и в Согде найдено вне наземных склепов⁹². На Тойтобинском некрополе в бассейне Ахенгерана установлено, что оссуарии погребались в специальных могильных ямах с подбоем (ляхадом)⁹³. «Вторичные погребения» очищенных костей в керамических сосудах расчищены между склепами на некрополе Ток-калы, а так же были найдены в жилых помещениях⁹⁴. Исследовались отдельные «оссуарные некрополи» в районе древнего Тараза⁹⁵. Хорезмийские оссуарии найдены в жилых усадьбах, или же в «оссуарном могильнике» в руинах городища Калалы-гыр⁹⁶. В Бухарском оазисе древние курганы Куюмазарского и Лявандакского могильников служили местом захоронения в V–VI вв. хумов и оссуариев с разрозненными костями⁹⁷. В Отраре в стену заброшенного жилого дома были замуро-

⁹⁰ Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма//ТХАЭЭ. Т. VI. М., 1971. С. 89–118; Павчинская Л.В. Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник. АКД.—Самарканд, 1990. 16 с; Павчинская Л.В., Ростовцев О.М. Оссуарии из Сарытепе//ИМКУ. Вып. 22. Ташкент: Фан, 1988. С. 91–101; Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984. С. 91; Козенкова В.И. К вопросу о хумах с захоронениями на территории Средней Азии//СА, 3, 196. С. 251–260.

⁹¹ Нурмуханбетов Б.Н. Катакомбы Борижарского могильника//Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С. 107.

⁹² Агзамходжаев Т. Оссуарные захоронения на окраине Ташкента//ИМКУ, вып.4, Ташкент, 1963. С. 83–84; Филанович М.И. По поводу оссуарного обряда погребения в Ташкенте//Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент: Фан, 1990. С. 85–96; Минасянц В.С. Оссуарии Ташкента и Ташкентской области, история комплектования коллекции. Их иконография и символика//Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990. С. 71–85; Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989. С. 162; Григорьев Г.В. Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент под г. Самаркандом//ВДИ, 2, 1939; Матбабаев Б.Х. Доисламские традиции в религии Ферганы (по археологическим данным)//Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Материалы международной конференции. Бишкек, 2003. С. 83–94.

⁹³ Массон М.Е. Ахенгеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953. С. 29.

⁹⁴ Мамбетуллаев М., Турманов Ж., Юсупов О. Исследования на городище Токкала//Археологические исследования в Узбекистане, 2001.Самарканд, 2002. С. 96–101.

⁹⁵ Пацевич Г.И. Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасе//Известия АН КазССР, сер. арх. Алма-Ата, 1948. Вып.2. С. 98–104; Ремпель Л.И. Некрополь древнего Тараза//КСИ-ИМК, 69. 1957. С. 102–110.

⁹⁶ Рапопорт Ю.А. так же считал, что оссуарии были связаны с существовавшими в II в. до н.э.—IV в. н.э. и в Хорезме погребальными склепам (Рапопорт Ю.А. Хорезмийские астаданы (К истории религии Хорезма)//СЭ, 4, 1962. С. 81–82), но они здесь, в центральных оазисах, практически не исследованы.

ваны черепа и длинные кости скелетов⁹⁸. Недавно близ Шымкентского городища случайно был обнаружен хум с разрозненными костями скелетов⁹⁹ (фото 3.24). Весьма показательны результаты раскопок погребального комплекса (р. 3) на городище Ак-Бешим. Здесь наземный сводчатый склеп стоял на сырцовой площадке, а вокруг зафиксированы 10 погребений очищенных костей в хумах и просто в ямках. В самом склепе расчищены еще 8 кучек костей и скелетов¹⁰⁰.

Имеющийся пока материал позволяет высказать гипотезу, что склепы не являлись местом окончательного захоронения, а также не были местом постоянного хранения костей. Т. е. они являлись собственно погребальными постройками на определенном, пожалуй, самом важном для сознания людей, этапе погребального процесса.

Эта гипотеза основана на понимании той ситуации, которая фиксируется при раскопках подобных склепов как запечатлевшей не окончание процесса погребения, а лишь центрального, но промежуточного этапа. В оформлении довольно растянутого во времени процесса захоронения, сопровождавшегося определенными ритуальными действиями, эти постройки функционально более соответствуют зороастрийским дахам, постройкам для выставления трупов¹⁰¹. Но очевидно и большое отличие в части отношения к костным останкам у зороастрийцев Нового времени Ирана и Индии и тем отношением к костям, которое здесь можно реконструировать. Вероятно, после того как полностью истлевала мягкая плоть¹⁰², и в определенный традицией день (перед Наурузом?), костные остатки собирались в обычные хозяйственные сосуды, специальные оссуарии или просто заворачивались

в матерью и захоранивались в специально отведенном месте («вторичное захоронение»). Такими «вторичными» захоронениями в Северной Бактрии могли быть, например, погребения очищенных костей в развалинах Ак-тепе 2 (V в.) в своеобразных «лопатообразных» могильных ямах¹⁰³. При этом часть мелких костей могла оставаться в склепе. Перед этим еще внутри склепа кости лежали некоторое время, собранные в кучки, чтобы освободить место для очередных трупов. После захоронения всех костных останков¹⁰⁴ склеп освобождался для следующих членов данной семейно-родственной группы. Его при необходимости ремонтировали, подновляли и так, при отсутствии крупных социальных потрясений, он мог служить нескольким поколениям в течение нескольких веков¹⁰⁵. Следы же этих «вторичных», окончательных захоронений, обнаруживавшиеся обычно при случайных обстоятельствах, ошибочно воспринимаются как свидетельства «перезахоронений» или как самостоятельный тип «погребений в хумах или оссуариях»¹⁰⁶.

Другим существенным выводом, вытекающим из вышеприведенного обзора, является заключение о том, что основными типами погребальных сооружений Борижарского некрополя (и ему подобных) являются «наземные склепы» и «подкурганые катакомбы». Причем во всем среднесырдарьинском регионе наблюдается хронологическая последовательность этих двух типов: катакомбы датируются первыми вв. до н.э. — IV в. н.э.¹⁰⁷, а склепы IV–VIII вв. Очевиден вывод о смене ведущих типов погребальных сооружений с присущими им погребальными обрядами. Эти два вида погребаль-

¹⁰² По данным медсудэкспертов, на полную «скелетизацию» трупа в «средних условиях» в земле требуется 3–5 лет. В условиях положения скелета в склепе этот период, возможно, был более продолжительным. (Пашкова В.И., Резников Б.Д. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов, 1978. С. 270).

¹⁰³ Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984. С. 91.

¹⁰⁴ Реально такая ситуация, вероятно, случалась очень редко.
¹⁰⁵ По датировкам монет, найденных в одном из северобактрийских склепов кушанского времени, стены которого вдвое тоньше (0,5–0,7 м) стен склепов Шагинского или Борижарского некрополей, Э. Ртвеладзе предположил период времени его функционирования в сто лет (Ртвеладзе Э., 1983. С. 137).

¹⁰⁶ Напр.: Сулейманов Р.Х. Дахма Еркургана // ОНУ, 11, 1989. С. 45; Матбабаев Б.Х. Доисламские традиции в религии Ферганы (по археологическим данным) // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Материалы международной конференции. Бишкек, 2003. С. 90–92; Богомолов Г.И. Развитие погребальных сооружений раннесредневекового Чача // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент, 2005. С. 187; Соловьев В.С. Погребальный обряд раннесредневекового Тохаристана // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 164.

ных сооружений связаны, как нам представляется, с различными системами погребальной обрядности, которые являются, как известно, отражением круга эсхатологических идеологических воззрений. Хронологическую смену форм погребальных сооружений логичнее трактовать как смену идеологических представлений, а если это происходит в достаточно краткий отрезок времени, то можно усматривать в этом распространение мощного пласта нового пришлого населения. Вероятно и существование этих двух видов обряда в рамках периода IV–V вв. с последующим «вытеснением» катакомб. Этот археологически фиксируемый факт, вероятно, связан с теми социальными потрясениями III–IV вв., которые фиксируются в зоне распространения джетыясарской культуры¹⁰⁸ и по Средней Сырдарье. Во всяком случае, имеющиеся материалы по склепам средней части Сырдарьи не свидетельствуют о продолжительном периоде местной эволюции с естественным поиском архитектурной формы сооружения (нет промежуточных форм). Вероятно, архитектурная форма (в двух вариантах — прямоугольных и округлых в плане) наземных склепов Средней Сырдарьи (Чач, Кенджиде, Отрар, Шавгар) появляется здесь уже в сложившейся форме и имеет генетические истоки архитектурной формы от курумных горных областей и джетыясарских склепов.

Наземные каменные склепы были распространены формой погребального сооружения у полукочевых племен еще в IV в. до н.э. освоивших берега Узоя. Обычно эти сооружения небольшими группами или одиночно располагаются на возвышенных каменистых местах. В современном виде это округлые каменно-земляные «насыпи» диаметром от 4 до 14–15 м, высотой до 1,5–2 м. «Насыпь» — это, как установили раскопки, развалины древних наземных сооружений. На древнем горизонте сооружались прямоугольная, трапециевидная, квадратная, круглая или овальная (удлиненно-овальная), как правило, глухая камера, окруженная каменной стеной толщиной от 0,5 до 1,5 м. Перекрытие реконструируется сводчатое, выведенное техникой кладки напуском каменных плит. Внутри — скелеты в анатомическом порядке или частично потревоженные, или кучки костей, или кости, собранные в сосуды или урны. Часто кости просто в беспорядке разбросаны в камере. Материала мало. Сооружения эти служили

¹⁰⁷ Нурмуханбетов Б.Н. Катакомбы Борижарского могильника // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С. 114; Берлизов Н.И., Каминский В.Н. Аланы, Кангюй и Давань // ПАВ, вып. 7. СПб., 1993. С. 94–111.

¹⁰⁸ Левина Л.М. Памятники джетыясарской культуры в свете этнической истории Средней Азии (сер. I тыс. до н.э. — VIII в. н.э.) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990. С. 33.

для «выставления» покойников, кости которых после, очевидно, естественного очищения от плоти со II в. до н.э. стали собираться в специальные урны или бытовые сосуды. Датируются эти сооружения IV–II вв. до н.э. и II в. до н.э. — IV в. н.э.

Возможно, местом окончательного захоронения очищенных костей, собранных в сосуды или специальные урны, являются могильники типа Тарым-кая 2 (Яссы-гыр 4, Шахсенем, Сака-чага 3 и 6 и др.). Исследователи полагают, что очищение скелетов от плоти происходило путем вываривания или же захоронения (?) и последующего перезахоронения истлевших костей. Но вполне возможно, что предварительное выставление осуществлялось в каменных наземных склепах, исследованных, например, на могильнике Сакар-чага 1¹⁰⁹.

Материалы, накопленные по наусам (наземным склепам) древней области Чач (Ташкентский оазис) недавно рассмотрены Г.И. Богомоловым. При этом им отстаивается гипотеза об имевшей место эволюции подкурганной катакомбы в наземный склеп-наус. Автор констатирует, что, несмотря на почти вековой период исследования раннесредневековых погребальных сооружений в регионе далеко не все «многочисленные проблемы погребальной обрядности получили полное разрешение»¹¹⁰. Он согласен с тем, что смена или заметные трансформации в погребальном обряде в каком-то регионе связаны обычно или с проникновением новых этнических масс, или с кардинальными изменениями в общественной идеологии. Добавим лишь, что обычно эти два явления зачастую выступают во взаимосвязи, т. е. массовое проникновение нового этноса в регион влечет за собой смену господствующей здесь общественной идеологии. Богомоловым Г.И. подчеркивается роль влияния появления такого нового для региона социального явления как города, а вместе с их ростом усиление тенденций унификации форм общественной жизни и ее материальных воплощений. В данном случае погребальных сооружений. При этом как следствие этой самой унификации рассматривается «переход от подкурганых захоронений к склепам»¹¹¹. Можно утверждать, что влияние факто-

¹⁰⁹ Вайнберг В.И., Юсупов Х.Ю. Культурный комплекс древних скотоводов на Узбое // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990. С. 30; Яблонский Л.Т., Коляков С.М. Могильник тарым-кая 2 // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье), вып. 2, М., 1992. С. 76, 110; Яблонский Л.Т. Коллективные погребения могильника Сакар-чага 1 // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма... С. 3–61.

¹¹⁰ Богомолов Г.И. Развитие погребальных сооружений... С. 187–196, 188.

ра урбанистической унификации, даже если признать городами многие только появившиеся в этот период поселения, было в данном случае вторичным. Для пояснения можно предложить такой вариант из множества возможных моделей, имевших место в реальной жизни. Видимо, оседание, переход к оседлому образу жизни имел, кроме прочего, такое важное следствие как смена формы стационарного жилища — переход от жизни в землянках (полуземлянках) к строительству наземных жилищ. Происходило это повсеместно и в простых «сельских» поселениях. Могила, как известно, обычно воспринималась в древних обществах как жилище для мертвых и потому в основных чертах повторяла форму обычного жилища, со всеми его характерными особенностями. Отношение уровня пола жилища к уровню окружающей поверхности, вероятно, было существенной особенностью, вполне рационально осознаваемой. Возможно, что эволюция погребальных сооружений, коли таковая была, от подземных подкурганых катакомб к наземным пахсово-сырцовым склепам повторяла эволюцию жилищ населения, находящегося в процессе перехода ко все более прочным формам оседлости и выработки новых форм материальной культуры. Поэтому можно достаточно обоснованно полагать, что с появлением в конце I тыс. до н.э. и в нач. I тыс. н.э. на Средней Сырдарье широкой сети самых ранних поселений с капитальными наземными формами жилищ из сырцового кирпича и пахсы, на их некрополях появились наземные склепы. При этом, как нам представляется, остается открытым вопрос, насколько «синхронны» были эти явления. Вероятно существенное запаздывание трансформации формы погребального сооружения, если учитывать консерватизм погребальной сферы идеологии. В последующем с расширением поселений (вовсе не обязательно, города), за счет оседающего населения, включавшегося в общину, если таковое имело место, на «новичков» начинал действовать механизм унификации и стандартизации, и им приходилось усваивать выработанные ранее до них формы культуры и правила общественной жизни. И как важную часть культуры — погребальный обряд и формы погребальных сооружений. Конечно, реальная жизнь, со следами которой постоянно имеет дело археолог, была значительно разнообразней и сложней всяких моделей¹¹². Например, в Ташкентском оазисе в III–IV вв. археологически фиксируются два явления: смена прежде широко распространенных подкурганых катакомб наземными склепами и появление «оссуарного обряда»¹¹³.

В период V–VIII вв. наземные склепы, безусловно, не являются единственным типом погребальных сооружений в регионе, но можно полагать, что в количественном от-

ношении это был ведущий и наиболее распространенный тип погребальных сооружений, и связанный с ним тип погребального обряда был господствующим в среде городского и оседло-земледельческого населения Южного Казахстана.

По архитектурному облику (рис. 3.31) наземные склепы вполне правомерно рассматривать как дальнейшее развитие традиции наземных гробниц из камня (Бегазы) или дерева (Бесшатыр) и определять их как сложившийся тип портално-купольной мемориальной архитектуры¹¹⁴.

¹¹¹ Богомолов Г.И. Развитие погребальных сооружений... С. 189.

¹¹² Интересную коллизию в области погребальной практики в Согде в самом начале VIII в. на наш взгляд, зафиксировал уникальный договор из «мугского архива» о продаже половины участка земли (термин 'sks'k-a переводчику не удалось этимологизировать, но ему ясно, что он обозначает участок земли особого назначения — для установки алтаря огня или науса). По этому соглашению, одна семья (два брата) покупали у другой семьи половину 'sks'k-a, и по условию договора, если покупатель на этом участке земли «установит труп и устроит его оплакивание» (что, кстати, противоречило канонам позднесасанидского зороастризма!) и если при этом какие-то третьи лица им будут в этом чинить препятствия, то продавцы участка должны покупателей, т. е. новых владельцев участка и, возможно, теперь соседей по земельному участку, защитить и изгнать притеснителей. (Лившиц В.А. Согдийские документы с горы Муг. В. 2. Юридические документы и письма. М., 1962. С. 45–43). Как установлено исследователями этого самого переиздаваемого документа из мугского собрания, он является и самым ранним — относится к концу VII в. (Лурье П.Б. Счастливый правитель, царь Пенджикента Чегин Чур Бильга // Центральная Азия от ахеменидов до тимуридов. Археология, история, этнология, культура. СПб., 2005. С. 127–130. См. здесь же библиографию переизданий). Анализ этого документа (В 8), О.И.Смирнова называет его «купчей» на участок земли (Смирнова О.И. Очерки из истории Согды. М., 1970. С. 108–109.), позволяет заключить, что в раннесредневековом Согде существовало юридически оформляемое наследственное право семейно-родовой собственности на участки городских некрополей со специальными погребальными постройками. Возможны различные толкования этого интересного документа, но несомненно одно, что обряд выставления трупа и его оплакивание практиковавшийся частью согдийского селения, мог «не нравиться» и оскорблять чувства другой части селения. На этой почве могли возникать конфликты. Т.е. не все так просто было с «унификацией».

¹¹³ Богомолов Г.И. Развитие погребальных сооружений раннесредневекового Чача. С. 187.

¹¹⁴ Ажигали С.Е. Архитектура кочевников: феномен истории и культуры Евразии. Алматы, 2002. С. 252. Отнесение С. Ажигали наусов Южного Казахстана к «подкурганым» сооружениям, вероятно, следствие все того же «курганного стереотипа».

Глава IV. Кангюй и кангюйская проблема

Вторая половина II в. до н.э., а точнее 138 г. до н.э. стал временным репером феномена, сыгравшего выдающуюся роль в истории Евразии, получившего название «Великий Шелковый путь».

Отправленный в этот год императором У-ди на Запад, князь Чжан-Цянь в поисках союзников против врагов Китая, вернулся домой спустя 13 лет после ряда приключений и представил сведения о посещенных им государствах и городах. С ними, как стало понятно, надо было налаживать дипломатические отношения, развивать торговлю, и через них же продвигаться в более далекие и еще неизвестные страны.

По новым трассам пошли дипломаты и караваны с шелком, а ранее отдельные участки торговых путей, известные в науке как «лазуриновый», «нефритовый», «степной» слились в единый евразийский караванный путь, соединявший Китай со странами Запада¹.

Первым государством со столицей в городе Эрши, куда прибыл Чжан-Цянь была Давань (Фергана)². Отсюда, из этого начального пункта своих путешествий, Чжан-Цянь вел отсчет расстояний до других стран, в частности Усунь и Кангюй.

Местоположение Усунь сейчас определено достаточно точно — это Жетысу-Семиречье и Тянь-Шань³. Кангюй, граничивший с Усунь, был расположен к

¹ Франкфорт А.П. Проблемы прототипа Великого Шелкового пути во II–I тыс. до н.э. и роль кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата. 1987. С. 78–81; Сариаиди В.И. О великом лазуриновом пути на Древнем Востоке. КСИА. Вып. 114. Москва. 1968. С. 3–9; Лубо-Лесниченко Е.И. Великий Шелковый путь. Восточный Туркестан в древности и средневековье. Москва. 1988. С. 352–353; Рудейко С.Н. Культура населения горного Алтая в скифское время. Москва-Ленинград, 1952. С. 246–248; Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. Москва, 1964. С. 171.

² Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. Москва, 1950. С. 147–168;

Бернштам А.Н. Араванские наскальные изображения и даваньская (ферганская) столица Эрши. СЭ №4. Москва. 1948. С. 155–161.

³ История Казахстана. Т. I. Алматы. 1996. С. 83–101.

западу от Семиречья, в области Сыр-Дарьи. Эта локализация Кангюя стала основой весьма распространенного в научной литературе мнения о совпадении основной территории кангюйских племен с районами между Таласом и низовьями Чу — на востоке, Ташкентским оазисом — на юге, низовьями Сыр-Дарьи — на севере. Исследователи кангюйской проблемы исходят также из положения о тождестве Кангюя Чжан Цяня с Кангхой Авесты⁴.

Китайские авторы пишут о Кангюе, как о большом государстве, населенном кочевыми племенами, но имеющем и города. Власть кангюйского владельца простиралась до северных берегов Каспия, где находилось зависимое от него владение Яньцай. На севере племена лесного Приуралья — янь платили Кангюю дань пушниной. Кроме основной территории Кангюя, «великому владельцу» государства были подчинены земли пяти «малых владельцев»: Сусе, Фуму, Юениг, Ги, Юегянь⁵.

С.П.Толстов, следуя китайской историко-географической традиции танского времени, отождествляет их соответственно с Кешем на Кашка-Дарье, Кушанией на Зеравшане, Шашем, Бухарой и Хорезмом (Ургенчем). А.Н. Бернштам, опираясь на результаты своих археологических исследований в Южном Казахстане, предложил иную локализацию пяти «малых владений» Кангюя: Юени — Ташкентский оазис; Сусе — среднее течение Сыр-Дарьи, Арыси и северные предгорья Каратау; Фуму — район к северо-западу от Яны-Кургана до Казалинска; Ги — низовья Сыр-Дарьи; Юегянь — Хорезм⁶. Ни ту, ни другую локализацию нельзя признать вполне обоснованной, однако общие контуры Кангюйской империи, охватывающей север Среднеазиатского междуречья, очевидно, могут быть намечены⁷.

⁴ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С. 171.

⁵ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений. Т. II. С. 150, 184–186, 229; Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 146–147.

⁶ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. МИА СССР. № 26. М.–Л., 1952. С. 216.

С.П.Толстов считал, что географическим и политическим центром Кангюя был Хорезм⁸. К первоначальной территории Кангхи-Кангюя он относил «обширную культурную область двух смыкающихся дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Хорезм был только частью этой обширной области, правда, частью, двинувшейся в своем развитии далеко вперед, ставшей политическим гегемоном всей Кангхи и оказавшей в период расцвета своей классической культуры мощное воздействие на ее степные племена».⁹

Однако С.Г.Кляшторный считает, что нет аргументов, позволяющих локализовать в Хорезме авестийскую Кангху, как нет достаточных доказательств того, что в период превращения Кангхи в Кангюйскую империю (вероятно, II в. до н.э.) ее политический центр переместился в Хорезм¹⁰.

Существенным вкладом в разработку вопросов локализации Кангюя явились труды Л.М.Левиной. Она проделала большую работу по систематизации и обобщению данных, накопленных археологией. Ею охарактеризованы три основные культуры долины Сырдарьи кангюйского времени. На основе всестороннего анализа керамики автор пришла к выводу, что рассмотренные ею культуры — джетысарская, отрарско-каратауская, каунчинская — являются археологическими вариантами культуры населения государства Кангюй.¹¹

О локализации Кангюя писал Ю.Ф.Буряков. Он считает, что территория Кангюя охватывает долину Сырдарьи от Ташкента до Жанадарьи и Кувандарьи. В болотистых низинах этих рек он локализует столицу Кангюя город Битянь. На эту роль могут, по его мнению, претендовать древние городища Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла или Алтын-асар. В Ташкентском же оазисе им традиционно локализуется владение Юени, столицей которой предлагается считать городище Канка; он сопоставляет Сусе с Суябом; Фуму отождествляет с землями малого владения Гуйшуань, Ги с Самаркандом; Юегань с Хорезмом. Коренные земли Кангюя он помещает в районе распространения джетысарской культуры. Отмечая близость каунчинской и отрарско-каратау-

ской культуры, Ю.Ф.Буряков рассматривает их как родственные.¹²

Последний по времени полный обзор мнений по проблемам локализации Кангюя принадлежит Ю.А.Заднепровскому, который отметил, что для определения границ Кангюя, их изменений, сделанных на основании китайских письменных источников, необходимы археологические материалы, их накопление и анализ¹³.

Итак, сейчас можно констатировать, что коренные земли Кангюя находились на Сырдарье.

Можно предполагать, что возвышение «дома Кан» в присырдарьинском регионе происходит скорее всего во II в. до н.э. Если во второй половине II в. до н.э. Чжан Цянь говорит о зависимости земель Кангюя на юге от Юечжи, а на севере от гуннов, то в I в. н.э. сообщает о войске Юечжи в 100–200 тыс., а Кангюя в 90 тыс., то уже в Цань-Хань-Шу говорится о 120 тыс. войске Кангюя и о 100 тыс. у Юечжи¹⁴.

Отметим, что именно в этот период в среднеазиатском междуречье происходит передвижение основного ядра юечжей на юг, в левобережную Бактрию, оседание на землю и разделение на пять отдельных владений, что не могло не привести к их ослаблению по сравнению с Кангюем, перед которым открылись возможности для экспансии на юг и запад. В это время (конец II в. — нач. I в. до н.э.), по-видимому, у Кангюя появляются пять, упоминавшихся выше, зависимых владений, он подчиняет себе Яньцай (приаралокаспийский сармато-аланский союз племен), Янь (сарматские племена Приуралья)¹⁵. По отношению к Китаю правители Кангюя вели себя независимо и даже дерзко, о чем в конце I в. до н.э. ханьский наместник Западного края сообщал императору: «...Кангюй, напротив (по сравнению с Усунь) горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед нашими посланцами. Чиновников, посылаемых к нему от наместника, сажает ниже усуньских послов. Князьям и старейшинам его

¹² Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С. 107; Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории населения Средней Азии в древности и средневековье // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Т. I. Ташкент 1986. С. 56.

¹³ Заднепровский Ю.А. Проблема локализации Кангюя в свете археологических данных // Древние номады Центральной Азии. Санкт-Петербург, 1997. С. 44–60.

¹⁴ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений... Т. II. С. 150, 151, 183–184.

¹⁵ Сводку о локализации Яньцай см. Цуциев А.А. Яньцай: локализация и этническая принадлежность. К проблеме ранних Алаи // История и культура Арало-Каспия. Алматы, 2001. С. 43–49.

подают кушанья прежде, а потом уже посланным от наместника»¹⁶. А раньше, в ходе фергано-китайской войны, лишь вмешательство Кангюя избавило ферганцев от разрушения столицы и способствовало заключению мира, выгодного ферганцам.¹⁷

В 47–46 гг. до н.э. кангюйский правитель поддерживал северо-хунского шаньюя Чжи Чжи в борьбе с Усунь, союзником которой выступал могущественный ханьский Китай.¹⁸ Этому предшествовал раскол хуннской державы на северных и южных хуннов. Предводитель южных хуннов шаньюй Хуханье, видимо, выражая интересы большей части родовой аристократии и рядовых общинников, поддался Китаю и заключил с последним договор о мире и дружбе. Непримиримый же шаньюй Чжи Чжи, предводитель северных хунну, после неудачной попытки покорить южных хунну и разрыва с императорским двором был вытеснен из коренных хуннских владений. Он покорил Угэ, Гянгунь, Динлин, но противостоять государству Усунь, поддерживаемой к тому же Китаем, он не мог. Усунь в середине I в. до н.э. оказывал, в свою очередь, давление на восточные границы Кангюя. И тогда Кангюй решил прибегнуть к союзу с той силой, которая одинаково противостояла бы и усуням, и Китаю. Таковой оказался шаньюй северных хунну Чжи Чжи. Кангюйский владетель отдает Чжи Чжи в жены свою дочь, выделяет земли на восточных рубежах своих владений, передает под его командование часть своих войск. Но это объединение не смогло одержать решительной победы над усунями, хотя Чжи Чжи и совершает ряд успешных набегов на земли Усунь. Он так и не смог выполнить условий Кангюя (обезопасить восточные границы державы), и на этой почве возник конфликт. Усугубился он демонстративным нежеланием Чжи Чжи следовать кангюйским обычаям. Он убил дочь кангюйского правителя, а также «именитых людей и несколько сотен простого народа» или же побросал их в р. Дулай (Талас)¹⁹.

После этого Чжи Чжи был изгнан из ставки кангюйского владетеля, он ушел на Талас, и стал стро-

¹⁶ Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений... С. 185.

¹⁷ Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений... С. 165.

¹⁸ Зуев Ю.А. К вопросу о взаимоотношениях усуней и канцзюй с гупнами // Известия Академии наук КазССР, серия историческая. Вып. 2, Алма-Ата, 1957. С. 62; Бернштам А.Н. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941. С. 45.

¹⁹ Зуев Ю.А. Поход гуннского шаньюя Чжи Чжи и вопрос о так называемом «массовом проникновении гуннов в Среднюю Азию». Выступление // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции (ТКАЭЭ). Т. 3. Фрунзе, 1959. С. 155–166, 163–172.

ить себе город. Ежедневно на постройке города, судя по сведениям письменных источников, работало до 500 человек. Средства на строительство шаньюй получил в виде дани от владетелей Ферганы и Парфии, отсюда, видимо, он пригласил и мастеров-строителей. Город, построенный в течение двух лет, был сильно укреплен, его окружали две стены, из которых внешняя была деревянной, а внутренняя земляной, с башнями. Внутри располагались постройки и цитадель, где жил шаньюй и его ближайшее окружение.

Усиление Чжи Чжи и его продолжающиеся набеги на усуней серьезно обеспокоили китайскую империю. Попытка нейтрализовать Чжи Чжи дипломатическим путем не увенчалась успехом и китайцы стали готовиться к войне. Сохранилась переписка китайских чиновников о положении дел: «Западный край принадлежал хунну, а ныне Чжи Чжи шаньюй далеко известен своим прославленным именем. Он, вторгаясь, притесняет Усунь и Даюань и постоянно помышляет о захвате Кангюя. Если он захватит эти государства, то через несколько лет все оседлые страны будут в опасности.

К тому же его воины быстры и смелы, они хорошо воюют и видели несколько побед. Пока ждем скот (который должен прийти для питания армии), Западный край непременно будет уже в опасности. Хотя место, где они находились, находится в оторванности от Китая, но варвары не имеют несокрушимых городов для своей обороны. Если же поднять войска из военных поселений и заставить выступить народ и войско из Усуни, привести их под стены его, Чжи Чжи города, то если он и захочет убежать, не найдет прибежища, а задумает обороняться — не сможет защитить себя. Тогда начатое тысячу раз дело будет завершено в один день»²⁰.

Вскоре китайское войско выступило в поход. Оно двигалось двумя путями по направлению трасс Велюкого Шелкового пути. Три отряда шли в Таласскую долину южным путем через Кашгар, Фергану, видимо, через перевал Чаначь в Чаткальском хребте и Карабура в Таласском; три отряда шли северным путем — из Восточного Туркестана в Иссыккульскую котловину, где находилась ставка усуней Чигучен, затем в Чуйскую долину, в долину Таласа. Войска соединились у стен города Чжи Чжи. Последний приготовился к осаде, расположил свое войско на стенах, а по обеим сторонам городских ворот поставил отряд пеших воинов, выстроенных в необычном строю, напоминающем «рыбью чешую»²¹.

²⁰ Зуев Ю.А. Поход гуннского шаньюя Чжи Чжи... С. 166–167.

²¹ Зуев Ю.А. Поход гуннского шаньюя Чжи Чжи... С. 167.

⁷ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С. 172.

⁸ Толстов С.П. Древний Хорезм. С. 20–21.

⁹ Толстов С.П. Приаральские скифы и Хорезм (К истории заселения и освоения древней дельты Сырдарьи) // СЭ, №4, 1950. С. 49–52.

¹⁰ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С. 72.

¹¹ Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи I тыс. н.э. М., 1972. С. 241.

Однако, несмотря на оборону хунну, событие это происходило в 36 г. до н.э., китайцы сожгли внешнюю деревянную стену, проломали земляной вал, сломили сопротивление осажденных, ворвались в город и захватили цитадель. Чжи Чжи с близким окружением был пленен вместе с многочисленной родней, сыновьями, женами и именитыми князьями в количестве 1518 человек. Все они были обезглавлены. Около тысячи двухсот воинов были отданы в награду вассальным князьям Усунь и Ферганы²².

Другой сюжет китайско-кангюйских отношений связан с событиями в Восточном Туркестане. В 78 г. н.э. китайская армия под управлением Бань Чао устанавливает сюзеренитет над восточно-туркестанскими оазисами. Кангюй вначале выступает как союзник императорского наместника, но вскоре меняет свою политику и в 85 г. н.э. посылает войско на помощь восставшему против Бань Чао владельцу Суле (Кашгар). Лишь участие на стороне Китая кушанских правителей, которые были связаны с кангюйским правящим домом посредством династических браков, заставило Кангюй вывести свои войска из Восточного Туркестана²³.

Еще более скудны сведения о политике Кангюя на северо-западе и юге. Но в настоящее время они могут быть дополнены археологическими данными. В ханьских хрониках отмечается зависимость от Кангюя массагетов Приаралья-Прикаспия. В первые века н.э. аланские племена стали доминировать в массагетской конфедерации, что повлекло, по данным Хоу Хань-шу, к переименованию Янцай в Аланья. «Владение Янцай переименовалось в Аланья; состоит в зависимости от Кангюя. Климат умеренный; много сосны, раkitника и ковыля. Обыкновенно и одеяние народа сходно с кангюйским»²⁴. В это же время Кангюй распространяет свою экспансию на согдийские оазисы и Фергану.

Как позволяют судить данные китайских источников, которые в III–V вв. становятся крайне неопределенными, в это время Кангюй утрачивает свою гегемонию над владениями в Среднеазиатском междуречье, в Приаралье и распадается на ряд независимых владений. В V в. он известен в списке стран, приславших посольство к императорскому двору. Видимо, к этому времени мелкие владения, возникшие на месте Кангюя, попадают в зависимость от эфталитского государства.

Рис. 4.1. Фигурки идолов из раскопок усадьбы Кайрагач в Западной Фергане (по Брыкиной Г.).

Начиная с середины первого тысячелетия н.э. этнополитическая ситуация в районе Средней и Нижней Сырдарьи меняется. Сюда вторгаются тюркоязычные племена.

Еще со времен Чжан Цяня китайская историография усвоила традицию, характеризуя население Кангюя, акцентируя внимание на кочевническом характере культуры, называя его «кочевым владением»²⁵. Однако китайские хроники в другом месте уподобляют Кангюй зависимому от него владению Янцай, народ которого живет внутри глиняных стен. Называется столичный город Битянь в главном ядре государства-стране Лююени, но правитель не жил здесь постоянно, так как имел еще летнюю резиденцию. Последнее свидетельствует о сезонном передвижении главной ставки, о полукочевом характере правящей элиты. Археологические данные, накопленные за последние годы, помогают существен-

²⁵ Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений. Т. II. С. 150.

²² Зуев Ю.А. Поход гуннского шаньюя Чжи Чжи...

²³ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С. 173–174

²⁴ Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений. Т. II. С. 229.

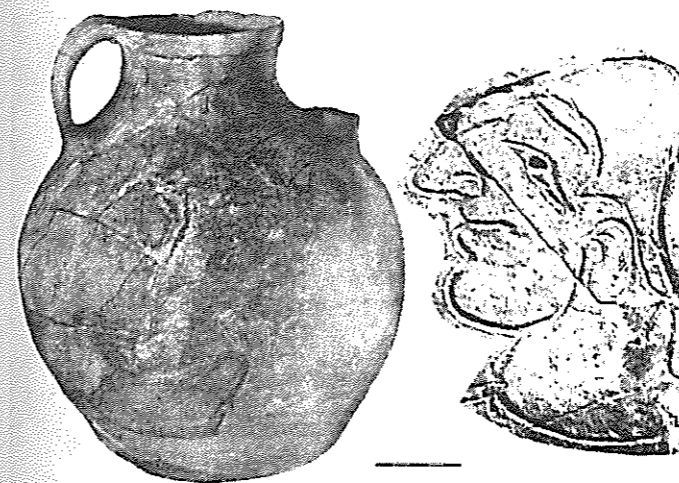

Рис. 4.2. Кувшин с носиком-сливом и прочерченный на нем профиль.

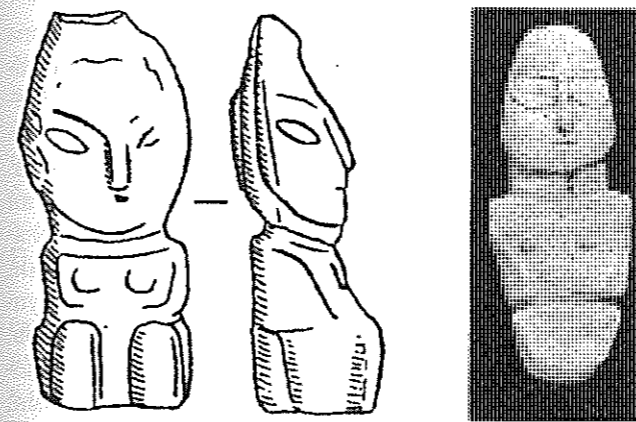

Рис. 4.3. Идолы из раскопок городища Актобе II и Чаянское.

но расширить представления о культуре, хозяйстве кангюйцев²⁶.

Сложным, также входящим в круг «кангюйской проблемы», остается в науке и вопрос об этническом характере населения Кангюя. До сих пор нет единого мнения о языке кангюйцев. По А.Н.Бернштаму, кангюйцы были тюркоязычным народом²⁷.

В недавно вышедшей монографии лингвиста и историка А.Т.Кайдара, посвященной родословной племен Канглы, сыгравшего важную роль в истории

²⁶ Часть населения Кангюя занималась кроме скотоводства, орошаемым земледелием, жила в укрепленных поселениях и городах. История Казахстана. Т. I. С. 27 Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия Академии наук КазССР. Серия археологич. Вып. 2. Алма-Ата. 1949. С. 90–98.

²⁷ Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. С. 90–98.

тюркоязычных государств и народов, подробно анализируется термин Канглы. А.Кайдар считает, что в основе его лежит корень, обозначающий понятие «вода», — «река». Язык древних кангюйцев он считает тюркским. Кангюи, по его мнению, сыграли важную роль в этногенезе казахов²⁸.

По сведениям других ученых, кангюй принадлежали к кругу североиранских скотоводческих племен, которые лишь в середине первого тысячелетия под влиянием переселения на Сырдарью тюркских племен стали менять свой этнический облик и язык.²⁹ Б.А.Литвинский относит кангюйцев к потомкам ираноязычных саков. «Кангюй», по его мнению, можно истолковать как название одного из сакских племен, переводимо — «люди в кожаных одеждах (доспехах)».³⁰

Есть точка зрения, что Кангюй — термин тохарского или сако-хотанского происхождения и означает «камень, каменный». Это название применялось к местности и, видимо, конкретно к Ташкенту, позднее тюркизированному в форме Чач, Шаш. Ориенталист и филолог П.Аальто считает, «что с незапамятных времен различные названия Ташкента — причем во всех случаях — появлялись в результате либо перевода, либо адаптации более древних имен, а они неизменно сохраняли смысл «каменный»³¹.

Очень важный материал о кангюйцах дали археологические исследования, позволяющие представить их внешний облик.

Это объемные фигурки божеств из глины и алебастра, найденные в святилище усадьбы Кайрагач в Фергане.³² Датируются они IV–VI вв. Антропологический тип фигурок характеризуется заостренными, или точнее суженными кверху черепами, скошенными либо прямыми невысокими лбами, миндалевидными или ромбовидными глазами, и носами с горбинкой (рис. 4.1).

Имеется и рисованный облик человеческого лица в профиль с заостренной головой, скошенным лбом, горбатым носом и ромбовидными глазами со зрачком, бровь идет к виску³³ (рис. 4.2).

По мнению Г.А.Брыкиной, автора раскопок Кайрагача, бассейн средней Сырдарьи (отрарско-карата-

²⁸ Кайдар А. Канлы: (тарихи шежіре). Алматы, 2004.

²⁹ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С. 174.

³⁰ Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фары. Душанбе, 1968. С. 22–23

³¹ Аальто П. Имя Ташкент. Перевод и комментарии А.К.Акишева // Shygys Kazakhstan, № 1, Алматы, 2005. С. 101–115.

³² Брыкина Г.А. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. Москва. 1982 с. 46

³³ Брыкина Г.А. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. С. 88–94, рис. 61. С. 126, рис. 65.

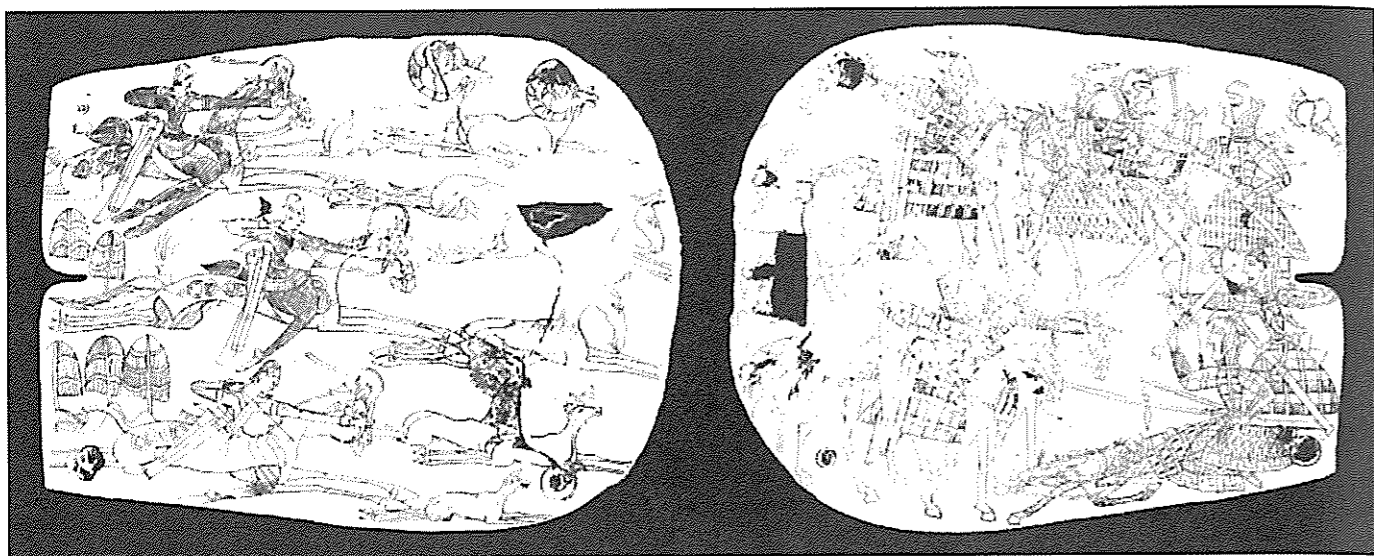

Рис. 4.4. Костяные поясные пряжки из Орлатского могильника со сценами боя и охоты (по Г.А.Пугаченковой).

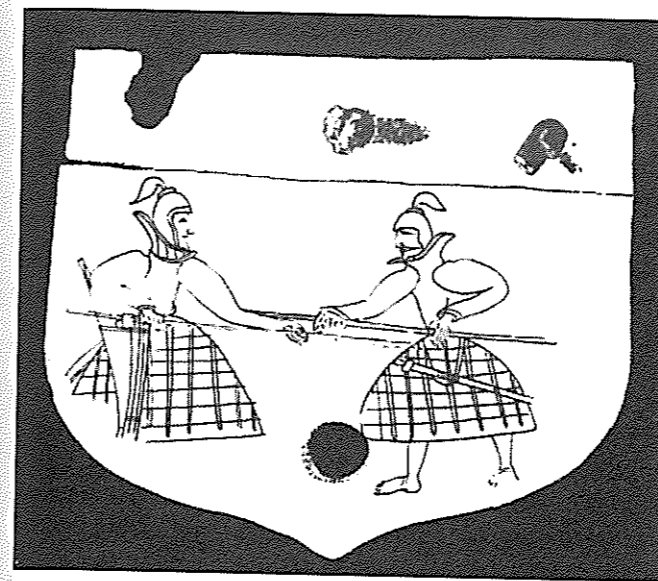

Рис. 4.5. Костяная накладка «орлатского пояса» со сценой боя двух рыцарей.

уская, каунчинская культуры) и западная Фергана к середине I тыс. н.э. входили в одну историко-археологическую область.³⁴

Поэтому ближайшие аналогии Ферганской серии фигурок находятся на Сырдарье.

Это: фигурка из раскопок городищ Актобе I и II в районе Чардары в Ташкентском оазисе, фигурка из поселения Актобе на северных склонах Каратау, и фигурка на поселениях джетыасарской культуры³⁵ (рис. 4.3.).

Особенно интересны в этой связи гравированные изображения на костяных пластинах, некогда нашивавшихся на кожаную основу. Они обнаружены при раскопках кочевнических курганов рубежа первых веков до н.э. — первых вв. н.э. вблизи городища Курган-тепе в Самаркандской области.

Наиболее выразительны два рисунка, которые как нельзя лучше передают характер людей, баталий и охоты того времени (рис. 4.4).

Изображения на пластинах, по мнению Г.А.Пугаченковой, сделанных по заказу племенной знати городскими мастерами, говорят о вооружении воинов, и позволяют почувствовать атмосферу напряженности сражения.

«Все участники — и конные, и пешие витязи — принадлежат к единому этническому типу: вытя-

нутая, заостренная к макушке голова с невысоким лбом; волосы зачесаны наверх, у висков убраны назад за уши; глаза ромбовидные; нос крупный с небольшой горбинкой; энергичный подбородок; свисающие до подбородка усы и когтевидная бородка. Воинские защитные доспехи из нашитых на кафтан пластинчатых, полуовальных либо чешуйчатых пластин, округлые шлемы, бронированные воротники, облегающие штаны, натянутые стрипками под ступнями — все это свидетельства мощи и силы воинов. Оружие типично для древнего исторического периода: длинные копья с ланцетовидными наконечниками; длинные двулезвийные мечи, ножны которых крепятся к поясу двумя ремешками; сложносоставной лук, стрелы с трехгранными наконечниками; длинный трехчастный колчан (притороченный к седлу коня) с широким отделением для лука и двумя узкими — для стрел; овальный щит, обитый пластинами; у одного из воинов — боевой топорик-клевец. Бронированные всадники сидят на незащищенных доспехами конях, гривы которых подстрижены, а челка, оставленная между ушами, собрана в пучок».

На другой пластинке — сцена охоты всадников, изображенных одетыми в короткие куртки с луками в руках, преследующих оленей, архаров и куланов.³⁶

На одной из трех «малых пластин» изображен поединок на копьях двух витязей в доспехах, что и на воинах в батальной сцене (рис. 4.5).

Все персонажи относятся к единому антропологическому типу. Форма черепов «куполовидно су-

³⁶ Пугаченкова Г.А. Из художественных сокровищ Среднего Востока. Ташкент, 1987. С. 56–59.

женная, лоб невысокий прямой, волосы зачесаны вверх... у всех участников небольшие ромбовидно очерченные глаза, довольно крупный нос с небольшой горбинкой, свисающие острием почти до подбородка усы, энергичный подбородок, у большинства заостренная, когтевидно загнутая вверх бородка. Признаком монголоидности в лицах нет».³⁷

На костяных пластинках, как считает Г.А.Пугаченкова, изображены кангюйцы, сыгравшие важную роль в формировании генеалогии согдийских владетелей Бухарского, Кашкадарьинского, Самаркандского, Сырдарьинского оазисов в VI–VII вв.³⁸

Как отмечалось, археологические памятники Кангюя отнесены к каунчинской, отрарско-каратауской, джетыасарской археологическим культурам. Первая была распространена в Ташкентском оазисе; вторая — в районах среднего течения Сырдарьи в предгорьях Каратау до Таласа; третья — в бассейне Кувандарьи и Жанадарьи.

Наиболее хорошо изученным памятником каунчинской культуры (I в. до н.э. — VII в. н.э.) является поселение Актобе II, расположенное неподалеку от Чардары на правом берегу Сырдарьи (Ташкентский оазис). Один из раскопок полностью вскрыл дворцовое здание из пяти крестообразно расположенных помещений, входного комплекса и двух коридоров, огибающих постройку с запада и востока. В центре его находился квадратный зал (3,6x3,6 м), который

³⁷ Пугаченкова Г.А. Из художественных сокровищ Среднего Востока. С. 59.

³⁸ Пугаченкова Г.А. Из художественных сокровищ Среднего Востока С. 63–64.

сообщался со всеми остальными помещениями арочными проходами.

Помещения, расположенные вокруг зала, перекрыты коробовыми сводами, а одно из них — куполом, который является одним из ранних типов такого рода перекрытий в Средней Азии и Казахстане. Стены, перекрытия, арочные проходы во дворце выполнены из прямоугольного и квадратного сырцового кирпича.

Принципиальное значение для датировки дворцового комплекса имеет находка погребения в купольном помещении. Захоронение совершено в деревянном решетчатом гробу. Покойник лежал на спине головой на запад. Характерен инвентарь: два сосуда из дерева, серьга из сплава серебра и золота, украшенная зернью и вставками черного камня, берестяной футляр для колчана и лука, деревянный лук с костяными накладками, железный кинжал, две железные пряжки с подвижным язычком (рис. 2.23). По инвентарю погребение датируется рубежом IV–V вв., следовательно, верхняя хронологическая граница жизни поселения относится к началу IV в. н.э.

В зоне распространения каунчинской культуры исследовались могильники Шаушукумский, Жамантогай, Торейбай-тумсык. Покойников хоронили в катакомбах. Сопровождались погребенные керамическими сосудами. В мужских погребениях найдены предметы вооружения: мечи, кинжалы, наконечники стрел, костяные накладки на лук; в женских — преимущественно предметы украшения: бусы, зеркала, серьги, нашивные бляшки на одежду. Сравнительный анализ материала, полученного из раскопок, дает основание датировать погребение первой половиной I тыс. н.э.³⁹

Одним из центров концентрации памятников отрарско-каратауской культуры (I в. до н.э. — VII в. н.э.) являлся Отрарский оазис. Здесь на сравнительно небольшой территории, около 250 кв. км находятся остатки свыше ста шестидесяти бугров-тобе различной величины. Среди них Кок-Мардан, Пшук-Мардан, Костобе, Ахай-тобе, Мардан-Куик, Каламтобе, Джалпактобе.

Широкие раскопки были проведены на городищах Кок-Мардан и Мардан-Куик, Пшук-Мардан, Костобе южное, Кайнартобе.

Хорошо изучено городище Кок-Мардан. Было установлено, что город в последний период своей жизни переживал упадок. Постройки его ветшали и постепенно забрасывались. Датируется верхний строительный горизонт VI — первой половиной VII в.

³⁹ Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары, С. 201.

Следующий, более нижний горизонт показал, что город состоял из массивов кварталов, разделенных магистральными улочками и переулками. Дома, как правило, однокомнатные, реже двухкомнатные. Интерьеры домов стандартны. Напротив входа, ближе к центру, находился подпрямоугольный напольный очаг. В одной из стен дома на уровне пола или чуть выше выдалбливалась овальная ниша для камина. Обычно на ее пол ставилась глиняная жаровня. По периметру комнаты у стен устраивались суфы. В углах устанавливались сосуды для воды и продовольствия. Сосуды стояли у стен. Обычно это хумы, водоносные кувшины, горшки. Если дом двухкомнатный, то вторая комната — кладовая, а в ней хумы или бочкообразные сосуды в виде цилиндрических емкостей или ванн из необожженной глины. В них хранили просо, рис, пшеницу, ячмень, горох. Рядом с очагом на полу лежали зернотерки или жернова. Иногда в домах сооружался специальный постамент для жернова. В некоторых домах имелись ниши, обычно в углах помещений. Перед ними устраивалось небольшое возвышение, где, судя по слою золы, возжигали ритуальный огонь — это алтари.

Один из домов отличается от других. Вход в него вел с улицы по ступенькам вниз. Помещение, а оно в доме одно, имеет площадь 20 кв. м. Напротив входа на высоте 0,5 м. находилась ниша, обрамленная налепом в виде рогов барана. Под ней находилась двухступенчатый подиум — алтарь, покрытый слоем золы. Здесь найдены обломки глинистых светильников.

Помимо Кок-Мардана предварительные археологические раскопки обнаружили слои первой половины I тыс. н.э. на городище Пшук-Мардан, поселениях Костобе южное и северное.

В центральной части Пшук-Мардана на 12 м возвышается двухъярусный бугор с основанием 70x100 м, крутой с восточной стороны и пологий с западной. Со всех сторон он окружен рвом, связанным с проходящей неподалеку старицей реки Арысь. По своим топографическим признакам этот бугор относится к типу памятников, именуемых «тобе с площадкой», довольно широко распространенных в Южном Казахстане.

Центральная часть тобе окружена плоским бугром-площадкой. Вокруг него — ров, угадываемый по впадине, густо заросший тамариском. По микротопографии бугра можно проследить характер строений, которые были объединены в массивы, и направления улочек.

Раскопки на цитадели выявили два одновременных строительных горизонта, которые относятся к первой половине I тысячелетия до н.э.

В первом строительном горизонте зафиксированы конструкции двухэтажного здания. В цокольном этаже вскрыто место стыковки двух сводчатых коридоров, уходящих в северо-восточном направлении. Этот участок имел форму небольшого четырехугольного помещения размерами 1,7x1,6 м. Ширина северного коридора — 1,1 м, восточного — 0,85 м, высота — 2,5 м, высота свода — 1,2 м. Поперечный и продольный срезы кладки свода показали, что выложен он способом «ложного свода» — горизонтальными слоями пахсы и сырцового кирпича напуском. Изнутри свод покрыт толстым слоем обмазки, которая хорошо сохранилась.

Пол второго этажа зафиксирован на глубине 1,8 м в северо-западном углу раскопа. На северной стене его хорошо видна стратиграфия, прослеживаются слои завала восточной стены, чередующиеся с тонкими зольными прослойками. Стены имеют толстую обмазку; сложены так же, как и стены цокольного этажа, комбинированной кладкой — из сырцовых кирпичей и пахсовых слоев. После ремонта помещений второго этажа первоначальная южная стена, имевшая толщину 0,7 м, стала толще на 0,4 м, в этом дополнительном «прикладе» стены была устроена ниша, которая лишь частично попала в площадь раскопа. В результате очередной перепланировки второго этажа сооружена стена, расположенная вдоль западной границы раскопа. В северо-восточном углу раскопа обозначился угол еще одного помещения второго этажа, которое полностью осталось за пределами раскопа.

При расчистке завалов на полу построек первого строительного горизонта собраны фрагменты керамики. В восточном срезе выявлен толстый слой «свалки» между двумя стенами, уходящими к восточному фасу бугра. Весь керамический комплекс отсюда, очевидно, можно связать с верхним строительным горизонтом. Здесь были обнаружены обломки «рогатой» подставки, пряслице.

Таким образом, хотя раскоп на цитадели Пшук-Мардана не завершен, ясно, что в основе бугра находятся остатки фундаментальной постройки со стенами, сохранившимися на высоту до 4 м. Можно считать, что после периода запустения помещения были забутованы, остатки стен верхнего этажа надстроены, возведены новые стены, которые входят уже в верхний строительный горизонт.

В полукилометре на восток от Пшук-Мардана находится поселение Костобе (Южное). Это — тобе с площадкой, пологий с южной стороны. Основной бугор диаметром 40 м поднимается над современной

поверхностью примерно на 10 м. К нему примыкает площадка. Здесь вскрыт трехкомнатный дом.

Стены центрального дома помещения площадью 5,5x5 м, сохранились на высоту 35–40 см. Привлекает внимание открытый напольный очаг, для устройства которого было использовано донце хума, и покрытая обмазкой суфа шириной 125, высотой 15 см, расположенная вдоль южной и западной стен. Еще один очаг, расположенный в южном углу, вмазан в суфу. В том же южном углу имелся дверной проем шириной 50 см во второе помещение. Поскольку пол второго помещения был ниже, то в проходе устроена трехступенчатая лестница. Ближе к восточному углу выявлен «жертвенник», образованный двумя донцами хумчи, поставленными на ребро и вмазанными в глинобитную круглую тумбу диаметром 45, высотой 30 см. На полу помещения выявлены три углубления от опорных столбов, поддерживающих кровлю.

Здесь же был найден фрагмент кувшина с росписью. Сюжетная роспись выполнена ангобом вишневого цвета по светлому тулову. Изображены ступенчатые пирамидальные фигуры (видимо парапет городской стены), над которыми галопирует олень, ниже — сидящая хищная птица, а рядом — антропоморфная личина.

В этом же квадрате найден глиняный амулет в виде печати с отверстием для шнура, на одной стороне которой изображен крест, на другой — тамгообразный знак.

Стены второго помещения сохранились на высоту 35–50 см. Изнутри к западной и северной стенам пристроена суфа, особенность которой в том, что она не доходит 70 см до дверного проема, ведущего в первое помещение. В восточной части суфы у северной стены — расположенное на квадратном возвышении пятно от открытого очага. Ближе к юго-западному углу выявлен дверной проем шириной 76 см в третье помещение площадью 12 кв. м. Пол помещения обмазан желтой глиной и имеет по всей площади слой белого тлена от сгнившей камышовой кровли.

Выход из третьего помещения ведет в переулок, находящийся с западной стороны, и во дворик, где находились три мусорные ямы. После очистки ям обнаружен строительный мусор, битая керамика, что говорит о хозяйственном назначении дворика.

Установлено, что раскопанный в Костобе дом и строительный горизонт относится к III–V вв. В пользу этой датировки свидетельствует керамика.

Раскопки в урочище Кок-Мардан дали интересный материал по истории древнего домостроительства. Как известно, всякое жилище можно рассматривать как определенный социальный заказ, реализуемый

через домостроительную технику, направленный на выделение из природной среды общественной постройки с обеспечением максимума удобств при осуществлении ее основных функций. Характер же жилища определяется такими факторами, как социальный, экономический и экологический. В архитектурном решении и строительной технике может сказаться культурный традиционализм, восходящий к этническим чертам.

Установлено, что в описываемое время, охватывающее первую половину I тысячелетия, существовало три типа домов. Это однокомнатные наземные дома, квадратные либо прямоугольные в плане. Аналогичны им по планировке и интерьеру дома, заглубленные в землю. Вот как выглядел такой дом, раскопанный на городище Кок-Мардан. Дом, прямоугольный в плане, площадью 43 кв. м, соединялся коленообразным коридором с улицей, имел тамбуровидный вход. Вдоль западной и северной стен — суфы с выступами в середине. Напротив входа, в центре, напольный прямоугольный очаг с глиняными бортиками. Слева от входа, в тамбуре, в стенке — два ряда каминов. Юго-Восточный угол отделен глиняной невысокой стенкой как хозяйственный отсек, своего рода кухня.

В полу помещения — три прямоугольные ямки от баз подпорных столбов. Четвертая вместе с полом явно разрушена, но вполне ясно, что она была, как и подпорный столб, и кровля дома имела опору на четыре столба. В потолке, видимо, было устроено световое, оно же дымовое отверстие. Поскольку дым выходил и через дверь, то понятно, почему очаг и каминны приближены к выходу.

Для дома такого типа характерны открытые очаги, служившие и для обогрева жилища, и для приготовления пищи. Такие очаги широко были распространены в средневековом жилище Казахстана и Средней Азии и как реликтовая форма дожили до недавнего времени, выполняя при этом ритуальную роль. Каминны, или «стеновые очаги», представляющие собой вырубленные в стенах сферические ниши, служили для выпечки хлеба.

Сосуды — хумы, горшки для хранения запасов продуктов — располагались в углах помещений и на суфах. Под хранилища использовались бочкообразные и корытообразные емкости, слепленные из полусырой глины.

Варьируют размеры отдельных домов. Наиболее крупные имеют площадь от 35 до 45 кв. м, небольшие — от 12 до 20 кв. м. Больше всего (85%) домов, которые имеют площадь от 20 до 35 кв. м. От размеров дома зависел характер перекрытия. В больших домах кровля опиралась на четыре столба; в средних

на один столб опиралась одна прогонная балка или две перекрещенные. В маленьких домах опорой кровле служили только стены. Второй тип дома, вскрытый на Кок-Мардане, — двухкомнатный, назначение второй комнаты, которая отделялась от жилой капитальной стеной, — кладовая.

Третий тип дома — многокомнатный, такой дом раскопан на Костобе. Из трех или пяти помещений одно представляло собой жилую комнату с суфами вдоль двух или трех стен. Напольный очаг в виде круглой либо подпрямоугольной площадки, камин, хозяйственный отсек у напольного очага — вот основные детали жилого помещения, другие помещения служили кладовыми — в них стояли хумы, глиняные емкости. Все три типа дома традиционны для Южного Казахстана, начиная уже с конца I тысячелетия до н.э.⁴⁰ Много общего прослеживается при сопоставлении их, например, с домами, раскопанными на поселении Алтын-Асар на Нижней Сырдарье: здесь в однокомнатных домах устраивались так называемые лотковые входы, сравнимые с тамбуровидными входами Кок-Мардана, «Г-образные и П-образные» суфы, прямоугольные очаги и камин, поставы для зернотерок.⁴¹

На некрополе Кок-Мардана были найдены погребальные сооружения — искусственные пахсовые платформы подчетыреугольной в плане формы размерами 4x4 м, 5x5 м и сохранившейся высотой до 3 м. По периметру платформы крепились глинобитными стенами. В платформе «вырубались» могилы, в которых хоронили умерших. Наблюдается закономерность, при которой наиболее богатые захоронения располагались по углам. Все это сооружение являлось своеобразной коллективной усыпальницей, содержащей десятки захоронений. Возможно, считают исследователи, это было родовое кладбище и, видимо, жители каждого квартала Кок-Мардана имели свое кладбище.

Покойники, судя по положению расчищенных скелетов, не имели строгой ориентировки. Рядом с погребенным принято было помещать различные предметы: глиняную посуду, предметы вооружения, украшения.

Посуда была представлена кувшинами с носиками, кружками, чашами на трех ножках, миниатюрными сосудами (обычно встречаются в детских захоронениях). На стенках некоторых сосудов сделаны налепы в виде змей, имеются процарапанные тамгообразные знаки, прочерченные схематизированные изображения горных козлов.

⁴⁰ Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата, 1990. С. 39–50.

⁴¹ Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи. С. 13, рис. 2.

Предметами вооружения служили железные трехлопастные наконечники стрел, сложный лук с костяными накладками, длинные железные мечи и однолезвийные кинжалы.

В захоронениях Кок-Мардана найдено много пряжек из железа и бронзы, когда-то скреплявших кожаные пояса. Среди украшений — каменные, металлические, стеклянные бусы, серьги и подвески со вставками из цветных камней, с гроздьями бронзовых или золотых шариков; гривны, сплетенные из проволочных дров, шпильки — предметы, встречающиеся в погребениях женщин.

В женских могилах найдены такие предметы, как бронзовые зеркала, сурматаши — предметы из графита для сурмления бровей. Одна из находок — бронзовый медальон, украшенный вставками из прозрачного стекла, и бронзовая цепочка.

Захоронения в большинстве своем были разграблены еще в древности. Но сохранились и нетронуемые погребения, среди которых есть богатые, с большим количеством украшений, оружием, глиняными сосудами. В бедных могилах вещей меньше и нет изделий из драгоценных металлов. В детских захоронениях, как правило, встречаются один-два глиняных сосуда.

Характерно для могил Кок-Мардана присутствие различных амулетов-подвесок, среди которых много бронзовых фигурок козлов, птиц. Встречаются бусы из сердолика, агата, гагата, горного хрусталя, стекла и стекловидной пасты. Интересны бляшки от поясов, поясные пряжки, а также изделия из золота — серьги с подвесками в виде гроздей шариков, бляшки, украшенные вставками цветных камней и зернью, плетеные цепочки.⁴²

Интересный материал получен при исследовании могильника Коныр-тобе у городища Мардан-Куик. Раскопкам подвергся оплывший холм с уплощенной вершиной. Высота его до 2,5 м, диаметр до 45 м. Выяснилось, что он содержит погребения, которые залегают на глубине от 0,4 до 1,5 м от вершины холма. Погребения в основном совершены в могильных ямах прямоугольных очертаний. В нижней части ямы обложены сырцовым кирпичом, сырцом же перекрывались склепы. Зафиксированы погребения в керамических сосудах. В основном, это дети, подростки. Взрослых же хоронили на дне могильной ямы с вещами личного обихода (украшения, оружие), сопровождающей пищей и питьем в керамических сосудах (кувшины, кружки). Анализ погребального обряда и инвентаря позволяют отнести основную часть расчи-

⁴² Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). С. 51–55.

щенных погребений могильника Коныр-тобе к позднему этапу культуры оседлых кангюйских племен и датировать его III–V вв. н.э.⁴³

Как отмечалось, Отрарско-каратауская культура занимала обширные территории, включающие на северо-западе среднюю Сырдарью, Отрарский, Туркестанский и Яныкурганский, на севере; северо-западные склоны Каратау; на востоке долины Арыси и Нижнего Таласа, а на юге граница, разделявшая отрарско-каратаускую и каунчинскую культуры, проходила по горам Казыгурта. Здесь обнаружены многочисленные укрепленные поселения и ранние города, среди которых выделяются Сайрам, Шымкент, Жуантобе, Караспан; сотни курганных могильников, в том числе громадный некрополь Борижары-Караспан на средней Арыси, давший материал в широком хронологическом диапазоне от первых вв. до н.э. до XII в. Большой массив в нем составляют курганы с катакомбными захоронениями от последних вв. до н.э. до рубежа V в. н.э. и захоронения в наусах-склепах из сырцового кирпича IV-первой половины VIII вв.⁴⁴ (см. главу 2.3. и главу 3 данного издания).

Большой материал получен А.Н.Подушкиным при раскопках катакомбных захоронений в курганных могильниках долины Арыси, Бадама, Сайрамсу, в предгорьях Тянь-Шаня — Каратабе, Ордабасы, Тулбайтобе I–II, Султанрабат, Культобе.

Кроме курганов с катакомбами под ними вскрыты захоронения в каменных ящиках в могильнике Актобе Чаянское⁴⁵.

В восточном Приаралье с середины I тыс. до н.э. до IX в. н.э. развивалась джетысарская культура. Памятники этой культуры, а это более полусотни укрепленных городищ, окруженных курганными могильниками, сосредоточены по самым северным древним сырдарьинским протокам Кувандарьи. Археологические исследования вскрыли на городищах жилую застройку и систему фортификации.

На раннем этапе все джетысарские городища однотипны. Они представляют собой двухъярусные

⁴³ Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Новые данные по археологии Отрарского оазиса. Известия Академии наук Каз. ССР. Серия обществ. № 6, Алма-Ата, 1990. С. 21.

⁴⁴ Нурмухабетов Б. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника. По следам древних культур Казахстана Алма-Ата, 1970. С. 108–120;

Нурмухабетов Б.И. Катакомбы Борижарского могильника. Древности Казахстана. Алма-ата, 1975. С. 106–115; Настич В.Н. Намогильный кирпич из Караспана. Известия Академии наук КазССР № 5, 1981. С. 47–52.

⁴⁵ Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э.—VI в. н.э. Туркестан, 2000. С. 51–86, 52–53.

тобе округлой, овальной формы, высотой 10–20 м и до 8–10 гектар площадью. Ядро каждого городища возводилось на мощном пахсовом цоколе — стилобате. Все городища окружены стенами, а внутри сплошь застроены домами-секциями.

Вокруг каждого джетысарского городища предполагаются могильники, насчитывающие тысячи погребальных сооружений. Они относятся к двум основным видам: подкурганые грунтовые захоронения и склепы. Большая часть из них — подкурганые грунтовые ямы. Они могут быть двух основных подтипов: с подбоем и нишами. Вокруг кургана фиксируется небольшой ров. Могильные ямы ориентированы обычно длинной осью по линии север-юг. Тело умершего, завернутое в камышовую циновку, в вытянутом положении клали на пол ямы или в подбой. Рядом размещались 2–3 керамических сосуда. В мужских погребениях обычны ножи, мечи, сложные луки с костяными накладками и стрелы. В женских погребениях часто встречаются бронзовые зеркала, раковины, серьги, бусы, браслеты. Вторую группу джетысарских погребений представляют подземные и наземные склепы из сырцового кирпича. В камеру вел пологий дромос, который имел сводчатое перекрытие. Прямоугольная камера (в среднем 3,5x2 м) внутри имела лежанки-суфы вдоль двух-трех стен. Покойника, завернутого в циновку или кошму, укладывали на лежанку. Вокруг размещали сопровождающие его вещи, керамическую посуду. Наземные склепы имели тот же вид, что и подземные, только сооружались они на невысоких пахсовых цоколях-стилобатах и, видимо, также перекрывались курганной насыпью. Анализ материалов, найденных в погребениях, дает основание заключить, что грунтовые могильники существовали на всем протяжении джетысарской культуры, а появление склепов относится к более позднему времени — II–IV вв. н.э.⁴⁶

Близость памятников трех сырдарьинских культур бесспорна, она видна в устройстве и планировке поселений, в строительной технике, интерьере жилищ, в фортификации, погребальном обряде, в хронологии керамических комплексов, вооружении, украшениях.

В связи с вышесказанным следует остановиться на вопросе о обоснованности выделения А.Н.Подушкиным в южном Казахстане «Арысской археологической культуры».⁴⁷

Ареал ее распространения, согласно А.Н.Подушкину, охватывает: бассейн реки Сырдарьи в среднем

⁴⁶ Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. Москва. 1996.

ее течения (от Чардаринского водохранилища до Отрарского оазиса включительно); бассейны рек Келес, Курук-Келес, Боралдай и Арысь (верхнее и среднее течение); горный массив Каратау: южные и северные склоны, горная зона; бассейн реки Талас в среднем и нижнем течении; горные и предгорные зоны хребтов Каражантау и Казыгурт. Кроме вышеназванных могильников раскапывались: поселения Караултобе, Актобе Чаянское, Каратобе, Алтынтобе, Костобе-1 Арысское, Шукурбулактобе; городища Торткультабе, Тулебайтобе, Культобе.

Памятники сосредоточены в замкнутых районах естественными границами, между которыми выступают горные хребты или обширные безводные пространства.

Наиболее крупным, по мнению А.Н.Подушкина, является Арыско-Бадамский оазис, который выделяется размерами территории, количеством и типологическим разнообразием памятников.

Археологические материалы, как считает исследователь, показывают, что в середине I тыс. до н.э. в этом районе зарождаются истоки земледельческо-скотоводческой культуры, цитируем: «Они фиксируются археологически в виде устойчивых систем традиций в материальной сфере на большой группе типологически разнообразных памятников — городищ, поселений могильников.

В рамках этих систем традиций хорошо выделяется специфический комплекс признаков в виде артефактов, характер которых, а также качественные характеристики сохраняются с некоторыми объективными трансформациями в течение почти тысячелетия (IV в. до н.э. — VI в. н.э.)

Они включают в себя:

- Группы археологических объектов, расположенных преимущественно на надпойменных террасах;
- Развитую систему фортификации с максимальным использованием естественных защитных свойств надпойменной террасы;
- Оригинальную керамику с характерным набором форм и декора;
- Погребальные катакомбные сооружения и соответствующий обряд;
- Оружие и конское снаряжение;

⁴⁷ В монографии Байпакова К.М. и Подушкина А.Н. выделялся «Арысский вариант Отрарско-каратауской культуры», см. памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. (I тыс. н.э.). С. 153; Подушкин А.Н. Арысская культура южного Казахстана IV в. до н.э. — VI в. н.э. Автореф. дисс. на соискание степени д.и.н. Алматы, 1999; Подушкин А.Н. Арысская культура южного Казахстана IV в. до н.э. — VI в. н.э. Туркестан, 2000.

- Зооморфные и антропоморфные артефакты;
- Предметы быта, культа и украшения;
- Уникальные артефакты.

Перечисленные блоки артефактов как специфический комплекс признаков и система традиций представляют собой археологическую культуру, названную арысской.

Арысская культура в своем развитии прошла три генетически связанные фазы: IV—III—I в. до н.э. (караултобинский этап); I в. до н.э. — IV в. н.э. (каратаобинский этап); IV—VI вв. н.э. (алтынтобинский этап). Данные этапы отражают определенную степень развития спектра традиций в рамках арысской культуры на фоне ее возникновения, трансформации и упадка.

Периодизация арысской культуры фиксирует политические и этнические процессы на территории Южного Казахстана. В контексте с письменными источниками этнонесущие признаки культуры позволяют реконструировать ее этническую атрибуцию. В основе своей она полиэтнична, в ней отмечены следующие ключевые компоненты: сакский, сарматский и суннуский (караултобинский и ранние стадии каратаобинского этапов); канцзюйский (каратаобинский и алтынтобинский этапы).

Материалы арысской культуры уточняют некоторые аспекты канцзюйской проблемы, связанные с вопросами локализации малых владений этого этнополитического объединения и его столицы — города-ставки Битянь. Оазисность концентрации памятников, масштабность и своеобразие топографии некоторых объектов, наличие укрепленных районов, связанных с мощной системой фортификации, а также уникальные артефакты, представленные древней письменностью, дают основание локализовать основные владения Канцзюй на территории арыско-бадамского района, а столицу связать с городищем Караспантобе.

Наглядный образ арысской культуры демонстрирует устойчивость, консервативность и земледельческо-скотоводческий синкретизм ее систем традиций. Они редко фиксируются за пределами основного территориального ядра культуры, зоны Арысь-Каратау. Только на заключительном этапе своего развития в археологическом комплексе культуры отмечается влияние каунчинской и джетысарской культур, которое связано с процессами миграций древнего населения Сыр-Дарьи.

Как археологическая и этнокультурная реальность арысская культура перестает существовать в VI в. н.э. В это время происходит качественная смена культурных традиций и приходит в упадок основная

масса ее памятников. Тогда же с исторической арены сходит этнополитическое объединение Канцзюй. Его древнее полиэтничное население было главным носителем систем традиций арысской археологической культуры. Это заключение из автореферата докторской диссертации А.Н.Подушкина (с. 48—49), вызывает возражения.

Так, арысская культура по А.Н.Подушкину не имеет четких границ, она занимает территорию, которая, согласно многолетним исследованиям ученых была местом локализации двух самостоятельных культур каунчинской и отрарско-каратауской. И здесь, на этом пространстве, как было установлено, доминирует по количеству памятников, числу и размерам центральных крупных городищ отнюдь не Арыско-Бадамский оазис, а Ташкенский оазис с городищем Канка; Отрарский с Отраром, Мардан-куником, Алтынтобе; Туркестанский с городищами Сидактобе и Каратобе.

Достаточно отметить, что площадь городища Канка составляет 200 га, а функционировало оно с III в. до н.э. Во II—I вв. до н.э. его древнейшее ядро — цитадель составляет 6,5 га, а сам город площадью 180 га, был окружен мощной двойной стеной с внутренними коридорами. По своим размерам город кангюйского времени приближается к таким городам как Самарканд или Еркурган. Поэтому Ю.Ф.Буряков вполне обоснованно локализует на месте Канки столицу владения Юени.⁴⁸

Размеры столицы Юени разительно отличаются от размеров столичных центров владений Кангюя «выделенных» А.Н.Подушкиным. Так, например, столица владения Ги, которая соответствует, по мнению А.Н.Подушкина, городищу Кок-Мардан, имеет площадь всего 4 гектара.⁴⁹

Совершенно непонятно, чем руководствовался А.Н.Подушкин, отжествляя столицу владения Сусе, расположенного, согласно ему в долине Келеса, с городищем Алтынтобе или с городищем Кумтобе.⁵⁰ Первое описанное им же и включенное в Свод памятников истории и культуры Казахстана (Южно-Казахстанская область) датируется X—XVI вв. н.э. и имеет площадь 2,3 гектар.

Второе городище, также описанное А.Н.Подушкиным, датируется VI—VIII вв. и имеет площадь 0,3 гектара.⁵¹

⁴⁸ Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С. 109—111

⁴⁹ Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. С. 28.

⁵⁰ Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана. С. 169. № 38, 14.

⁵¹ Свод памятников истории и культуры. Южно-казахстанская область. Алма-Ата, 1994. С. 175—176. №337—224, №466.

Столицу владения Юегань он помещает в долине Таласа и на месте городища Тараз, нижние слои которого не изучены, известны лишь единичные находки керамики первых веков н.э.

Владение Фумо А.Н.Подушкин поместил на средней Арыси, а столицу его на месте городища Караспан или Канкурган.⁵²

Одновременно на месте городища Караспан он помещает и столицу Кангюя город Битянь, мотивируя это находками кирпичей с письменами, которые пока не могут быть датированы из-за неопределенности их находки, вне конкретного культурного слоя и датируемых находок в нем.⁵³

Особые возражения вызывает датировка нижней хронологической границы арысской культуры — IV в. до н.э. Следует заметить, что она никак не аргументируется. Автором упоминаются бронзовые втульчатые пулевидные и бронзовые черешковые трехлопастные наконечники стрел, которые могли бы служить некоторой опорой для ранней датировки. Но в описании инвентаря из погребений нет упоминаний об этих бронзовых наконечниках, поэтому и не ясно, откуда они взялись. Имеется лишь фото одного бронзового черешкового наконечника, помещенного в караултобинский комплекс. Он происходит из городища Караултобе. При этом, при описании раскопок на поселении не отмечено, откуда происходит эта важная для датировки находка. Говорить о погребальных комплексах с бронзовыми наконечниками стрел на раннем этапе арысской культуры нельзя, но такие, как и углубление её почти на полтысячелетия.

Периодический пересмотр хронологических схем и этнокультурных атрибуций в археологии, тем более в археологии Южного Казахстана древнего и раннесредневекового периодов, совершенно необходим. Но уточнение и пересмотр возможны лишь как следствие введения в научный оборот новых данных и наблюдений или же после критического анализа с применением новых методик всего историографического наследия. Следовательно, определять нижнюю границу раннего периода арысской культуры IV в. до н.э. нет никаких оснований. Кстати, таких случайных, вырванных из контекста комплекса «ранних» вещей не мало. Это и сарматское каменное блюдо с головой барашка на краю, о функциональной принадлежности которого идет давняя научная дискуссия среди специалистов — «сарматологов»; сасанидская гемма в виде «ложного перстня» с изображением

⁵² Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана. С. 169 №183 или 115а.

⁵³ Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана. С. 169—171

скорпиона и гранатовая подвеска в золотой оправе, обведенная золотой зернью. Последние вещи, как это явствует из подписи, происходят из Борижарского могильника, но не ясно, в комплексе с какими вещами они найдены.

«Караултобинский этап» трактуется как «первый, начальный период формирования устойчивых систем традиций в материальной культуре», которые впоследствии определяют облик культуры региона и датируются IV—I в. до н.э. Автором для обоснования его датировки привлечены комплексы Каратобинского и Культобинского могильников. Но остается, совершенно непонятно, как можно датировать погребальный комплекс IV в. до н.э. по золоченным стеклянным бусинам, производство которых в Причерноморье было налажено лишь в III в. до н.э. Остальные комплексы (оружие и ювелирные изделия), как показывают многочисленные аналогии, частично приводимые автором, достаточно уверенно ложатся в рамки I в. до н.э.—V в. н.э. Достаточно отметить, что из всех видов сарматских мечей и кинжалов в арысских катакомбах представлен один вид «без металлического перекрестия и навершия», который типичен для позднесарматского времени. Для более ранних периодов характерны мечи и кинжалы с перекрестием и различными формами наверший.⁵⁴

При описании результатов раскопок поселений и городищ не фиксируются не только такие редкие находки, о чем выше писалось, как бронзовые наконечники стрел, но и керамические комплексы. Как пример, можно привести комплекс поселения Караултобе, названный «эталонным» для раннего этапа арысской культуры. Первоисследователь этого памятника Н. П. Подушкин в свое время посвятил ряд публикаций обоснованию датировки этого поселения I—IV вв.⁵⁵ Также обстоит положение дел и с хронологическими построениями материалов катакомб. Достаточно упомянуть большие исследования, в которых проведен сравнительный анализ 75 комплексов из сырдарьинских катакомб (среди них и катакомб, опубликованных ранее А.Н. Подушкиным) с северокавказскими.⁵⁶ Исследование проведено в контексте проблемы поиска прародины алан,

в нем обоснована датировка каждого погребального комплекса по хронологической шкале I в. до н.э.—IV в. н.э.⁵⁷

Катакомбный обряд погребения назван А.Н. Подушкиным «эталонным признаком» и входит в «специфический комплекс признаков арысской культуры». При этом как бы забывается все многообразие типов погребальных сооружений, существовавших в этом регионе со II в. до н.э. по VI в. н.э.. По мнению автора, катакомбы как «способ погребения являются единственным и, безусловно, доминирующим в кругу археологически изученных курганных могильников» в Арысь-Бадамском оазисе и отмечены в зоне средней Сырдарьи и Чачском оазисе». Может сложиться представление о катакомбном обряде погребения как о специфическом, присущем только арысской культуре признаке. Этот вид погребальных сооружений не только отмечен, а массово представлен (раскопаны многие сотни катакомб) в обширном регионе от западных, северо-западных областей Китая и Монголии на востоке до Донских и Причерноморских степей на западе в более широком хронологическом диапазоне. Всестороннему изучению этого феномена и круга сложных этногенетических проблем, с ним связанных, посвящены десятки статей и монографий. По мнению ряда специалистов, период первичного накопления и обобщения археологических данных уже миновал и пора переходить к этапу источниковедческого анализа и историческому осмыслению в общецентральноазиатском масштабе.⁵⁸

А. Н. Подушкиным совершается традиционная ошибка, которая основана на представлении, что внешний вид надмогильных сооружений представлен в своем первоначальном виде, а форма деформации насыпи в результате ограбления даже может служить признаком, определяющим «кочевнические» и «земледельческо-скотоводческие» курганные погребения. Все курганообразные холмы могильников понимаются автором как курганы в археологическом смысле, как насыпь грунта или грунта и камня над могилой сооружением. Исследования погребальных сооружений Евразии древности средневековья давно установили, что во многих случаях то, что теперь представляется курганом, некогда было спе-

циальной постройкой, имевшей свою архитектурную форму.⁵⁹ Это можно проиллюстрировать на примере Борижарского могильника, также включенного в круг памятников арысской культуры. Здесь под «классическими» курганами были открыты наземные сырцово-пахсовые погребальные сооружения.⁶⁰ В публикации материалов раскопок Б.Н. Нурмуханбетов вполне обоснованно доказал, что постройки были «открытыми надмогильными сооружениями, а насыпь образовалась позднее вследствие разрушения стен сооружения».⁶¹ Значит Борижарский могильник вряд ли можно определять как исключительно «курганый могильник». Наряду с подкурганными катакомбными и ямными захоронениями здесь были и труположения в наземных склепах.

А. Г. Максимова столкнулась при раскопках «курганов» на могильнике у с. Шага с наземными погребальными постройками из сырца и пахсы, руины которых выглядели, как обычные земляные курганные насыпи.⁶² Следы аналогичных погребальных склепов исследовались на некрополе городища Сидак в Туркестанском районе и на Караспанском могильнике на Средней Арыси.⁶³

Таким образом, курганы и катакомбный обряд погребения — «эталонный и единственный» признак арысской культуры не является таковым. В ареале, занятом отарско-каратауской и каучинской культурами, а по А.Н. Подушкину арысской культурой, под курганными насыпями устраивались могиленные сооружения и в виде катакомб различного типа; в виде грунтовых ям; ям с подбоями; наусов, каменных ящиков. Известны также кладбища в виде искусственных платформ, где покойники были погребены

⁵⁹ Шульга П.И. Архитектура и семантика погребально-поминальных комплексов Пазарьской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье: К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. 2 Санкт-Петербург., 2003. С. 191–194.

⁶⁰ Нурмуханбетов Б.Н. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 117.

⁶¹ Нурмуханбетов Б.Н. Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 174.

⁶² Максимова А.Г. Гробницы типа наусов. у с. Чага (Шага) в глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 95–118.

⁶³ Ержигитова А., Смагулов Е. Погребальные сооружения некрополя городища Сидак // Известия Национальной Академии Наук РК. Сер. обществ. наук. №1. Алматы 2004. С. 81–90; Смагулов Е. К реконструкции погребального обряда Южного Казахстана раннесредневековой эпохи // Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции. Маргулановские чтения—15, Алматы. 2004. С. 40–55.

в грунтовых ямах, в катакомбах, в ямах, обложенных сырцовым кирпичом, в больших сосудах — хумах.

Следует отметить, что «оригинальная керамика» Арысской культуры не отличается от керамики отарско-каратауской и каунчинской культур.

Оружие и конское снаряжение как специфический признак кочевых культур распространены в регионе от Монголии до Дуная.

То же касается предметов быта и украшений, характерных для евразийских степей первой половины I тыс. н.э.

Вряд ли специфическим свойством только арысской культуры можно считать расположение ее памятников на надпойменных террасах и развитую систему фортификации.

Нет доказательств и принадлежности «уникальных артефактов» — кирпича и обломков кирпичей с надписями к Кангюйскому государству, ввиду отсутствия датировок и увязки находок со стратиграфией городища Культобе, где они были обнаружены.

Поэтому выделение А.Н. Подушкиным самостоятельной арысской археологической культуры с неопределенным ареалом распространения; с искусственно выделенным центром ее в долине средней Арыси и Бадама в противовес таким оазисам как Отарский, Шашский, Туркестанский; обоснование хронологии раннего этапа IV—I вв. до н.э. не отличается корректной аргументацией.⁶⁴ Однако более существенным, на что надо обратить внимание, является произвольное обращение с археологическими источниками.

Не случайно один из крупных исследователей каунчинских и сырдарьинских памятников Ю. Ф. Буряков замечает, что, несмотря на существование разнообразных античных и средневековых материалов по отарско-каратауской и каунчинской культурам (архитектура, керамика, погребальный обряд), А.Н. Подушкин пытается объединить их в одну арысскую культуру со столицей в долине Арыси. При этом наиболее крупный Ташкентский оазис развития земледельческой и городской культуры конца I тыс. до н.э.—VIII в. н.э. определен как окраина арысской культуры. Эта культура, считает Ю.Ф. Буряков, выделена искусственно, без учета всей совокупно-

⁶⁴ См. также Смагулов Е.А. Арысская культура: миф или реальность (заметки по поводу). Известия Национальной Академии наук №1. Алматы. 2004. С. 284–301; Байпаков К.М., Елеуов М.Е. Кангюй, Кангха, Кангу-Тарбан // Тюркология №1. Түркістан, 2002. С. 58; Подушкин А.Н. О мифических и реальных культурах казахстанской археологии (по поводу одной запоздалой рецензии) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 3. Уральск, 2004. С. 265–280.

⁵⁴ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. С. 117–133

⁵⁵ Подушкин Н.П. Ранние оседлые поселения доинны Арыси I–VIII вв. Автореф. дисс. на соискание степени кандидата исторических наук. Алма-Ата, 1970; Подушкин Н.П. О хозяйстве оседлого населения Арыси в I–IV в. В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 78–84.

⁵⁶ Берлизов Н.И., Каминский В.Н. Аланы, Кангон и Давань ПАВ. СПб., 1993. Вып. 7. С. 94–111.

⁵⁷ Яценко С.А. Аланские катакомбы II–IV вв. н.э.: новые материалы и новые заблуждения ПАВ. Санкт-Петербург, 1994, вып. 8, С. 119–120.

⁵⁸ Заднепровский Ю.А. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н.э.—VI в. н.э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1978. С. 159–167.

сти археологических материалов и вопреки мнению большинства исследователей.⁶⁵

Близость памятников трех сырдарьинских культур (каунчинская, отрарско-каратауская и джетыасарская) бесспорна, она видна в устройстве и планировке поселений, в строительной технике, интерьере жилищ, в фортификации, погребальном обряде, в хронологии керамических комплексов, вооружении, украшениях.

Важно и то, что при сравнительной характеристике регионов Средней Азии и Казахстана эпохи Кангюя выделяется единая культурно-хозяйственная зона от низовьев Сырдарьи до Ферганы. Для нее характерны оседлая земледельческо-скотоводческая экономика, монументальная архитектура и фортификация, небольшие укрепленные поселки, как ведущий тип расселения, слабо развитое ремесло.⁶⁶

Все вышесказанное свидетельствует о близости культур, и на наш взгляд, правильнее говорить не о разных, хотя и близких культурах каунчинской, отрарско-каратауской, джетыасарской, а об одной культуре и ее вариантах. Количество таких вариантов будет расти и уже сейчас можно говорить об арыском, келесском, таласском, чуйском, ферганском и других. Видимо, справедливо будет включить эти культуры в «сырдарьинскую, историко-культурную общность» и связать ее в этнополитическом плане с Кангюем, в судьбах которых важную роль сыграли вначале хунну, а затем согдийцы и тюрки. Роль согдийцев была значительной в районах распространения каунчинского варианта культуры, а роль тюрков — в районах распространения отрарско-каратауского и джетыасарского вариантов сырдарьинской культуры.

В свое время казахстанскими исследователями предлагался вариант отождествления владения Сусе с группой памятников Отрарско-каратауской культуры, расположенных в среднем течении р. Арысь и в Отрарском оазисе. Тогда здесь были известны около 60 памятников, давших материалы как в результате сборов, так и в ходе раскопок.⁶⁷

Уже тогда было ясно, что локализовать пять владений Кангюя и столицу его Битянь можно будет

⁶⁵ Буряков Ю. Ф. Культурно-хозяйственные процессы в контактной зоне древнего Яксарта. Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд-Бишкек, 2005. С. 176–177. Сейчас найдено более тысячи может Чача, датированных началом I тыс. н.э. Ртвеладзе Э. В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Ташкент, 2002. С. 230–239.

⁶⁶ Масон В. М. Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана средневековой археологии. Вып. I. УСА. Москва, 1976. С. 6.

⁶⁷ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 182–184.

лишь после тщательного обследования и картографирования поселений и могильников всех трех культур, расположенных в долине Сырдарьи и ее притоков, выявления центров наибольшей их концентрации и особенностей каждого такого центра или группы.⁶⁸

К настоящему времени такая работа в значительной мере проделана: только в Отрарском оазисе выявлено более ста новых памятников. Сейчас здесь их зафиксировано свыше 180, составлена карта их размещения. Аналогичная работа проделана в Туркестанском оазисе, где число обнаруженных городищ и поселений, некрополей увеличилось на порядок.

Раскопки могильников Борижары, Талтакай, Кок-Мардан, Конартобе, Сидак, Чоон-Капка, а также анализ и пересмотр датировок ранее раскопанных захоронений в том же могильнике Борижары, Шага дают возможность предложить следующую локализацию кангюйских владений.

Владение Юени традиционно локализуется в Ташкентском оазисе, в Шаше, одном из центров каунчинской культуры с многочисленными поселениями, городищами, некрополями. Среди них такие крупные городища как Канка, Кавардан, Кульата, Кендык — всего 13, причем площади их от 150 до 10 га.⁶⁹ Сюда же включается вся долина Келеса, от верховий до впадения в Сырдарью.

Это один из крупных культурно-экономических центров на Сырдарье с городами, многочисленными поселениями (всего 97), рудниками, развитыми ремеслом и денежной торговлей.

Владение Фуму располагалось, по нашему мнению в долине Сырдарьи, в его среднем течении от Сюткента до Байркума на левом берегу; занимало всю долину Арыси, от ее верховий до среднего течения, где находятся такие крупные городища как Жуантобе и Караспан. В предгорьях Таласского Алатау расположены городища Сайрам и Шымкент. Видимо, периферию владения составляла долина Таласа и предгорья Каратау до городища Актобе Чаянское. Столицей его было либо городище Жуантобе либо Караспан, скорее всего столица меняла свое месторасположение. Так, в средние века, когда здесь располагался округ Кенжиде-Кенжде, его столицей стал город Усбаникет, отождествляемый с городищем Караспантобе. Это район, занятый арыским вариантом отрарско-каратауской культуры.

⁶⁸ Байпаков К. М., Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата, 1989. С. 153.

⁶⁹ Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С. 101–121.

Владение Сусе, как мы считаем, находилось в среднем течении Сырдарьи, низовьях Арыси и склонах Каратау. На левом берегу во владение входила полоса от Байркума до Оксыза, на северных склонах Каратау — от Актобе Чаянского до Баба-Аты. Во владение входили Отрарский, Туркестанский и Яныкурганский оазисы. Наиболее крупные городища — Отрартобе, Мардан-Куик, Жалпактобе, Алтынтобе, Оксыз.

Это территория концентрации памятников отрарско-каратауской культуры, или отрарско-каратауского варианта.

В эпоху средних веков здесь располагались округа Отрар-Фараб и Шавгар с центрами в городах Отраре-Фарабе и Кедере.⁷⁰

Владение Ги располагалось ниже по течению Сырдарьи, в него входили территории Туркестанского и Яны-курганского оазисов, поселения и могильники на левом берегу Сырдарьи от городища Кауган-Ата до городищ Ак-Кургана и Кыр-Узген. На северных склонах Каратау предгорная полоса и степная зона от городища Баба-Ата до Сузака. Среди наиболее крупных городищ в границах владения Ги — Карачик, Шольтобе, Сидак, Каратобе, Ордакент.

В средние века здесь располагался округ Шавгар с одноименной столицей, отождествляемой с городищем Карачик или Шойтобе.

Владение Юегань занимало территорию в районе Джусалы и нижней Сырдарье. Центром его было урочище Джетыасар, где сконцентрированы памятники джетыасарской культуры. Исследователи этой культуры, памятники которой наиболее изучены в Центральной Азии, справедливо подчеркивают важную роль джетыасарских кангюйских племен в этнополитической истории Евразии.⁷¹

Расположенные здесь памятники чирикратской культуры IV–II вв. до н.э. представлены городищами, поселениями, некрополями. Связи этой культуры с Хорезмом очевидны. Тем самым подтверждается мнение С. П. Толстова о связи Хорезма и Кангюя. Затем после гибели под давлением экологической ситуации чирикратской культуры политический, экономический и культурный центр Приаралья смещается в бассейн Кувандарьи и Прикувандарьи и в низовья нижней дельты Сырдарьи.

На последнем этапе развития джетыасарской культуры в Юегань входили низовья современного русла Сырдарьи, где открыты «болотные» городища

⁷⁰ Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата; 1986. С. 24–27.

⁷¹ Левина Л. М. Этнокультурная история восточного Приаралья. Москва, 1996. С. 369–376.

Джанкент, Кескен-Кала, Кен-кескен-кала.⁷² Столица Юегань могла находиться на месте городища Чирикрат, столичного города саков Приаралья.⁷³ Затем в связи с деградацией чирикратской культуры переместится на крупнейшее городище Джетыасарского урочища Алтын-Асар.

В VI в. в Центральной Азии складывается государственное объединение Тюркский каганат, вскоре распространивший свое влияние на обширные территории.

В период победоносных войн первых пятнадцати лет VIII в. границы Восточнотюркского каганата, пределы власти тюркских каганов, на западе доходили и включали в себя местность Кангу Тарбан.⁷⁴ В древнетюркских рунических надписях в честь Бильге-Кагана и Кюльтегина сказано: «... вперед (т.е. на восток) за Кадырканской чернью мы поселили таким образом народ и завели в нем порядок; назад (то есть на запад) вплоть до Кангу Тарбана, мы поселили таким образом тюркский народ и завели (в нем порядок)».⁷⁵

Попытки локализации Кангу Тарбана предпринимались неоднократно. По мнению С. Г. Кляшторного, Кангу Тарбан находился на Средней Сырдарье. Населением владения были, скорее всего, упоминаемые в источниках племена кангаров.⁷⁶

В. В. Бартольд сопоставил название кангар с древним названием Сырдарьи — Канг.⁷⁷

Чтобы узнать, кто такие были кангары, следует обратиться к сочинению византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империи», написанному в первой половине X в. В этом политическом трактате обобщен военно-дипломатический опыт отношений константинопольского двора с соседями. В нем наряду со славянами, болгарами, сербами, франками, арабами и русами описываются печенеги. Константин Багрянородный назвал древнее имя печенегов, которое они носили до переселения в южнорусские степи — кангар. Он писал: «печенеги также называются кангар, но не все, а народ трех

⁷² Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962; Толстов С. П. Города гузов. СЭ. №3. Москва, 1947. С. 55–102.

⁷³ Рапопорт Ю. А., Неразик Е. Е., Левина Л. М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. Москва, 2000. С. 129.

⁷⁴ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники... С. 155–156. Это чтение общепринято — см. здесь же.

⁷⁵ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники... С. 179.

⁷⁶ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники... С. 163.

⁷⁷ Бартольд В. В. Новый труд о половцах. Соч. Т. IV. М. 1964. С. 404–405.

округов: Йабдиирти, Куарцициур и Хабуксингила, как и храбрейшие и благороднейшие из других, ибо это означает прозвание кангар».⁷⁸

Ученые сопоставили имя загадочного народа кангар и кенгереси пришли к выводу, что древнетюркские надписи и византийский трактат описывают один и тот же народ, но в разные периоды его истории. Если же учесть, что Канг одно из древнейших названий Сырдарьи, то, по-видимому, родину кангаров (кенгересов) — печенегов надо искать именно на этой реке, причем в среднем ее течении.⁷⁹

В последующие века имя кангар-кенгерес переоформилось в этноним канглы, возникновение которого связано с завоеванием кимакско-кыпчакскими племенами земель по Сырдарье и в Приаралье. События эти имели место в X—XI вв. «Канглы у кыпчаков, — сообщает Махмуд Кашгарский, — наименование знатного человека». Как полагают ученые, принятие названия канглы верхушкой кыпчакских племен выражало стремление кочевой аристократии связать себя с древней генеалогической традицией завоеванных земель и объявить преемниками могущественного древнего государства Кангюй.⁸⁰

И, наконец, канглы, как известно, выступает самоназванием одного из крупных казахских родов старшего жуза.⁸¹

Новые данные о локализации владения Кангу Тарбан и кангаров-кенгересов получены в результате археологических исследований.

Так, интересные сведения дали раскопки цитадели VII—IX в. городища Куйрык-тобе. Здесь была открыта постройка дворцового типа, сооруженная из пахсовых блоков и сырцового кирпича, датированная VI—первой половины IX в.

Цитадель, как показали раскопки, погибла в результате сильного пожара.

На полах и в завалах парадного зала найдены доски от подпотолочного фриза, базы колонн, обугленные детали перекрытий, часть из которых была покрыта художественной резьбой.⁸² Ближайшие аналогии куйрукскому резному дереву имеются в материалах Согда и Усрушаны.⁸³

⁷⁸ Цитируем по книге: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники..., С. 165.

⁷⁹ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники..., С. 165.

⁸⁰ Толстов С. П. Города гузов. СЭ. №3, Москва, 1947. С. 93—101.

⁸¹ Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968. С. 32—36.

⁸² Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С. 48—58.

Особый интерес представляют обугленные доски от подпотолочного фриза, некогда украшавшего стены замка. Сюжеты на них божественного и светского содержания.

На одной из досок показана чета божеств на зооморфных тронах, адоранты у подножия тронов, сцена осады замка.

Светская сцена украшала поверхность еще одной сохранившейся доски. Середину доски занимает группа из четырех человек под круглой аркой.

В центре стоят в полуоборот друг к другу мужчина и женщина, безусловно, знатные особы. У женщины, она стоит слева, округлое лицо с широким плоским носом, миндалевидные глаза. На голове плоская шапочка, на лбу диадема. Из-под шапочки на правое плечо свисает косичка, перехваченная через равные промежутки завязками. В правом ухе — серьга в виде овального шарика на подвеске, на шее ожерелье из крупных неправильной формы бус. Сверху на женщине накидка.

У мужчины лицо сохранилось плохо. На голове у него шапочка с околышем, одет он в халат с запахом на левую сторону (правая пола наверху). Правой рукой мужчина обнимает женщину, кисть его руки лежит на плече женщины, а левая, поднятая ладонью вверх, поднесена к лицу женщины. Женщина правой рукой сжимает левую руку мужчины у локтя.

Персонаж, стоящий слева от пары, изображен в фас, у него округлое лицо с плоским носом, на голове нечто вроде тюрбана, на лбу узкая повязка либо обрuch. В мочки ушей продеты серьги в виде овального шарика на подвеске, на груди гривна с шариками на концах. Одет он в халат, на груди которого орнамент в виде розетки и перлов. Под халатом была рубаха со стоячим воротником.

В левой согнутой руке персонаж держит какой-то предмет. Фигура, помещенная справа от знатной четы, тоже изображена в фас. Голова и черты лица разрушены, персонаж одет в халат, из-под которого видна рубаха со стоячим воротником, в руках держит что-то похожее на поднос или блюдо.⁸⁴

Похожая сцена встречена в живописи Балалык-тепе. По мнению Л. И. Альбаума такие сюжеты с ха-

⁸³ Воронина В. Л. Архитектурный орнамент Пенджикента. В кн.: Скульптура, живопись древнего Пенджикента. Москва, 1957, рис. 16, 17, 18; 26 а;

Негматов Н. Н. и др. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966, табл. X;

Негматов Н. Н., Пулатов У. Н. Уртакуртан и Тирмизактепе Душанбе, 1973, рис. 32—34.

⁸⁴ Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. рис. 9.

актерными «жестами рук» связаны с обрядовыми сценами сговора между сватами жениха и невесты.⁸⁵

Вне сомнения на деревянной доске из цитадели Куйрыктобе изображены тюрки. Физический облик персонажей характеризуется монголоидными признаками. У них широкие безбородые лица, плоские носы, глаза с косым разрезом.

Внешний облик их близко напоминает тюрков из свиты самаркандского царя Вархумана на росписях Афрасиаба и тюрков в сцене погребения из Пенджикента, сопоставляемый Л. И. Альбаумом с похоронами тюркского правителя Чакын Чур-Бильги.⁸⁶ Аргументом в пользу тюркской принадлежности персонажей на резной доске из Куйрыктобе может служить одежда: халаты с отворотами и запахом на левую сторону. Именно в такую «одетую» древнетюркские каменные изваяния из Семиречья.⁸⁷

Гривна на одном из персонажей в виде прута с двумя шариками на концах аналогична гривнам на тюрках в росписях Афрасиаба.⁸⁸ Серьги в виде шарика на стерженьке, украшающие уши куйрыкских изображений, находят аналоги в соответствующих аксессуарах в каменных изваяниях Семиречья.⁸⁹

Проникновение в VII—VIII вв. тюрков в городскую среду, их важная роль в жизни городов Южного Казахстана, Семиречья и Средней Азии хорошо известна. В ряде среднеазиатских владений правили тюркские династии, тюрки занимали важные государственные должности, входили в состав знати и рядового оседлого населения.⁹⁰ Так, в Семиречье, судя по именам и титулатуре, целый ряд городов в VIII в. подчинился тюркским правителям.⁹¹ В брачном контракте начала VIII в. с горы Муг жених — знатный тюрк Ут-тегин и невеста — согдианка Дугдгонча, жительница семиреченского города Навакета, рассматриваются как представители общегосударственной знати.⁹²

⁸⁵ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960. С. 128—129, рис. 97, 98.

⁸⁶ Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, С. 32, 33.

⁸⁷ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. Ленинград, 1966, табл. II, III, IV.

⁸⁸ Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба С. 32—33.

⁸⁹ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. Табл. XVII, рис. 73.

⁹⁰ Бабаяров Г. Тюрко-согдийские контакты в период Тюркского каганата (на примере системы управления историко-географическими областями среднеазиатского междуречья)//Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого. Санкт-Петербург. 2004. С. 57—60.

⁹¹ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Соч. Т. II. Ч. I. Москва. 1964. С. 37—38.

Пенджикентом в конце VII — начале VIII в. управлял тюрк Бильге-Чекин-чур,⁹³ а правителем Усрушаны был одно время тюрк Карабугра.⁹⁴ Известно, что Тохаристаном владел тюркский наместник, а Хутталяном — тюркская династия. Тюркская знать управляла Шашем.⁹⁵

Отрарский оазис не представлял исключения и принадлежал, как и многие другие владения, тюркам, более конкретно, видимо, кангарам и на резной доске из парадного зала цитадели Куйрыктобе изображены представители тюрк-печенегов.

В данной связи приобретают особое значение сделанные при раскопках цитадели Куйрыктобе и в Отрарском оазисе находки монет. Они двух типов. У первого на одной стороне изображен идущий лев, на другой — руническая монограмма «*ntuush*», у монет второго типа — шагающий лев с изогнутым хвостом в круге из точек, на оборотной стороне — монограмма «*am*». Монеты чеканились в конце VII — VIII в.⁹⁶ Тамга на монетах первого типа в виде знака близко напоминает тамгу печенегов, приведенную Махмудом Кашгарским.⁹⁷ Это еще одно доказательство в пользу кангарской-печенежской принадлежности местных владельцев в период VII—VIII вв. и отождествления раннесредневекового Кангу Тарбана и Отрарского оазиса.

Кангарской, видимо, является керамика, выделенная в Отрарском оазисе. Это кувшины с рифленным горлом, кружки с зубчатыми ручками, чаши, покрытые темно-вишневым, коричневым либо черным ангобами и украшенные вдавленным орнаментом в виде полуovalов, треугольников, елочки. Датируется эта керамика VII — первой половиной IX вв.⁹⁸

Таким образом, Отрарский оазис в древности и раннем средневековье мог быть центром Кангхи, Кангюя и Кангу Тарбана и видимо именно здесь надо искать резиденцию Кангюя город Битянь. Он мог соответствовать городищу Отрартобе либо таким крупным городищам оазиса как Куйруктобе, Жалпактобе, Марданкуик.

⁹² Согдийские документы с горы Муг. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. Вып. II. Москва. 1962. С. 17.

⁹³ Лившиц В. А. Правители Пенджикента в конце VII — начале VIII в. Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы всесоюзной научной конференции в Пенджикенте (Тадж.ССР. 31 авг. 1977 г.) Душанбе, 1977. С. 43—44.

⁹⁴ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1973. С. 147.

⁹⁵ Гафуров Б. Г. Таджики. Москва. 1972. С. 229—231.

⁹⁶ Бурнашева Р. З. Монеты раннесредневекового городища Отрартобе и Отрарского оазиса. Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С. 68

⁹⁷ Материалы по истории туркмен и Туркмении (МИТТ). Т. I. Москва-Ленинград, 1939. С. 309.

⁹⁸ Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С. 58, рис. 12.

Заключение

История государства Кангюй (II в. до н.э. — V вв. н.э.) изучается почти 150 лет, если за точку отсчета взять известный труд Б.Я. Бичурина (Йакинфа) — переводы китайских хроник «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». Археологические исследования характеризуются накоплением археологического материала, полученного при раскопках поселений, городищ и некрополей. Однако многие вопросы «кангюйской проблемы» все еще остаются дискуссионными. Это и локализация пяти владений Кангюя и его столицы Битянь, этническая идентификация каунчиноидных культур, сопоставляемых с Кангюем, а также и археологические постулаты, связанные с вопросами хронологической классификации материалов, полученных при исследовании многочисленных памятников в бассейне Сырдарьи, Таласа, Келеса, Арыси в предгорных зонах Тянь-Шаня и Каратау, на территории древнего Согда, Бактрии, Парфии.

Однако, немало и сделано: очерчены историко-географические контуры Кангюя; выделены археологические культуры, сопоставляемые с этим государством, получены представления о типах поселений и городищ, домостроительстве, погребальных сооружениях, религиозных воззрениях, культурных и торговых связях, миграциях. Картографирование памятников каунчинской, отрарско-каратауской, джеты-асарской культур в Ташкентском, Отрарском и Туркестанском оазисах, в Джеты-асарском урочище показали, что Кангюй был отнюдь не только кочевым государством с элементами оседлости некоторой части его населения. Огромное количество укрепленных поселений и городов, число которых увеличивается по мере расширения исследований, развитые традиции градостроительства, архитектуры, строительной техники, ирригации доказывают, что оседлость, земледелие и городская жизнь вместе со скотоводством разного типа, в том числе и кочевым, составляли экономическую базу Кангюя, в котором город и степь были интегрированы в рамках единой этнополитической государственной структуры.

Археологические исследования открывают новые перспективы в изучении кангюйской проблематики.

В предлагаемом исследовании обобщены и систематизированы, частью проанализированы и опубликованы новые материалы из раскопок некрополей — Коныртобе, Талтакая, Кок-Мардана в Отрарском оазисе, Сидака и Шага в Туркестанском оазисе, Борижарского могильника на Средней Арыси и катакомбы могильников, аналогичных Кенколу в Талаской долине.

Здесь же рассмотрены вопросы хронологической классификации этих материалов; типологии погребальных сооружений; характеристика погребального обряда, динамика развития отрарско-каратауской культуры с рубежа эр до VI–VII вв. и трансформации ее в культуру кангаров-печенегов VII–VIII вв. Предлагается объединение каунчиноидных культур и их вариантов в «сырдарьинскую культурную общность», которая и будет соответствовать историческому Кангюю. На основании анализа новых данных вкпе с материалами исследований предшествующих лет предлагается локализация пяти владений Кангюя с центрами на средней и нижней Сырдарье.

Археологические исследования показывают, что население Кангюя практиковало различные виды погребальных обрядов и связанных с ними погребальных сооружений. Это явление может свидетельствовать о многокомпонентном этническом составе, а также о сложной социальной структуре общества. В период поздней античности и в раннем средневековье в регионе происходят кардинальные этнокультурные трансформации. Стимулом каждой новации являлись конкретные факторы. В среде оседлого и городского населения Кангюя существенным был переход от подкурганно-катакомбной формы погребального сооружения к возведению наземных склепов и связанному с ними «обряду выставления». В историографии Центральной Азии имеются несколько трактовок этого явления. Публикуемые обобщенные материалы по склепам некрополей городищ Жуантобе (Борижарский могильник), Сидак, Шага расширяют источниковедческую базу исследования этого интересного явления в культуре Кангюя.

В исследованном регионе (в Отрарском оазисе) впервые в археологии Средней Азии зафиксированы и

исследованы городские некрополи с искусственными погребальными платформами. (некрополи Кок-мардан, Коныртобе, Талтакай). Генезис этой традиции (ямные, подбойные, катакомбные погребения в искусственной платформе) на почве Средней Азии предположительно можно связывать с одной из переселенческих волн миграции племен «сарматского круга» в конце I тыс. до — пер. вв. н.э. Именно для сармат (алан) прохоровского времени характерна традиция использования ранних курганов для устройства на них своих родовых некрополей. Новые археологические данные свидетельствуют о существенной роли ASSO-УСУНЬСКИХ, сарматских, юэжжйских и гуннских племен в бурных этнополитических и культурно-исторических процессах и событиях, охвативших Центральную Азию в этот период, и о непосредственном участии в них жителей присырдарьинских оазисов. С одной из миграционных волн, вероятно, связан генезис оседлой культуры на средней Сырдарье и, в частности, в Южном Казахстане. В силу маргинального геополитического положения региона именно отсюда, как мы полагаем, распространялись далее на юго-запад и северо-запад волны миграций. Хронологическая и этнокультурная детализация этого процесса дело будущего. Пока же отметим, что сравнительные исследования показывают, что близость погребальных традиций и вещевых комплексов в регионах Южного Приуралья, Нижней и Средней Сырдарьи начинает наиболее отчетливо проявляться в среднесарматский период.

Историко-культурное значение результатов исследования этого круга погребальных памятников в низовьях р. Арысь, кроме прочего, заключается и в том, что они дают новые материалы для среднеазиатских межрегиональных исследований. Например, известно, что традиция погребений в искусственной платформе сохранилась в традиционной культуре потомков обитателей древних согдийских городских центров. Эта традиция погребений в суфы этнографически за-

фиксирована у жителей городов бассейна р. Зеравшан, потомков древнего оседлого населения региона. И свойственна эта форма погребальных сооружений преимущественно для «знатных фамилий светской и духовной аристократии», и не является повсеместной и широко распространенной. На фоне множасьшихся свидетельств массового переселения в первые века до н.э. — первые века н.э. населения с берегов р. Сыр-Дарьи на территорию Согда, можно сформулировать гипотезу о генетической преемственности традиции позднесредневековых «погребений в суфах», в ранних «погребальных платформах» типа Кокмардан-Коныртобе и в сарматских т.н. «курганах-кладбищах».

Исследования показывают, что культура Кангюя вошла в качестве компонента в культуру раннесредневековых и средневековых каганатов тюркешей, карлуков, огузов, кыпчаков, а племена, входившие в Кангюй, сыграли важную роль в этногенезе тюркызычных народов Евразии и Казахстана. И, конечно, не только близость звучания и написания этнонимов кангюй, кангары, канглы, канлы, существовавших в древности и средневековье, объединяет этот ряд, но и преемственность массива автохтонного населения Казахстана.

На протяжении многих столетий в материальной культуре оседлого и кочевого населения Сырдарьи прослеживаются традиции домостроительства (планировка и интерьер), в керамике, знаках на керамической посуде, керамических изделиях, связанных с культурами рода, огня, коня, барана, верблюда, растений. Истоки их восходят к эпохе Кангюя и доживают до XIX — начала XX в., сохраняясь в культуре казахов. И даже монгольское нашествие, в ходе которого пострадали казахстанские города и степи не прервали традиции Кангюя.

Широкое расселение кангюев, кангаров и кыпчаков, их азиатская и европейская история свидетельствует о важной роли Сырдарьи и Южного Казахстана в истории Евразии.

Түйін¹

Монография Қаңлы (Кангюй) дәуіріне (VI ғ.) және ерте орта ғасыр кезеңіне (VI–VIII ғ.) жататын зираттар кешенін (некропольдерді) зерттеуге арналған. Олар Оңтүстік Қазақстан аумағында орналасқан және Сырдарияның орта ағысын (Отырар, Түркістан және Жаңақорған алқаптары), Арыс пен Талас алқаптарын, Қаратау бөктерін қамтитын өңірдегі отырар-қаратау мәдениетіне жатады. Сырдарияның орта тұсында ерте орта ғасыр дәуірінде Кангу Тарбан иелігі болды, «Шығыс түрік қағанатының батыс шекарасы» болып табылған ол бізге Білге қаған мен Күлтегінге арналып жазылған руналық ескерткіштер арқылы белгілі және оны Қаңлылардың тарихи түпкі тегі деп ойлаймыз.

Оңтүстік Қазақстанның археологиялық ескерткіштерін зерттеу осыдан жүз отыз жылдай бұрын басталған болатын. Тек өткен ғасырдың өзінде шығыстанушы П.И. Лерх Жанкент (Янгикент) қалашығын зерттеу нәтижелері туралы еңбегін жариялады, Женд, Сығанақ, Сауран қалашықтарына сипаттама берді, сонымен қатар сол арқылы үлкен аймақтағы көне мұраларға зерттеушілердің назарын аударды. Міне, содан бергі уақытта аймақтың археологиясы мен тарихы туралы мәліметтер үнемі толығымен келеді. Бұл жерде ірі археологиялық экспедициялар зерттеулерін жүргізді және көптеген жылдар ішінде аймақтың бірқатар этномәдени проблемаларын мәселе етіп қоюға және шешуге мүмкіндік беретін әр алуан археологиялық материалдар жинақталды. Осы материалдардың ішінде ежелгі және орта ғасырлық зираттарды зерттеудің нәтижелері елеулі орын алады. Әзірге олардың басын қосып жинақтау жүзеге аса қойған жоқ, сондықтан мұндай материалдар көптеген монографиялар мен мақалаларда шашыраңқы күйде қалып отыр. Бұл мақала белгілі бір дәрежеде бірқатар ортағасырлық қалалардағы зираттар мен Талас, Арыс және Сырдария өзендерінің аңғарларындағы қоныстарды қазған авторлардың зерттеу нәтижелерін талдап қорытуды мақсат етеді.

Неғұрлым көбірек зерттелген Отырар өңіріндегі зираттарды зерттеу бойынша алғашқы алдын ала барлап, зерттеу ерте кездегі қоныстар мен қалалардың

аумағындағы зираттардың үлкен бөлігі ондағы соңғы жылдары қарқынды жүргізілген ауыл шаруашылығы жұмыстарының барысында жойылып кеткендігін көрсетті. Бірақ соның өзінде бұл өңірден көптеген бейіттер табылып, ішінара зерттелді. Бұл орайда Арыс өзенінің төменгі ағысының сол жағалауындағы Көк-Мардан қалашығының бейіттерін алдымен атауға болады. Мұнда көптеген жылдар бойы көктем мен жаз мезгілдерінде ескі зираттар зерттелді. Қыр-кескен моласы Темір теміржол станциясының солтүстігіне таман жердегі ежелгі құмтөбеде орналасқан. Осында жел үрлеп шығарған бірқатар қабірлер аршып алынды, қабір құрылыстарының сұлбасын айқындауға мүмкіндік болмағанымен табылған заттар аршылған қабірдің б.з. I мың жылдығының орта тұсына жатады деп қорытынды жасауға мүмкіндік берді. Отырар өңіріндегі Құйрықтөбе қалашығы қасындағы қабірдің түбінен шикі саздан жасалған жәшіктерге салынған мүрдeleri бар ертедегі мұсылман зираттары зерттелді. Жалпақ-төбе қалашығының солтүстігіне қарай және Мардан Күйік (Қоңыртөбе) қалашығының батыс жағындағы Талтақай жайлауында жасанды платформалар түріндегі қабір құрылыстарына қазба жұмыстары жүргізілді, мүрделер шикі саздан жасалған жәшіктерге салынған, сондай-ақ қабірдің ішіне жай қойылғандары да кездеседі. Қазба жұмыстарының, қабірде табылған нәрселердің, қабір құрылыстарының құрылым мен салт-дәстүрінің нәтижелері туралы осы еңбектің 1-тарауы арналған. 1-Қоңыртөбенің қабір платформасын тазалау барысында одан жай тікбұрыш етіп қазылған лахаттардан, шикі саздан жасалған жәшіктердегі, керамикалық сыйымдылықтардағы 130-дан астам қабір табылды. Адам сүйектерінің қаңқалары шалқасынан жатыр (қолдарының орналасуы әртүрлі келеді), бір жанына қарап бүктеліп жатқан мүрделер де бар (олардың көбінде заттар кездеспеді). Жерленген мәйіт өзінің киімімен, киіміне тиесілі барлық нәрселерімен, қолданған әшекейлерімен жатқызылған. Бұл орайда жерленген адамның беті кейде нәзік мыс жолақтармен өрнектелген арнайы әзірленген орамалмен жабылған тәрізді.

Кейбір жағдайларда мүрденің үстіне бойтұмар байламы қойылған. Бұлар арнайы матадан жасалған

қапқа салынған болуы мүмкін, әсіресе мұндай жағдай әйелдердің қабірлерінде көбірек кездеседі. Мүрде тоқымаға (өсімдік сабағынан тоқылған) (немесе киізге) оралған, өйткені, сағана түбінде сұрғылт қара жұқа қабаттың үгілген ізі жатыр.

Мүрденің бас жағына (немесе аяқ жағына) керамикалық ыдыс қойылған (кей жағдайда екі ыдыс, әдетте — құмыра мен тостаған), ыдыстың қасына қойдың сирағы (артқы сирағы немесе жауырынмен қоса алдыңғы аяғы) немесе қапталы (қабырғасы) қойылған. Кейбір қабірлерде лақаттың түбінен ағаш күлі табылды. Кейбір жекелеген жағдайларда мүрдеге көмір себілген.

Шикі саздан жасалған жәшік (сандық тәрізді қорап) шикі кірпішпен жабылған. Оның жабу тәсілін анықтау мүмкін болмады, өйткені, ол барлығында да құлап қалған болып шықты, мұның өзі одан кейінгі кездегідей, «алдамшы күмбез», немесе кірпішті қырынан еңкейте қалаған күмбез болып табылады.

Сонымен жалпы алғанда жерлеу гүрпы мен қабір құрылыстарын осылайша археологиялық жағынан қалпына келтіре сипаттауға болады. Осы қабір кешенін (құрылысы, салты, табылған заттары) оның бөлшектері, жекелей және өзара байланыстары тұрғысынан алып қарағанда, әдетте сарматтармен, үйсіндермен, кушандармен, қаңлылармен байланысты кеңінен танымал ескерткіштерге жатқызуға болады. Бұл арадағы қабірлердің бір ерекшелігі арнайы соқпа саз балшықтан (пахса) жасалған платформа болуы деу керек.

Орта Азияға тән бұл салттың (жасанды платформа шұңқырлы, жанамалы, катакомбалы (үңгірлеп қазу, жерлеу) генезисін әзірге б.з.д. I мың жылдықтың аяғында — б.з. бірінші ғасырларындағы «сармат тобына» жататын тайпалардың қоныс аудару толқындарының бірімен байланыстыруға болады. Ескі қорғандарды өзінің рулық бейіттерін айналдыру тек прохоров кезеңінің сарматтарына (алан) ғана тән келеді. Жаңа археологиялық мәліметтер осы кезеңде Орталық Азияны қамтыған күшті этносаяси және мәдени-тарихи процестердегі ассо-үйсін (усун), сармат, юэчжи және хунну-ғұндар тайпаларының елеулі рөлін және олардың Сырдария өңіріндегі тұрғындардың өміріне тікелей қатысқандарын дәлелдейді. Бір жағынан алып қарағанда, көшіп-қону үрдісі Сырдарияның орта тұсындағы, оның ішінде Оңтүстік Қазақстандағы отырықшы мәдениеттің генезисімен байланысты болуы да мүмкін. Бұл процестің хронологиясы мен этномәдени иірімдерін анықтау болашақтың ісі. Біз әзірге салыстырмалы зерттеу көрсеткеніндей, Оңтүстік Жайық маңы мен Сырдария жағалауындағы аймақтарда кездесетін жерлеу

дәстүрлері мен заттық кешендердің бір-біріне ұқсас болуы орта дәуір сармат кезеңінде неғұрлым анық көріне бастайтындығына тоқталмақшымыз.

Арыс өзенінің төменгі сағасындағы зираттардың осы типін зерттеу, сонымен қатар ортазиялық аймақ аралық байланыстарды салыстырмалы зерттеу үшін, жаңа материалдарды алға тартады. Мысалы, жасанды платформадағы жерлеу дәстүрі ежелгі соғды орталық қалаларының тұрғындарының ұрпақтарына жататын дәстүрлі мәдениетте сақталғаны белгілі. Бұл дәстүр аймақтың ежелгі отырықшы тұрғындары ұрпақтарында, Зеравшан өзені аңғарындағы қалалар тұрғындарында этнографиялық жағынан анықталған. Бұл орайда мамандар оның «тегі мықты және діни ақсүйектері» үшін қолданғанын айтады және ол барлық жерде кездеспейді әрі кең таралмаған болып шықты. Арнайы платформада — суфада (тағанда) қойылған Самарқандтағы шейбанидтердің зират кешені кеңінен мәлім. Бастапқыда ол тікбұрышты етіп сазбалшықтан құйылған. Жергілікті тұрғындар оны «дахма» деп атайды. Кейінірек кейбір мәліметтерге қарағанда, Мұхаммед Шейбани ханның өзі бұл суфаны тиісті жазулары бар тас тақталармен көмкеруді талап еткен, ал басқа мәліметтер бойынша бұл тіпті одан да кейінірек Михр-сұлтан-хонум кезінде болған деседі. Оған кейін Мұхаммед Шейбани ханның өзі жерленсе, одан кейін ондаған жылдар бойы бұл династияның ұрпақтары да осы жерде жерленген. Қазіргі кезде «шейбанидтердің суфасы» жер бетінен көтеріңкі тұр, ол беті жылтыр тегістелген тас тақталармен және сұр түсті тастан жасалған бұрыстармен көмкерілген. Бұл төбешікте бірқатар құлпытастар жатыр.

Б.з.д. бірінші ғасырларда — б.з. бірінші ғасырларында Соғды аумағына Сырдария өзенінің жағалауында тұрған тұрғындардың жаппай қоныс аударуына қатысты көптеген мәліметтерге сүйене отырып, Көкмардан-Қоңыртөбе типіндегі ерте кездегі «қабір платформаларындағы» және сарматтардың сол сияқты «қорған-зираттарындағы» «суфалардағы мәйіттер» кейінгі орта ғасырлық дәстүрдің генетикалық сабақтастығы туралы гипотезаны айтуға мүмкіндік береді.

Осы еңбектің екінші тарауында Талас (Шоң-қапқа I және Қарабура) және Арыс (Бөріжар) өзендерінің алқаптарындағы үңгір қуыстағы ескі молаларды қазу нәтижелері жөнінде сипатталады.

Оның соңғысы Қарабура өзенінің жайылмасында, Талас өзенінің сол жақ сағасында, Шатқал жотасындағы қабақтың біріндегі құздың еңісінде орналасқан. Бұл оба Қарабура өзеніне бөгет салу құрылысы кезінде кейбір жері бүлінуге ұшыраған.

¹ Перевод А.И. Бейсебаева.

Шоң-қапқа обасы осы аттас шатқалға кіретін қарсы тұстағы жартастардың шығыс бетіндегі еңіске орналасқан. Оның етегін солтүстік шығыс жағынан Талас өзенінің суы шаяды, ал солтүстік батысынан Таластың саласы—Қарабура өзені ағады. Талас өзенінің сәл жоғарғы ағысы бойынша және оның жайылмасына келетін төменде террасаларының бірінде Шельджи ортағасырлық округінің орталығы болған ортағасырлық Садыр-Қорған қалашығы орналасқан.

70-ші жылдардың екінші жартысында Шоң-қапқа шатқалында қуатты бөгет тұрғызылды, соның салдарынан Талас өзенінің еңсіз жайылмасының бәрі су қоймасының суымен толтырылды. Алқаптың бұл бөлігіндегі археологиялық ескерткіштер су астында қалды, оның ішінде Садыр-Қорған қалашығы да жарым-жартылай бүлінді. Таластың төменгі сағасын суландыру үшін жыл сайын су жиналып, төменге қарай жіберіледі, соған байланысты судың деңгейі тұрақты түрде айтарлықтай өзгерістерге ұшырайды. Мұның өзі тау беткейлеріне эрозиялық ықпал әсер етеді, соған байланысты молалар ішінара бұзылып, оны табу ісі жеңілдеді. Беткейдің молалар жатқан жерінің көлемі 4000 шаршы метр шамасында болады, еңістің ең төменгі бөлігі, алаңның төрттен біріндей бөлігі су эрозиясына қатты ұшырауда. Бұл арада катакомбалы (үңгір қуыс) жерлеу дәстүрі анықталды. Біз Шоң-қапқа 1 обасының 35 катакомбасын (аршылған 46-сынан), Қарабура обасынан 4 катакомбаны және Бөріжары обасынан 9 катакомбаны суреттедік және жалпы материалдардың негізгі санаттарына сипат бердік.

Барлық аршылған қабір құрылыстары біртектес келеді. Олар «кеңкөл типіндегі» катакомбаларға жатады. Катакомбалар екі негізгі құрылымдық бөліктен, яғни ұзын дромостан (үңгір қуыс жолдан) және төбесі күмбезделген мүрде қоятын камерадан тұрады. Олардың бірде-біреуінен камераға апаратын дромос толық күйінде анықталмады. Алынған мәліметтер бойынша ондай қуыс жолдардың мейлінше ұзын болғанын байқауға болады. Кейбір сақталып қалғандарының кесінділерінің ұзындығы 5–8 метр. Қуыс жолдардың едені тегіс, төменгі бөлігіндегі ені 0,5–0,9 м. Ол жерлеу камерасына қарай біртіндеп кеңейе түседі. Қабырғылары жоғары қарай кеңейтіліп, сәл еңістеу келеді. Қуыс жол сары топырақты еңістікпен 3 метрге дейін, тіпті одан да тереңдікке кетеді. Дөңбекті қабырғаларының төменгі бөлігінде тар етіп кіретін жер жасалған, ал одан әрі жерлеу камерасының (лахаттың) өзі ойып қашалған.

Жерлеу камерасы дромостың аузына көлденеңінен қиылысқан. Ол сопақша немесе бұрыштары тіктелген үңгір болып келеді. Төбесі «күмбезденіп» жабыл-

ған, камера қабырғаларының иіле жасалуы соны дәлелдейді. Соған байланысты оның биіктігі де біршама болғаны байқалады. Жерлеу камерасының көлемі онда жерленгендердің санына байланысты үлкейіп не кішірейіп отырады. Камераға кіретін жердің де өлшемдері әртүрлі келеді, бірақта шамамен алғанда биіктігі 0,8–0,9 м, ені 0,5–0,65 м болады.

Мүрдені қойғаннан кейін кіретін ауыз қуыс жол жағынан үлкен тегіс тас тақталармен қаланып тасталған. Үңгірді қазу кезінде іштен шыққан топырақпен қуыс жол қайта көмілген болса керек. Қуыс жолдардың едендерінде төбені жапқан ағаш шірінділерінің қалдықтарының ізі байқалған емес.

Қабір құрылыстарының салынуы топографиялық ерекшеліктерге негізделген, яғни оған жердің табиғи еңістігі пайдаланған. Еңістің шығысқа қарай төмендеуіне орай катакомбалардың қуыс жолдары да соған бейімделген. Яғни олар жіңішке ор түрінде шығыстан батысқа қарайтын бағытпен қазылған. Қабір камерасы қуыс жолдың бағытына көлденеңінен қиылысып, яғни солтүстіктен оңтүстікке қарай орналасқан. Сондай-ақ, жерленген адамдардың бастары да оңтүстікке қарата қойылған. Тек бір жағдайда ғана (№10 катакомба) екі адам қаңқасы ғана бастарын қарама-қарсы жаққа беріп жатыр. №18, 23, 29 катакомбаларда адам қаңқалары солтүстікке қарата жатқызылған.

Қуыс жол қабір камерасының шығыс жақ орта тұсынан қиылысады. Қабір камерасына кіретін жер камераның шығыс қабырғасының оңтүстік учаскесінде (№5 катакомба) болуын сирек жағдай деп есептеуге тура келеді. Бұл орайда камераның оңтүстік жағы қуыс жолдың оңтүстік қабырғасының жалғасы іспетті көрінеді.

Ал қалған жағдайларда катакомбаның құрылысы қалыпты жағдайда кездеседі. Тек камераның, қуыс жол мен оларды біріктіретін өтпе жолдың өлшемдерінде сәл ауытқушылық орын алады. Қуыс жол мен қабір камерасының едендері деңгейлес. Бірақта камераның едені көбіне-көп қуыс жолдың еденіне қарағанда 20–30 см төмен, соған орай кіретін тұста шағын кертпешік пайда болған.

Топографиялық жағдайлар (катакомбалардың еңіске орналасуы) мола үстіндегі құрылыстардың санын анықтауға мүмкіндік бермейді. Бірақта еңістік бетінің еңсіздене түсетін жоғарғы жағынан сынған тастардан қаланған сақина-шеңберді байқау қиын емес. Ондай сақина тәрізді қаланған тастар мен шағын қорған үйінділері еңістен төмен қарай орналасқан катакомбаларды бір кездері айқындап тұрған.

Топырақ пен ұсақ тастардан үйілген үйінділердің астындағы катакомбалардағы молалар Талас алқабында кездеседі, ондағы қорғандар мен молалардың саны

жүздеп саналады. Оны бірінші рет 1898 жылы Г.Гейкель зерттеді, кейінірек И.Кожомбердиев бірнеше молаларды тауып зерттеу жүргізді.

Катакомбалы жерлеудің барлығында топырақ үйіндісі мен бейіт құрылысы типтік түрде салынып, катакомба мен қуыс жолдың бір-біріне перпендикуляр орналасуымен ерекшеленеді, немесе кейбір сирек жағдайларда мұндай дромос катакомбаның ұзына бойына қиғаштап келіп қосылады.

Қуыс жолдың ұзындығы 2 метрден 8 метрге дейін жетеді, катакомбаға кіретін жер тас плиталармен, кеспелтек ағаштармен, шикі кірпіштермен жабылған. Сөйтіп, Шоң-қапқа–1 және Қарабура–1 молалары катакомбаларының құрылыс жағынан жоғарыда келтірілген бейіттер қатарына жатады және ол Талас өңіріндегі таулы аймақтың солтүстік-батысында орналасқан.

Аршылған катакомбалардағы қабірден табылған бұйымдар ішінде зират кешендерінің қай дәуірге жататындығын анықтауға негіз болатын элементтер кездеседі.

Соның бірі Тянь-Шаньнан Дунайға дейінгі аралықта өте кең тараған бетінде өрнектері бар алтын полихромды жарты ай бейнелі әшекей болып табылады. Олардың үлкен сериясы Талас өңірінен, Кетпен төбеден бастау алады. Ондай әшекей бұйымдардың уақытын анықтау туралы мәселе, полихромды стильді бұйымдардың бәрі секілді, даулы мәселе күйінде қалып отыр. Зерттеушілердің басым бөлігі оларды IV–V ғасырларға жатқызады. Бірақта А.К.Амброз оны V–VII ғасырларда болған деген пікір білдіреді.

Моншақтар, әсіресе хронологияны анықтауға пайдалануға болатындары, үлкен қызығушылық туғызады. Мәселен, «көз бен кірпікті» әшекейленген моншақтарды зерттеушілер II–IV ғасырлармен есептейді, ал сары-жасыл әйнектен жасалған жарты ай түріндегі алқалар III ғасырға жатады. Сонымен, 1-бейітті III–V ғасырлар кезеңімен белгілеуге болады. Ал басқа қабірден табылған материалдарына келетін болсақ, онда катакомба 3-тен табылған белбеудің тоғасына қарағанда, олардың Бөріжар моласы мен Қара Жақып мәдениетінің материалдарының баламасы деуге келеді, ол III–VII ғасырлар аясына жатуы мүмкін. Керамика бойынша зерттеу қорытындысы бойынша бұл кезеңге 4-бейіт жатады. Шоң-қапқа моласындағы 1-катакомбадан табылған айдаһар басты тарақтар және аяқ жағында өзге жануарлар бейнеленген соған ұқсас тарақтар және ұсақ бедері бар әрі ою-өрнекпен әсемделген басқа заттар сияқты IV–V ғасырларда болған кешендер құрамына кіреді.

Шоң-қапқа моласының зерттелген қабір бөлігінің уақытын дәл анықтауға №10 катакомбадан табылған

мыстан жасалған мәнеттер көмектесе алады. Бұл кушанның соңғы патшаларының бірі Васудеваның бейне-бедерінің салуына жатады. Онда Av. От алтарының алдындағы патша бейнесі бейнеленген, Rv. — киелі бұқаның қасындағы Виша (Шива) құдайы. Васудеваның билік етуі «Канишканың бастапқы датасына» байланысты II ғасырдан (142–176 жж.) IV ғасырға дейінгі (342–376 жж.) аралықта болған.

Бұл күміс ақша Сасанидтердің патшасы II Хормиздтің билік еткен кезеңінде жасалған (302-309). Оның Av. бетінің оң жағында қанатты тәжі киген билеушінің суреті салынған. Оның бас жағында оқуға болатын мынадай мазмұндағы аңыз сақталған: «mzdy (sn bgy) 'whrmzdy ML (K'n) MLK('...» — «Маздаға табынған патшалардың патшасы Хормизд мырза...». Өзінің типологиялық белгілері бойынша бұл күміс ақша II Хормиздтің белгілі бейне-бедерімен толық сәйкес келмейді, Сасанид билеушісінің ақшалардағы суреттердің стилі мен мәнерінің біртекті болмауы туралы В.Г. Лукониннің ескертпесімен келісуге тура келеді.

Сонымен осындай ақша нұсқаларын айқындауға мойынға тағатын алқа түріндегісі жәрдемдеседі, бұлар б.з. IV ғасырдың екінші жартысында немесе V ғасырдың басында болған деген қорытынды жасауға болады. Сонымен қатар бұл ақшалардың жабық археологиялық кешеннен бір орында табылуына орай оны «Канишка дәуірінің» бастапқы кезеңінің соңғы сәтіне жатады деп жанама түрде айтуға болады.

Шоң-қапқа және Қарабура молалары, жоғарыда айтқанымыздай катакомбалық жерлеу тобына жатады. Олар алдымен Таласта табылды, содан кейін Орталық Тянь-Шаньнан Сырдарияға дейінгі кең аумақта бар екендігі анықталды. Ғұндардан бастау алып немесе «ғұндардың жергілікті тұрғындармен араласу дәуірін көрсететін» олар б.з.д. I ғасырдың ортасынан бастап б.з. II ғасырдың бірінші жартысына дейінгі кезеңде болғандығы белгілі болды. С.С. Сорокин ескерткіштерді жергілікті деп есептеп оны б.з. II–IV ғасырларымен белгіледі. Н.Г.Горбунова кеңкөлдік обаларды б.з. IV–V ғасырларынан ерте емес деп тұжырымдайды. А.Н.Бернштамнан кейін өз пікірін білдірген Ю.А.Заднепровский катакомба ескерткіштерін Орта Азияға, оның ішінде Ферғанаға сырттан көшіп келгендер әкелді деген тұжырым жасайды.

Соңғы жылдары ғылымда «кеңкөл мәдениетін» дербес бөліп қараудың дұрыстығы туралы пікірлер талқылануда, сондай-ақ кеңкөл мәдениеті мен қырғыздардың дәстүрлі мәдениетінің бірқатар элементтерінің сабақтастығы да назарда ұсталуда, сондай-ақ кеңкөл мәдениетін қолданушылар Тянь-Шаньға Орта Азияның шығыс аймақтарынан келген және

олар түркі тілдерінде сөйлейтіндері болып табылуы мүмкін деген қорытынды жасалуда.

Таластың, Шатқалдың, Кетпентөбенің үңгірлеп қазу дәстүріндегі молалары Сырдарияның орта тұсы мен Ташкент алқабында қоныстанған қауыншы мәдениетінің тайпаларына жатады деген де пікір бар. Л.М. Левинаның пікірі бойынша Таластың, Шатқал мен Кетпентөбенің жоғарғы алқабында I–V ғасырларда қауыншы мәдениеті дамыған. Бұл аудандардағы тұрғындардың тұрмыс-тіршілігі үшін мал шаруашылығының рөлі жоғары болған, өйткені, бұл арадан отырықшы қоныстардың белгісі кездеспеді. Сонымен бір мезгілде оның пікірі бойынша Таластың төменгі сағасында Отырар–Қаратау мәдениеті кеңінен таралған. Бұл табылған қоныстардың материалдары бойынша жақсы мәлім. Отырар–Қаратау мәдениеті болған негізгі аудандар Отырар аймағы, Қаратаудың солтүстік және оңтүстік баурайы болып табылады. Зерттеуші өзінің осындай қорытындыларын керамиканы зерттеу негізінде жасаған. Біздің пікірімізше, ондай байланысты әртүрлі тұрғыдан емес, ең болмағанда бір-біріне жақын мәдениеттер туралы (қауыншы, кеңкөл, отырар-қаратау және жетіасар), бір мәдениет және оның жергілікті нұсқалары туралы айтқан әлде қайда көңілге қонатын сияқты. Оны тіпті сырдариялық деп атаса да болар еді, біздің пікірімізше, этносаиясы тұрғыдан Қаңлы және қаңлылармен байланыстырған жөн, олардың этногенезінде алғашқыда сарматтар мен хуннулар, ал содан кейін соғдылар мен түріктер маңызды рөл атқарды. Қауыншы нұсқасының таралған аудандарында соғдылардың рөлі айтарлықтай болса, ал түріктердің рөлі сырдария мәдениетінің отырар-қаратау және жетіасар нұсқаларында көрінеді.

Үшінші тарау Оңтүстік Қазақстанның ерте ортағасырлық қалалары мен қоныстарының зират кешендеріндегі жер бетінде сағана түрінде кездесетін қабір құрылыстарының басын қосып сипаттауға арналған. Құрылыстардың бұл түрін алғаш рет Түркістан өлкесіндегі Ресей археологиялық комиссиясының бұрынғы өкілі Н.П. Остроумов анықтаған болатын. 1893 жылы ол Бөріжар обасындағы бірнеше молаларды қазды, оның сипаттауы бойынша жер бетіндегі өңделмеген тастардан салынған құрылыстардың тікбұрышты ішкі жерлеу камерасы болған.

Жуантөбе зиратының (Бөріжар обасының бөлігі) ертерек алынған материалдарын ой елегінен өткізу және қазба жұмыстары кезінде қолданылған әдістеме бізді «саз-балшық қоршаулы зираттар» немесе жәй «алаңшалар» ретінде сипатталатын осы жерде қазылған «қорған астындағы» құрылыстардың шын мәнінде қабір құрылыстарының — жер үстіндегі

сағаналарының бір түрінің қалдықтары болып табылады деген қорытындыға әкелді.

Оңтүстік Қазақстан аймағындағы жерлеу құрылыстарының аталған түрі Түркістан ауданындағы Шаға деп аталатын ерте ортағасырлық қалашықтың зиратында ертеректе зерттеді, ал сондай-ақ Түркістан қаласы жанындағы Сидак қалашығының зиратында да зерттеу жұмыстары жүргізілуде. Бірақта қазіргі кезде Бөріжар обасында зерттеудің жүйелі жүргізілу нәтижесінде бұл ескерткіш барлық ортазиялық аймақтағы неғұрлым көбірек зерттелген объекті болып табылады. Алғаш жұмыс басталғаннан бергі уақыт ішінде сақталу деңгейі әртүрлі келетін сексенге жуық жер үстіндегі сағаналар аршылды. Соған қарамастан жерлеу құрылыстарының бұл түрін зерттеуде әлі күнге шешілмеген бірқатар проблемалық мәселелер болып отыр. Егер, олардың болғандығының жоғарғы шекарасы онша көп күмән туғыза қоймаса да (бізге сағаналар құрылысының тәжірибесінен байқағанымыздай, VIII және IX ғасырларда аймақтың отырықшы және қала тұрғындарының арасына исламның енуіне байланысты біртіндеп жоғала бастайды), олардың пайда болу (бастапқы уақыты) және қайдан шыққандығы туралы мәселе әлі күнге шешімін тапқан жоқ. Жерлеу камераларының ішінен табылған заттар бойынша сағаналардың бастапқы хронологиялық уақытының немесе пайда болу мезгілінің нақты мерзіміне көз жеткізу бізге үлкен қиындық туғызуда, өйткені біздің пайымдауымызша, сағаналар өзінің бастапқы мақсатына ұзық уақыттар бойы қызмет еткен. Бұл орайда өте ерте уақытта қабірге салынатын заттар қойылмайтын болған, оның құрамы әрбір жаңадан жерлеу рәсіміне орай «жаңарып» отырған. «Бейбіт жағдайларда қараусыз қалып әбден тозығы жеткен сағаналарда заттардың кешені болмаған, өйткені, олар сүйек қаңқаларымен бірге басқа жерге көмілген немесе әлдебір жағдаймен орнын жойған. Жерлеу мақсаттарына орай сағаналарды пайдаланудан жаппай бас тарту исламның қысымымен жүзеге асқан әрі ол VIII ғасырдың екінші ширегінен бастап Сырдария алқабында күшпен ығыстырылған. Сондықтан сағаналардан қандайда бір көп нәрселер табыла қалса, бұл заттар VII–VIII ғасырларда қолданылғанына көз жеткізуге болады.

V–VIII ғасырлар кезеңіндегі жер үстіндегі сағаналар аймақтағы жерлеу құрылыстарының тек бір түрі ғана болып табылмайтындығы сөзсіз, бірақта сандық тұрғыдан алғанда жерлеу құрылыстарының мейлінше көп тараған әрі басты түрі деп айтуға әбден болады, және онымен Оңтүстік Қазақстанның қалалық және отырықшы-егінші тұрғындары арасындағы жерлеу құрылыстарының басты түрі делінеді.

Қолда бар материалдар сағаналардың қайтыс болған адамның мүрдесін біржолата жерлеуге арналған орын еместігіне, сондай-ақ мұнда сүйектердің тұрақты сақталмағанына қатысты гипотеза жасауға итермелейді. Яғни, олар адамдардың жерлеу процесінің сағыларында саналары үшін ең маңызды болып саналатын жерлеуге қатысты құрылыстардың өзі болып саналған.

Бұл гипотеза ондай сағаналарды қазу кезінде жерлеу процесінің аяқталуын білдірмейтіндігін тек қана оның орталық, сонымен қатар аралық кезең екендігін көрсететін жағдайды аңғаруға байланысты негізделген. Белгілі бір жөн-жоралғылық әрекеттермен қатар жүретін мейлінше ұзаққа созылатын жерлеу процесінде мұндай құрылыстардың қызметі мүрделерді қоюға арналған құрылыстарға, зороастрийлік дахмаларға неғұрлым сәйкес келеді. Иран мен Индияның Жаңа кезеңіндегі зороастрийшілерде сүйек қаңқасына деген өздеріне тән үлкен ерекшеліктері бар, сүйекке қатысты ғұрыптарын осы орайда реконструкциялауға болады. Етінен айырылған сүйектер, айталық белгілі бір дәстүрлі күні (наурыз алдында) сүйек қаңқалары бір ыдысқа, арнайы оссуарияға жинастырылып немесе матаға орап арнайы бөлінген орынға көмген («Екінші қайтара жерлеу»). Осы кезде ұсақ сүйектер сағананың ішінде қалып қоюы мүмкін. Оның алдында сағананың ішінде келесі мүрдесі орын босату үшін бұрынғы мәйіттің сүйектері біраз уақыт бойы бір жерге үйіліп қойылады. Барлық сүйек қаңқаларын көмгеннен кейін (мұндай нақты жағдай мүмкін сирек кездескен шығар) сағана сол отбасы — рулық топтың қайтыс болған келесі мүшелері үшін босатылып қойылған. Оны қажеттілікке орай жөндеп, жаңартып отырған. Сөйтіп, ірі әлеуметтік төңкерістер болмаған кезде бұл сол ұрпаққа бірнеше ғасырлар бойы қызмет еткен. Осындай «Екінші қайтара» біржолата жерлеудің іздері әдетте кездейсоқ жағдайларда тап болады. Оны «қайта жерлеудің» дәлелі ретінде немесе «хумаларда немесе оссуарияларда жерлеудің» дербес түрі ретінде қабылдану нәтижесінде қателікке ұрындырады.

Біздің жасаған талдауымыздан шығатын тағы бір елеулі қорытынды деп Бөріжар зиратының (және соған ұқсас) жерлеу құрылыстарының негізгі түрлері «жер үстіндегі сағаналар» және «қорған жанындағы (астындағы) катакомбалар» болып табылатындығы туралы қорытынды тұжырым дер едік. Бұл орайда барлық орта Сырдария аймағында бұл екі түрдің хронологиялық реттілігі байқалады: үңгірлеп қазылған қабірлер б.з.д. бірінші ғасырлар мен б.з. IV ғасырына дейінгі аралыққа, ал сағаналар IV–VIII ғасырлар кезеңіне жатады. Жерлеу құрылыстарының өздеріне

тән жерлеу ғұрыптары бар басты түрлерінің алмасуы туралы қорытынды жасау дұрыс болады. Жерлеу құрылыстарының нысандарының хронологиялық алмасуы идеологиялық таным-түсініктердің алмасуы ретінде түсінген жөн, ал егер мұның өзі айтарлықтай қысқа уақыт ішінде жүзеге асатын болса, оны жаңа қоныс аударушылардың жаппай көшіп келуімен байланыстыруға тура келеді. IV–V ғасырлар кезеңінің шеңберіндегі ғұрыптардың осы екі түрінің болуы салдарынан катакомбаларды «ығыстыру» үрдісі жүргені анық. Осы археологиялық жағынан анықталған факті III–IV ғасырлардағы әлеуметтік төңкерістермен байланысты болуы мүмкін, бұлар жетіасар мәдениеті аймағында және Сырдарияның орта тұсында кеңінен таралғаны анықталды. Сырдарияның орта бөлігіндегі сағаналар бойынша жиналған материалдар шынтуайтқа келгенде құрылыстардың архитектуралық нысандарын табиғи іздеумен жергілікті эволюцияның ұзаққа созылған кезеңі туралы (аралық нысандар жоқ) дәлелдерді алға тарта қоймайды. Демек, орта Сырдарияның (Шаш, Кенджида, Отырар, Шавгар) жер үсті сағаналарының архитектуралық нысаны (екі нұсқада — тікбұрышты және дөңгеленген түрде) бұл жерде әбден қалыптасқан нысанда көрініс табады және таулы аймақтар мен жетіасар сағаналарының қорымдарындағы архитектуралық нысанның генетикалық бастауын еншілейді.

Осы еңбекте зерттелген және сипатталған барлық бейіт кешендері Қаңлы (Кангюй) — Қазақстан аумағындағы ежелгі мемлекеттік бірлестік жерінде орналасқан. Бұл мемлекет туралы негізгі мәліметтер ежелгі Қытай тарихи шежірелерінде бар. Бұл еңбек бойынша Үйсіндермен (Усунь) шекаралас Қаңлының (Кангюйдің) Жетісудың батыс жағында, Сырдария өңірінде орналасқандығы белгілі. Қаңлының «Кангюйдің» мұндай орнығуы ғылыми әдебиетте қаңлы тайпаларының негізгі аумағының шығысында — Талас және Шудың төменгі сағасы аудандарымен, оңтүстігінде — Ташкент алқабымен, солтүстігінде — Сырдарияның төменгі сағаларымен шектесетіндігі туралы пікірлер мейлінше жиі кездеседі. Кангюй проблемасын зерттеушілер Кангюй/Канцюйді Авестаның Кангхасымен теңестіріп, бір ұғымды білдіреді деген пікір айтады.

Қытай авторлары Кангюй туралы жазғанда оны көшпелі тайпалары бар, бірақ қаласы жоқ үлкен мемлекет ретінде сипаттайды. Кангюй билеушісінің билігі Каспийдің солтүстік жағалауына дейін жеткен, онда оған тәуелді Яньдай иелігі болған. Орманды Жайық өзені жағалауының тайпалары солтүстігінде — янь деп аталды, олар Кангюйге аң терілерімен салық төлеп тұрды. Кангюйдің негізгі

аумағынан басқа мемлекеттің «ұлы билеушісіне» бес «кіші билеушілердің» жерлері бағынды, олар — Сусе, Фуму, Юени, Ги, Юегянь.

С.П.Толстов Тан кезеңіндегі қытайдың тарихи-географиялық дәстүрін зерттей отырып, оларды тиісінше Қашқа-Дариядағы Кешпен, Зеравшандағы Кушанимен, Шашпен, Бұқара және Хорезммен (Үргенішпен) ұқсастырады. А.Н. Бернштам өзінің ОңтүстікҚазақстандағы археологиялық зерттеулерінің нәтижелеріне сүйене отырып, Кангюйдің бес «кіші иелігінің» орналасуын өзгеше ұсынды: Юени — Ташкент алқабы; Сусе — Сырдарияның, Арыстың орта ағысы және Қаратаудың солтүстік баурайы; Фуму — Жаңақорғанның солтүстік батысына қарай Қазалыға дейінгі аудан; Ги — Сырдарияның төменгі сағасы; Юегянь — Хорезм. Бұлардың орналасуының ана нұсқасын да, мына нұсқасын да толық негізде қабылдауға болмайды, дегенмен, Орта Азиялық қосөзеннің солтүстігін қамтыған Кангюй империясының жалпы көлемін есепке алған жөн.

Осы жарияланымның мазмұнын құрайтын материалдарды зерттеу, сипаттау Кангюй мәдениетінің түргештердің, қарлұқтардың, оғыздардың, қыпшақтардың ерте ортағасырлық және ортағасырлық қағанаттарының мәдениетіне құрамдас бөлігі ретінде

кіргенін көрсетеді, ал Кангюйдің құрамына кірген тайпалар Еуразия және Қазақстанның түркі тілдес халықтарының этногенезінде маңызды рөл атқарды. Көне заманда және ортағасырда болған кангюй, кангар, канглы, қаңлы этнонимдерінің айтылуы мен жазылуындағы ұқсастықтар оларды біріктіре түсіп, сонымен бірге Қазақстанның автохтонды тұрғындар массивінің сабақтастығын көрсетеді.

Сырдарияның отырықшы және көшпелі тұрғындарының материалдық мәдениетінде көптеген жүзжылдықтарға созылған үй салу дәстүрі (жоспарлау және интерьер), керамика, керамикалық ыдыстардағы, керамикалық бұйымдардағы руға, отқа, атқа, қойға, түйеге, өсімдіктерге қатысты наным белгілері байқалады. Олардың бастауы Кангюй дәуірінен шығады және ол ХІХ ғасырдың аяғына дейін — ХХ ғасырдың басына дейін болып, қазақтардың мәдениетінде сақталды. Тіпті кезінде қазақ жерінің қалаларын бүліншілікке ұшыратқан моңғол шапқыншылығының өзі дала төсіндегі кангюй дәстүрін жоя алған жоқ.

Кангюйлердің, кангарлар мен қыпшақтардың зор аймаққа қоныстануы, олардың азиялық және еуропалық тарихы Еуразия тарихында Сырдария мен Оңтүстік Қазақстанның маңызды рөлін айқындай түседі.

Фотографии к главе 1

фото 1.1. Общий вид с востока на раскоп некрополя Коныртобе I

фото 1.2. Рабочий момент

фото 1.3. Расчистка сектора «С» в 2004 г.

фото 1.5. Погребение 40

фото 1. 4. Погребение 9 после расчистки

фото 1.6. Погребение 21 в хуме.

фото 1.7. Бронзовые пряжки, цепочки, шпильки и серьжки из разных погребений

фото 1.8. Каменные палочки «сурматаш» из погребений

фото 1.9. Железные кинжалы, ножи и наконечники стрел из разных погребений

фото 1.10. Кинжалы из погребения 14

▲ фото 1.13. Ножи, стрелы и пряжка из погребения

◀ фото 1.11. Железные изделия из разных погребений

фото 1.12. Кинжал, ножи и «бантик» из разных погребений

фото 1.14. Бусы, сердолик

фото 1.15. Бусы

фото 1.16. Бусы-амулеты из стеклопасты, «глазчатые»

фото 1.17. Бусы, янтарь, пряжки из погребения 14.

фото 1.18. Бронзовые шпильки и бусы из разных минералов, стеклопасты, янтаря и фаянса

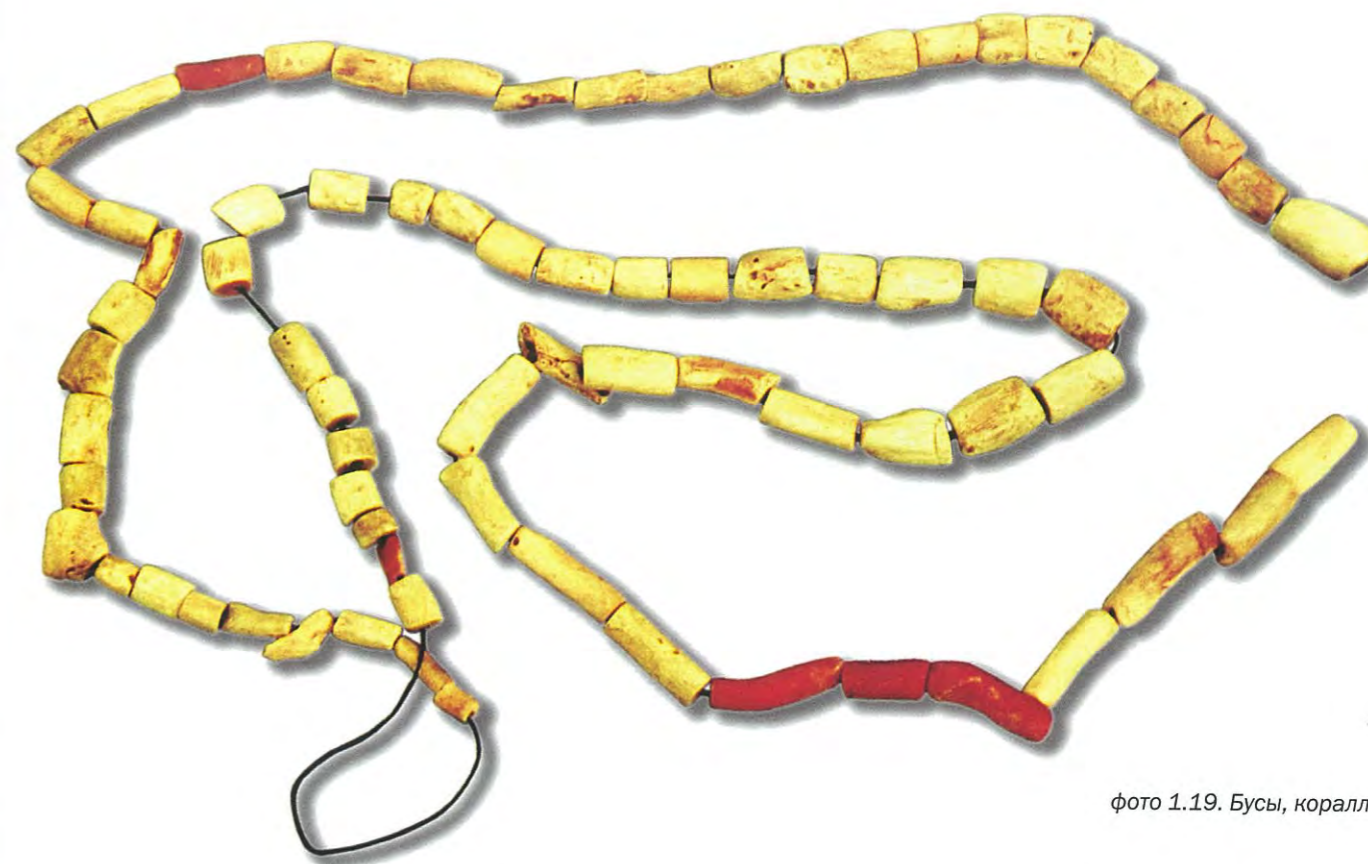

фото 1.19. Бусы, коралл

фото 1.20. Бусы из сердолика, хрусталя, гагата, каури

фото 1.21. Бусы из стекла и стеклопасты

фото 1.22. Положение бронзовых пряжек в погр. 8

фото 1.23. Ярко выраженная кольцевая деформация черепа. Погребение 29

фото 1.24. Положение «нагубной» бронзовой пластины. Погребение 34

фото 1.25. Геммы

фото 1.26. Бронзовые амулеты «козлики»

фото 1.27. Керамические сосуды из погребений. №1–погребение 94; №2–погребение 5; №3–погребение 7; №4–погребение 10; №5–погребение 9а; №6–погребение 9; №7,9–погребение 8; №8–погребение 6; №10–погребение 6; №11–погребение 12; №12–погребение 16; №13,14, 15, 16–находки вне погребений

фото 1.28. Находки из разных погребений, расчищенных в 2004 г. №4–погребение 16; №5–7: погребение 4; №8–11: погребение 6; №12–17: погребение 7; №18–22: погребение 9; №23–26: погребение 11; №27–32: погребение 12; №33–34: погребение 1; №35: погребение 18; №36–38: погребение 17

фото 1.29. Детское погребение 95

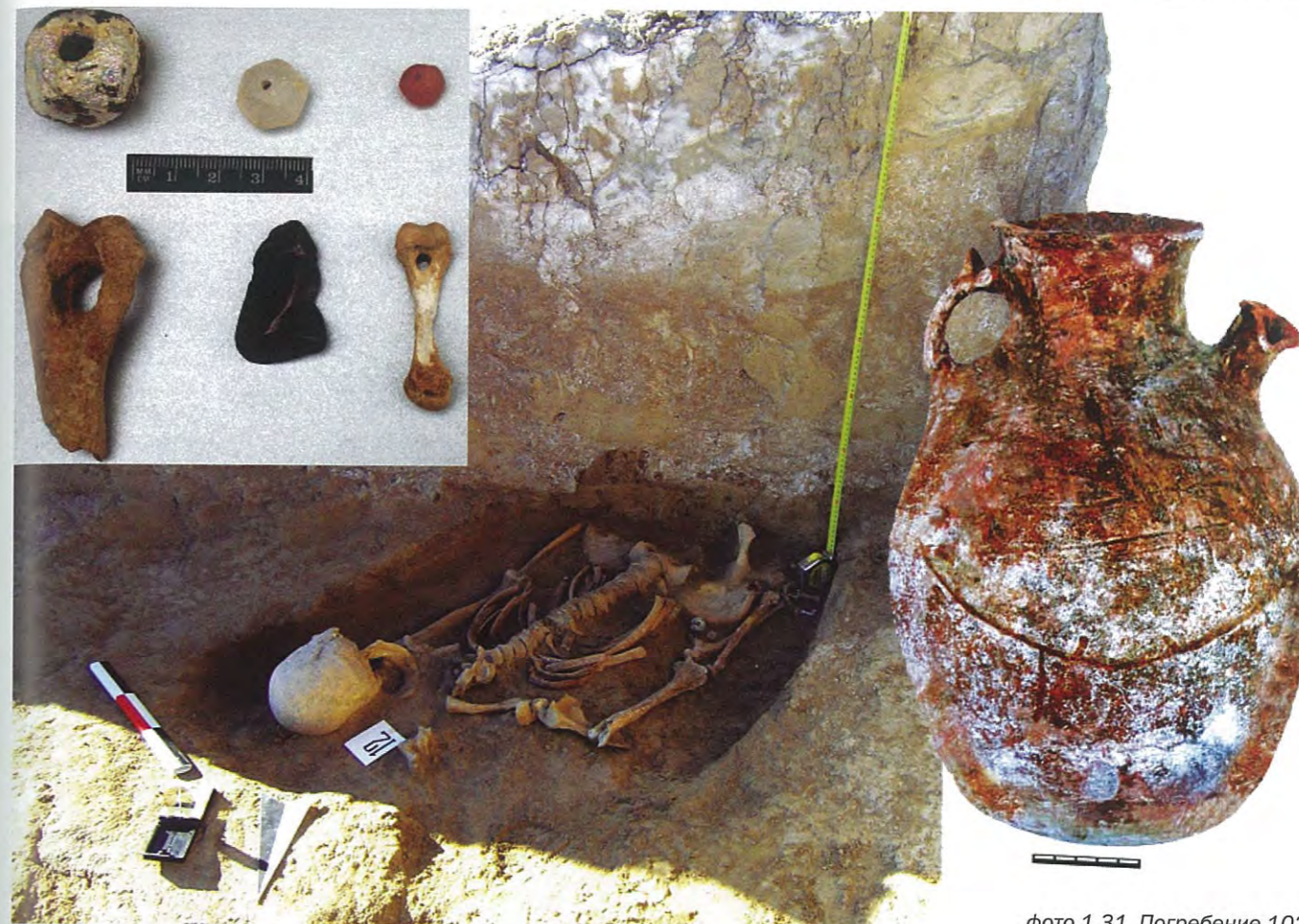

фото 1.31. Погребение 102

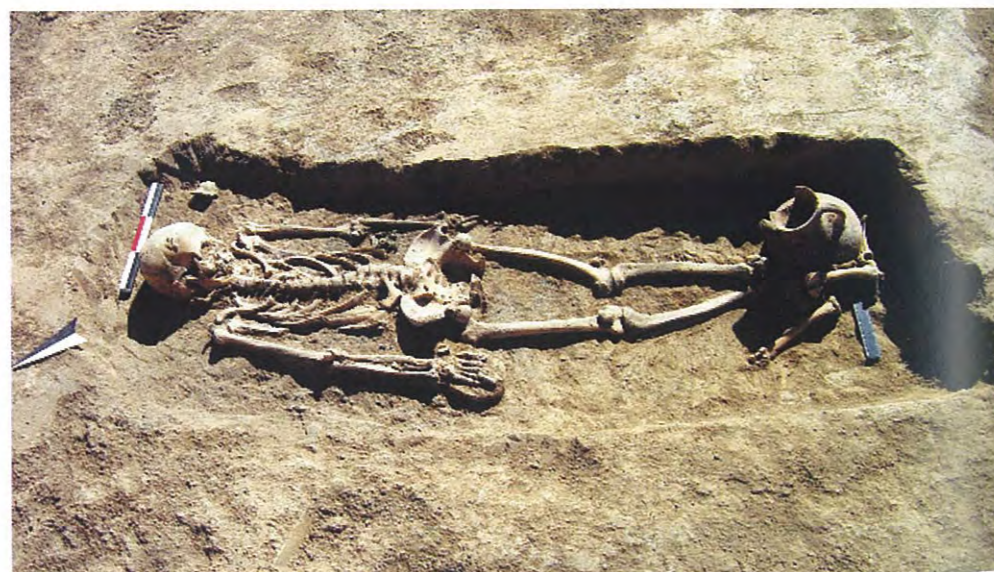

фото 1.30. Погребение 99

фото 1.32. Погребение 106

Фотографии к главе 2

фото 2.1. Общий вид на могильник Чоон-Капка I

фото 2.2. Вид на полуразмытую катакомбу могильника Чоон-Капка I

фото 2.3. Золотые украшения из катакомбы №11

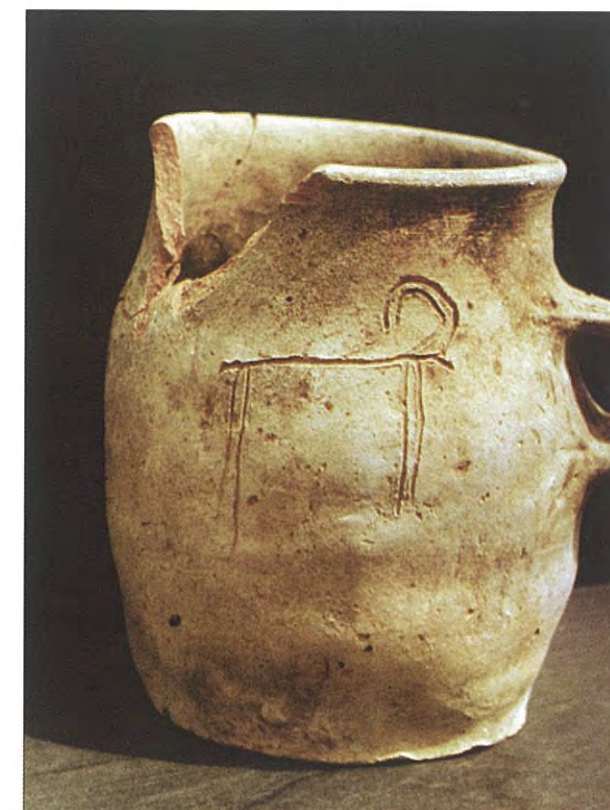

фото 2.4. Кружка из катакомбы №6 с прочерченным изображением козлика

фото 2.5. Находки из катакомбы №2

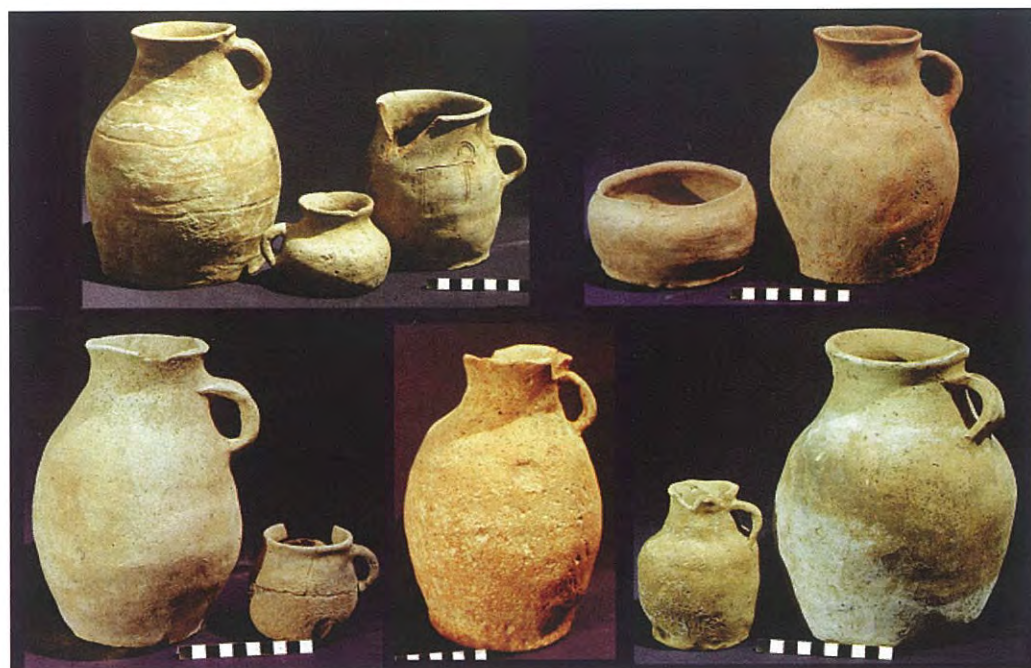

фото 2.6. Керамика из катакомб могильника Чоон-Капка

фото 2.7. Вид сверху на катакомбу 9

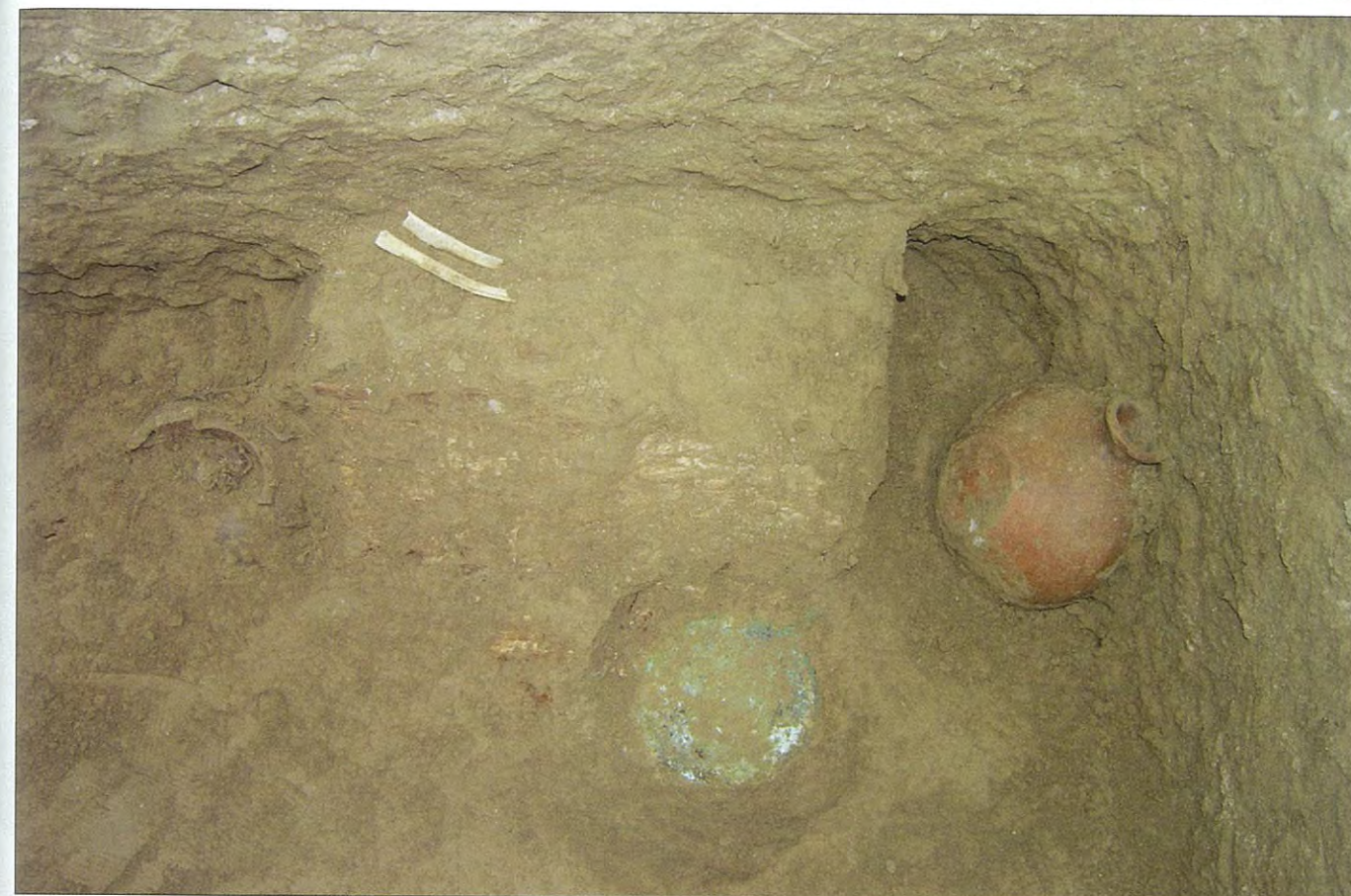

фото 2.8. Расчистка дромоса кургана 2 (катакомба 9)

фото 2.9. Погребальный инвентарь из кургана 2 (катакомба 9)

Фотографии к главе 3

фото 3.1. Аэрофото Борижарского могильника

фото 3.2. Вид на склеп 74 с юга

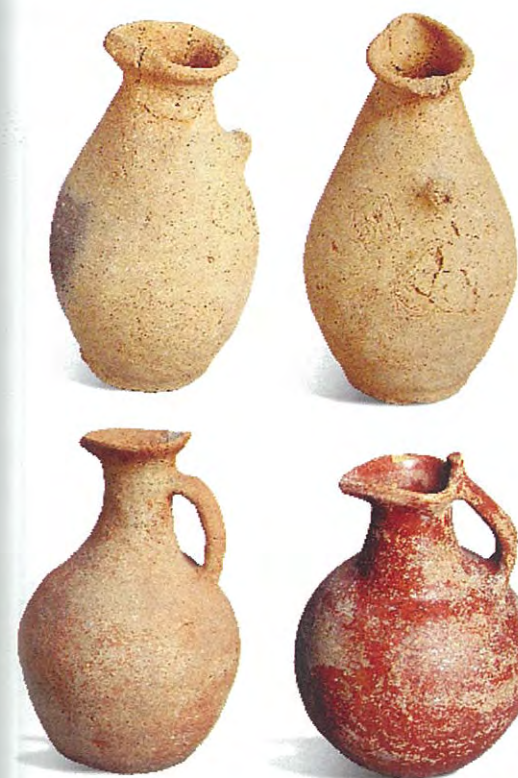

фото 3.3. Керамические сосуды из склепов 13, 19, 20

фото 3.4. Украшения из склепов 11, 13, 22

фото 3.5. Серебряные детали пояса из склепа 12

фото 3.6. Ожерелья бус из склепа 40 и 49 Борижарского могильника

фото 3.7. Кружки из разных склепов

фото 3.8. Железные пряжки, наконечники стрел и ножи из склепов Борижарского могильника

фото 3.9. Бронзовый наборный пояс из склепа 44

фото 3.10. Вид на склеп 65 с юго-запада

фото 3.11. Внутренний вид камеры 2 склепа 65

фото 3.12. Керамические сосуды из склепа 65

фото 3.13. Золотые и серебряные украшения из склепов 50, 65, 72, 76

фото 3.14. Украшения из склепов 73, 74

фото 3.16. Бронзовая монета из склепа 73

фото 3.15. Вид на склеп 73 с юга

фото 3.17. Пол камеры склепа 75

фото 3.19. Наконечники стрел и ножи из разных склепов

фото 3.18. Альчики из склепа 74

фото 3.20. Сурьматаши из разных склепов

фото 3.21. Общий вид холма склепа
в могильника Сидак. Начало работ

фото 3.22. Вид на склеп 6 могильника Сидак с юго-запада

фото 3.24. Захоронение костей в хуме. Случайная находка, городище Шымкент

фото 3.23. Железные изделия из склепа 6 могильника Сидак

Abstract*

The study of necropolises dated back to the epoch of Kangju (end of the VI c.) and the Early Middle Ages (VI–VIII cc.) is the subject of this monograph. They are located in the Southern Kazakhstan region and refer to the Otrar — Ķaratauculture, which was peculiar to the territory of the middle course of the Syr-Darya river (Otrar, Turkestan and Yanykurgan oases), depressions of the Arys and Talass rivers, Karatau piedmonts. During the Early Middle Ages the land of Kangju Tarban well-known from the ancient Turkic runic monuments was located in the middle course of the Syr-Daryariver, which was the “western borderland of the Eastern Turkic kaganate” and as we believe historical successor of Kangju.

Archaeological monuments of the Southern Kazakhstan have been the subject of investigation for more than one hundred thirty years. As far back as the last century orientalist P.I. Lerh has published the results of the study of the town of Dzhankent (Yangikent), and described the towns of Dzhend, Sygnak, Sauran attracting scholars' attention to the antiquities of the vast region. Since then the archaeological and historical information of the region has been continuously enriched. Diverse archaeological database has been recorded during many years of the fieldwork carried out here by the archaeological expeditions, allowing to raise and solve many ethnographic and cultural problems of the region. The results of the study of the ancient and the Middle Ages burial monuments make a significant part of this database. So far the results are not integrated, and the data is scattered in a numerous monographs and articles. The purpose of this publication is to integrate to some extent the results of the excavations carried out by the authors at the necropolises of a number of Medieval cities and settlements in the Talass, Arys and Syr-Darya river basins.

The first reconnaissance work carried out for the purpose of investigation of necropolises in the most explored Otrar oasis showed that most of the necropolises existing early in the development of settlements and cities of the oasis have been destroyed during the

subsequent intensive land reclamation. Nevertheless, a number of necropolises have been recorded and partially studied. Among them first of all: a necropolis of the town of Kok — Mardan on the left bank of the lower course of the Arys river. Burial complexes in the artificial clay platforms have been studied here during a number of field seasons. Another burial mound of Kyr-kesken is located in the ancient sand-dune to the north from Timur railway station. A few eroded graves have been accurately excavated here, but identification of the shape of the sepulchres experienced a failure, though the accompanying artefacts allowed to refer the excavated graves to the middle of the I millennium AD. The early Muslim necropolis with the cob brick coffins lying at the bottom of the grave pit has been studied in the surroundings of the town of Kujruktobe in the Otrar oasis. Burial constructions in the form of artificial platforms have been dug in the Taltakai gorge to the north from the town of Zhalspaktobe, and to the West from the town of Mardan — Kuik (Konyrtobe), in which cob brick coffins and just grave pits have been found. Chapter 1 of this publication gives the description of the results of the digs, funeral artefacts, reconstruction of funeral constructions and funeral rites.

Excavation of Konyrtobe 1 burial platform allowed to detect more than 130 graves in it implemented in simple rectangular grave pits, pits with cob brick coffins, and in pottery vessels. In most of the cases the skeleton is lying on its back (with various positions of the hands), but sometimes the skeleton is in a huddled up position lying sideways (more often without artefacts). The buried was put in a grave in its clothes, with all the typical attributes and usual set of decorations. The face was most likely covered with a special scarf, which was obviously sometimes sewed on with copper mouth plaques.

Sometimes a bunch of amulets was put on the buried body. Probably they were put in special bags made of cloth and mainly typical of the female graves. The body was wrapped in a mat (or felt?) a thin layer of grey — black decay of which is usually traced on the floor of the crypt.

A pottery vessel is usually put (rarely two, as a rule a jug and a mug) by the body's head (or at the foot), and

*Перевод З.М.Смагуловой

a leg (haunch or foreleg with shoulder) or a side (ribs) of a sheep is found near the vessel. In some cases small pieces of wood coal are detected at the bottom of the grave pit. Sometimes the corpse is sprinkled with coal.

A coffin made of the cob bricks (cyst) apparently was covered with the cob bricks. We failed to establish the pattern of covering as in all the cases it is found in a collapsed state, but there is good reason to believe that like in the later periods, it was the so-called "false arch" or the arch made of sloping bricks put on the edge.

Thus archeologically recorded part of the funeral rite and funeral constructions is being roughly reconstructed. On the whole each separate and interrelated details of this funeral complex (construction, rite, artefact) are well-known and typical of the wide range of the monuments usually related to the Sarmatians, Uisuns, Kushans, Kangjuans. Probably the only unusual phenomenon is that these graves were made in specially built clay (processed clay called "pakhsa") platform.

The genesis of this tradition (pit, shaft-and-chamber, catacomb in an artificial platform) on the land of Central Asia may be hypothetically related to one of the migration waves of the "Sarmatian" tribes, which took place in the period from the end of the I millennium BC to the I century AD. Early tradition to use burial mound for their tribal necropolises was indeed typical of the Prokhorov age Sarmatians (Alans). The new archaeological data is the evidence of the significant role of Asso-Uisun, Sarmatian, Yuechzhi and Hun tribes in the rapid development of ethnic, political, cultural and historical processes and events, which engulfed Central Asia in this period, directly involving the inhabitants of the Syr-Darya river oases. Probably the genesis of the settled culture in the region of the middle course of the Syr-Darya river and particularly in the Southern Kazakhstan is related to one of the migration waves. Obtaining more specific chronological, ethnic and cultural information of this process is the matter of the future studies. Meanwhile we should note that comparative studies show that similarity of the funeral traditions and sets of artefacts in the regions of the Southern Urals and the Syr-Darya river basins start to become apparent in the middle of the Sarmatian period.

Investigation of this type of the burial monuments in the lower course of the Arys river provides additional data for making comparative analysis of the inter-regional relationships in Central Asia. For example it is known that the tradition of graves in the artificial platform still prevails in the traditional culture of the descendants of the inhabitants of the ancient Sogdian cities. Ethnographical records witness to the preserv-

ation of this tradition by the inhabitants of the cities located in the Zeravshan river basin, descendants of the ancient settled people of the region. The experts note that it is peculiar mainly to the "noble families of secular and ecclesiastical aristocracy" and does not widely prevail in all the places. The necropolis of Shejbanides in Samarkand made in a special platform—sufa is one of the established necropolises. Originally it represented a cob platform of the rectangular plan. Local people called it also "dakhma". Later according to some information, Mohammed Shejbanihan himself ordered to face this sufa with plates and put some inscriptions on them, according to another—it happened even later under Mikhr-Sultan-Khonum. Mohammed Shejbanihan and dozens of representatives of this dynasty then have been buried in it. At present "Shejbanid's sufa" is an elevated platform, faced with polished stone plates and grey stone bars. There are a number of grave stones on this elevated ground.

Based on the multiple evidence of mass migration of the people from the banks of the Syr-Darya river to the Sogd area in the period from the first century BC through the first century AD, we may make a hypothesis of the genetic succession of the late Middle Ages tradition of "graves in sufas" and in early "burial platforms" such as Kokmardan—Konyrtobe and under the so-called Sarmatian "barrows—burial mounds".

The results of the excavations of catacomb burial mounds in the depression of the Talass (Choonkapka I and Karabura) and Arys (Borizhary) rivers are presented in the second chapter of the publication.

The Borizhary burial mound is located in the flood-lands of the Kara-bura river, left tributary of the Talass river, on the slope of one of the flattened terraces of Chatkal mountain ridge. The burial mound was partially destroyed during erection of a fill dam on the Kara-bura river.

The Choon-Kapka burial mound is located on the eastern slope of the rock mountain range, which is opposite the entry to the gorge under the same name. Its foot is washed by the Talass river in the Northeast, and the Kara-bura stream, tributary of the Talass river—in the Northwest. A well-known medieval town of Sadyr-Kurgan identified as the centre of the Middle Ages territory of Sheldzhi is located upstream and lower to the terraced depression of the Talass river.

In the second half of 70s a powerful dam has been erected in the Choon-Kapka gorge and the narrow depression of the Talass river was flooded with water of water-retaining structure. All the archaeological monuments of this part of the depression were covered with water, particularly the town of Sadyr-Kurgan.

Annual water fill up and discharge for the purposes of irrigation of the lands of the lower course of the Talass river, accompanied with regular significant fluctuation of water level has an erosive impact on the mountain slopes that results in partial destruction of the burial mound making easier to find it. The total area of the slope, which could have been used under the burial mound, makes approximately 4000 sq. m, the lowermost part of the slope, about one quarter of the area, is exposed to intensive water erosion. Catacomb graves have been detected right here. We give the description of 35 catacombs of the Choonkapka 1 burial mound (out of 46 excavated), four catacombs of the Karabura burial mound and nine catacombs of the Borizhary burial mound and the distinguishing features of the major general database breakdown.

All excavated funeral constructions are identical. They are catacombs of "Kenkol type". Catacombs consist of two basic constructive parts: a long dromos and a funeral chamber most likely with vaulted roof. In none of the cases dromos is in full shape. According to the data received we may conclude, that dromoses were rather long. Sometimes the preserved sections have a length of 5–8 m. The floor of the dromos is horizontal, the width at the bottom is 0,5–0,9 m. expanding towards the funeral chamber. The walls had a small incline expanding upwards. Upon cutting the dromos into a loess slope to the depth of up to 3 meters or more, they made an entrance in the shape of a narrow manhole at the bottom of the end wall and beyond they cut out the funeral chamber.

The long axis of the funeral chamber is perpendicular to the axes of the dromos. In a plane it usually has a shape of an elongated oval or rectangular with rounded corners. The roof was obviously of "the vaulted" shape, of which we may judge by the incline of the chamber walls if they preserved at a sufficient height. The dimensions of the funeral chamber vary depending on the number of the people buried. Entrance to the chamber also has various parameters, but approximately of the following dimensions: height—0,8–0,9 m, width—0,5–0,65 m.

With the funeral rite completed the entrance to the dromos was blocked with the large flat stone plates. The dromos was apparently covered with earlier excavated earth. There were found no traces of wood or roof decay on the floor of the dromoses.

Burial construction's orientation was determined by the topographical properties, i.e. by the orientation of the natural slope in which graves were made. As the slope faced the east naturally the catacomb dromoses were oriented in the same direction. So they were made in the shape of a narrow trench from East to West. The

elongated axis of the funeral chamber is perpendicular to the direction of the dromos, i.e. from North to South. In most of the cases the buried has the head pointing to the South. In one case (catacomb №10) two skeletons have their heads in the opposite directions. In catacombs №18, 23, 29 there are skeletons pointing to the North.

The dromos is usually in the eastern side of the funeral chamber. There are exceptional cases, when the entrance to the funeral chamber is made in the southern part of the eastern wall of the chamber (catacomb №5), in which the southern wall of the chamber was as it were continuation of the southern wall of the dromos.

In the rest of the cases the structure of the catacomb is of rather standard pattern. Only dimensions of the chamber, dromos and entrance—manhole connecting them varied. The floor in the dromos and in the funeral chamber is usually at the same level. But sometimes the floor of the chamber is 20–30 cm lower than the floor of dromos and there is a small footstep at the entrance.

Topographical conditions (lay-out of catacombs on the slope) do not allow detecting presence of any constructions over the burial catacombs. However on top of the slope where the surface is a little bit flattened, ring lines made of fragmentary stones are visible. Probably, catacombs located down the slope were also formerly marked with such ring lines and small burial mounds.

There is a great number of graves in catacombs under the earth mounds, mounds made of the earth and crushed stone, earth and stones in the depression of the Talass river and in total they run to several hundreds. For the first time they have been studied by G.Gejkel as early as 1898, and later I.Kozhombardiev recorded and studied a few more burial mounds.

All catacomb graves have a standard construction of the mound and sepulchre made in the form of catacomb and dromos, located perpendicularly or in rare cases angularly to the long axis of the catacomb. The traced length of the dromos ranges from 2 up to 8 m., the entrance to the catacomb is closed by the stone plates, wooden blocks, cob bricks. Thus by the type of catacomb structure the Choon-Kapka 1 and Karabura 1 burial mounds are included into the list of necropolises located most Northwest in the mountainous region of Talass depression.

Among the funeral artefacts of the excavated catacombs there are elements, which may serve as the basis for dating funeral complexes.

Gold polychromatic moon shaped temple decorations (kolty) with granules are widely spread from Tien Shan

up to Danube. A great variety of them originated from Ketmen-tobe of Talass valley. Chronology of such temple decorations (kolty) as well as of all the products of polychromatic style as a whole remains debatable. The majority of researchers refer them to the IV–VI centuries. Though A.K.Ambroz dates them back to the V–VII centuries.

Of great interest are the beads especially those, which can be used to reconstruct the chronology. For instance, the beads decorated with “eyes and eyelashes” are dated back to the II–IV centuries by the researchers, and the pendants in the shape of a moon made of yellow-green glass are dated back to the III century. Thus grave 1 can be dated back to the III–V centuries. As to the artefacts from other graves judging by metal belt plaque from catacomb 3, which is similar to the artefacts of Borizhar burial mound and of Karayakup cultures, they can be dated back to the III–VII centuries. Judging by the pottery ware the grave 4 can also be dated back to this age. The torque with the dragon’s heads and other different animals at the ends similar to the torque from catacomb 1 of Choon-kapka burial mound as well as other things decorated with granules and incrustation are often found in the complexes of the IV–V centuries.

The coins found in the catacomb №10 can help to date Choon-kapka burial mound, a part of which have already been investigated. The copper coin was minted by Vasudev, one of the last Kushan rulers. The ruler in front of the fire altar is depicted on its Av., and the goddess Visha (Shiva) near the sacred bull is on its Rv. The reign of Vasudev depending on “the initial date of Kanishka” falls at the period from the II century (142–176) up to the IV century (342–376).

The silver coin was minted by Hormizd II (302–309), Sasanid ruler. The portrait of the ruler in a crown with wings is visible on the right side of its Av.. Above the head there is partially preserved inscription which says: « mzdy [sn bgy] ‘whrmzdy ML [K’n] MLK [’... » — “Mister Hormizd, ruler of the rulers worshipping Mazde, ... “. By its typological attributes this coin is out of all proportions typical of the well-known coinage of Hormizd II that is consistent with the V.G.Lukonin’s observation of heterogeneity of style and manner of depicting images on the coins of this Sasanid ruler.

Thus dating of the coins may witness to the fact that they could be used as pendants in one necklace most likely in the second half of the IV century or at the beginning of the V century AD. In addition the joint find of these coins in the closed archaeological complex may serve as indirect argument for the late dating of the initial date of the “Kanishka epoch”.

Choonkapka and Kara-bura burial mounds as it was already mentioned above refer to the group of catacomb burial mounds. Found in the Talass region for the first time, later they have been detected in the vast territory from Central Tien Shan up to the Syr-Darya river. Initially determined as of Hun period, or “reflecting the stage of assimilation of Huns with local population”, they have been dated back to the period from the middle of the I century BC to the first half of the II century AD. Sorokin S.S. considered the monuments to be of local origin of the II–IV centuries. AD N.G.Gorbunova refers the Kenkol graves to the IV–V centuries AD, not earlier. J.A.Zadneprovsky following Bernshtam A.N. believed that the catacomb monuments were brought to Central Asia particularly to Fergana by the newcomers.

Recently the scholars are debating about rightfulness of definition of independent notion of “Kenkol culture” in the science. They also point out the succession of some elements of Kenkol culture and traditional culture of Kirghiz people, as well as make conclusion that the bearers of the Kenkol culture have come to Tien Shan from the eastern regions of Central Asia and probably they are the native speakers of the Turkic languages.

There is also another opinion, that catacomb burial mounds of the Talass, Chatkal, Ketmen-tobe belong to the tribes of Kaunchin culture, whose settlements were mainly located in the area of the middle course of the Syr-Darya river and Tashkent oasis. In L.M. Levina’ opinion the depression of the higher course of the Talass river, Chatkal and Ketmen-tobe has been occupied in the I–V centuries by one of the versions of Kaunchin culture. Probably in the life of the people of these regions cattle breeding played a big role as there were not found any settled villages in the region. At the same time according to her the Otrar-Karatau culture was inherent to the region of the lower course of the Talass river, which is known from the artefacts found in the settlements. The major area of Otrar-Karatau culture was Otrar oasis, the northern and southern slopes of Karatau mountains. The conclusions made by the researcher are based on the study of the pottery ware.

In this connection, in our opinion, it is more appropriate to speak not of the different, though very close cultures (Kaunchin, Kenkol, Otrar-Karatau and Zhetyasar), but of one and the same culture and its local versions. Probably, it would be fair to call it the Syr-Darya culture and in our judgement to relate it ethnopolitically to Kangju and the Kangju people, in ethnogeny of which the important role was played initially by Sarmatians and Huns, and then Sogdians and the Turks. The Sogdians played a significant role in the regions where Kaunchin version of culture prevailed

and the Turks—in the regions of Otrar-Karatau and Zhetyasar versions of the Syr-Darya culture.

Summary description of the funeral constructions in the shape of surface crypts at the necropolises of the Early Medieval cities and settlements of the Southern Kazakhstan is given in the third chapter. For the first time this type of constructions has been recorded by Ostroumov N.P., the former representative of the Russian archaeological commission in Turkestan Territory. As early as 1893 he had excavated a few funeral constructions at the Borizhar burial mound, which according to the description turned out to be the surface constructions made of the cob bricks with rectangular funeral chamber inside.

Critical reinterpretation of the data received earlier at Zhuantobe necropolis (a part of Borizhar burial mound), and of the method used during the digs has brought us to the conclusion, that the constructions excavated under the barrows defined as “clay walled graves”, or just “on platforms” in essence are the remains of one and the same type of funeral constructions i.e. surface crypts.

This type of funeral constructions in the region of Southern Kazakhstan has been investigated earlier at the necropolis of the Early Middle Ages town of Shaga in Turkestan territory and continue to be a subject of study at the necropolis of the Sidak town in the surroundings of the city of Turkestan. But now owing to systematic investigations carried out at Borizhar burial mound this monument is the most investigated in the region of Central Asia. During all years of work there have been excavated about eighty surface crypts of different state of preservation. Nevertheless, investigation of this type of funeral constructions still faces a lot of problems. If the upper boundary of their existence does not raise any serious doubts (practice of construction of crypts from our point of view vanishes with the process of introduction of Islam to the settled and urban inhabitants of the region in the VIII–IX centuries), the time of their emergence (the lower boundary) and origin still remains to be open questions. As we believe it is rather difficult to date for certain the lower chronological boundary, or the time of emergence of crypts by the artefacts usually found inside the funeral chambers because the crypts served their purposes for rather long time. The things of the earlier periods were never preserved in the crypts, they “were renewed” with every new buried. Neglected decayed crypts in “peaceful environment” contained nothing because the articles together with mortal remains were either reburied in some other places, or otherwise destroyed. Discontinuation of wide use of crypts for the funeral purposes under the Islam pressure and by no means in peaceful environment of

the Syr-Darya river oases as we presume refers to the second quarter of the VIII century. Therefore all more or less rich complexes of finds from the crypts contain the articles widely used in the VII–VIII centuries.

The surface crypts were for sure not the only type of funeral constructions in the region, but we may assume, that they were the leading in number and the most widespread type of funeral constructions in the V–VIII centuries AD; and the funeral rite related to it prevailed in the environment of the urban people and settled farmers of the Southern Kazakhstan.

The available database allows to make a hypothesis, that the crypts were neither final burial place, nor permanent place of storage of the bones. I.e. they were actually funeral constructions for a certain perhaps most important phase of the funeral rite in the people’s perception.

This hypothesis is based on our awareness we had during excavation of similar crypts that they embody not the final stage of the funeral rite, but only the intermediate one. By rather extended in the time span funeral rite which consists of the certain ritual actions, these constructions most of all conform to the functions of the Zoroastrian dakhm, these are the constructions for the display of the corpses. Apparently there is a big difference in the treatment of the bone remains by Iranian and Indian Zoroastrians of the New Age and treatment of bones that can be reconstructed here. Probably, after the flesh is fully decayed on a day determined by the tradition (before Nauryz?), the bone remains were put in the usual pottery vessels, special ossuaries, or were just wrapped in a cloth and buried in a specially allotted place (“reinterment”). A part of small bones could remain in the crypt. Prior to this the bones could be kept in heaps for some time inside the crypt to vacate a place for the next corpses. Upon burial of all the bone remains (in fact it must have happened very rarely), the crypt has been emptied for the following members of this family and tribal group. The crypt was if necessary repaired, renovated and thus, in peaceful time without large social upheaval, it could serve to several generations during several centuries. The traces of these final “reinterment” found usually accidentally are wrongly interpreted as an independent type of “burials in pottery vessels or ossuaries”.

Another essential conclusion of our analysis is that the major types of funeral constructions of Borizhar necropolis (and of those similar to it) are “surface crypts” and “catacombs under barrows”. And the chronological order of these two types is recorded in the whole region of the middle course of the Syr-Darya river: catacombs are dated back to the period from the first centuries BC

to the IV century AD, and the crypts — to the IV–VIII centuries. We can obviously make a conclusion of changing of the leading types of burial constructions together with changing of the funeral ceremonies inherent to them. It would be more appropriate to interpret chronological change of the forms of funeral constructions as the change of the ideological views and if it happened within rather a short period of time then it could be caused by dissemination of the powerful layer of culture of the newcomers. Most probably there was a period of coexistence of these two types of funeral rites during the IV–V centuries with subsequent “replacement” of catacombs. This archeologically recorded fact probably is related to those social upheavals of the III–IV centuries, which took place in the zone of expansion of Zhetyasar culture and across the middle course of the Syr-Darya river. Anyhow, the database available on the crypts of the middle course of the Syr-Darya river area is not an evidence of the long-term local evolution characterised by natural search of the architectural shape of the construction (there are no intermediate shapes). Probably, the architectural shape (in two options — rectangular and round in plane) of the surface crypts of the region of the middle course of the Syr-Darya river (Chach, Kendzhide, Otrar, Shavgar) came here already in the developed shape and had genetic background from Kurums of the mountainous regions and Zhetyasar crypts.

All the funeral complexes analysed and described in this publication are located on the land of Kangju, the most ancient state in the territory of Kazakhstan. The major data on this state is in the ancient Chinese historical chronicles. According to them it is known, that Kangju, bordering with Uisun was located to the West from Semirechje in the region of the Syr-Darya river. This location of Kangju became the reason for rather diffused opinion in the scientific literature of coincidence between the major territory of Kangju tribes and the areas between the Talass river and the lower course of the Chu river in the east, the Tashkent oasis in the south, the region of the lower course of the Syr-Darya river in the north. Researchers of Kangju proceed also from the assumption of identity of Kangju/Kantsjui with Kangha of Avesta.

The Chinese authors write that Kangju is a large state inhabited by nomad tribes but having cities too. The power of Kangju ruler reached northern coast of Caspian Sea where there was the land of Yantsay dependent on him. The Yan tribe of the Urals forest land rendered

tribute to Kangju with furs in the north. Except for the major land of Kangju the lands of five “small rulers”: Suxie, Fumu, Yueni, Qi, Yueqian were placed under the authority of “the great ruler” of the state.

S.P. Tolstov, following the Chinese historical and geographical tradition of Tan time identifies them accordingly as the Keshem in Kashka-Darya, Kushaniya in Zeravshan, Shash, Bukhara and Khorasm (Urgench). On the basis of the results of the archaeological research in the Southern Kazakhstan A.N. Bernshtam proposed different location of five “small holdings” of Kangju: Yueni in the Tashkent oasis; Sousse in the middle course of the Syr – Darya and Arys rivers, and the northern Karatau piedmonts; Fumu in the area northwest from the Yany-Kurgan up to Kazalinsk; Gi in the region of the lower course of the Syr-Darya river; Yueqian in Khorasm. Neither opinion can be assumed quite grounded, however the general contours of the Kangju empire occupying the northern lands of Central Asia between the two rivers can obviously be outlined.

Data analysis, the description of which is given in this publication, shows that the culture of Kangju was included as a component of the culture of the Early Middle Ages and Medieval kaganates of Turgesh, Karluk, Oguz, Kipchak, and the tribes, which formed the Kangju have played an important role in the ethnogeny of Turkic speaking people of Eurasia and Kazakhstan. And obviously not only the similarity of pronunciation and the spelling of ethnonyms of Kangju, Kangary, Kangly, Kanly living in the antiquity and in the Middle Ages unites them, but also succession of the great autochthon population of Kazakhstan.

Over many centuries in the material culture of the settled and nomadic peoples of the region of the Syr-Darya river we may trace the identical traditions of house building (lay-out and interior), pottery making, as well as similarity of symbols on the pottery utensils, pottery ware related to the cults of fire, horse, ram, camel, plants. Their origin goes back to the epoch of Kangju and they existed up to the XIX — beginning of the XX century, still prevailing in the culture of Kazakhs. And even the Mongolian invasion, during which Kazakhstan cities and prairie have suffered a lot, didn't discontinue the traditions of Kangju.

Asian and European history of Kangju, Kangar and Kypchak peoples settled in the region of the Syr-Darya river and Southern Kazakhstan attaches a great role to these regions in the history of Eurasia.

Список принятых сокращений

- АКД — Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук.
 АО — «Археологические открытия». М.
 АРТ — «Археологические работы в Таджикистане». Сталинабад, Душ.
 АСГЭ — «Археологический сборник Государственного Эрмитажа». Л.
 ВДИ — «Вестник древней истории». М.
 ГИМ — Государственный исторический музей. М.
 ИВ АН СССР — Институт востоковедения АН СССР.
 ИИАЭ АН Турк.ССР — Институт истории, археологии и этнографии АН ТССР. Ашхабад.
 ИМКУ — «История материальной культуры Узбекистана». Ташкент.
 ИООН — «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР». Сталинабад, Душанбе.
 КСИА — «Краткие сообщения Института археологии АН СССР». М., Л.
 КСИИМК — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры». М. — Л.
 МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР». М. — Л.
 МКТ — «Материальная культура Таджикистана». Душ.
 МТЭ — «Материалы Тохаристанской экспедиции», Ташкент.
 ПАВ — «Петербургский археологический вестник», СПб.
 РА — «Российская археология», М.
 СА — «Советская археология». М. — Л.
 САИ — «Свод археологических источников». М. — Л.
 СГАИМК — «Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры». М., Л.
 СГЭ — «Сообщения Государственного Эрмитажа». Л.
 СНВ — «Страны и народы Востока». М. — Л.
 СЭ — «Советская этнография», М.
 ТГЭ — «Труды Государственного Эрмитажа». Л.
 ТИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз.ССР. Алма-Ата.
 ТОВГЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л.
 ТХАЭЭ — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции». М.
 УЗПГУ — «Ученые записки Пермского государственного Университета», Пермь.
 УСА — «Успехи среднеазиатской археологии». Л.
 ЦАКЭ — «Центральная Азия в кушанскую эпоху». М.
 ЭВ — «Эпиграфика Востока». М. — Л.

Список использованной литературы и архивных материалов:

- Абетеков А.К. Ранние кочевники Тянь-Шаня и их культурные связи с кушанской империей//Центральная Азия в кашанскую эпоху. Т. 2, М., 1975.
- Абрамова М.П. Большой Буйнакский курган//Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977.
- Абрамова Н.П. Подкумский могильник. М., 1987.
- Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года//Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 1, Алма-Ата, 1956.
- Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана//Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 5, Алма-Ата, 1958. С. 33–215.
- Агеева Е.И., Пацевич Г.И. О работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года//Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. 1, Алма-Ата, 1956. С. 33–60.
- Агзамходжаев Г. Тюябугузские наусы//ИМКУ, №3, Ташкент, 1962.
- Агзамходжаев Т. Погребальные сооружения Чирчик-Ангренской долины I–VIII вв. н.э. АКД, 1966.
- Агзамходжаев Т. Подземные каменные наусы около г. Ангрен//ИМКУ, вып. 2, 1966. С. 104–111.
- Ажигали С.Е. Архитектура кочевников: феномен истории и культуры Евразии. Алматы, 2002. 252 с.
- Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата, 1983.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII–XV вв. Алма-Ата, 1982.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Свод археологических источников. М., 1982.
- Алексеева Е.М. Классификация античных бус//Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Алимов К.А., Богомоллов Г.И. К вопросу об этнокультурных связях кочевников Бухары и Чача//ИМКУ, вып. 31, Самарканд, 2000. С. 164–177.
- Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
- Анарбаев А.А., Матбабаев Б.Х. Раннесредневековый городской некрополь ферганцев//ИМКУ, №29, Самарканд, 1998. С. 77–95.
- Арсланова Ф.Х. Курганы с усами Восточного Казахстана//Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975.
- Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Западном Казахстане//Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969.
- Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.
- Археологические исследования на северных склонах Каратау//Труды ИИАЭ АН КазССР, Т. 14, Алма-Ата, 1956.
- Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
- Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- Ахунбабаева Н. Каменные украшения из Фархад-строга//Культура Среднего Востока: изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990. С. 28–35.
- Байпаков К.М. Могильник Борижары//Свод памятников истории и культуры. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994.
- Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.
- Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы, 1998.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А. и др. Работы Южно-Казахстанской археологической экспедиции//Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения—15». Алматы, 2004. С. 169–193;
- Байпаков К.М., Воякин Д.А. Исследование комплекса Талтакай//Известия МОиН РК, НАН РК, сер. общ. наук, 1, 2003.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А., Ержигитова А.А., Савельева Т.В., Шарденова З.Ж., Ахатов Г.А., Шербаев Р.К. Работы Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции//Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической

- ской конференции «Маргулановские чтения—15». Алматы, 2004. С. 169–193.
- Байпаков К.М., Грищенко А.Н., Кожа М., Нурписов М.М. Работы Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции в долинах рек Сырдарья и Арыси//Известия МОиН РК, НАН РК, сер. общественных наук, 1, 2000. С. 224–229.
- Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата, 1989.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Новые данные по археологии Отрарского оазиса//Известия АН КазССР, серия общ. наук, №6, 1990. С. 20–27.
- Баруздин, Брыкина Археологические памятники Баткена и Ляйлакана. Фрунзе, 1962.
- Баталов С.Г., Усманова Э.Р. Памятники II в. до н.э.—I в. н.э. в Урало-Казахстанских степях//Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.
- Бейсебаев А., Нурмуханбетов Б. Некрополь городища Кок-мардан//Археологические исследования в Казахстане. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения—14», Шымкент-Алматы. 2002. С. 104–110.
- Беленицкий А.Н. Раскопки древнего Пенджикента в 1961 г.//АРТ, в. IX, Душанбе, 1964. С. 64–69;
- Берлизов Н.Е. К предыстории сложения Аланского союза V–XIII вв.//XVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Майкоп, 1992. С. 86–87.
- Берлизов Н.И., Каминский В.Н. Аланы, Кангюй и Давань//ПАВ, вып. 7, СПб, 1993. С. 94–111.
- Бернштам А.Н. Кенкольский могильник.—Л., 1940.
- Бернштам А.Н. Городище Садыр-курган//Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1863. С. 115–123.
- Бижанов Е., Мамбетуллаев М. Раскопки некрополя Ток-калы в 1968 г.//Антропология и культура Кердера. Ташкент, 1972. С. 43–62.
- Богданова Н.А. Могильник первых веков н.э. у с. Заветное//Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989.
- Богомоллов Г.И. О погребальной обрядности раннесредневекового Чача//Верования и культы доисламской Средней Азии: Тез. конф.—М.: Гос. музей Востока, 1997. С. 8–10.
- Богомоллов Г.И. Развитие погребальных сооружений раннесредневекового Чача//История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент, 2005. С. 187–196.
- Борисов А.Я. О значении слова наус//ТОВЭ, Т.Ш.—Л., 1940. С. 301–311.
- Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л., 1968. С. 29
- Брей У. Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990.
- Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г. Железные наконечники стрел из Ферганы//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- Буряков Ю.Ф. Бассейн Среднего Яксарта в древности и раннем средневековье//Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Ташкент, 1987. С. 32–37.
- Буряков Ю.Ф. Пскентские наусы//СА, 3, 1968. С. 131–136.
- Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э.—VIII в. н.э. М., 1999.
- Гмыря Л.Б. Паласа-сыртский могильник (по материалам 1981–1983 гг.)//Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
- Горбунова Н.Г. Бронзовые зеркала Кургайско-Карабулакской культуры Ферганы//Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990.
- Горбунова Н.Г. Древний ферганский косметический прибор//Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 178–183.
- Горбунова Н.Г. О вооружении среднеазиатских скотоводов//РА, 4, 2000. С. 40–50.
- Горбунова Н.Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тыс. до н.э.—пер.пол. I тыс. н.э.)//СА, 3, 1991.
- Горбунова Н. Г. Раскопки курганов в Ферганской области//УСА, 3, Л., 1975. С. 29–32.
- Горбунова Н.Г. Сарматы и скотоводы Средней Азии (состояние проблемы соотношения культур)//Археологические культуры Евразии и проблемы их интерпретации. Краткие тез. докладов. СПб., 1991. С. 18–21.
- Городище Топрак-кала (раскопки 1965–1975 гг.)//Труды ХАЭЭ, Т. XII, М., 1981.
- Горячева В.Д. Наусы некрополя Краснореченского городища//Красная речка и Бурана. Фрунзе, 1989. С. 85–95.
- Грач А. Древние кочевники в Центральной Азии...
- Григорьев Г.В. Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент под г. Самаркандом//ВДИ, 2, 1939.
- Грицина А.А., Алимов К. Каунчинские печати//ИМКУ, 20, 1986.
- Грицина А.А., Усманова Е.Л. Изучение могильника XII—начала XIII в. на городище Культепа//ИМКУ, вып. 26, Ташкент, 1992. С. 195.

- Гудкова А.В. Новые материалы по погребальному обряду VII–VIII вв. в Кердере (Северный Хорезм)// История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник)—памятник хунну Забайкалья. Л., 1985.
- Деопик В.Б. Классификация бус Северного Кавказа IV–V вв.//СА, 3, 1959.
- Добжанский В.И. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.
- Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.
- Дресвянская Г.Я. Типы захоронений курганного могильника у к. Актам (Псентский район)//Материалы по археологии Средней Азии. Сб. научных трудов ТашГУ. Ташкент, 1983, №707. С. 24–38.
- Ержигитова А.А. Раскопки Борижарского могильника//Маргулановские чтения. Труды научно-практической конференции. Шымкент–Алматы, 2002. С. 122–125.
- Ержигитова А.А., Смагулов Е.А. Погребальные сооружения некрополя городища Сидак//Известия МОН, НАН РК, сер. обществен. наук, 1, 2004.
- Ершов С.А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе Байрам-Али (1954–1956 гг.)//Труды ИИАЭ АН ТуркССР, Т. 5, Ашхабад, 1959.
- Завитухина М.П. Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае//АСГЭ, в. 8, Л.—М., 1966.
- Завьялов В. Костяные предметы туалета из памятников Средней Азии кушанского и посткушанского времени//КСИА, в. 209.
- Заднепровский Ю.А. К проблеме этнической принадлежности катакомбных памятников Средней Азии//ПАВ, в.8, СПб, 1994. С. 114–117.
- Заднепровский Ю.А. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н.э.—V в. н.э.//СНВ, в.10, М., 1971. С. 27–34.
- Заднепровский Ю.А. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н.э.—VI в. н.э.)//Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1978. С. 159–167.
- Заднепровский Ю.А. Проблемы Кенкола. В сб.: Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1983.
- Засецкая И.П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV–V вв. н.э.)//История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 70–84.
- Иванов Г. П. Кувайсайский могильник VII–VIII вв. в Ферганской области//СА, 3, 1991. С. 262–266.
- Иомудский Караш-хан оглы Н.Н. Из народных преданий туркмен. О родословной туркмен-иомудов.//Бартольд В.В. Ташкент, 1927.
- История Киргизской ССР. Фрунзе, 1984, Т. 1.
- Ишериков П.В. Аланский могильник близ г. Стерлитамака//КСИИМК, в. 47, 1952.
- Иштван Федор. К вопросу о погребальном обряде древних венгров//Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 168–175.
- Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на р. Нуре//В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
- Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана//Труды ИИАЭ АН КазССР, Т. 7, 1959.
- Казаков Е.П. О назначении погребальных лицевых покрывал Танкеевского могильника//Ученые записки ПГУ, №191, Пермь, 1968.
- Каферов Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. В.2, Нальчик, 1985. С. 135–166.
- Ковалевская В.Б. Башкирия и евразийские степи IV–IX вв. (по материалам поясных наборов)//Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
- Ковалевская В.Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1979.
- Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С. 163.
- Кожембердиев И.К., Худяков Ю.Г. Комплекс вооружения кенкольского воина//Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987.
- Кожембердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины//Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе. 1961. С. 33–78.
- Кожембердиев И. Культура ранних кочевников западного Тянь-Шаня (по материалам курганных могильников VI в. до н.э.—VII в. н.э. долины Кетмень-Тюбе). Л., 1986.
- Кожемяко П.И. Оседлые поселения Таласской долины//Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1863. С. 145–224.
- Кой-Крылган-кала—памятник культуры древнего Хорезма IVв. до н.э.—IVн.э.//Труды ХАЭЭ, Т. V, М., 1967. С. 151–154.
- Корякова Л.Н. Могильник сарматской культуры у с. Коряковка//СА, 2, 1979.
- Косяненко В.М. К вопросу о роли бронзовых колокольчиков в погребальном обряде//XVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Майкоп, 1992. С. 62–64.

- Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн. 2. М., 1991.
- Кызласов И.Л. Булавки древних хакасов//Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977.
- Лебедева Т.И. Здание близ Кафыркалы под Самаркандом—замок или дахма?//ИМКУ, вып. 30, Самарканд, 1999. С. 152–165.
- Левина Л.М. Джетыясарская культура. Могильники Алтынасар 4. Часть 3–4. Москва, 1994.
- Левина Л.М. Джетыясарские культура. Склепы//Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. М., 1993.
- Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э.//Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва, 1971.
- Левина Л.М. Памятники джетыясарской культуры в свете этнической истории Средней Азии (сер. I тыс. до н.э.—VIII в. н.э.)//Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана.—М., 1990.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э.—I тысячелетие н.э. М., 1996.
- Левина Л.М., Никитин А.Б. Иранские резные камни из восточного Приаралья//Культуры Востока: проблемы и памятники. Краткие тезисы докладов. СПб, 1992. С. 68.
- Левина Л.М., Никитин А.Б. Об одной группе иранских резных камней из восточного Приаралья//ВДИ, 4, 1991. С. 52–65.
- Литвинский А.Б., Седов А.В. Тепай-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
- Литвинский Б.А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы//СА, 1967, 2. С. 29–37.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
- Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). М., 1978.
- Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел//СА, 2, 1965.
- Литвинский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Могильник Астана//Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.
- Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969.
- Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1972.
- Максимова А.Г. Гробницы типа науса у с. Чага (Шага)//В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
- Максимова А.Н., Мершиев М.С., Вайнберг И.Б., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
- Мамбетуллаев М., Турманов Ж., Юсупов О. Исследования на городище Токкала//Археологические исследования в Узбекистане, 2001. Самарканд, 2002. С. 96–101.
- Мандельштам А.М. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных//Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I, М., 1974. С. 191–192.
- Маргулан А.Х. и др. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Массон М.Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.
- Матбабаев Б.Х. Доисламские традиции в религии Ферганы (по археологическим данным)//Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Материалы международной конференции. Бишкек, 2003. С. 83–94.
- Матбабаев Б.Х. Одиночные погребения могильника Мунчактепа (К вопросу изучения погребальных сооружений Северной Ферганы втор. пол.—сер. I тыс. н.э.)//ИМКУ, №27, Самарканд, 1997. С. 61–76.
- Мейгарчиан М. Погребальные обряды зороастрийцев. М.—СПб., 2001.
- Мершиев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар тобе I–IV вв. и захоронение на нем воина IV–V вв.//По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, Наука, 1970.
- Минасянц В.С. Оссуарии Ташкента и Ташкентской области, история комплектования коллекции. Их иконография и символика//Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990. С. 71–85.
- Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры//Археология СССР. Свод археологических источников М. 1963.
- Мошкова М.Г. Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на нижнем Дону//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Муминов А.К. Кокандская версия исламизации Туркестана//Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003.
- Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К. Раскопки Куркатских склепов//КСИА, 154, М., 1978. С. 89–94.
- Нурмуханбетов Б. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника//По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 108–120.

- Нурмуханбетов Б. Катакомбы Борижарского могильника//Древности Казахстана. Алма-Ата. 1975. С. 112–113.
- Нурмуханбетов Б. Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана//Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 162–174.
- Нурмуханбетов Б. Работы Борижарского отряда//Археологические открытия. М., 1972. С. 502–503.
- Нурмуханбетов Б. Работы курганного отряда//Археологические открытия 1974 года. М., 1975. С. 492–493.
- Нурмуханбетов Б.Н. Исследования могильника Кок-Мардан//АО 1979 года. М., 1988.
- Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Кыркескен//АО, 1976. М., 1977. С. 519–520.
- Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Мардан—погребальный памятник ранних земледельцев Отрарского оазиса//Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.
- Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Мардан//КСИА, 154, 1978. С. 99–103.
- Нурмуханбетов Б.Н. Некоторые черты раннего ислама в средней и нижней Арыси//Известия НАН РК, сер. общ. наук, вып. 5, 1974.
- Нурмуханбетов Б.Н. Раскопки некрополя Кок-Мардан//АО 1977 года. М., 1978. С. 517.
- Нурмуханбетов Б.Н., Бурнашева Р.З. Погребение с монетами из могильника Мардан (Отрарский оазис)//Известия АН КазССР, сер. общ. наук, 5, 1979.
- Нурмуханбетов Б.Н., Кажяков Д.А. Новый тип погребального сооружения в Южном Казахстане (I тыс. н.э.)//Известия МН АН РК, 1, 1997. С. 29–34.
- Обельченко О.В. Захоронение костей в хумах и оссуариях в восточной части бухарского оазиса//ИМКУ, в.1, Ташкент, 1959. С. 94–108.
- Обельченко О.В. Культура античного Согда. М., 1992. С. 163.
- Обельченко О.В. Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе//Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1, М., 1974.
- Обельченко О.В. Могильник Акджартепе//МКУ, вып. 3, Ташкент, 1962.
- Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991.
- Остроумов Н.П. Археологическая поездка в с. Мамаевку Чимкентского уезда//Протоколы ТКЛА, год IV, 1899.
- Павчинская Л.В. Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник. АКД.—Самарканд, 1990, 16 с.
- Павчинская Л.В., Ростовцев О.М. Оссуарии из Сарытепе//ИМКУ, вып. 22, Ташкент, 1988. С. 91–101.
- Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки. Л., 1983.
- Пацевич Г.И. Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасе//Известия АН КазССР, сер. арх. Алма-Ата, 1948. Вып. 2. С. 98–104.
- Пашкова В.И., Резников Б.Д. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов, 1978, 270 с.
- Петренко В.Г. К вопросу об употреблении булавок скифами в VI–IV вв. до н.э.//КСИА, 142, М., 1975. С. 53–57.
- Плотников Ю.А. Наконечники стрел из могильника Кызыл-Ту//Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
- Погребова Н.Н. Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя скифского//История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
- Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в до н.э.—VI в. н.э. Автореферат дисс. на соиск. ученой степени доктора исторических наук. Алматы, 1999.
- Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана. IV в. до н. э.—VI в. н. э. Туркестан. 2000, 202 с.
- Поляков С.П., Черемных А.И. Погребальные сооружения населения долины Зеравшана//Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.
- Поляков С.П., Черемных А.Н. Погребальные сооружения населения долины Зеравшана//Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.
- Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989.
- Пугаченкова Г. А. Материалы по восточной глиптике//Труды САГУ, в. СХI, Ташкент, 1957.
- Пугаченкова Г.А. Предметы иностранного импорта на среднеазиатских трассах Великого Шелкового Пути//На среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути. Ташкент, 1990.
- Пугаченкова Г. А. Резные камни античной поры в Музее истории Узбекистана//Научные труды ТашГУ, новая серия, вып. 200, «Археология Средней Азии», Ташкент, 1990.
- Пятышева Н.В. Ювелирные украшения Херсонеса (конец IV в до н.э.—IV в н.э.). М., 1956.
- Рапорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма//ТХАЭЭ, Т. VI, М., 1971. С. 89–118;
- Рапорт Ю. А., Трудновская С.А. Курганы на возвышенности Чаш-тепе//Труды ХАЭЭ, Т. XI, М., 1979.
- Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.

- Ремпель Л.И. Некрополь древнего Тараза//КСИ-ИМК, 69. 1957. С. 102–110.
- Ртвеладзе Э. Могильник кушанского времени у Ялангуштепе//СА, 2, 1983.
- Ртвеладзе Э. Погребально-культурные сооружения Кампыртепа//МТЭ.—Вып. 2, Ташкент, 2001. С. 65–94.
- Ртвеладзе Э.В. Погребальные сооружения и обряд в Северном Тохаристане//Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989. С. 53–72.
- Руссеев Н.Д. Бусы из могильника Молога I//Памятники римского и средневекового времени в северо-западном Причерноморье. Киев, 1982.
- Рысбергенова К.К. Древние топонимы по маршруту «Великого Шёлкового Пути»//Шёлковый Путь и Казахстан. Алматы, 1999. С. 142–144.
- Савинов Д.Г. Памятники енисейских киргизов на Горном Алтае//Вопросы истории Горного Алтая. Вып. 1, Горно-Алтайск, 1979.
- Савкевич С.С., Шакс И.А. К вопросу о возможности использования МК-спектров янтаря для определения его происхождения в археологических объектах//СА, 1, 1970. С. 264–267.
- Сарианиди В.А. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989.
- Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994.
- Семенов Г.А. История археологического изучения Ак-Бешима//Суяб. Ак-Бешим. СПб, 2002.
- Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
- Смагулов Е.А. Амулетные наборы из погребений некрополя городища Коньртобе в Отрарском оазисе//ИМКУ, вып. 32, 2001. С. 90–100.
- Смагулов Е.А. Арабское нашествие в Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников//Мобилизованный археологией. Астана, 2004.
- Смагулов Е.А. Арысская археологическая культура: миф и реальность//Известия НАН РК, сер. обществ. наук, 1, 2004. С. 284–300.
- Смагулов Е.А. Геммы из Отрарского оазиса//Маргулановские чтения (тезисы). Петропавловск, 1992. С. 105–107.
- Смагулов Е.А. К реконструкции погребального обряда Южного Казахстана раннесредневековой эпохи//Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения—15». Алматы, 2004. С. 40–55.
- Смагулов Е.А. Катакомбный могильник Чоон-капка I в долине р. Талас//ИМКУ, вып. 34, Самарканд, 2004. С. 93–109.
- Смагулов Е.А. Новое в ранней истории некрополя г. Туркестан//Известия МН АН РК, сер. обществ. наук, №1, 1998. С. 18–25.
- Смагулов Е.А. Павленко Ю. Гунны на пути в Европу//Вопросы археологии Казахстана, вып. 2, М.—Алматы, 1998. С. 142–151.
- Смагулов Е.А. Продолжение исследования на некрополе Коньртобе I//Известия НАН РК, сер.общ. наук, в.1, 2005. С. 72–88.
- Смагулов Е.А., Туякбаев М. Ясы—Туркестан—Шавгар: археологические данные к исторической идентификации//Известия МН АН РК, сер. общ. наук, 1997, №1.
- Смирнов К.Ф. Сарматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
- Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника//КСИИМК, 65, 1956.
- Средняя Азия в раннем средневековье. Археология. М., 1999.
- Ставиский Б.Я., Большаков О.Г., Мончадская Е.А. Пянджикентский некрополь//МИА, №37, «Труды таджикской археологической экспедиции». Т. 2. М.—Л.: Наука, 1953. С. 64–98.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР, М., 1981.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшеб. Самарканд—Ташкент, 2000.
- Сулейманов Р.Х. Из истории культуры Бухарского оазиса в древности и средневековье//Культура древнебухарского оазиса III–VI вв. Ташкент, 1983.
- Тереножкин А.И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале//Известия УзФАН СССР, вып. 9, 1940.
- Толстов С.П. Города гузов (историко-этнографические этюды)//СЭ, №3, 1947.
- Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1962.
- Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945–1949 гг.). М., 1953. С. 375.
- Труды Семиреченской археологической экспедиции. Материалы и исследования по археологии СССР. Чуйская долин. М.—Л., №14, 1950.
- Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше//Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 157–161.

Филанович М.И. Две находки из Шаштепа в Ташкенте//ИМКУ, в. 20, Ташкент, 1986. С. 31–40.

Филанович М.И. К вопросу о путях движения ранних номадов (Чач и Согд на пути кочевников в Бактрию)//Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций: Материалы междунар. конф. СПб., 1999.

Филанович М.И. По поводу оссуарного обряда погребения в Ташкенте//Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент: Фан, 1990. С. 85–96.

Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели//Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 142–148.

Худяков Ю.С. Коллекция железных наконечников стрел из Тункинской долины в фондах Иркутского музея//По следам древних культур Забайкалья.—Новосибирск: Наука, 1983.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник//МИА, №60. Памятники Нижнего Поволжья. Т. 1, М., 1959.

Шульга П.И. Архитектура и семантика погребально-поминальных комплексов Пазарыкской культуры//Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. кн. 2, СПб., 2003. С. 191–193.

Рапопорт Ю.А. К истории религии Хорезма//СЭ, 4, 1962. С. 81–89.

Ягодин В.Н., Ходжаев Т. Некрополь древнего Миздихкана. Ташкент, 1970.

Яценко С.А. Наборы амулетов среди атрибутов одной из групп знатных сармато-аланок европейских степей сер. I—сер. II вв. н.э.//Вещь в контексте культуры. Материалы научной конференции. СПб., 1994. С. 85–86.

***
Baipakov K.M., Smagulov E.A., Tur M.F. Archeological exavation in the Talass valley//Information bulletin Integration association for the study of cultures of Central Asia. Issue 21. Moscow, 1998. P. 98–111;

Grenet F. Les pratiques funeraires dans Lasie Centrale sedentaire de la conquete greque a l'islamisation. Paris: Editions CNRS, 1984, P. 229–230.

Heikel H. Alttertumer aus dem Tale des in Turkestan. Helsinki, 1918.

***
Агеева Г.И., Пацевич Е.И. Работа Южно-Казахстанской археологической экспедиции в 1951 году. Архив отдела археологии ИИАЭ, инв. № 79, фонд №11, дело 221, св. 15.

Бернштам А.Н. Отрарский оазис в раннем средневековье (отчет о работах Южно-Казахстанской экспедиции за 1949 г.). Отдел археологии ИИАЭ. Архив, инв. №17, дело 165, св. 12.

Грищенко А.Н. Отчет об археологических раскопках городища Жуантобе и Борижарского могильника Бугунского района Чимкентской области в 1989 г. Чимкент, 1990. Архив ИА.

Нурмуханбетов Б.Н. Некрополи Отрарского оазиса и катакомбы Борижарского могильника (отчет о работе 1971–1975 гг.). Рукопись. Архив ИА, инв. №925, ф. 11,2, 1406. — Алма-Ата, 1975.

Смагулов Е.А. и др. Отчет по итогам археологических исследований городища Сидак в 2004 г. Рукопись, Алматы, 2005, Архив ИА.

Отчет об археологических раскопках городища Жуантобе и Борижарского могильника Ордабасинского района Южно-Казахстанской области, проведенных Арыским отрядом Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции в мае—июле 1998 года. Шымкент, 1999, Архив Института археологии им А.Х.Маргулана МОН РК.

Содержание

Введение.....	7
Глава I. Некрополи Отрарского оазиса	11
1.1. Могильник городища Коныртобе	12
1.2. Некрополь Талтакай.....	39
1.3. Находки из некрополя Коныртобе I	41
1.4. К реконструкции погребального сооружения и обряда.....	63
Глава II. Раскопки катакомбных могильников в долинах рек Талас и Арысь...70	
2.1. Могильник Чоон Капка I	71
2.2. Могильник Кара-Бура	85
2.3. Могильник Борижары.....	88
Глава III. Наземные склепы	97
3.1. Склепы некрополя Жуантобе	98
3.2. Склепы некрополя городища Сидак	129
3.3. Склепы некрополя городища Шага.....	133
3.4. К реконструкции погребального обряда	139
Глава IV. Кангюй и кангюйская проблема	149
Заключение	168
Түйін.....	170
Abstract	209
Список принятых сокращений.....	215
Список использованной литературы и архивных материалов	216

К. М. Байпаков
Е. А. Смагулов
А. А. Ержигитова

Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана
Научное издание

Руководитель проекта К. М. Байпаков
Перевод на английский язык—З. М. Смагулова
Перевод на казахский язык—А. И. Бейсебаев

К. М. Байпаков
Е. А. Смагулов
А. А. Ержигитова

Оңтүстік Қазақстанның ерте ортағасырдағы зираттық ескерткіштері
Ғылыми басылым

Жобаның жетекшісі К. М. Байпаков
Ағылшын тіліне аударған З. М. Смагулова
Қазақ тіліне аударған А. И. Бейсебаев

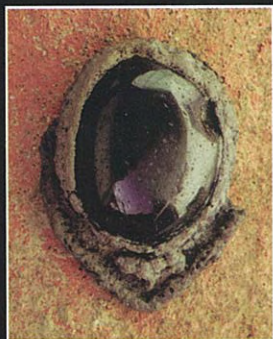
К. М. Байпаков
Е. А. Смагулов
А. А. Ержигитова

Early Medieval Burial Sites of South Kazakhstan
Scientific publication

Project Manager К. М. Байпаков
Translation into English by Z. M. Smagulova
Translation into Kazakh by A. I. Beisebayev

Издательство «БАУР»
Технический редактор Д. К. Тынбаев
Дизайн А. В. Соловьев, Д. Б. Иманалиев
Верстка А. А. Сейдахмет
Корректор Л. М. Халиуллина
Казахстан, 050000, Алматы, ул. Шарипова, д. 32, оф. 47
Тел./факс (3272) 331202
E-mail: bau_r_im@mail.ru
Формат 60x90 1/8 Печать офсетная.
Тираж 500 экз.
Типография "IntellService"
г. Алматы, ул. Масанчи, д. 23

BAUR
б а у р

ISBN 9965-9703-7-8

9 789965 970375